

Арина
Кузнецова

Душанса

НА СОМНЕНИЯ

Когда расстояние отдаляет не только в километрах, а исчезают та самая искра, которая соединяет влюбленных. Когда страсть уступила место привычке. Когда мир вокруг стал казаться пресным и безвкусным, судьба решила испытать меня на прочность. В мою унылую действительность вихрем ворвался "невозможный" мужчина. Причем невозможный, во всех отношениях, который чем-то похож на теплый ветер. Пронзительный, нежный, с туманящим мозги, легким запахом грейпфрутовой горечи, от которого мое сердце сходит с ума. Тот, кому хочется добровольно сдаться в уютный плен.

Ни шанса на сомнения
Арина Кузнецова

Глава 1

Покусывая ноготь на большом пальце, задумчиво смотрю в серое утро сквозь кухонное окно. Когда все так изменилось, что даже нахождение рядом с еще недавно любимым и дорогим человеком вызывает неприязнь на физическом уровне? Ведь не вчера же? Нет... конечно. Все изменилось уже давно, я просто, как страус прятала голову в песок... и ждала непонятно чего, в надежде, что все как-нибудь наладится. Наладилось...ага...

Решительно развернувшись, я подхватила со стола, на котором одиноко стыла чашка с кофе, телефон и выровняв дыхание набрала сестру. На том конце трубки послышалась невнятная возня.

— Привет, ты где? — уточнила у Вали без лишних реверансов.

— Дома! Где ей еще быть? — прозвучал в ответ слегка недовольный мужской голос. Макс. Прервала я вас, голубки? Мои губы сами собой сложились в улыбку. Потерпите пару минут, я быстро...

Было время, когда и мы с Лешей не могли оторваться друг от друга. Заводились с пол оборота. Стоило только прикоснуться...Теперь кажется, что это происходило в другой жизни. И не со мной.

Не завидуй! — приказываю сама себе. Сестра заслужила счастье...Макс смог снова заставить ее улыбаться и жить на полную катушку. Но видеть их счастливыми, мне грустно...потому что ничего подобного у меня давно уже нет. Мысли мои устремлены к мужчине, который чем-то похож на теплый ветер. Пронзительный, нежный, с туманящим мозги, легким запахом грейпфрутовой горечи, от которого мое сердце сходит с ума. Тот, кому хочется добровольно сдаться в уютный плен.

И если сначала я не знала, как справиться со своим взбесившимся телом и чувством вины перед Алексеем, металась будто заяц, пойманный в свет фар на дороге. То теперь решение расстаться, выглядело единственно возможным, учитывая все обстоятельства. Пришло время поставить точку. Только взять на себя инициативу — мне все равно трудно, даже не смотря на наличие, как выяснилось вчера, у самого Алексея любовницы. Я слишком привыкла быть некофликтной. Сглаживать острые углы. Обходить проблемные места.

Но когда ошибки достигают критической массы — наступает коллапс.

— Привет Макс, — немного теряюсь от неожиданности. — А что голос такой недовольный? Не проснулся еще?

— Как раз потому что проснулся, — слышится хмурая интонация.

— Нам с Валею пошептаться нужно, отвлекись от нее ненадолго.

— Привет! У аппарата, — звенит Валин счастливый голосок.

— Ты еще не съехала с квартиры?

— Нет, собираюсь на следующей неделе.

— Валечка, можно я у тебя поживу? — подлизываюсь елейным тоном

— А...а что случилось-то, Вик? — просаживается ее голос.

— Я ухожу от Алексея.

— В смысле уходишь? — растерянно переспрашивает.

— В прямом. Мы расстаемся.

Звук в динамике пропал на долю секунды и вновь появился. Послышался щелчок закрывшейся двери. Я поняла, что сестра куда-то отошла, чтобы можно было поговорить без

посторонних. Хотя, какой теперь Макс посторонний?.. Все равно ведь узнает. Но мне не хотелось, чтобы он стал свидетелем нашего разговора.

— Да что там у вас происходит?! Ты в порядке?

— Валь, именно потому что давно ничего не происходит, я и ухожу.

— Поругались, да?

— Ну типа того...

— Ой, Вик... что-то ты темнишь... Ну-ка, давай рассказывай! — и в ответ на мое сердитое сопение, тараторит поспешно. — Ты же знаешь, что всегда, слышишь, всегда можешь на меня рассчитывать...если нужно зарыть труп или там растворить тело кислотой...ты только скажи...

— Совсем что ли? — мое отражение в стекле, даже улыбнулось. — Я не настолько кровожадная...

— Ты импульсивная... Может не стоит пороть горячку?

— Ну какая горячка, Валь?! Наши отношения вызрели, как коньяк и испарились от неправильного хранения... Все. Я устала. Надоело. Разлюбила. Выбирай, что нравится. Не постой-топустишь?

— Конечно...

— А можешь еще поговорить с хозяйкой, чтобы вместо тебя мне квартиру сдала? Скажи, что я платежеспособная. Чистоплотная. Без бурной личной жизни.

— Вик, она же только на длительный срок сдает... — потерянно шепчет.

— Вот и хорошо! Мне так и нужно!

— Ты уверена? — недоверчиво уточняет. — Может вам с Алексеем в отпуск вместе съездить? Встряхнуться? Море, солнышко, песочек...романтика

— Да я только из отпуска! Встряхнулась по самое не балуйся! — я сорвалась на крик, но взяла себя в руки. — Валь... поговоришь с хозяйкой? Не хочу к родителям переезжать. Сама знаешь, мама мне всю плешь проест. А я, кстати, очень дорожу своей шевелюрой! Шампунь вот дорогий без сульфатов и парабенов купила...волосы, как у Рапунцель решила отпускать.

— Эко тебя понесло! Все так хреново?

— Все...сложно.

— Ой-ой-ой...как мрачно звучит! Ты там совсем раскисла что ли?

— Не дожدهшься! — фыркнула я и прислушалась к себе.

Там, где-то очень глубоко, предательски попискивало: ты ведь и не расстроена практически. Надеешься, да? Потому что втрескалась по уши в другого. А вдруг ты ждешь большего, чем он на самом деле может. Серьезных чувств. Решительных действий. А если нет? Как любовник он замечательный: внимательный, чуткий, щедрый. Ну, а дальше-то что? Семья, дети, совместная старость. Seriously? Не много ли ты, девочка, хочешь?!

— Поговоришь? — жалобно канючу, нервно накручивая волосы на палец.

— Поговорю!

— Сегодня, Валь! Я хочу, сегодня переехать. Свиридов завтра возвращается, и мне нужна своя норка...

— Ого! — присвистывает. — Ну ты, мать, шустра! Натворила чего? Давай, колись!

— Ну как тебе сказать...Накачала губы. Наростила сиськи. Татуировку с черепом набила...

— Ты бы еще гименопластику сделала! — фыркнула Валька.

— Это совет?

— Нет, блин, руководство к действию!

— Валь, поможете мне вещи перевезти? Я конечно и сама могу, но, мне тогда несколько ходок придется на Мухе делать... ты ж знаешь, какая я барахольщица.

— Куда от тебя денешься... — пробубнила сестра после паузы. — Вик, ты уверена, что правильно делаешь?

— Я уверена в себе! — разозлилась я. — Давай, еще и ты, начни меня уму-разуму учить!

— Бешеная!

— Валь, ну не обижайся, — мне сразу стало как-то стыдно — только на сестру еще не хватало орать. — Ты же знаешь, что я тебя люблю... Ну прости меня, дуру!

— Иди в жопу! — буркнула она. — Я тебе когда-нибудь нос откушу! Жди нас!

С Алексеем мы учились в одном университете, только Свиридов был уже на четвертом, когда я поступила. Он сразу мне понравился: голубоглазый блондин с лицом арийского аристократа. Нагловатый и самоуверенный, с улыбкой от которой, как мне казалось, таяли все девичьи сердца. Почти семестр мы общались игривыми взглядами и еле заметными улыбочками. А потом случайно пересеклись на вечеринке в клубе.

Кто-то из приятельниц подцепил симпатичного парня, который предложил присоединиться нашей девчачьей компаний к его мужской. Когда университетский улыбальщик, оказался на диване напротив меня, мое сердце выдало радостный кульбит. Но я, сделав над собой усилие лишь мазнула по нему взглядом, и сосредоточила внимание на его товарище, в то время, как девчонки, кокетливо заливались смехом над его шутками.

И да, Свиридов — когда был в этом заинтересован — мог быть невероятно обаятельным. Милый подхалим: цветочек, пироженка в красивой коробочке, смешная безделушка, все это казалось таким романтичным и волнующим... Как тут устоишь? Неделя, другая — и я пала жертвой его чар... Мы всем объявили, что не просто состоим «в отношениях», а серьезно встречаемся.

Но была у Алексея и другая сторона, не то чтобы тайная, но глубинная... Оказалось, что он бывает упрям, заносчив и капризен, потому что считает себя лучше и умнее других. А еще всегда правым!

И чем больше сползал с наших отношений магический флер романтики, тем сильнее прорисовывался в Алексее, как говорила Валя, нагибатор. Из тех, для кого существуют только два мнения: его и неправильное. Если сначала он предлагал и просил, то со временем только настаивал и требовал. А если я не соглашалась, все заканчивалось демонстративным молчанием. И уже не имело значения, кто прав, для него главным было добиться своего.

Последние пол-года мы жили на два города, из-за его работы. Расстояние отдалило нас не только в километрах, куда-то исчезли теплые чувства, говорящие взгляды, потребность в тактильном ощущении друг друга. Та самая искра, которая соединяет влюбленных. За пять лет совместной жизни страсть уступила место привычке, а временами безразличию и раздражению. Мы ссорились и мирились, дважды подавали заявление в загс и даже расходились. Но переламывая себя и прощая обиды снова сходились...

Удобно вместе? Удобно... Есть желание что-то поменять? Наверное, да... Ну так делай, тогда что-нибудь, тряпка! — нет-нет, да и пробегали в моей голове мятежные мысли. Но я боялась разрушить устоявшуюся жизнь. В целом-то, все у нас было неплохо. Как у всех пар, долго живущих вместе. Не хуже и не лучше.

И каждый раз проблесками надежды на светлое будущее были пара недель после

возвращения Алексея из командировок. Счастливая, вполне супружеская жизнь. Без ссор, обид, и взаимных претензий. Со мной был тот Алексей, в которого я без памяти и беззаветно влюбилась. Который наматывал на палец прядь моих волос, рассказывал что-нибудь забавное. Мы обнявшись валялись на кровати, или ходили гулять, он страстно целовал, шептал милые непристойности и делал маленькие приятные подарочки.

А потом в нем снова проявлялся нагибатор, с желанием навязывать свои истины.

Наверное, от крупных скандалов нас действительно спасали его командировки. Но последние пол-года, видимо моя чаша терпения переполнилась. Мы стали все чаще...нет не ссориться, уходить в себя. Да и свекровь безбожно капала на мозги по поводу ребенка.

Перед тем как мы подали первое заявление в загс, Алексей сказал откровенно, что в ближайшей перспективе отцом стать не готов. Мне тогда было двадцать два, и желанием размножиться я тоже особо не горела. А вот после второго — загорелась. Да так, что перестала пить противозачаточные. Леша в восторге не был, от секса не отказывался, но аккуратничал. Мы не ссорились из-за этого, но все равно — момент напряжения присутствовал.

После первой попытки вступить в законный брак, было жутко стыдно перед гостями... ведь мы умудрились пацанаться за неделю до свадьбы...Я ревела, кусая подушку в комнате сестры...Все — таки платье, фата, свадьба...

Во второй раз, сделав выводы, решили сначала расписаться, а потом уже устроить праздник, сняв на природе домик для близких. Но опять поругались, доведя пустяковую ссору до вселенской катастрофы. В результате все заканчивалось упреками, что я его не люблю. Убеждать с пеной у рта в обратном, даже ради заветного штампа в паспорте, я не стала...А он явно этого ждал, чтобы вновь почувствовать себя умелым манипулятором.

Короче... на регистрацию мы просто не пошли. Я изображала оскорбленную невинность валяясь на кровати в спальне, а Свиридов попранную гордость на диване в зале. А вечером столкнувшись на кухне, признали себя упертыми идиотами. Сладко помирились, и решили, что правильно поступили никому, не сообщив о вновь не состоявшейся попытке.

Вот бы где надо было зафиналить затянувшийся роман. Ведь моя влюбленность так и не переросла в более глубокое чувство. Но с отчаянием кошки, качающейся на гибкой ветке, я цеплялась за переспелые отношения, потому что не представляла, как существовать автономно от Алексея. Просто не умела...Он пропитал меня собой. Разучил думать категорией «я», внушив «нас», «вместе», «в будущем».

Да, мы жили вместе. И я, помогала гасить ему втихоря от родителей ипотеку, потому что, продав свою однушку, он взял два года назад двушку в новом доме. Для нашей с ним семьи, с перспективой рождения детей. Ну хотя бы одного. Только перспектив для «прекрасного далека» я видела все меньше.

И так случилось, что мое сердце вновь забилося и радары сами собой настроились на другого мужчину. Измена, до которой я все-таки докатилась, давила камнем на грудь. А теперь еще и всплывший факт Свиридовских отношений на стороне. Отношений, Карл! — не просто одноразового траха, делал наш разрыв неминуемым.

— Леш, я уйду... — выдохнула в трубку

— Куда это? — недовольные нотки сквознули в его голосе

— От тебя... Ключи как тебе передать?

— Вик, ты там опять со своими девками набухалась что ли? Мы вроде уже переросли возраст твоих загулов. Что за херню ты сейчас несешь?!

— Леша, мы расстаемся. Я от тебя уйду! — повторила спокойно, но как можно тверже.

— Что за гребаный день?! Все с ума посходили! И ты еще мне нервы ставишь!

— Не кричи! Я уйду от тебя! Мне надоела эта тягомотина...твоя командировка...

взаимные придирки...упреки...ссоры.

Ворошить «грязное белье» у меня желания не было — сама не святая, но и миндальничать я больше не собиралась. В конце концов, в том, что случилось — виноваты мы оба. Надо постараться расстаться, как цивилизованные люди — не обливая друг друга дерьмом.

— Я устала. Выгорела. Кончилась. Все короче...

— Все, ты мне будешь говорить, глядя в глаза! А не по телефону, трусливо поджав хвост. Или может пока я тут пашу, как Папа Карло, мужика себе нашла? — наезжает с наскока. — Что, угадал?

— Да!!! — рывкаю в трубку, начиная метаться по кухне. — Ты это хотел услышать?!

— Я хотел услышать, что дома меня ждет любящая жена, а не взбесившая сучка!

— Любовница, ты хотел сказать! Покладистая любовница... — беру себя в руки. — У жены в паспорте отметка стоит! А мне такой чести не оказали!

— Чего? Что за херня вообще творится? Ты — моя жена!

— Какая к черту жена!!! — захлестывает меня волна злости. — Ты дважды сливался! Дважды, Леш!

Стало очевидным, что нормального разговора не получится, мы скатываемся в банальный скандал. Который ничем хорошим, кроме взаимных претензий не закончится. Если скажу все как есть, получу отбойкой — ушат помоев. Уж что-что, а оставлять последнее слово за собой Алексей умеет. Не лезет за ним в карман.

Мне не хотелось делать больно ни ему, ни себе. Так что глубоко вдохнув, я поняла, что лучше сейчас закруглиться. Все что я хотела — сказала. Пусть немного успокоится и переварит.

— Когда остынешь, сообщи как тебе передать ключи.

— Ты че гонишь, Вик? У тебя недотрах?! Потерпи немножко! Приеду вечером — трахну, — и пошленько усмехнувшись добавляет, — ... хочешь жестко, хочешь мягко?! Как?! А хочешь куни?! Но тогда — жду ответный реверанс...

— Что? — ошарашенно останавливаюсь, и запустив руку в волосы, сжимаю до боли. До такого откровенного хамства он никогда не доходил. Я бы с огромным удовольствием сейчас отвесила ему хорошую оплеуху, чтоб корона, которая видимо застряла на ушах, слетела.

— Говорю, приеду вечером. Будь Зайкой!

Внутри все затянулось в узел от мерзости, а щеки начали гореть, как от пощечин.

Козел! Ну какой козел!

— А не пойти ли тебе Свиридов на хер, со своими хотелками?! Кто и как меня будет трахать теперь не твоя забота! Ты лучше предпочтения своей брюнетки учитывай, а то отставку даст!

— Что-о-о?

— Я все знаю, — бросаю отрывисто, — можешь не отпираться.

Молчит. Нечем крыть. Понял, что секрет его уже не секрет.

— Откуда? — его голос будто не его. Глухой, хриплый.

— Не важно.

В очередную паршивую пятницу, когда Алексей отбывал срок в очередной Питерской командировке утром позвонила его мать, и в не терпящей возражений форме сообщила, что ждет меня для вручения «даров», которые она ежегодно консервировала в промышленном масштабе. По умолчанию предполагалось, что родовое гнездо с двадцатью сотками земли, почти в шестидесяти км от города в перспективе должно стать нашей с Лешей «фазендой», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Елена Дмитриевна на протяжении всех пяти лет нашей с ним совместной жизни пыталась втянуть меня в свою секту «любителей земли»... но проникнуться идеей помидорно-капустного рабства с радостным ожиданием вызревания изобилия я не смогла, да и сам Свиридов всегда относился к посещению деревни, как к трудовой повинности. Нашим взаимным желанием, было как можно быстрее сделать все, что от нас требовалось и поскорее смыться, до очередных безотлагательных призывов к совести и помощи.

Ехать в деревеньку мне не хотелось от слова совсем. Тем более одной. Я прекрасно знала, что если приеду, то придется остаться на выходные помогать матери Алексея с закаткой очередных банок с засолками. А я этого очень не хотела. Не хотела тратить выходные на занятие, которое мне не то что не нравится, необходимости в котором я вообще не понимала. Все продается в магазинах! Ну не едим мы банками солености и варенье каждый день. И да! Кладовка в квартире — это гардеробная, и только небольшой стеллаж выделен под Лешины инструменты и скромный запас алкоголя, порошков и свекровиных «даров». Итогом наших вежливых препирательств стал компромисс, я забираю, из квартиры родителей Алексея прошлогодние запасы, освобождая тем самым место для новых заготовок, и делаю с ними что хочу. Хоть одариваю ими родственников и знакомых, хоть в приют для бездомных передаю, главное, чтоб не пропало.

С работы пришлось уйти немного пораньше, чтобы избежать пятничных пробок и не задерживать родителей Алексея, перед поездкой в родовое гнездо, благо, что трудилась у своего же отца. Загрузив под завязку багажник банками на любой вкус от баклажанов до малинового варенья, я тепло распрощалась у подъезда с Лешинной матерью.

И хоть страстной любви она ко мне не питала, но с выбором сына свыклась. По ее мнению, я была для него недостаточно хороша: ленивая, не целеустремленная, без квартиры и самое главное, без восхищенного взгляда и готовности исполнять любые Свиридовские прихоти.

Поначалу взгляд-то был, но со временем померк... а прихоти...мне хотелось, чтоб исполняли мои, хотя я никогда не была капризной.

— Вика, когда вы вообще планируете детей заводить? — задала болезненный и ставший уже риторическим вопрос.

— Елена Дмитриевна, родители детей не заводят, родители — детей ждут! — отрезала я.

— Я же не хотела обидеть... — успокаивающе, погладила меня по плечу. — Тебе же — не шестнадцать, — ну спасибо, что напомнила, — да и, Алексей давно не мальчик. Отучились, работаете, квартира есть. Чего тянуть?

— Ипотека у нас, вы же знаете. На одну зарплату с ребенком и ипотекой не разгуляешься.

— Ой, да всю жизнь так будет, то одно, то другое. То это хочется, то там зачесалось... Пока ты в ожиданиях лучших времен, другая попрыгуней может оказаться, — миролюбиво выставила вперед ладони на мою вскинутую бровь. — Да мало ли их... молодых проходимок?! А мужик, он слаб до соблазнов... — успокаивающе погладила мое предплечье. — Ваше, конечно, дело. Только у меня в твоём возрасте Ленечке уже два годика было. Может у тебя проблемы какие по-женски? — заглядывает мне в глаза.

Закусываю щеку изнутри, чтобы не наговорить сгоряча лишнего.

— Нет у меня никаких проблем. Спасибо за заботу. Мне пора.

И ведь не первый раз заводит этот разговор. То ли действительно за отсутствие внуков переживает, то ли изъян во мне выискивает. Господи! Ну не скажу же я матери своего недомужа, что обследована вдоль и поперек и признана полностью здоровой, что хочу детей. И что это её сын не жаждет маленьких Свиридикиных.

От злости луплю по рулю ладонью. Случайно попадаю на клаксон, дергаюсь и ловлю на себе веселый взгляд приплюснутой к боковому стеклу мордашки белокурого мальчишки, который машет мне ладошкой из проезжающего по соседней полосе старенькой иномарки.

Машу ему в ответ, вытирая набежавшую слезинку.

Рожают же пары, и с ипотекой, и с кредитами...и ничего справляются...Чем мы хуже? Или дело не в ипотеке, а просто в нежелании Алексея иметь детей? Или в нежелании иметь их от меня? Тогда вообще зачем это все? Зачем эта игра в семью?

Остановившись на светофоре, хватаю телефон и набираю сестру.

— Привет сестер! Какие планы на вечер?

— Да особо никаких.

— Вот и хорошо. Я приду к тебе.

— Что-то случилось? — напрягается Валя.

— Что у меня может случиться? — задержав дыхание, тушу вспышку агрессии. — Хочу провести вечер в обществе вина, пиццы и любимой сестры.

— О как! Сплошные вредности! — слышу шум улицы и щелкающий поворотник машины. — Алексей в командировке?

— Да! Буду у тебя через два часа! С меня вино!

Припарковав машину возле дома, забираю из багажника небольшие банки с огурчиками и лечо. Соленьки у Елены Дмитриевны получаются божественными, этого не отнять. Сразу чувствуется, душу в них вкладывает. Только зачем в таких количествах маньячить, если и половина не съедается?

Забежав в алкомаркет я встала перед выбором: две или три. Бутылки. Две обычно было в самый раз. После распития первой — мы разводили нюни по похеренной молодости, приходя к выводу, что все мужики козлы, а к завершению второй ржали над какими-нибудь дебильными случаями друг с другом.

Сегодня хотелось излить родной душе наболевшее, чтобы потом с блаженной улыбкой завалиться спать в её постельку. Значит две будет маловато. Беру три красного сухого. Хочу напиться. Вот хочу и все! Мне плохо. Одиноко. Тоскливо.

Выхожу из маршрутки и с пакетами наперевес, целеустремленно тороплюсь к Валиному дому. Ноги в беленьких кроссовочках бодро вышагивают, и только громкий оклик мамыши, пронесшегося мимо малыша: «Смотри под ноги!», заставляет меня на секунду замереть около кучки свежего собачьего дерьма. Ну хоть тут повезло, не вляпалась!

Что за фигня такая, позволять питомцам гадить где попало? Хозяева в ответе за тех кого

приручили? В ответе! Неужели сложно дойти до специальной площадки?

Бухтя про себя завалилась к Вале. Располагаясь в ее съемной квартире на кухне отмечаю, какая она молодчинка, уже успела и фруктовый салатик сварганить, и легкие бутербродики. На столе маняще устроились тарелка с мясной и сырной нарезками, и коробочка с призывно пахнущей пиццей.

Открыв холодильник, чтобы засунуть для охлаждения вино вижу, что он просто ломится от изобилия продуктов.

— Неужели Игорек? — удивленно перевожу взгляд на сестру. Она с улыбкой отрицательно машет головой.

— Тогда рассказывай давай, Тихушница! — устраиваюсь за столом открывая бутылку подаренным мной рычажным штопором. Очень, кстати, практичный и нужный подарок, когда в доме нет крепкого мужика. А нам девочкам, как правило, хочется излить душу без мужиков. Так что подарок очень нужный и практичный.

Наши телефоны одновременно дзынькают, и пока Валя разливает вино по бокалам, я открываю сообщение. На нем свидетельство о браке нашей подруги Лики, которая сегодня вышла замуж. Следом падает трогательная фотка с обручалками на безымянных пальцах, и улыбающихся молодоженов, выпархивающих из дверей ЗАГСа.

— Они выглядят радостными, но какими-то растерянными что ли, — дзынькнувшись с Валиным бокалом делаю несколько больших глотков. — Словно не могут поверить, что сделали это, — увеличиваю фото разглядывая лица.

— Мне когда Лика сказала, что сама сделала Вадиму предложение, у меня реально кофе через нос полился.

— Погоди-погоди...ты хочешь сказать, что инициатива исходила от нее? — закашливаюсь вином.

— Вот-вот, и у меня была такая же реакция. Вик, это не наше дело... Я тоже не в восторге от того в какую авантюру влезла Лика. Все-таки разведенный мужик с ребенком, да еще и бодающейся за него с бывшей... Но согласись, на пикнике они выглядели вполне себе, я бы даже сказала, счастливыми. По крайней мере никакой натянутости я не заметила. И с Никитой Лика прекрасно поладила. Дай Бог, все у них будет хорошо.

— Ну да, я тоже не заметила ничего подозрительного. Мне, наоборот они показались, такими...как бы это сказать... словно между ними воздух искрился. Как это бывает в самом начале...когда радары настраиваются друг на друга и ловишь любую вибрацию и эмоцию, чтобы срастись и синхронизироваться. Это так, не знаю...волнительно что ли. Хочется нравиться, прикасаться, острота ощущений стократ усиливается. Секс просто фееричный! — хмыкнув, наливаю вино и чокнувшись с Валиным бокалом залпом выпиваю. — Ну за новобрачных! Пусть все у них будет замечательно!

— Давай поздравлять!

— Звони!

И мы, набрав номер подруги наперебой желаем всего что только можно, от согласия и любви до богатства и процветания. Ну и конечно же, семейного счастья.

— А что все-таки она ему сказала, чтоб он на не женился? — я вопросительно кивнула сестре.

— Вовремя себя ему продала.

— Это как?

— Что говорится, оказалась в нужное время в нужном месте, — хмыкнула Валя, отпивая

глоточек. — Как я поняла, его бывшая не на шутку активизировалась. И все-таки решилась судиться за Никиту, чтобы забрать к своему нефтянику на север. Вадим, в противовес, озадачился поиском жены. И наша Лика вышла с конструктивным предложением... Наврала, что заинтересована в замужестве, потому что хочет уехать в Европу. А визу охотнее дают тем, кто в браке, чтобы не было фиктивных для получения гражданства. Ну и Вадим ее знает. Знает, что Лика не аферистка и прошмандовка. Опять же, перспективный специалист, без материальных проблем и запятнанной репутации. Чем не пара? Вот и договорились как-то.

— Договорной брак хочешь сказать?

— Не знаю, как это называется, — пожимает плечами. — Но Лика в него влюблена. Слышала бы ты, с какой горечью она говорила мне, про опостылевшие пустые стены в квартире. Про то, что сильной быть надоело! Что хочет быть слабой и зависимой. Что борщи варить хочет, и печь сырники. Прикинь?

— А что плохого в сырниках?

— Ты вообще меня слышишь? Она говорила все это про Вадима! Что хочет стирать ему носки и гладить рубашки. И Никитины игрушки, разбросанные собирать.

— А прикинь мальчишка оказался бы противным и капризным?

— Вика... — Валя укоризненно качает головой. — В Лике столько нерастраченной любви, что она и вредину бы залюбила, не то что такового славного мальчугана. Ты не представляешь, с каким восторженным блеском в глазах она про него рассказывала.

— И когда это вы успели так языками переплестись? И почему я ничего не знаю.

— Я обещала Лике молчать.

— Партизанка, блин! — наливаю себе еще вина. — А на счет секса какие договоренности у этой загадочной парочки?

— Вик, я знаю столько же сколько и ты. Ты даже больше должна, ты же с ними в отеле ночевать оставалась. Что было после того, как я уехала?

— Ты на что намекаешь-то? Что они принародно консумировали будущий брак?

— Совсем дура! — кидает в меня полотенцем. — Ты чего сегодня такая взвинченная?

— Нормальная я!

— Колись давай, что случилось?

— Ты первая!

— О чем?

— О том! — многозначительно поднимаю брови и киваю головой на холодильник.

— Короче, с Ликиного девичника я уехала с Максом. Он как бы там работает, помнишь я рассказывала, что ездила с ним на выходные за город. Ну вот, — разводит руками, улыбаясь, — мы были в этом самом месте.

— Да ты что...как интересно. И кем же работает загадочный Макс, сын отцовского друга?

— Ну типа...это их отель...и мы типа встречаемся.

— Да ты что?! С хозяином это царства?! — снова закашлявшись, поперхнулась вином. — Я хочу срочно с ним познакомиться!

И тут же прикусываю язык под ее осуждающим взглядом.

— Ну ладно, ладно... я знаю, что ты не меркантильная. И очень за тебя рада...но познакомиться все равно хочу, — сдаваясь поднимаю руки. — Однако согласись, обеспеченный неженатый мужик, всяко лучше трусливого обдристыша Павлика.

— Вик! Ну, хорош, блин тебе!

— Ничего не хорошо! Пусть на него небо упадет и земля развергнется под ногами! — залпом выпиваю вино, понимая, что в одно лицо «приговорила» бутылку. — Аминь!

— Кстати о Павлике. Я его недавно видела...

— Надеюсь, расквасила ему нос?

— Нет. Представь себе, оказывается он развелся и предложил мне встретиться, чтобы мило пообщаться о нашем прошлом, с намеком на будущее.

— В морду плюнула?

— Нет. Лучше. Поцеловала на глазах у его разъяренной девицы.

— Надо было откусить ему нос! — кровожадно клацкаю зубами. — Кому он будет нужен безносый?

— Вик! Да пошел он лесом. Мне пострать кому он будет нужен...с носом, или без... Главное, что он не нужен мне! Мне он не нужен! Все! Отпустило! Отболело! Посмотрела на него и нигде не екнуло. Пусть живет себе с миром.

— Да щас прям! Пусть живет с ворчливой, злобной, вечно недовольной бабой, которая еще и в постеле будет бревном! За это нужно выпить! — переворачиваю бутылку констатируя, что она пустая. — Тащи вторую!

— Теперь ты! — смотрит на меня в упор — Что у тебя случилось?

— Все в порядке. Честно! — правдиво качаю головой. — Просто стало скучно.

Но видимо мой вид говорит об обратном. Валя вынимает вторую бутылку и открыв наливает мне чуть- чуть. По правилам второй бутылки мы уже должны начать ржать, но судя по всему первая была маловатой, из меня еще не выплеснулась горечь.

— Я выдохлась, Валь...и хочу с Алексеем... — сама не знаю почему на глаза наворачиваются слезы. — Нет не расстаться, — в ответ на ее расширяющиеся глаза, кручу головой, — ясности что ли... Просто...просто я потеряла цель, ради которой стоит за него или с ним бороться. Все стало слишком рутинно. Я вспоминаю наши вечера под одеялом в первый год, душевные разговоры за бокалом вина, шутки и смех до боли в животе. Он любил меня смешить, раньше... — чувствую, как подрагивают губы. — А сейчас ничего этого нет. Совсем...Я словно приложение к его комфортному существованию.

Неожиданно Валин телефон взрывается мелодией, я вижу, ее нетерпение и желание ответить. Отхожу к окну с бокалом, и понимаю, что у сестры сейчас конфетный период, и я своими соплями порчу ей его. Надо отчаливать! Нечего сестренке усложнять наладившуюся личную жизнь.

Скрещивая руки отвечаю на ее немой вопрос о возможном присоединении гостя, и отворачиваюсь в наступающую темноту. Не знаю, как Валя поняла мой жест, но я имела в виду, что собираюсь уходить. Но младшенькая, как и всегда выбирает меня...отказывая Максусу в свидании. Зря...из меня уже так себе компания.

— Да что случилось-то? — обнимает меня за плечи.

И я вываливаю на нее свои горести. Про то, что хочу ребенка, а Свиридов, или еще не дозрел для отцовства, или совсем не хочет. Про то что «свекровь» в открытую намекает, что я старею, и Леша скоро начнет мне изменять. И про то, что мне кажется, что у него появилась любовница. И что, если она забеременеет, он на ней женится. А на мне — нет. Хотя, я и замуж — то за него уже не хочу.

— За четыре дня мы поссорились пять раз. Пять! — в сердцах заканчиваю жаловаться. — Многовато для четырех дней, не находишь?

— Ты просто устала, — успокаивает меня Валя, поглаживая по плечам. — Все

образуется.

— Ты так уверена в этом?!

— Все. Будет. Хорошо, — без тени сомнения чеканит слова. — Закусывай давай, — легонько подталкивает к столу. — Я не хочу возиться с тобой пьяной!

— А придется! — хмыкнув, все же вгрызаюсь в бутерброд.

Снова раздается звонок на Валин сотовый, и мы одновременно скашиваем на него глаза.

— Бери давай! — этого абонента я знаю, и мне он понравился. Игорь, на которого я намекала. Коллега сестры по работе, подбивающий к ней клинья. Приятный во всех отношениях молодой мужчина. Успешный, легкий в общении, с чувством юмора. И в довершении, брутальный красавчик, с которым я познакомилась, когда месяц назад ездила с Вале́й к Свиридову в Питер.

— Что я ему скажу? — растерянно шепчет, будто нас подслушивают.

— По ходу и решим! — нетерпеливо шиплю.

Динамик работает громко, мне даже подслушивать не приходится, и я без зазрения совести вклиниваюсь в их разговор обозначая свое присутствие. Уловив в интонациях Игоря интерес к нашей компании, выхватываю у Вали телефон и беру бразды правления в свои руки. Да, я такая нахалка. Зная, о зарождающихся чувствах сестры к Максy, эгоистничаю. Соглашаюсь на встречу. Возможно с легким флиртом, ведь не на свидание же, если мы обе в отношениях. Сегодня. В боулинге. Место общественное, никто ничего лишнего здесь себе не позволит. И ведь, главным мотиватором моего легкомысленного решения, явилась совсем не игра в боулинг, или предвкушение встречи с блистательным Игорем. А его друг. Меднобородый энциклопедист с потрясающей, просто чудовой энергетикой. И если б у меня не было Свиридова, я бы вполне могла в него влюбиться.

Глава 3

Моя паршивая пятница закончилась просто катастрофически для сестры.

Нет, сначала-то все было просто замечательно.

Я мухой приняла контрастный душ, выпила две кружки крепкого сладкого кофе, и алкоголь из моей головы практически выветрился. Может я и не стала трезвой, как стеклышко, но уж точно язык не заплетался, пошатывающейся походки и остекленелого взгляда не было.

Взгляд у меня после наведения марафета был горящим, жаждущий развлечений и совершенно безбашенный!...

Встретившись на входе в развлекательный клуб с мужчинами, мы как-то не сговариваясь разбились на пары. Валю окружил вниманием Игорь, а меня анимировал Виктор.

Непринужденно положив мою руку себе на предплечье, он уморительно комментировал мне на ухо поединки Вали и Игоря в аэрохоккей, задорно подбадривая соперников. В душе, я конечно, же болела за сестру, но вслух поддерживала Игоря. На что запыхавшаяся и покрасневшая Валя кидала на меня грозные взгляды.

Потом мы всей компанией переместились в боулинг, и сразу стало понятно, что и тут наши пары останутся неизменными.

Виктор, так трепетно и волнительно обнимал меня со спины за талию, освежая в памяти технику броска. Так проникновенно, до мурашек, объяснял на ушко правила, что я забыла обо всем на свете. Какой там боулинг, Карл!

Мне хотелось остановить это мгновенье, чтобы вот так вот спиной ощущать тепло его тела, шевеление волос у своего виска от его дыхания и вдыхать грейпфрутовый с легкой перчинкой аромат. Мне хотелось нравиться ему.

И я чувствовала, на каком-то подсознательно-ментальном уровне, улавливая его флюиды, что нравлюсь. Именно нравлюсь.

В большинстве своем, намерения мужчин легко улавливаются. Взгляд у них при этом особый. Каждая женщина умеет считывать этот взгляд, и когда это раздевающий маслянистый взгляд, он чаще всего смущает и раздражает.

Виктор же несмотря на то, что пожирал меня глазами не выглядел так, как будто клеился. Он смотрел по-другому: с каким-то восторгом, открытым интересом и уважением.

В его движениях не было скрытого подтекста, он не стремился меня облапать, напротив был осторожным и внимательным, как будто боялся обидеть или переступить допустимую грань, которая не была озвучена.

Естественно, об игре я и думать забыла. Как дура, пялилась на своего соперника, при любом удобном случае отмечая про себя, как тонкая черная ткань рубашки обрисовывала рельефные мышцы, его спортивной поджарой фигуры на груди и руках, облекая живот.

И как, во время бросков, когда Виктор, эффектно подкручивая шар приседал, с виду неброские джинсы, судя по лейблу, стоящие очень даже прилично, подчеркивали крепкую, как орех задницу и мускулистые бедра.

Ну и в довершении всего, на добродушном лице с зелеными бездонными глазами и густой, но аккуратно подстриженной бородой, переходящей в модную, стильную стрижку с рыжей копной волос и отросшей челкой, светилась обаятельная улыбка. Борода. Я зависла на

ней сразу, еще при знакомстве. Меня почему-то разрывало от любопытства: мягкая она или жесткая. Его бороду непреодолимо хотелось потрогать и потискать, как холку любимого кота.

Еще на футбольном матче в Питере, когда Виктор стоя у меня за спиной, думал, что незаметно касается ей моего плеча я нашла ей определение: шелковисто-упругая. Но этого мне было мало.

Не выдержав, и получив разрешение я ее все-таки потрогала.

— Классная, — выдохнула, удовлетворив свое любопытство. — Как воздушно-пузырчатая пленка. Очень сложно оторваться, — кивнула в подтверждение своих слов. — Теперь понятно почему мужики ее частенько поглаживают...стресс снимают...успокаиваются.

Наверное, я сморозила несусветную глупость, потому что в ответ на мою реплику, Виктор запрокинул голову вверх и заржал.

— Обращайся! Я готов стать твоим антистрессом.

— Боюсь окружающие нас неправильно поймут. Со стороны это выглядит довольно странно, как будто неопытная студентка ощупывает на предмет повреждения челюсть или ищет паразитов.

— Я буду урчать, как кот, чтобы выглядело более уместно.

От завораживающего созерцания распушившего передо мной хвост обаятельного бородача меня оторвал в очередной раз завибрировавший в кармане телефон.

Даже не глядя, я знала, что звонит Свиридов. Трубку брать не хотелось, я еще не отошла от сегодняшней ссоры, вспыхнувшей на пустом месте после того, как сказала, что собираюсь записаться на кондитерские курсы.

Когда мы только начали жить вместе, Алексей с удовольствием уплетал и пироги, и бисквиты, вприхлебку со сладким чаем!

А мне хотелось быть для него идеальной ... и я начала печь сама. Иногда не получалось, но чаще выходило очень даже неплохо. Я радовалась и совершенствовалась, пробуя готовить все более сложные сладости. Методом проб и ошибок, набивала руку. По отзывам тех, кто лакомился моими десертами, я дошла до уровня первого разряда, если не выше...

Но с тех пор, как Леша перешел на правильное питание, моя выпечка вошла в запрещенку. Его любовь к сладкому закончилась, а мое увлечение — осталось. Только теперь я пекла крайне редко, потому что Свиридов, мое хобби не поддерживал, от слова «совсем». Бухтел, что занимаюсь полнейшей ерундой, да еще и перевожу на него кучу времени и денег. Мои тортики, имеют точно такой же выхлоп, как заготовки его мамы!!!

— Не фигу страдать фигней, успеешь обабиться! — кинул мне перед тем, как отбить звонок.

Обидно было до ужаса! Тем более обидно, что всем мои торты нравились!

Подхватив Валю за руку, я утащила ее в туалет...и вот тут случился полный карамболь.

Непойми-откуда-взявшаяся фигуристая девица с аппетитной задницей и длинными ногами обтянутыми узкими джинсами, в босоножках на приличной высоты каблуках, демонстрирующих красивый педикюр и, чего уж греха таить, со смазливой мордахой. Ухоженная и приятно благоухающая, поправляя перед зеркалом идеально уложенные гладкие волосы кистью с безупречным маникюром, начала осмеивать и предъявлять претензии моей Вале.

Суть которых сводилась к тому, что обе, пожирающие друг друга глазами через зеркало,

дамы имеют виды на одного и того же мужика. И этим мужиком является, никто иной, как Макс. Макс, твою мать! Сын друга отца, которого моя Валя посчитала своим!

Заявляя на него права, взбалмошная хищница, поставила сестру в известность об их долгоиграющем романе, с открытыми отношениями. У меня как-то вообще в голове плохо укладывалось, что в паре один может ходить с благословения другого налево и это является разновидностью нормы. Но блин видимо и так бывает...

Да на хрен Вале сдался этот Макс? Когда рядом есть нормальный Игорь?

Вишенкой на торте стало то, что мы лично пронаблюдали, как Макс действительно приехал за этой девицей, и после жаркого поцелуя они уехали восвояси! Это просто капец!

Я была в растерянности, а Валя в состоянии аффекта.

Надо было плюнуть на все и уехать, но видимо, у сестры что-то перемкнуло, и она решила доказать самой себе, что жизнь продолжается.

А дальше... Валя накидалась адскими коктейлями и пошла в разнос. Боулинг, кальян, дискотека...ее было не остановить. Казалось, она старалась выплеснуть опустошающие эмоции, чтобы мрачное разочарование не вылилось слезами.

Я чувствовала ее отчаяние, но слова утешения подобрать не получалось.

Их сложно найти для того, кто с таким трудом выбирался из болота депрессии после больных отношений, в которых приходилось довольствоваться второстепенной ролью.

Сквозь напускную веселость в Валиных глазах прорывалась непритворная горечь, и немой вопрос: чем я хуже?

Да ничем не хуже, Господи! Просто Макс оказался козлом!

Около двенадцати мы загрузились в такси, причем Валя непременно решила заполучить в свою постель Игоря, поэтому он ехал с нами на переднем сиденье, а Виктор составлял группу поддержки, обалдевшей мне. Мне было страшно и жутко от ее безрассудности, и я понимала, что в таком уязвимом состоянии она способна на любую глупость. Но слава Богу, когда мы оказались у ее подъезда, сестренка уже была просто пластичным телом, без воинственного духа. Подхватив на руки, Игорь отнес ее домой, и заверив меня тысячу раз, что не воспользуется беспомощностью сестры для реализации ее же планов, выпроводил нас с Виктором. И мы ушли. Ну не похож Игорь на подонка!

С одной стороны, я чувствовала себя сволочью, что оставила сестру в таком состоянии. Надо было остаться! С другой, может даже и к лучшему. Может проснувшись она поймет, что на пути встречаются не только Павлики и Максы, но и нормальные мужики.

— Вик, прекрати дергаться, ничего ей Игорек не сделает. Она ему слишком нравится, чтобы тупо трахнуть по пьяни. Реплин по натуре завоевывать, а не варвар...он любит наслаждаться процессом. Знаешь, чем желанная женщина отличается от привлекательной? — прислонившись спиной к холодному зеркалу в лифте, я утвердительно кивнула. — С желанной хотят не только секса, на нее имеют виды, ее хотят сделать своей. Привлекательную — хочется просто иметь. Чувствуешь разницу?

Я иронично подняла бровь, и презрительно усмехнулась

— Так вот, Валя, для Игорька желанная. Давно я его не видел, в стремлении покорять, а не брать, — посторонившись, выпустил меня из лифта.

— Ну знаешь, успокоил ты меня не сильно, — оглянувшись на Валин подъезд, я печально вздохнула.

— А давай пешком прогуляемся, погода замечательная, — ловко подхватив меня под руку неожиданно предложил Виктор и повел за собой. — Ты далеко живешь?

— Ну пешком минут тридцать.

— Эх, близко... Я — то надеялся блеснуть эрудицией рассказами про звезды. Смотри какие они сегодня яркие!

Поднимаю голову и вижу разбросанные на небе горящие желтые точки. Когда я вообще последний раз смотрела на звезды? Или гуляла вот так вот ночью. И не вспомнить даже. Дом-работа-работа-дом. Редкие встречи с родителями, сестрой, подругами и снова здравствуй дом!

— Я еще под впечатлением после твоей лекции про цифры!

— Числа. Я рассказывал общеизвестные факты про числа.

— Ну не такие уж они общеизвестные. Я, например, не знала, что есть число «Фи». Или, что дюжина — это методика счета на пальцах. И никогда не задумывалась, что ноль нельзя записать римскими цифрами.

— Я хотел произвести впечатление, — самодовольно хмыкнув, Виктор потрянул головой, так что длинная челка отлетела назад.

— У тебя получилось!

Образовавшуюся паузу заполнил шум машины, что промчалась мимо нас грохоча музыкой.

— Чего бы ты хотела именно сейчас? — нарушил тишину мой спутник.

— Говорить можно только пристойные вещи?

— А в твоей голове роятся неприличные? — с игривой улыбкой заглянул мне в глаза.

— Я бы выпила!

— Да ладно...

— Да. У Вали в холодильнике осталась бутылка красного сухого, и если б я осталась у нее, то непременно пропустила бы пару бокалов.

— Так давай куда-нибудь зайдём? Догонимся, — перехватывает мою руку, пропуская пальцы сквозь свои.

— Нет, — зажимаю своими его. Боже мой, вот что я творю? — Не хочу в шумное место.

— Да мы и не будем там сидеть! Магазины уже закрыты, а в забегаловке мы вполне сможем прикупить бутылку какого-нибудь ширпотреба по цене эксклюзива, — подмигивает мне. — Будем, пить из горла. Ты как? Или приличные девушки не ругаются матом?..

— Они цитируют Маяковского, и только потом трехэтажно сквернословят!!! — показываю ему язык. Я тоже кое-что знаю. Умею. Могу.

Буквально через пятнадцать минут мы расположились в каком-то дворе на двойных качелях детской площадки. Отталкиваясь ногами от земли неспешно покачиваясь, делали по глотку кислющего вина и передавали бутылку друг другу.

— Хорошо — то как! — я блаженно выдохнула, задрав голову к небу.

— Да... — поддержал меня Рыжий. — Лепота! А ты знала, что Виктория почти на всех языках произносится одинаково? И только на итальянском из нее выпадает «К». Но мне нравится, как твое имя звучит на языке Майя — Катли. А тебе?

— Звучит, как ругательство. Катли! Катли тебя! — отрывисто выкрикиваю, а Виктор начинает хохотать в голос. — Ну вот и что ты ржешь? А? Виктор звучит благозвучнее?

— Зума, — отсмеявшись, отвечает тут же.

— Зума, — задумчиво повторяю. — Вообще ничего созвучного с Катли, — забираю протянутое вино. — На слух как будто и не оскорбительно даже. Не находишь? — нацеливаю на него указательный палец. — Ты же на ходу сейчас сочинишь, да?

— Неа, я специально смотрел, потому что был уверен, что такой вопрос последует. А как тебе Фике? — перевожу на собутыльника вопросительный взгляд. — Это уменьшительно — ласкательное от Вика на немецком! — удовлетворяет мое молчаливое любопытство. — Немцы приглушают твердые звуки в начале слова.

— Ну ты даешь! — восхищенно выдыхаю. — Прием, прием. Ты точно с планеты Земля?

— Я просто любознательный! И всегда открыт для новой информации!

— Любознательный? Ой, да не скромничай! Ты, индивидуум с пытливым умом и невообразимой, как по мне памятью, которая может хранить в себе массу бесполезной, но готова признаться впечатляющей хрени. Вот для чего тебе все это? — делаю небольшой глоток и неопределенно вожу указательным пальцем над головой, призывая тем самым, признаться. В чем?.. А в чем угодно, главное, чтоб признался. Черт, видимо, мне стоит воздержаться от дальнейшего прихлебывания винчишка. В теле образовалась приятная легкость и я чувствую себя чуть-чуть пьяной. И пока я еще контролирую поток своих шальных мыслей, нужно остановиться. А то вдруг, как Валька...раз и в осадок выпаду, и Рыжий котяра, нет Лев, с такой-то гривой...Лев подумает про нас, что мы алкоголички. Ой, да подумаешь, что он подумает. Пффф. Делаю еще глоток. Последний. И еще один. Точно последний. Ничего он не подумает. Я ему нравлюсь.

— Да говорю же, хочу произвести на тебя впечатление.

— Подозреваю, у тебя есть еще домашние заготовки...для моего покорения. Давай, выкладывай!

— Ну про то, что самая большая кувшинка в мире — Виктория амазонская, ты наверняка знаешь.

— Вещай дальше... — передаю ему бутылку и царственно машу рукой, давая добро.

— Имя Ника взято за основу спортивного бренда «Nike», как символ успеха и передвижения такого же быстрого, как на крыльях победы.

— Сражайте меня еще...

— Самое большое озеро с пресной водой в Африке- тоже Виктория. Из него вытекает египетский Нил.

— Слушай, да ты действительно готовился! — прищурившись смотрю на него с улыбкой.

— А как же! — сквозь бороду блеснули белые зубы и добрые смеющиеся глаза посмотрели на меня с легкой иронией. — Судьба дала мне второй шанс, не могу же я все пустить на самотек!

Резко встав с качелей. Он поставил бутылку на землю, и в один миг оказался за моей спиной, слегка раскачивая качели на которых я сидела.

— Ты мне очень нравишься, Вик...Я хотел тебе позвонить еще после Питера, но цепляющего за душу повода для встречи придумать не смог.

— Вить, ты же знаешь, я не свободна... Извини, если дала тебе какой-то неправильный посыл...

— Нет, Вик...дело не в посылах. Иногда такие вещи происходят независимо от нашего желания. Люди или нравятся, или нет. Ты — мне нравишься.

— Это как желанная и притягательная? — зажмуриваю глаза, когда его теплые ладони ложатся мне на плечи. И большие пальцы начинают поглаживать шею. Это так приятно, до разбегающихся мурашек. Надо его остановить. Но на это примитивное действие просто не хватает силы воли. Давно мне не было так хорошо.

— Это, как хочу, чтоб ты в меня влюбилась.

Делаю над собой усилие и все-таки спрыгиваю с качелей.

— Мне пора...спасибо за вечер.

— Я тебя провожу.

Мы идет молча, стараясь не касаться друг друга. Неловкость между нами повисла в воздухе. Мне жутко хочется избавиться от нее, что-нибудь сказать, чтобы вернуть вечеру былую легкость. Но на ум ничего не приходит, и я молчу. Иду. Смотрю себе под ноги, и молчу.

— Вик, я ничего от тебя не жду, — Виктор берет меня за руку, останавливая и разворачивая к себе. — Ты мне очень нравишься. Но я не стану себя навязывать, если неприятен тебе.

— Это не так, — с досадой, что не могу подобрать слова закусываю нижнюю губу. — Ты необычный...

— Чудной, хочешь сказать? — перебивает, с озорными искорками в глазах, словно нисколько не обиделся на мои слова

— Чудный! И при других обстоятельствах...

— Нет никаких обстоятельств, Вик. Есть биогенные амины, отвечающие за кристаллизацию чувств. И так как человек высшее эволюционное существо, научившееся подчинять себе иррациональные инстинкты, люди часто проходят мимо своего шанса на счастье, потому что он, как правило, предоставляется в не самый подходящий момент. Только в обществе, наделенном волей и разумом есть возможность контролировать развитие этой химии, во всех остальных подвидах это первобытный инстинкт размножения. Самка выбирает более привлекательного самца, не смотря ни на какие условности.

Приблизившись вплотную, Виктор слегка наклонившись, продолжил шепотом...опаляя дыханием мое ухо.

— Только людям подвластно осознанное подавление чувств. Я не хочу ничего рушить в твоей жизни. Кто я такой, чтобы ее усложнять? Я просто хочу тебе предложить уйти от стереотипов восприятия тебя другими: должна, нужно, нельзя... и искать свои критерии оценки желаемого.

По телу от его теплого шепота проходит дрожь, но голос разума воинственно пищит: ты же не поведешься на это, как последняя дура?!

— Что ты хочешь, чтобы я ответила? — вскидываю на него глаза, пребывая в шоке. От его слов. Голоса. Своей реакции.

— Сейчас, ничего... — осторожно убирает мне за ухо прядь волос. — Просто подумай об этом.

Закладывает мою руку себе на локоть, и тянет вперед.

— И все-таки я расскажу тебе о звездах. Куда идти? — продолжает как ни в чем не бывало.

И ведь рассказывает про астероид Виктория, открытый каким-то английским астрономом, и названный в честь богини Победы. И что есть созвездие Муха, Журавль и Ящерица.

Ужас просто! Чувствую себя рядом с ним Алисой в стане Чудес. Откуда он все это только знает?!

— Ну все, я пришла... — останавливаюсь около своего подъезда.

— Ээээ... нет...я повожу тебя до квартиры, — безапелляционно возражает. — На чай

ведь приглашения не поступит?

На какое-то мгновение, от его наглости впадаю в растерянность, и расширив глаза смотрю, как на сумасшедшего. Он вообще слышал, о чем я пыталась ему сказать? Или может думает, что виртуозно, вешая мне на уши интеллектуальную лапшу, я растеклась лужицей и на все готова?

— Я так и знал. Это была шутка. Расслабься, — подталкивает меня к подъезду, и дождавшись тихого писка домофона запросто проходит со мной к лифту. — Какой этаж?

— Шестой... — нажимает кнопку вызова, и засунув руки в карманы покачивается с носка на пятку, уставившись на сомкнутые двери.

— Ну, и чего ты замерла? — снова подталкивает меня за талию. — Заходи! — пропускает в кабину и нажимает этаж. Оперевшись спиной на двери, наклонив голову и слегка прищурившись, разглядывает меня прижавшуюся к зеркалу напротив. — Ты знаешь, что десять тысяч лет назад все люди были кареглазыми, а потом что-то пошло не так и появилась генетическая мутация в результате которой снизилась выработка меланина, отсюда отсутствие пигмента в волосах, и многократное уменьшение в радужной оболочке, что и привело к появлению голубого цвета. Вы с сестрой попадаете в довольно редкую человеческую популяцию.... голубые глаза плюс светлые от природы волосы. Вас таких всего порядка 2 % на Земле, — смотрю на него в очередной раз охреневая. — Наш этаж, — створки лифта открываются, и Бородач делая шаг назад пропускает меня вперед.

— А рыжих?

— Мы вообще — реликт! Ген зеленых глаз и рыжих волос — это рецессивный ген и проявляется только, когда находится в паре с другим рецессивным, что само по себе большая редкость. У нас с тобой будут рыжие дети с голубыми глазами, но есть малюсенькая вероятность, что с зелеными.

Я с трудом подавляю желание страдальчески закатить глаза к потолку и покачать головой. Уму не постижимо! До детей договорился! Он просто...невозможный!

— Что? — с недоумением на меня смотрит, распахивая передо мной дверь в тамбур. Притормаживая, многозначительно таращу на него глаза, давая понять, что дальше провожать не нужно. Все. Пришли уже. Дальше я сама.

— Знаешь что, Вика, глазки мне строить и кокетливо поджимать губки будешь в следующий раз! Даже, если бы тебя ждал дома твой благоверный, а мы оба знаем, что его там нет, я бы все равно проводил до квартиры. Это гарантия твоей безопасности и моего спокойствия. А на все остальное, как-то соседские пересуды и сплетни наплюй! В 99 % эти самые соседи остаются безразличными к призывам о помощи. В лучшем случае, будут прикрывая рот в ужасе подглядывать в глазок и вызовут полицию, которая приедет, когда уже все случилось. К сожалению, это неоспоримый факт, Вик!

— Блин, да говори ты тише! Перебудишь всех!

Виктор встает за моей спиной, в ожидании пока я трясущейся рукой найду в сумочке ключи и открою дверь. Пальцы предательски подрагивают, от внезапности всего происходящего, да чего уж греха таить, и от такого близкого присутствия обаятельного энциклопедиста.

— Ну пока... — неуверенно лепечу, поднимая на него взгляд. — Спокойной ночи...

Еще мгновенье, и я буду дома. И гипнотическое наваждение от зеленых глаз рассеется. Я снова стану обыкновенной Викторией Красновой, со своими проблемами.

— Секундочку, — растерянно застываю, когда он резко подается ко мне, обнимая со

спины. Хочу хоть что-нибудь сказать, но слова застревают в горле, когда разворачивая, он обхватывает мой затылок одной рукой и сминает губы требовательным, но в тоже время нежным поцелуем, от которого пол уходит из под ног. Я могу его остановить, да хотя бы тупо оттолкнуть. Я все это могу, беда в том, что не хочу. Вместо этого руки сами тянутся к нему и как какое-то изголодавшееся животное я включаюсь в поцелуй. Примитивно. С жадностью. Его язык скользит в мой рот, я же как ненормальная тащусь от того, как с мягкой настойчивостью его губы лишают меня воли. На душе полный раздрай. Горько и сладко одновременно. Алексей — в командировке, а я как какая-то одержимая целуюсь с бородатым мужиком. Которого вижу второй раз в жизни. Вкусно, черт возьми. Чувство такое, будто вернулся вкус после затяжной болезни и останавливаться совершенно не хочется. Очнулась я тогда, когда он резко оторвался от моих губ. Упираясь своим лбом в мой, тяжело дышит, словно пробежал километры. При этом закрывает глаза, как будто пытается прийти в себя от внезапного наваждения. Пусть мое сознание немного затуманено, однако я осознаю, что испытываю самое настоящее разочарование. Мне мало. Бесстыдно мало. Я хочу еще.

— Прости, не сдержался, весь вечер хотел тебя поцеловать. Можешь дать мне по роже, — выдыхает мне в губы, поглаживая пальцем шею. — Заслужил!

На следующий день я проснулась какой-то пожеванной от того, что солнце било в окно даже сквозь плотный тюль. Судя по всему, время было ближе к обеду. С трудом встав с постели, умылась ледяной водой, но привычное средство на этот раз не помогло.

В голове был полный сумбур, мысли беспорядочно скакали с одного на другое. Воспоминания роились. Внутренний раздрай между «как я могла» и «ведь мне же понравилось» заставлял сердце учащенно биться о ребра и мучиться угрызениями совести.

Как сказал Рыжий? «Подчинять иррациональные инстинкты», пожалуй, он прав. Именно это со мной и происходит. Я сама себе пытаюсь внушить, что ничего крамольного не произошло и все будет, как раньше. У меня есть Свиридов, а обаятельный бородач со своими теориями, это всего лишь незначительный эпизод, который не повлияет на мою жизнь.

Включив на кухне чайник, и радио я начала ритмично дрыгаться под дебильную песенку. В конце концов, никто не видит мои дикие танцы, а ничто так не способствует формированию хорошего настроения, как разминка под веселую музыку.

Задев, при очередном заходе тверкинга задницей барную стойку, на которой зашаталась кружка, я утомилась. Но особого облегчения бестолковой головушке зажигательный танец не принес. Для успокоения нервной системы полезен мятный чай, вот его-то я себе и заварила. Барабаня по столу ногтями, в ожидании пока остынет, я невидящим взглядом уставилась в окно. Дурацкая улыбка, при воспоминании о поцелуе с Рыжим, от которого и сейчас бросало в жар, никак не желала убраться с лица.

Как? Как я вообще могла на него накинуться?! Куда подевались мои мозги?

И ведь не по наглой рыжей морде я ему залепила, а наоборот!

Ведомая диким, каким-то ненасытным желанием почувствовать снова на себе его губы, подалась вперед и обхватив ладонями щеки, впила в рот Рыжего поцелуем. Крепко прижав меня к себе, он нежно гладил мою спину, чувственно скользя вдоль позвоночника.

И это было, прям Вау!

Господи, я вела себя, как изголодавшаяся самка богомола! Или нет... скорее, как гуляющая кошка!

Стыд и позор, Вика! Стыд и позор!

Звонок, почему-то в квартиру, вывел меня из прострации. В полнейшем недоумении я открыла дверь.

На площадке стоял молодой человек с небольшой красной коробкой в руках.

— Здравствуйте.

Я кивнула:

— Здравствуйте.

— Мне нужна Виктория Краснова. Могу я ее увидеть?

— Да, это я. А в чем дело?

Широкая озорная улыбка растеклась по его лицу, и он запел. Запел, Карл! Достаточно громко и зычно.

Я сегодня вам принес

Не букет из пышных роз

Не тюльпаны и не лютики-и-ии.

У меня сюрприз для Вас

Незабудки — это раз

Хоп! И жестом фокусника вынимает из своего ящика, небольшой горшок с живыми васильковыми цветочками в подарочной слюде и вручает мне.

И еще чуть-чуть романтики-и-ии

Хоп! И снова вынимает коробку с красиво разложенными сухофруктами и передает мне.

Сказать, что я была в шоке, и с выпавшей на пол челюстью, это ничего не сказать.

— С днем Рождения, Виктория!

Вот тут-то я и поняла, что меня с кем-то перепутали! Ну, конечно, перепутали! У меня же день рождения в апреле!

— Молодой человек! Вышла какая-то ошибка, у меня нет сегодня никакого дня рождения!

— Ну значит, это чуть запоздалое поздравление! — ничуть не смутившись, парень закрывает крышку своего чудо-ящика и собирается уходить.

— Да нет же! Такого тоже не может быть! У меня день рождения весной!

— Вы Виктория Краснова? — киваю утвердительно. — Значит все верно! А подарки можно дарить, не только в день рождения, это же просто знак внимания, чтобы доставить удовольствие! Разве вам не приятно?

И подмигнул мне до того хитро, что я еще больше растерялась.

— Приятно, конечно... — бормочу ошеломленно.

— С днем рождения я мог лажануть, — виновато признался, досадливо пропустив пальцы сквозь волосы, — ...но Вы же никому не скажите?

Отрицательно мотаю головой, и вижу явное облегчение в его взгляде.

Кому я могу сказать-то?

— Улыбнитесь, Виктория! Вам так идет улыбка!

— Откуда вы знаете, что она мне идет?

— Чувствую! — парень разворачивается и уходит к лифту.

Продолжая мягко говоря охреневать я закрыла дверь и пошла на звук, разрывающегося на кухне сотового.

Освободив руки от неожиданно свалившихся на голову подарков, я в молчании, поднесла к уху телефон с высветившимся неизвестным номером.

— Добрый день, Фике! — голосом Рыжего послышалось приветствие.

— Добрый... а откуда у тебя мой номер?

— Ну ты даешь! Я же вчера тебе говорил, что хотел позвонить еще после Питера, только повода не нашел, — укоризненно поцокал языком. — Я же переводил тебе деньги за футбольный выигрыш! Не помнишь что ли?

— А...точно...

— Как тебе сюрприз?

— Какой? — осторожно интересуюсь.

— Так...погоди, — озадаченно протянул. — Мне сообщили, что вручили тебе мой презент.

— Так это ты?! — наконец дошло до меня. Ошарашенно хлопаю глазами переваривая.

— Не понравилось?

— Да я чуть заикаться не начала, когда он запел! — в трубке раздался веселый смешок.

— Нестандартная подача при вручении, на это и был весь расчет!

— Ви-иить, а у меня нет никакого дня рождения сегодня... — вкрадчиво признаюсь, теребя красивую обертку на горшке с цветком.

— Ви-иик...вообще-то я знаю, когда он у тебя, — повторяет мою интонацию, передразнивая. — Парень, что сымпровизировал?!.. — мгновенно догадался. — Простим ему его дерзость, пусть поет на радость людям! У тебя нет на орехи аллергии? — неожиданно переводит тему.

— Нет...

— Ну и слава Богу! — довольно выдыхает. — Буду знать!

— Это ты сейчас к чему?

— К тому, что найти ассорти из сухофруктов без орехов, очень сложно!

— Вить, спасибо тебе, конечно, большое, но не надо было...

— Так...Успокойся...Это всего лишь мелочь, которая должна была тебя порадовать, а не вгонять в священный трепет. Лопай сладости. От них не толстеют! Кстати ты какой любишь?

— Фрукт? — ковыряю пальцем слюду на коробке и достаю сушеный киви.

— Чай, кофе, ну и цвет тоже!

— Черный...

— Это ответ на все вопросы?

— Пожалуй, да! — причмокивая рассасываю во рту кислую сладость и с наслаждением жую.

— Вик! Я ведь не просто так звоню...Давай ты сегодня плюнешь на все свои заморочки, и пока твоего мордворота нет, пойдешь со мной на свидание. Обещаю, что буду самоотверженно отбиваться, даже если ты будешь ко мне приставать!

— Чего?!

— Гриба!

— Какого гриба?

— А вот какого, я расскажу тебе вечером. Скажем часов в семь. Можешь не расфуфыриваться. Мы будем в уединенном месте, так что твоей несравненной красотой буду наслаждаться только я!

— Я еще не согласилась! — возражаю в ответ.

— Конечно, ради приличия, это нужно сделать! Протестуй!

— Вот как с тобой разговаривать?!

— Лично!

— Да не пойду я никуда!!! — взрываюсь возмущением.

— Ну все будем считать, что условности соблюдены и для приличия ты поломалась... — невозмутимо продолжает. — До встречи в семь! Буду тебя ждать около дома! — и отключился, оставив последнее слово за собой.

Растерянно перевожу взгляд на погасший экран и не могу поверить, что он провернул со мной такой трюк!

Я ведь не пойду с ним ни на какое свидание?! Конечно, не пойду, мне что проблем в жизни мало? Снимаю с горшка слюду и нюхаю нежные голубые цветочки. Вот знаю, что незабудки, а вживую их вижу в первый раз. Втягиваю носом аромат. Что-то цветочно-медовое, отдаленно напоминающее фиалку, но более сладкое и насыщенное. Пробую пальцем землю, и набрав из под крана воды в кружку поливаю под корень. Интересно, они отцветут и умрут или если ухаживать будет расти и цвести дальше? Надо погуглить, что там

мегамотг по этому поводу знает.

Ну красивые же цветочки!

Счастливо улыбаясь отпиваю остывший мятный чай, зачем — то прикидывая в голове, что можно на себя надеть «не расфуфыриваясь», но в то же время, чтобы выглядеть сногсшибательно.

И зачем я только об этом думаю?! Да дура потому что!

Замешиваю тесто для творожных кексов. Пальцы вязнут в прохладной субстанции. Пробую на вкус, добавлю еще ванильного сахара и изюма, и снова перемешиваю. Пусть будут сладкими! Выпечка вообще меня умиротворяет. Когда заняты руки, для душевных терзаний в мозгу не остается места. Ему нужно координировать слаженные движения конечностей, отслеживать последовательность действий, управлять процессом. Беда в том, что делаю я все на автомате, позволяя голове запустить, не поддающийся контролю поток мыслей. Черт, вообще для кого я готовлю эти кексы? Да ни для кого, а ради самого процесса, чтобы перестать нервничать. Я ведь не сделала еще ничего плохого, а уже гложет раскаяние.

Да в конце-то концов, отключу телефон и никуда не пойду! По детски? Может быть, но зато и искушения не будет.

Интересно, как там Валя? Надо бы позвонить! И только я взяла сотовый, задвинув в духовку противень с кексами, как он сам взорвался мелодией в моих руках. Как говорится, вспомни солнце — вот и лучик...

— Я сейчас к тебе приеду, — без приветствия, мрачно сообщает сестренка и отключается.

Она ворвалась ко мне запыхавшаяся, как будто за ней бежали. Разувшись, повела носом в сторону кухни и одобрительно хмыкнув, прошла в комнату и развалилась на диване. Приняв позу мыслителя стала рассматривать потолок.

Меня раздирало от любопытства, что там было у нее с Игорем, и было ли? Судя по многозначительному молчанию, Валя тоже пыталась переварить события минувшей ночи. Делаю ее любимы зеленый чай, и подхватив тарелку с только что испеченным кексом несу ей.

После выкидыша и расставания с подлецом — Павликом, сестра, погрузившись в депрессию заедала ее сладостями и, скажем честно, сильно поправилась. Отстранившись от внешнего мира, она тонула в своих страхах и комплексах, потребляя огромное количество калорийной вкуснятины. Пироженки, тортики, шоколадные батончики стали ее ежедневным рационом, без которого она становилась плаксивой или агрессивной, словно у ребенка отобрали любимую игрушку. Временами она впадала в состояние унылого анабиоза: просто лежала целыми днями в своей комнате, свернувшись калачиком и пялилась в окно. Это было действительно страшно. В такие моменты, мне хотелось оторвать негодяю- Павлику, яйца и переломать руки-ноги.

Психологи дают много разных советов, о том, как справиться с депрессией, от самокопания до обретения нового «якоря».

Моей Вале понадобилось почти два года, чтобы прожить свою боль и распутать «кашу в голове», осознать, что жизнь продолжается и посмотреть на себя критически и без жалости.

После окончания универа, она кардинально поменяла вектор своей жизни: оторвалась от родителей и сняла квартиру. Устроилась на работу в довольно крупную кампанию, где своим трудолюбием и упорством добилась должности начальника отдела, пусть и на время декретной ставки. Занялась спортом, похудела и постройнела. От наеденных лишних килограммов не осталось и следа.

Присаживаясь к ней на диван, размахиваю перед носом блюдцем с кексом, пытаюсь подтолкнуть к разговору.

— Да. Неприятная ситуация...

— Неприятная?! — стреляет в меня глазами. — Ситуация идиотская! — вот интересно о ком она сейчас. По подрагивающим губам понимаю, что про Макса. Протягиваю ей чай с лимоном.

— Может это недоразумение...

— Вик, ты что несешь? — вгрызается в кекс, и продолжает с наполненным ртом. — Ты пытаешься его оправдать что ли? Твоего Лешу часто целуют в губы вздорные бабы?

— Нет конечно! — против очевидных фактов не попрешь. — Ты все-таки думаешь, что они...

— Трахаются? — запальчиво перебивает. — Да мне похер, пусть делают, что хотят, — прихлебывает большой глоток. — Поцелуй был не в щеку, и возмущенным Макс не выглядел! То, что они любовники, нет никаких сомнений.

— Ну может бывшие... — пытаюсь ее успокоить.

И дальше сестра изливает на меня нескрываемое разочарование. В ее словах сквозит горечь и обида, настолько тяжело она переживает мужское вероломство. Мы как будто поменялись ролями, сегодня я — громоотвод, а она — молния.

— Валь! Да плюнь ты на него! — обнимаю ее.

— А может я влюбилась?

— Да прекрати! — сердито отмахиваюсь. — Секс — биологическая потребность молодой здоровой женщины. У тебя давно его не было, вот ты и запала на Макса. Подумаешь, принц какой датский! Лучше найдешь! И пусть этот идиот кусает себе локти, что упустил такую, как ты, — чмокаю ее в щеку. — Небезызвестная тебе личность, — подчеркиваю голосом последнее слово, — между прочим, очень даже заинтересованно на тебя смотрят!

На Валин телефон сыплются смс-ки, и по ее реакции не сложно догадаться от кого. Настойчивый, однако, товарищ! Или слишком уверенный в своей неотразимости. Но как бы там ни было, поговорить этим двоим надо. И я советую сестре, дать ему шанс оправдаться. Даже преступники имеют право на последнее слово, так почему не послушать? Пусть посмотрит ему в глаза, и откинув сожаления примет решение. Хотя с категоричностью Вали, и так понятно, какое оно будет. И двигается дальше. Навстречу нормальному мужику, который можно сказать под боком.

— А что с Игорьком? — подталкивая сбоку, многозначительно играю бровями

— Как честный мужчина, он теперь обязан на мне жениться, — небрежно взъерошив волосы Валя посмотрела на меня укоризненно. — Бросила меня!

— Валь, вот сейчас, ты меня пугаешь... — я вытаращила на нее глаза. — Игорь клялся и божился, что ничего не будет.

— А ничего и не было! — мрачно хмыкает. — Я ни хрена не помню, но проснулась почему-то в парадном белье, под насмешливым взглядом Реплина. И даже не спрашивай меня, как так получилось... — досадливо вздыхает.

— Когда я уходила ты спала... — торопливо оправдываюсь. — Игорь вызвался охранять твой сон, — успокаивающе поглаживаю ей плечи, — и по-хозяйски, так что я даже не нашла, что сказать, выпроводил нас с Рыжим, заверив, что позаботится о тебе.

— Он и позаботился! — стыдливо закрывает ладошками лицо и качает головой. — Даже завтрак мне приготовил... Боже, какой позор на мою седую голову!

— Не преувеличивай! Ты не седая! — отвожу ее руки.

— Ну да...краска скрывает изъяны...Господи, я же совершенно не помню, какой бред ему несла ночью...

— Валь, а точно ничего не было? — поддеваю ее локтем.

— Ты сама подумай, на хрен после секса напяливать на себя развратные тряпки?

— А они развратные? Покажи! — у меня вырывается смешок.

— Переодела! От них же все чешется!

— Так может было? — продолжаю ее стება, отвлекая от мыслей о Максе.

— Вик, вот ты дура? Ну я бы запомнила! Наверное... — добавляет менее уверенно, и я начинаю хохотать в голос.

— Блин, вот ведь напилась... — страдальчески закатывает глаза. — Жесть! — переводит на меня взгляд. — А с Рыжим у тебя что? Последнее, что я помню, как вы танцевали.

— Ооо! С Рыжим у нас, я даже не знаю, как сказать...флирт высшего пилотажа. Давно так красиво никто меня не пытался очаровать!

Время было шесть вечера, когда я начала реально дергаться. Как там говорят, «И хочется, и колется, и мама не велит». Горшок с незабудками, перекочевавший на кухонный подоконник, не давал мне покоя. Вернее, его даритель. Я испытывала волнение и смятение одновременно, не зная куда себя деть. Телефон разумеется отключать не стала, но все время с опаской на него косилась.

— Так систер, колись в чем дело? — Валя уплетает с чаем кексы, переодевшись в мою футболку и шорты, после того, как я предложила ей отсидеться у меня до завтра, чтобы не наделать с Максом глупостей, а то что он сегодня у нее нарисует, судя по настойчивым звонкам, это к гадалке не ходи. — Чего ты такая дерганая?

— Я договорилась встретиться...с подружкой...но как я тебя одну оставлю? — авантюризм все же перевесил мой здравый смысл

— Вик, вот только не нужно со мной нянчиться! — в голосе сквозит возмущение. — Я не собираюсь впадать в депрессию и делать глупости. Жру, потому что кексы действительно вкусные и творожные. С них, вроде как, особо не толстеют. Завтра пойду в спортзал, и сгоню наеденное. Иди, куда собиралась! — царственно взмахивая рукой, великодушно разрешает. — Я тебя отпускаю!

— Ты правда не обидишься? — смотрю на нее глазами Шрека.

— Вусмерть обижусь, если начнешь меня «спасать». Говорю же — иди куда шла!

Я надела синие узкие джинсы, которые отлично подчеркивали задницу и черную водолазку, украсив ее крупной подвеской в стиле кэжуал. Неброско нарядилась, собрала волосы в высокий хвост. Капнула на запястье и шею капельку любимых духов.

— Ну как? — покрутилась перед Валею

— Как всегда, красотка, — одобрительно кивнула. — Давай, гульни там за меня...а я пожалуй спать лягу, — сыто потянулась. — И смотри, — погрозила мне указательным пальцем, — веди себя достойно, как говорит, мама!

— Само собой разумеется! — прыскаю от смеха.

Упаковываю оставшийся кекс в кондитерскую бумагу и подвязываю его у основания тонкой джутовой веревкой, для красоты.

— Подружку угощу! — поясняю сестре.

— Это обязательно! — сдерживая улыбку серьезно кивнув, дает понять, что не верит. — А что всего один-то? Это ж, как слону дробина! Подружка и оценить не успеет, проглотит и

не заметит! — хитро прищурившись, вытесняет меня в коридор. Ждет, когда обуюсь и накину на себя сумочку.

— Так ты же, все и смела!

— Ты главное не забудь, что мелафон у меня! — подмигивает, закрывая за мной дверь.

Переминаясь с ноги на ногу в лифте сгораю от бурлящего внутри предвкушения встречи. Сердце колотится, а пальцы, сжимающие кекс, подрагивают от волнения!

«Ничего такого не будет» — внушаю себе.

А какого такого? Симпатичный, умный мужик открытым текстом сказал, что ты ему нравишься, и ты, Вика, собираешься прикинуться манекеном и серьезно думаешь, что он будет просто глазеть на тебя, как на музейный экспонат? Да не ври ты сама себе, ни на это ты рассчитываешь! Хочется ведь совсем другого! Хочется бессовестно флиртовать с ним, и чувствовать его отклик. Тепло его дыхания ощутить на коже хочется, и шепота на ушко, от которого волоски по всему телу дыбом встают тоже хочется. Какой манекен, Карл!

Выйдя из подъезда, повертев головой по сторонам знакомого силуэта я не обнаружила, и хотела, посмотрев на часы, даже расстроиться. Как так! Время семь. Я вся из себя красивая и невозможная... Но обидеться я не успела, услышанный резкий сигнал автомобиля на выезде из двора, заставил меня вздрогнуть. В сумочке зазвонил телефон.

— Карета подана... — хмыкнул довольный голос в трубке. В сумерках замигала аварийкой машина и я пригляделась к ней внимательнее. — Ну и чего ждем? — поторопил меня Рыжий, давая понять, что наблюдает. — Да-да, ты правильно смотришь! Топай скорей!

Расправив плечи и стараясь выглядеть уверенно, я подошла к такси. Передняя дверь распахнулась и на дорогу выпрыгнул Виктор с лучезарной улыбкой.

— А вот и я! Соскучилась? — радостно поприветствовав, открыл заднюю дверь, достал оттуда горшок... с белой гипсофилой... и театрально расшаркавшись, протянул мне. — Прощу!

В моем взгляде, наверное, сквозила растерянность. Я никак не ожидала такого сюрприза, и уж тем более, не ожидала, что Рыжий будет открыто рисоваться возле моего дома.

— Вот как знал, что тебе понравится, но что онемеешь от восторга и представить не мог!

— Знаешь, что... — воровато озираюсь по сторонам. Так, вроде бы никого из знакомых нет. Хорошо. Мстительно прищурившись, нацеливаю на него указательный палец.

— Что?

— У меня тоже для тебя есть подарок!

— Да не может быть... — театрально расширяет глаза. — Неужели жаркий поцелуй?!

— Нет, конечно... — чувствую, что краснею, потому что намекает он явно на вчерашнее. — Это тебе!

И обменявшись с Рыжим презентами и дурацкими улыбочками, залезаю на заднее сиденье в такси.

— Двигайся! — теснит меня, присаживаясь рядом.

Устраиваюсь поудобнее, ставлю между ног горшок с цветком.

— Ну привет что ли! — поворачиваю к нему лицо.

— Ты поразительная! — смотрит на меня восхищенно. — Честно говоря, я боялся, что ты меня продинамишь. Еще одно очко в твою копилку, Фике!

Смутившись, от его похвалы поджимаю губы в улыбке.

— Знаю, что это не очень традиционно для свидания, — треплет беленькие макушки

цветков, — но зато у меня есть повод снова блеснуть эрудицией! — многозначительно играет бровями.

— Спасибо... — тоже вожу ладонью по цветочному облаку, и мы случайно соприкасаемся руками, — ... действительно неожиданно, — вырывается у меня смешок.

— В этом вся и прелесть! Видеть в глазах радостное удивление! Сама пекла? — кивает на кекс. — Для меня?

— Ну не то чтобы для тебя...

— Вик, — сжимает мою руку. — Мне безумно приятно. Я его с удовольствием съем.

— Так какие у нас планы, Всезнайка?

— Надеюсь, ты голодная?! Может, какие пожелания будут?

— Сегодня вечером я полностью полагаюсь на тебя.

— Ого, — наклоняется к моему уху и шепчет. — Говорить такое мужчине очень опрометчиво. Мало ли, какие у меня могут быть фантазии.

— Имей в виду, — отодвигаюсь от него, предостерегающе сводя брови, — полезешь целоваться — тресну тебя по физиономии!

— А я уж размечтался чмокнуть тебя в щечку на прощание возле подъезда, — вздыхает сокрушенно, и резко обхватывает меня капканом рук. — Обломщица!

Я в шутку пытаюсь его укусить, он в шутку отбивается и подвывает, как побитая собака. И все это довольно шумно и весело. Так, что мне хочется беситься с ним, и совершенно не стыдно перед водителем. Наоборот, хочется творить всякую дичь! Например, дернуть за рыжую бороду.

Вот, что за чушь лезет в голову?

— Куда мы едем?

— Мне адски стыдно, и я постараюсь исправиться... — виновато шмыгает носом, — ... я записался в барбершоп... другого времени у них не нашлось... а очень хотелось соответствовать идеальной тебе, — проводит пятерней по отросшей шевелюре. — Подождешь меня немного?

Ничего себе свидание! Просто обалдеть! Смотрю на него с недоумением.

— А за это загадывай любое желание.

— Любое?

— В пределах моих возможностей. Пожалуйста... — жалобно канючит. — Зато я буду писанным красавцем!

— Писанным, значит... — прищурившись, оглядываю его, — Раз мужчина так просит... ммм... так и быть, я сделаю одолжение. Только потом не жалуйся!

— Ого! Это угроза? — наиграно изобразил на лице испуг

— Предупреждение!

Чопорным снобом, с которым нужно держать марку, Виктор совсем не выглядит, и я забив на приличия провокационно треплю его за бороду. Довольный и радостный, он пытается в отместку незаметно меня пощекотать, я в ответ на его подначку — как пружинка извиваюсь. Мы ведем невидимые для водителя баталии ногами, оба поджимаем губы, еле сдерживая смех. Как мелкие шкодники, честное слово!

В салоне дружеским рукопожатием татуированной руки Виктора поприветствовал мастер с лихо закрученными усами, дополнявшими и без того колоритный образ накаченного мужика в фартуке с белым принтом безглазого, но зубатого черепа, в стиле Jack Daniels.

— Антон, поколдуй по-быстренькому. Мы спешим!

— То есть сегодня обойдемся без покраски? — уточняет совершенно серьезно усач, и я от удивления выпучиваю глаза.

— Ну вот зачем ты выдал мой секрет? — Виктор с тяжким вздохом искоса стрельнул в него взглядом, усаживаясь в кресло. — Как я теперь буду выглядеть перед девушкой?

Рыжий красит волосы? Да ладно!!!!Быть не может!

— Хорошо будешь выглядеть! Стильно! — широко скалится в зубастой улыбке Антон, и ловко обернув черной накидкой, лохматит его волосы. — Сейчас пострижем тебя везде, и будешь Аполлоном.

— У Аполлона нет бороды! — прыскает от смеха Виктор, глядя на меня.

— Конечно нет, это же бабочка!

— У этой бабочки, между прочим...

— Так, Муля, не нервируй меня! — мстительно, как из пистолета брызгает несколько раз в Рыжего из пульверизатора, — а то отрежу что-нибудь лишнее!

— У меня есть желание! — встречаю в их перепалку. Виляя задницей обхожу кресло, расправляю на Викторе накидку, и улыбаясь, глядя в глаза, озвучиваю. — Сбрей бороду! Ты обещал!

Бутылек с водой угрожающе перемещается в мою сторону. Антон возмущенно, раздувая, как бык, ноздри, испепеляет меня гневным взглядом. Быстро прячусь за спину Рыжего.

— Уверена? А как же антистресс? — вопросительно вскидывает бровь, глядя через зеркало. Не ожидал, Аполлон, да?

— Ты за меня не беспокойся. Я на нервы не жалуюсь, — обнимаю его за плечи со спины и трусь подбородком об ухо.

— Мужчина — сказал, мужчина — сделал! — решительно выдыхает. — Брей! — кивает мастеру.

Тот переводит ошарашенный взгляд с Виктора на меня.

— Волосы не зубы, отрастут! — подливаю масла в огонь, а сама пребываю в ахуе от происходящего. Неужели решится?

— Ну чего смотришь, Антон, начинай!

— Виктор, эта женщина, твоя погибель! В ней никакого милосердия и тяги к прекрасному! — наклонив голову Рыжего на бок, включает триммер и подносит к его щеке. — Вандалка! — гневно кидает мне.

Нет! Нет, нет, нет... Сердце долбится в горле, я не хочу быть вандалкой! Мне нравится его борода! Я в нее уже влюбилась!

— Да ты что! — ловлю руку Антона, и смотрю на непоколебимого Виктора, как на сумасшедшего. — Не надо! Я же пошутила! — оглядываю мужчин оторопело.

— Желание Клиента — закон! — твердо заявляет Антон и снова взмахивает триммером.

— Даже не вздумай! — выпрямляя голову Виктора, закрываю ладошами его лицо от воинственного барбера.

— Это же волосы, отрастут! — передразнивает меня довольный Рыжий. — Жалко?

— Тебя, дурака, жалко! Не узнает же никто!

Победная улыбка, которую я вижу в зеркало, растекается по его губам.

— Неужели ты бы правда побрился?

— Не пришлось бы, — сияя, как начищенный самовар, вынимает свою руку из-под

накидки, ловит мою и целует запястье. — Одна из ключевых эrogenных женских зон по теории исключений должна была бы сработать.

— Какие такие зоны?

— Жалость. Чувство вины. И страх оказаться хуже, чем о тебе думают. А здесь было комбо!

— Ах ты продуман какой! — замахиваюсь на него в шутку. Он смеясь выставляет блок, а Антон все-таки брызгает в меня из пульверизатора.

— Антон, мы торопимся! — напоминает Виктор.

— Так, уйди, женщина. Дай мастеру простор для творчества!

С сосредоточенным видом, ловко порхая ножницами над гривой Рыжего, отточенными движениями Антон безжалостно срезал влажные волосы. По итогу, я увидела выстриженные коротко бока, плавно переходящие в удлиненную макушку. И практически не поменявшую свою длину челку, гладко зачесанную назад.

Затем, Антон принялся за бороду. Нанес на ладони спрей и распределил по торчащим волоскам. Расчесал ее маленькой расчесочкой, которая вызвала у меня умиление. Звонко вжикая сначала прошелся триммером, потом зубчатыми ножничками и завершил процесс, проворно орудуя, опасной бритвой.

— Ну, как? — с гордостью кивнул мне усач, когда, повернув Виктора к зеркалу снял с него накидку.

— Мне нравится, — одобрительно улыбаюсь.

— Женщины! — закатил глаза. — Не дождешься от вас признания!

— Падаю ниц к вашим ногам, о великий кудесник!

— То-то же! — еще раз удовлетворенно осмотрев результат работы подкрутил свои усы. — С тебя десять тысяч!

— А не охренел ли ты, Антон? — округляет глаза Рыжий.

— Это абонемент! — давит голосом. — Как в фитнесе. На год. Будешь ходить, когда захочется и сколько хочешь раз в неделю...хочешь маникюр, хочешь педикюр, хочешь стрижка...

— А массаж входит?

— Пощечинами, по желанию, — спокойно продолжает Антон. — Бесплатный презерватив идет бонусом после каждого посещения.

— Я подумаю! — ржет Рыжий и сует в карман фартука брутального барбера несколько купюр. — Спасибо! — пожимает руку, прощаясь.

— Он, что серьезно?! — офигеваю от услышанного предложения.

— Думаю, да! — Виктор встряхивает шикарной челкой, и прихватив гипсофилу и кекс в одну руку, второй по-хозяйски обнимает меня. И я не просто задерживаю дыхание, я совсем перестаю дышать, когда он прижимает меня к себе. — Ну а теперь культурная программа!

— Любишь кататься? — неожиданно спрашивает Виктор, когда мы выходим из салона.

— Пожалуй, да, — осторожно отвечаю, боясь предположить, какие мысли могли прийти в эту рыжую головушку.

— Ну тогда, я проведу тебе экскурсию по вечернему городу. На троллейбусе. Ты, кстати, когда последний раз каталась на троллейбусе?

— Каталась? — недоуменно переспросила, в очередной раз растерявшись от неожиданности. — Надеюсь, ты сейчас не серьезно? — отступаю на шаг, чтобы понять не шутит ли он.

Нет, ну я уже догадалась, что свидание наше не будет шаблонным, но что настолько оригинальным...гипсофила, барбершоп, теперь вот троллейбус...дальше, подозреваю, мы будем есть чебуреки на вокзале?! Меня пробирает безудержный ржач от этих мыслей.

— И что ты смеешься? Я — абсолютно серьезно! А вот и наш! — подхватывает меня за руку, и тянет вперед. — Побежали!

У меня просто нет слов! Я бегу за троллейбусом! Я когда ездила — то на нем не помню, а чтоб еще и бегала за ним...это вообще за пределами!

— Ну вот, — плюхается рядом и закидывает руку на спинку сидения в практически пустом салоне. — Улыбнись, Вик, это же романтично... покататься по вечернему городу на троллейбусе. Ты, например, знаешь... — я приготовилась слушать, мне же обещали экскурсию, — что первый троллейбус изобрели в Германии?

— Я думала в Англии.

— Нет. Его изобрел инженер фон Сименс. И если ты думаешь, что это тот же самый господин, который основал всемирно известную фирму Siemens, то можешь угоститься моим кексом за догадливость, — откусывает большой кусок и сует мне под нос. — Кстати, очень вкусно.

— Ну, а тогда почему он bus? — отвожу его руку. — Не хочу!

— Потому что массовое развитие обрел в Англии, — продолжает с набитым ртом. — Первые троллейбусы воспринимались как гибрид трамвая trolley, так называли трамвайный вагон, и автобуса bus. Между прочим, именно компания сименса произвела первый с мире электролифт, построила первую трамвайную линию и только через год запустила безрельсовый трамвай, то есть то, на чем мы с тобой, дорогая Вика, сейчас перемещаемся.

— Что еще расскажешь? — смотрю на него с интересом.

— Про что?

— Ну например про кондуктора

— Про кондуктора... — задумчиво протянул... — Кондуктор имеет несколько значений. Общеизвестное — работник транспорта, продающий билеты и следящий за порядком в городском транспорте. Кстати корни профессии лежат во Франции, там один предприимчивый владелец бани организовал доставку для своих клиентов специальным экипажем. Но кроме клиентов этим busом стали пользоваться многие жители района, с которых стали брать мзду. А так как водителю лошадей автобуса некогда было бегать и собирать деньги, а горожане-то норовили проехаться на халяву, в повозку посадили кондуктора, от слова conducere «собирать», — прикладывает карту к протянутому пожилой женщиной считывателю. — Есть еще другой кондуктор. Как станочное приспособление для

направления режущего инструмента, например, сверла, и фиксирования его относительно обрабатываемого изделия, — в три больших откуса доел кекс.

— Ну, а билет?

— А что билет? — вертит в руках обертку от кекса, прикидывая куда бы ее пристроить. — Билет, это вообще от слова записка. Обилетить. Что значит? Снабдить бумажкой с записью, дающий право пользоваться чем-либо. Военный билет — бумажка? Бумажка воинского учета. Партийный билет — бумажка? Бумажка принадлежности. Проездной билет? — вопросительно смотрит на меня. — Правильно, бумажка с записью об оплате. Даже желтый билет — бумажка! Выдаваемая проституткам взамен паспорта, разрешающая в дореволюционной России легально вести свою деятельность. Вот только волчий, скорее исключение из правила.

— Почему? — забираю у него бумагу, сворачиваю, обматываю отрезком веревки и убираю в сумочку, взамен протягиваю упаковку с влажными салфетками.

— Спасибо, — выдергивает одну и возвращает мне. — Ну как это почему? Потому что волчий билет, это наоборот документ с отметкой лишаящий возможности пользоваться правами. Обладатели волчьих билетов вынуждены были скитаться по жизни в полулегальном положении, подобно бродягам.

— Грустно...

— Так, наша остановка. Приехали! — тянет меня за руку на выход.

Мы оказались почти в центре города, где полно многоэтажных зданий с панорамным остеклением.

— Готова?.. — интригуяще нагнетает атмосферу.

— Нет, — честно призналась. — Ты непредсказуемый! Ход твоих мыслей невозможно угадать!

— А как же «я полностью полагаюсь на тебя»?

— Вот блин, это я поторопилась. Сказала, не подумав!

— Или наоборот, подумав? — передразнивает меня с улыбкой

— Надеюсь, мне не придется об этом жалеть?

— Я надеюсь тоже. Моя цель — очаровать тебя до глубины сердца. Исключительно в корыстных целях.

— Ничего себе какая честь. Я точно ее достойна?

— Никаких сомнений.

— Вить, у меня есть подозрение, что я не готова ко всему тому, что ты там задумал, — обвожу вокруг рукой. — Может, просто погуляем?

— Да тебя же распирает от любопытства, что впереди!

— Все-все-все, — зажав под мышку цветок-путешественник, поднимаю ладони вверх. — Сдаюсь!

— Как ты относишься к высоте?

Прикусываю нижнюю губу, обдумывая что бы ответить.

— Чувствую какой-то подвох...

— Ну так как?

— В смысле боюсь ли я высоты?

— Да.

— Сразу говорю, с привязанной к ногам резинкой я прыгать не буду.

— Не-не-не, никаких резинок... — растягиваются его губы в коварной улыбке. — Но

кое-что я тебе все-таки предложу, — вынимает из кармана джинсов синий мужской галстук, становится позади и прикладывает к моим глазам. — Доверься мне, пожалуйста... — завязывает на голове, не туго, но достаточно крепко.

Я стою ошарашенная с открытым ртом. Мамочки мои, что он задумал? Волшебника с голубым вертолетом точно рядом нет, треска лопастей не слышно... ну ведь не в люльке же подъемника вышки мы будем кататься? Это уж чересчур! Хотя я уже ничему не удивлюсь!

— Я могу отказаться? — поднимаю голову вверх, опускаю вниз. Ничего не видно.

— Неа, — берет меня за руку и куда-то ведет. — Все уже готово. Здесь совсем близко, — слышу шум разъезжающихся дверей здания. Значит на подъемнике кататься не будем. И то хорошо! — Почти на месте, — сквозь ткань пробивается яркий свет помещения.

— Я выгляжу, как идиотка! — шиплю на него

— Тут никого нет! — шепчет мне на ухо, притягивая к себе. Неуверенно отталкиваю его в плечо, и вдруг пространство наполняется тихой музыкой и людскими голосами.

— Что ты врешь?! — возмущенно кошусь на его голос.

— Вик, на тебя все смотрят! Улыбайся! — в панике спотыкаюсь, норовя пропахать носом пол. Тяну руку с треклятым горшком ко лбу, но стянуть галстук не получается. — Я пошутил!

— Вот скажи мне, ты бессмертный?!

— Разве я похож на Дункана Маклауда из клана Маклаудов?

— Блин, на все-то у тебя есть ответ!

— Не на все, но я стараюсь!

— Как, наверное, трудно было твоим родителям...

— До выпускного класса, я был идеальным сыном, — его голос наполняется нотками холодной иронии. — Не дрался, почти не курил, потому что занимался боксом, кстати там я с Игорем и познакомился, хорошо учился, — подталкивает меня вперед. — Не бойся, это лифт.

Раздался тихий ровный гул, стены и пол еле ощутимо задрожали, появилось ощущение движения вверх.

— Нас тут много? — тихо шепчу, надеясь, что все же в область уха, прижимаясь к плечу Рыжего. А нет, в щеку шептала.

— Толпа! — выдохнул он, шевеля дыханием мои волосы. — Мы все едем в одно место!

— Господи, боюсь представить, что там будет за оргия!

— Я за традиционный секс! — ржет он.

— Ну слава Богу!

— Не поверишь, имею коварные намерения пользоваться тобой исключительно единолично, скрывая от завистливых глаз, — шепчет, касаясь губами мочки.

— У меня вообще-то есть мужчина! — пихаю его локтем в бок.

— Я приложу максимум усилий, чтобы он исчез, — даже не думает тормозить. — Выходим!

Снова берет меня за руку и куда-то ведет.

— Мы почти пришли! Осталась только лестница, — резко замираю. — Да не бойся, обычная.

Слышу неясный звук, напоминавший скрежет металла о камень и шум улицы.

— Теперь чуть-чуть вперед, — раздается тихая команда мне на ухо. Делаю неуверенные шаги. — Все, — меня останавливают оплетающие за талию руки, прижавшегося к спине,

Рыжего — Снимай... — скользит губами по виску.

Осторожно стягиваю галстук с глаз и невольно ахаю.

Вид открывается просто завораживающий: ясное небо, усыпанное серебряными звездами, подсвеченная по периметру крыша самой дорогой в городе гостиницы, на которой я стою, и простирающийся в бесконечность вечерний город.

Слева от нас застыл с дежурной улыбкой вежливый сопровождающий, видимо и организовавший всю эту красоту.

— С ума сойти, — восхищенно оглядываюсь на Рыжего, а обалдеть, было от чего...

На одном конце террасы мерцала нитяными гирляндами застекленная беседка, на другом расположилась живописная арка в виде распахнутого окна, украшенная нежными цветами, а посередине стеклянный, как будто парящий в воздухе подиум, подсвеченный снизу мягкими желтыми лампами. Легкая негромкая музыка и приглушенный свет, наполняли атмосферу волнующей романтикой.

— Фух, — Витя в шутку вытирает со лба пот. — Кажется, не зря старался! Не замерзла?

Заботливо накинул мне на плечи откуда-то материализовавшийся красный плед. И пока парень, что нас сопровождал проводил инструктаж по технике безопасности, обнимая меня за плечи, закрывал спиной от довольно ощутимого и прохладного ветра, гуляющего по крыше.

— Певца не будет?

— Как он, однако, тебя впечатлил! — довольным хмыкнул. — Мне предлагали скрипача, но я отказался. Пожадничал... — делает паузу, — ...пожадничал, что он будет воровать у меня твое внимание, тогда как сегодня ты всецело должна подарить его мне... — жаркий шепот приятно опалил мою шею, и мурашки разбежались мягкой волной от макушки до пяток, ероша и ставя дыбом крохотные волоски на теле.

— Какое классное! — выскользнув из его рук прохожу вперед и забираюсь в подвесное кресло- кокон, которое выглядят, как большой фонарик-огонек. Их тут два.

— Нравится? — встает у меня за спиной.

Нос щекочет грейпфрутовым запахом, а затылок теплым дыханием, так, что хочется зажмуриться, как кошке, от удовольствия.

— Очень! Но, спать с тобой, я все равно не буду!

Чуть подкачнув кресло, Рыжий расхохотался.

— Вик, расслабься! Весь этот антураж, всего лишь приятный бонус к возможности провести с тобой время. Без привязки к желанию затащить тебя в постель. Хотя не скрою, мне бы этого очень хотелось.

— Спасибо за информацию!

Поворачивает кресло лицом к себе и расставляет руки на торцы, как бы запирая меня.

— Не верь мужчине, который говорит, что в женщине его привлекает только тонкая душевная организация. Он врет. Мужчина любит глазами, такова уж его природа. Научно доказано, причем эксперимент проводился с оговоркой, что дурнушка, умна, как Макиавелли, а обладательница, симпатичной мордашки — пустышка, — медленным движением поправил на мне плед, неотрывно глядя в лицо. — Даже лучшие ученые умы, принимавшие в нем участие, подсознательно, руководствуясь низменным инстинктом, проявляли интерес к последней, — почувствовав какое-то глупое смущение, от его

гипнотизирующего взгляда, утыкаюсь носом в гипсофилу. — Ни один дурак не станет просто дружить с женщиной, если маячит перспектива стать ее любовником. И я не исключение, Вик.

— И ты считаешь, это нормально — смотреть на женщину, как на объект для секса?

— Не объект, а партнера. Для отношений, — наклонив голову, прищурился. — Ну а как по-твоему мужчина должен смотреть?

— Ну, не знаю... может с уважением?

— С уважением, Вика, смотрят на силу. А нормальный мужик стремится в отношениях быть сильным. Он завоеватель. Охотник. Если не на природе, то в жизни. Именно древний голод движет самцом к завоеванию. И чем больше у него трофеев, тем сильнее самец, — протягивает руку и поправляет мой хвост, свесившийся на плечо. — Все мужчины самцы и собственники, абсолютно все, но с развитием цивилизации, в современном обществе их агрессия, грубая сила и доминантное поведение перестали быть востребованы. Желанная самка в человеческой популяции зачастую достается не сильному, а более успешному. Поэтому и соперничество за женщину перешло в русло конкуренции.

— Я правильно поняла твою мысль: ты меня хочешь... и будешь всячески себя пиарить, чтобы твой «конкурент» померк в моих глазах, и я сама запрыгнула в твою постель, признав тебя матерым самцом?

— Именно! — утвердительно кивает, приближая свое лицо к моему

Несколько секунд никто из нас не двигается, мы гипнотизируем друг друга. Я сдаюсь первой. Отведя взгляд, прикладываю поочередно ладонь к горящим щекам. Фух! Ну и натиск!

— На город будем любоваться, когда совсем стемнеет, — протягивает мне руку. — Может по бокалу шампанского?

Встаю, вложив в нее свои пальцы.

Пока мы обменивались любезностями в беседке уже накрыли на стол. Мажордом, что выжидательно изображал в сторонке мебель, любезно раскланявшись, показывал висящий в углу телефон, — вдруг что-то понадобится, и удалился.

— Да будут прочными наши зубы и набитым рот! — подхватывает меня на руки и заносит в беседку, где на удивление тепло. Я даже готова поверить, что это тепло от пары светильников на столе в виде горящих свечей.

Хлопок и оставляя за собой белый дымок и шипение, пробка остается в руке у Виктора.

— Ууу, не по-гусарски! — в шутку кривлю губы. — Признавайся, ты со всеми девушками такое проворачиваешь?

— Какое такое?

— Ну, такой весь из себя крутой, умный и щедрый. С тузом в рукаве и луной за пазухой.

Виктор протягивает мне бокал с искрящимся напитком. Принимая его, слегка морщусь, когда слишком близко подношу к носу — и выпрыгивающие пузырьки щекочут слизистую.

— Считаю тебя, впервые.

— Какая честь! И почему я тебе не верю?! — выхожу на улицу и снова присаживаюсь в кокон. Господи, как же красиво. Город, как на ладони.

— Хочешь услышать истории о постельных победах и разбитых сердцах? — облокачивается на кресло, которое кренится под тяжестью в сторону. Хватаюсь за его талию — так можно и вывалиться.

— Конечно хочу. Их было много? — заинтересованно поднимаю на него глаза. В ответ

он неопределенно вертит кистью в воздухе. — Скромничаешь?

— Вовсе нет, — весело хохотнув, положив мне руку на плечо. — Просто на первом свидании как-то не принято обсуждать бывших.

— Да? Блин, ну ладно... — послушно уступаю.

Не так уж много было в моей жизни свиданий, все больше...свиданок...одна буква, а разница колоссальная... Прав, Виктор, разговоры о бывших, так себе идея, для тех, кто хочет понравиться. А нам явно этого хочется.

— Как твоя фамилия? — перевожу тему. Я ведь ничего о нем не знаю, кроме имени, того, что ему нравится футбол, и что он жутко начитанный.

— Мое упущение. Я так и не представился. Линц Виктор Эдуардович. Тридцать лет. Высшее образование. Одинокий бродяга любви. Заядлый оптимист и романтик. Так пойдет?

— Очень приятно, Скромник. Я — Вика, и я — ...

— Я про тебя и так все знаю, — перебивает меня.

— Откуда? — почувствовав, как краснею под его взглядом, закусываю губу. Черт! Это не поддается контролю, щеки всегда меня выдают, когда смущаюсь.

— Все, что мне интересно...

— О-о-о! Ну тогда вернемся к нашим баранам...что там про разбитые сердца и покоренные постели?

Его глаза вспыхивают азартным блеском. Он даже прищурился, будто кошка, перед которой застыла врасплох застигнутая мышь.

— Вот оно тебе зачем? — наклоняет голову в бок.

— Ну вдруг, я все-таки решушь сегодня с тобой переспать, должна же я чем-то выгодно отличаться от вереницы твоих пассий...

— Мне показалось, что с самооценкой у тебя все в порядке. Нет? — улыбаясь оглядывает меня, и пересказывает в красках сюжет Титаника, в моменте, когда Роза отцепляет ди Каприо от двери.

— ... а вообще, если б она была не такая жирная, они бы уместились вдвоем... — заканчивает свой эпос. — Какая ж это любовь, если она собственноручно его заморозила? Исходя из логики, Роза сама должна была ему предложить, остаться сверху. Во-первых, у нее подкожного жира больше. Во-вторых, после секса в ней была энергия щуплого Джека. И не смотри на меня так, — возмущенно открываю рот. Я еще даже ничего не сказала! — Опять же достоверно установлено, что мужчина во время полового акта тратит энергию, а женщина получает. Поэтому женщины способны на многократный оргазм, и они могут заниматься сексом несколько раз подряд. Мужчины на подобное не способны... — совершенно невозмутимо погладил меня по щеке большим пальцем, сделав вид, что не замечает моего смущенного взгляда. — Так вот, вернемся к сути...остывать в воде по закону сохранения энергии, толстушка Роза должна была бы дольше, ну и, следовательно, продержаться могла бы дольше.

— Я же серьезно спрашиваю! — провожу рукой по волосам, сжимая хвост, словно стараюсь собрать воедино вереницу мыслей. Рыжего невозможно переиграть!

— А если серьезно, то давай уже выпьем за наше знакомство, спонтанную встречу и твое любопытство заодно, — поднимает бокал. — Ты для меня — единственная, неповторимая и вообще уникальная.

— Лис какой, — добродушно усмехаюсь, и мы закрепляем его слова мелодичным звоном.

Пока пьем шампанское Виктор цитируем Ахматову, вворачивает пару анекдотов про евреев, и рассказывает откуда так много знает про Питер. Оказывается, после окончания школы он там учился, и попал туда вовсе не от большой любви к этому городу. Все оказалось гораздо прозаичнее.

— Первая любовь для меня стала судьбоносной, — начало прозвучало интригующе. — В выпускном классе, я влюбился в девчонку из параллельного. Безответно. Не нравился я тогда девчонкам: рыжий, очкастый, да еще и худой, как велосипед...

— Ты носишь очки?

— Я предпочитаю линзы, но если долго работать за компом, то лучше очки. Так вот, — продолжил, выдержав загадочную паузу, — она была из бедной, но гордой семьи, а я — мальчик-мажор, родившийся с серебряной ложкой. Дед — главный инженер ТЭЦ, отец — зам. главного энергетика города. Кстати, ты знаешь, что в Питере раньше мажорами называли фарцовщиков? В общем, страдал я по Ирке полгода, а на новогодней вечеринке она сама подошла. Ну и закружила нас, как мне казалось, любовь... Цветочки, поцелуи под луной...обнимашки...

— А потом вы переспали...

— Угадала, — подтвердил спокойным голосом. — Только перед этим, она три месяца меня мариновала, чтоб до кондиции дошел. Трогать себя везде разрешала, дразнила, так что искры из глаз сыпались...вроде и горела вместе со мной, но дальше не пускала... а я с ума по ней сходил, секса хотелось ужасно. Именно с ней.

Запустив пальцы в волосы, провел ладонью к затылку.

— Я должен был поступать в Питерский универ. Только какой мне Питер, Ирка ж меня ждать не будет? А училась она весьма и очень посредственно. В институт — не собиралась. Пределом ее мечтаний был факультет туризма в местном колледже, ну и, как верный рыцарь, я вознамерился поступать здесь...Ох что началось дома!!!Мать мне проела всю плешь, мол я из-за какой-то дешевой девки решил сломать себе жизнь. А я не сломать ее решил, а переформатировать с учетом новых обстоятельств. Одним словом, Ирке, очень хотелось влиться в нашу семью, и мы наконец-то переспали.

— Неужели забеременела?

— Да щас прям! — самодовольно хмыкнул. — Не таким уж простофилей я был, чтобы забыть о существовании резинок, — прищурился, как будто что-то прикидывая в уме. — А через пару недель, к нам заявила Иркина мать и предъявила моим предкам, что я не просто обесчестил ее дочь, а невинной-то она и до меня не была, а изнасиловал!

— Лихо!

— Да! — криво усмехнулся. — На мои вопли, что все было по согласию, никто, разумеется, не реагировал. Мать — рыдала, отец — рычал, сестра — тыкая в меня, крутила у виска пальцем! А я рвался поговорить с возлюбленной! В итоге, родители согласились заткнуть оскорбленному семейству рот денежной котлетой...Не жениться же мне в восемнадцать! И, чтобы все было шито-крыто и ничего не узнал ее отец, а он у нее был с сильно подорванной психикой и непредсказуемой реакцией, после чеченской, для сохранения моего здоровья, меня — таки этапировали в Питер.

— Ну если ты изначально туда планировал, это не должно было стать трагедией?

— Не совсем так. Планы лелеяло мое семейство.

— Но ведь ты же поступил?

— Конечно. Только не на экономику, с которой была связана родительская стратегия

моего восхождения на Олимп, а на прикладную математику.

— Вот это отомстил! — расхохоталась я.

— Ага. Был жуткий скандал, мать — снова рыдала, отец — рычал, сестра — ржала. А я испытывал какое-то скотское удовольствие, как будто наконец-то скинул с себя путы... Короче... лишился я отеческого благословения, а вместе с ним и денежного довольствия, за непослушание. Иногда приходилось туго, но я всегда был умным... — с гордостью наставляет на себя большие пальцы. — Девчонкам в общаге, а как ты понимаешь, именно в ней я и оказался, решал контрольные за обеды и ужины, устроился доставщиком пиццы, фарсовал купленными в секундах шмотками, сочиняя легенды про несуществующего брата в Англии, короче крутился, как мог... Ну и сестра мне денег, от своих карманных и выманенных, подкидывала, за что ей огромное спасибо, не дала брату с голода умереть.

— Сколько у вас разница? — выпиваю шампанское в несколько глотков.

— Три года.

— Мои смирились, только к Новому году... когда я домой первый раз приехал. За курткой зимней. Денег на новую, было до ужаса жалко. Вот тогда-то и узнал от сестры, что тему с износом, раскрутила матушка моя. Уж очень ей хотелось видеть сына в качестве финансового директора какого-нибудь инвестиционного банка, а все возможности у нашей семьи для этого имелись, и безродная девка из низкосортной семьи, само собой, никак не входила в планы, — широко усмехнувшись, посмотрел на город.

— Был жуткий скандал. Снова мать рыдала, отец рычал на мать, сестра успокаивала обоих... а я наблюдал с наполеоновским спокойствием за третьим действием марлезонского балета... Но нет худа без добра. Уехал я в Питер не только с пуховиком, но и ежемесячным лимитом... который, практически сразу загнал в свой секендхендный бизнес. И хочу сказать, наконец-то зажил почти припеваючи. А у тебя есть страшная тайна?

Я вдруг поняла, что он ждет от меня тоже какого-нибудь постыдного признания. И что даже, если будет смеяться над ним, то без злости и желания унижить.

— Есть у меня такая... — говоря это я рассматривала, смыкающиеся металлические круги на своей подвеске, — о которой никто не знает... Я протыкаю мандаринам в магазине живот. Прямо кайф испытываю, когда ноготь рвет кожуру и входит в мякоть, и жутко бесит, когда шкурка приросшая. Само собой, испорченные мандарины я не покупаю.

Прикрывая рот ладонью, он беззвучно затрясся от смеха.

— Извини, Фике. Я не над тобой. Просто у тебя было такое выражение лица, когда ты об этом говорила...

— Ой, да ладно! — небрежно махнула рукой. — Чего уж там... смейся!

— А я книги в магазине переставляю, — неожиданно признался. — И разговариваю с котами.

— Это многие делают.

— Я разговариваю на их языке.

— Это как?

— Беру на руки, шиплю, мяукаю и урчу им в морду.

Я громко расхохоталась, а он вслед за мной. Мы ржали, как два дебила. Останавливались на секунду, смотрели друг на друга — и снова начинали заливаться. И не было в наших признаниях ничего покаянного, но в этом пряталось особое удовольствие. Смеяться вместе, над своими слабостями.

— Пошли уже ужинать! Остынет все! — потянув одной рукой меня за руку, второй

Залпом допил свое шампанское.

— Ну что, — снова наполнив бокалы Виктор посмотрел на меня, слегка прищурившись, — на брудершафт?

— И целоваться? — я облизывала зубы изнутри, чтобы хоть как-то сдержать улыбку, хотя она все равно, наверное, перла из глаз.

— А иначе какой смысл?

Наклонившись над столом, мы переплели руки, выпили, и я, как дура, приподняла подбородок, потянувшись навстречу. Рыжий чуть уклонился в сторону и коснулся самого краешка моих губ, там, где сходятся верхняя и нижняя. Коротко — как будто поставил точку, которая тут же расплзлась в загадочное многоточие, потому что, дразня скользнул губами по щеке.

— Я не хочу выхватить по морде, — насмешливо играет бровями.

Ах ты ж ... подловил! Ну ладно, я тоже умею мариновать, промелькнула злорадная мысль, и меня тут же затопило жаждой возмездия.

— Я заказал на свой вкус, — вытягивает из пачки, предусмотрительно оставленной на столе влажную, салфетку и протирает руки. — Но надеюсь тебе понравится.

Пододвигает мне дымящуюся коробочку из корейского ресторана, и ловко открыв свою орудует палочками, засовывая в рот лапшу с кусочком говядины.

— Не бойся, ничего особо острого нет, — обводит рукой стол. На столе красиво расположились жареные баклажаны, фаршированные шампиньоны, какой-то салат, с пророщенной соей в маленьких мисочках, и нарезка из фруктов.

— Я специально заказал все для неискушенных. Чапче, очень вкусная, попробуй!

Последовав его примеру, я тоже тщательно вытерла руки, и открыв упаковку вдохнула аппетитный пряно-мясной аромат.

— Можно я не буду выпендриваться? — обнаружив, скромно отложенные в сторонке более традиционные столовые приборы, взяла вилку и смущенно призналась. — Палочками, я чаще пользуюсь, как заколкой для волос.

— Конечно!

Размешав содержимое коробочки, чтобы остудить, я настороженно приступила к еде.

— Очень вкусно — зажмурилась от удовольствия с набитым ртом.

— Шампанское, как и гипсофила не особо вписываются сюда, — стрельнул глазами на любовно пристроенный мной в центр стола горшок, — но мы же выше предрассудков, — задорно подмигнул. — За нас!

Я не знаю, чем Виктор меня так притягивал. Какой-то откровенной непосредственностью, что ли... А может тем, что не старался выглядеть круче, чем есть на самом деле. Хотя он и правда крутой, не каждый будет так шиковать с малознакомой женщиной, которую видишь третий раз в жизни. Нормальные люди приурочивают такие свидания к чему-то знаковому.

— Тебе, наверное, дорого встало это удовольствие? — обвожу вилкой вокруг.

— Вовсе нет, пару раз продал себя симпатичной хозяйке этого места! — отмахивается небрежно.

Я всматриваюсь в его лицо и с понимаю, что он снова надо мной смеется.

— Шучу! У меня много друзей, — гордо задрал подбородок. — Аренда столика

обошлась мне чисто символически, потому что главный менеджер гостиницы, лучшая подруга, девушки Романа, того самого, что директор твоей сестры. А еда заказана из ресторана. Кстати, как там Валентина?

— Более- менее...

— Игорек был на высоте?

— Уж не знаю на какой высоте был Игорек, но Валя моя была в ударе! Нет-нет, — закрываюсь в шутку руками крест накрест. — Не спрашивай! Это не мой секрет.

— Очень любопытно, конечно... но думаю они сами...без нас разберутся...

— Я тоже так думаю.

— Попробуешь? — трясет небольшую пластиковую бутылку с иероглифами.

— Традиционное корейское рисовое вино. Не бойся, оно слабенькое, всего градусов восемь.

— А давай, — двигаю к нему стопку. Линц разливает непрозрачную, будто смешали обычное молоко с топленным, жидкость, совсем непрезентабельного вида. Даже страшно пробовать как-то, потому что кажется, что это будто что-то порошковое и отвратное.

— Не бойся! — подбадривает с улыбкой.

Клянусь, его улыбка могла растопить даже айсберг, не то что склонить на свою сторону таких экспериментаторов, как я.

Делаю первый глоток и....

Неожиданно — приятная сладость с долей кислинки. И пахнет необычно, все той же кислинкой, сладостью и рисом

— Ну как?

— Очень освежающий вкус, — одобрительно киваю. Рыжий подливает еще. — Понятно, что в составе рис, а что еще?

— Ячмень, мука, дрожжи ...

— Фу, клейстер!

— Тебе же понравилось? — смеется он.

— Ну такое себе...много не выпьешь...

— А вот корейцы его пьют много и часто. Наливают из чайничка в пиалочки и фигачат, по любому поводу, — качает головой в подтверждение своих слов. — Корейцы вообще много пьют. Они сами по себе малокоммуникабельные, а алкоголь их подстегивает к общению и раскрепощает.

— Ты был в Корее? — закусываю вино баклажаном, кстати острым и с чесночком. Целоваться-то мы все равно сегодня не будем.

— Чуть-чуть, — показал пальцами.

Наш разговор принял оборот вежливого трепа. Вроде бы, о самых безобидных вещах, но постоянно балансируя на краю волнительной фривольности. Впрочем, с Линцем это вовсе не воспринималось, как фривольность, скорее, как пикантность.

Голова у меня была полностью ясная, разве что в теле появилась едва заметная приятная расслабленность, я с удовольствием слушала, как Виктор с юмором рассказывал о своей веселой жизни в Питере, о том, как непросто было поначалу в общежитии...спать на скрипучей кровати, с часто храпящими из-за постоянных пьянок соседями. Как открывал для себя злчные места, как первый раз переспал с проституткой.

— Давно танцевала? — совершенно неожиданно перевел тему.

— Давно, — мечтательно вздохнула.

Я, когда немного пьяна, мне танцевать хотелось даже больше, чем в порыве страсти иными частями тела ощущать мужское внимание.

— Я тоже, — делает музыку пультом чуть громче и пригласительно протягивает мне руку.

— Прямо здесь?

— Ну зачем же тут? На улице... во-о-он там, — указывает пальцем на парящий подиум на крыше. Подхватывает плед, укрывая себе плечи, тянет меня за руку на выход.

— Районы. Кварталы. Жилые массивы... — смеюсь я, выкрикивая на ходу.

Не до смеха стало, как только Рыжий плавно притянул меня за поясницу к себе. Одна его рука обхватывала мою талию, другая прошлась по спине и остановилась на шее, поигрывая краем волос.

— Эй, — бархатный шепот коснулся уха, — расслабься, это просто танец.

И я расслабилась. Мне было очень хорошо в коконе из его рук и закрывающего нас от всего мира пледа. Было тепло, уютно, и невероятно приятно. Я чувствовала его горячие ладони, прижимавшие меня к нему. Пальцы самопроизвольно нырнули в короткий ежик и поглаживали шею Виктора, когда он раздувал дыханием волосы у меня на макушке.

— Я бы очень хотел поцеловать тебя, — его губы прижались к моему виску.

— Я ела чеснок...

— Я тоже, — услышала у уха, следом за поцелуем вдоль щеки, — разреши... пожалуйста...

Когда наши губы уже изучали друг друга, причем его были очень мягкие, они забрали в свой плен сначала мою нижнюю губу, проведя по ней языком, потом верхнюю. Потом, когда наши языки встретились — свет померк у меня перед глазами. До этой минуты, я была уверена, что это не более, чем фигура речи, красивая и довольно распространенная, но нет — свет действительно померк.

В этот момент на крыше феерично появился наш мажором с подносом в руках, освещенным бенгальскими огнями.

— Десерт, — хмыкнул с сожалением, оторвавшись от моих губ Линц.

Мы снова переместились в беседку, где официант расставил перед нами небольшие металлические креманки с крышками.

— Смотри! — открывая крышку Линц кладет себе ложкой в рот колючий желтый шарик. И без преувеличения у него из носа идет белый дым, как у дракона.

— Боже ты мой! — подлетают мои брови ко лбу.

Широко открыв рот, как глотатель огня, он выпустил мощную струю пара.

— Попробуй, это забавно. Только осторожно. Холодное.

Я опасливо беру комочек и кладу в рот. Не холодное! Ледяное! И ... соленое! — выражение моего лица, наверное, можно описать, как в ужасе. Вкусовые рецепторы просто в панике! Они немеют и взрываются одновременно!

Рыжий хохочет и фотает меня на телефон, махающую руками, с выпученными глазами, да еще и выпускающей из носа облако пара.

Я хватаю свой, и снимаю его не менее «привлекательным», с вытянутыми трубочкой губами пускающим кольца и слезами то ли от смеха, то ли от сковывающего челюсть ледяного сырного шарика. А это оказались именно они, приправленные жидким азотом.

— Вить, мне домой пора. У меня там Валя... — очухалась я в начале двенадцатого.

— Она одна оставаться боится? — удивленно приподнимает бровь, и в ответ на мой

грозный взгляд, примирительно вскинул ладони. — Обидно, — вздыхает огорченно. — Ты завтра вечером свободна? Никаких планов нет?

— Нет. — Это хорошо. Я тебя ангажирую.

И вызвал такси, поблагодарив нашего мажордома купюрой, которую оставил под ведерком с превратившимся в кашу недоеденным десертом.

Мы сидели в такси рядом. Молча. Рыжий взял мою руку и начал потихоньку поглаживать. Обводил по контуру пальцы. Медленно, плавно, задерживаясь на впадинках между ними. Немного щекотно. Но мурашки от этих ненавязчивых ласк пробились до самого желудка и там трепетали бабочками.

Такси остановилось у въезда во двор. Виктор попросил водителя подождать пару минут, вышел и помог выбраться мне. Довел, держа за руку, до лифта, развернул к себе.

— Поднимешься, сразу позвони. Я буду ждать.

Я кивнула и, клюнула его в щеку, прижав горшок с несчастной гипсофилой к груди. Рыжий в ответ лишь провел ладонью по моей щеке — так же мягко и медленно, как до этого гладил пальцы. Задержался мизинцем на краешке губ.

— Что ты делаешь? — прошептала, невольно придвинувшись к нему ближе.

— А как ты думаешь?

В подъездном холле, горела тусклая лампочка, ее света хватило, чтобы разглядеть, какие черти пляшут в его глазах. Но он тут же спрятал их, опустив веки. Наклонился и слегка прихватил губами одну мою — верхнюю. А потом и нижнюю, смыкая их, сжимая и лаская — нежно, дразняще.

— Спокойной ночи, Фике, — тепло его дыхания коснулось мочки уха. — До завтра.

— До завтра... — прошептала опешив, оказавшись за дверьми лифта.

В любой, даже самой несуровой ситуации, а именно в такой я и оказалась, когда и хочется и колется, обязательно должно быть что-то хорошее, обязательно. И в том, что я сейчас не свет не заря замешиваю тесто для слоеных язычков, вместо того чтобы спать, впрок, как я обычно делаю в свой законный выходной, тоже есть что-то хорошее. Или полезное. Или мне так кажется.

Я проснулась рано. Потянулась и почувствовала себя необыкновенно бодро. Энергии было хоть отбавляй. Если бы я бегала по утрам, то сегодня, пожалуй, смогла бы замахнуться даже на марафон.

Но бегать мне никогда не нравилось, и я решила выплеснуть ее во что-нибудь вкусное и поймать свой умиротворяющий дзен.

Закрыв кухонную дверь, чтобы не разбудить сестру, включила музыкальный канал и начала феечить.

Пока тесто вылеживалось в холодильнике, смешала замороженную смородину, собранную собственноручно в родовом Свиридовском гнезде с крахмалом и сахаром для начинки, и разогрела духовку.

Когда по квартире стал разноситься аппетитный аромат в дверь заглянула заспанная физиономия сестры

— Ты ненормальная! И не спишься тебе! — принялась, поблескивая глазками.

— Для тебя же стараюсь! — я довольно развела руками. — Разбудила?

— Конечно, я как крыс из мультика пришла на этот обалденный запах!

— Умывайся тогда и будем завтракать. Я сейчас яичницу пожарю. Тебе с чем?

— Божечки, какой сервис! — хмыкнула Валя, закатив от восторга глаза. — С помидорками и сыром! И побольше зелени!

— Ладно, — хлопнула ее, прыгающую вокруг меня, как нетерпеливый щенок, по заднице выпроваживая.

— Как же вкусно, — уминая очередную слойку, сестра блаженно улыбнулась.

Вот ради таких мгновений, чтобы увидеть на лице разомлевшую от вкусового наслаждения сытую улыбку, мне и нравилось колдовать на своими маленькими творениями.

— Переезжай ко мне сестер, обещаю восхищаться твоими кулинарными шедеврами и не кривить нос, как некоторые, — намекает на Свиридова. — Ну рассказывай, как там прошла твоя встреча с подружкой?

— Да ничего особенного...так в кафешке посидели, поболтали. А твой-то как? Звонил? — перевожу тему.

— Звонил, — вздохнула она, — но я пока что-то не знаю как с ним разговаривать. Ты права, я не хочу больше уходить жалко поджав хвост, при этом еще и чувствуя себя дурехой, которую можно водить за нос. Не хочу больше быть униженкой и оскарбленкой! Короче, я тоже умею показывать характер!

— Тогда, как бы сказал Каа, тебе нужен Железный Зуб.

— Железный Зуб? — непонимающе переспорила. — Зачем это?

— Да. Я знаю, где его взять, — серьезно кивнув ответила фразой из мультика, еле сдерживая смех, — чтобы побольнее укусить обидчика!

— Что — то я как-то не готова к вставным зубам, даже ради сладкой мести...

— Балда! — прыснула я от смеха. — Поедем прибарахлимся! Купим тебе, что-нибудь сногшибательное, чтобы Макс твой слюнями узошелся, когда вы встретитесь... Ну или не Макс... — продолжила чуть тише, получив в ответ гневный взгляд.

Как успокаивают нервы девочки? Кто-то пытается забыться в алкоголе, кто-то ищет забвение в работе и спорте, кто-то саморазрушительно начинает жрать... У меня в острые моменты возникала непреодолимая тяга к шопингу... причем пофигу, что покупать... от шмоток и косметики до посуды и полотенец. Я всегда гордилась собой, если после такого забега возвращалась домой с какой-нибудь одной хренью. Купленные в нервной горячке вещи, очень редко были действительно нужными. Зачастую, глядя на очередную «прелесть», через некоторое время, я сама себя спрашивала — нахерна «оно» тебе? Ответа не было, но в момент приобретения, «прелесть», на то она и прелесть казалась: во — первых жизненно необходимой; во-вторых — обладающей важнейшими свойствами для моего благополучия; и в-третьих, как минимум чуть ли не эксклюзивной.

Сегодня мне удалось совместить приятное с полезным! Я вдоволь накормила своего демона-ониомагии, ничего при этом себе не купив. Зато Вале мы приобрели пару модных и ярких блузок и охрененные красные туфли!

«Буду ждать тебя в семь. Там же. Если что, я с бородой!» — пришло сообщение в Ватсап, когда Валя примеряла очередной наряд под моим чутким руководством.

«Я буду с книгой»

«На хрена нам книга? Бери порнушку! Вместе посмотрим!»

«Молодой человек, Вы ошиблись номером!!! Я — нитаякая!» — растянула улыбку до ушей.

«Ну это мы еще посмотрим!» — звучит ведь двусмысленно, но как пошлость почему-то не воспринимается. Скорее, как вызов. Или флирт на грани непристойности.

И только сейчас до меня дошло, что про Свиридова эти два дня я и не вспоминаю. Не страдаю. Не накручиваю себя последней ссорой. и с нетерпением не жду... Правда и он обо мне видимо не вспоминает... хотя нет! Он же привык, что я всегда первая сдаюсь и иду на примирение. А вот хрен ему в этот раз. Пусть сам! А я буду губки дуть и обиженно носик морщить!

Крепко обнявшись на прощанье и обещая созвониться, я буквально выскочив из Валиной машины, помчалась домой готовиться к... свиданию.

Застыв перед зеркалом сообразила, что не спросила у Рыжего про дресс-код. Будет как-то несуразно, если он будет разряжен в пух и перья, а я вдруг в джинсовой юбке. Хотя вчера меня это вообще не волновало.

Можно, конечно, перезвонить, но показалось, что это как-то... не очень. Поэтому прикинула: вряд ли он повезет меня снова в какое-нибудь пафосное место, вчера все и так было слишком...слишком эффектно. Но вроде как и забегаловка мало с ним ассоциировалась. Значит, нужно что-то такое — и в пир, и в мир, и функционально. Одежды подобной у меня хватало, но зависла я перед шкафом капитально. Что ни доставала, все было не то. В финал вышло синее шифоновое платье чуть выше колена с длинным рукавом, пиджак цвета слоновой кости и лодочки на небольшом каблуке.

Я поймала себя на том, что впервые за долгое время с таким волнением собираюсь на встречу с мужчиной. А подумав, с удивлением поняла, что даже не за долгое время, а... вообще чуть ли не впервые. С Лешей-то все было иначе, нас так закружило... я завязла в нем, как муха в сиропе. Ему и не нужно было меня покорять, я уже была им очарована. Все наши

встречи поначалу были в шумных компаниях, а потом носили интимно — чувственный характер, пусть и с толикой романтики, но без излишеств. Одним словом без песен под луной, сражений с драконами и освобождением прекрасных принцесс.

Отношения с Алексеем я себе отвоевала. Родители были категорически против, чтобы мы съезжались. На правах кого, ты собралась с ним жить под одной крышей? Половой партнерши? Разве для это мы с матерью тебя растили? Тебе двадцать! Двадцать! Нет, Вика, любимую девушку не зовут сожительствовать, ей делают предложение для совместного будущего! Чувствуешь разницу? Ее ценят и уважают, ей восхищаются! К ней относятся бережно, защищают, а не пудрят мозги прикрываясь романтикой и красивыми обещаниями, желая просто получить в свою постель.

Отцу не нравилось все. Ни сам Алексей, ни его родители, которые, по его мнению, излишней демократичностью и пофигизмом, морально развратили своего отпрыска. Свиридов был отпущен на вольные хлеба в восемнадцать, когда поступил в институт, и ему на голову свалилась бабушкина квартира.

Сколько было разговоров! Промывали мне мозги день за днем, выискивая самое плохое, преувеличивая, и выпячивая. Леша был исчадием ада...коварным обольстителем, который помотросит и бросит...

Вообще, родителям на меня было грех жаловаться: никогда никаких проблем не было: поступила на бюджет, по ночам не шлялась, рабой вредных привычек не стала. Только Леша. Единственный момент, где компромиссы были недопустимы.

И сжав зубы, после уговоров, обещаний, и скандалов, — если уж я чего — то хотела могла быть жутко настойчивой и убедительной, — меня отпустили. На втором курсе я к нему переехала!

Предстоящее свидание будоражило меня. Виктор был непредсказуем, он ломал сложившиеся стереотипы в моей голове, заменяя привычное на смелое и оригинальное.

Показав язык своему отражению, я отправилась в душ. С ума сойти, сколько же, оказывается, времени нужно женщине, чтобы привести себя в порядок перед свиданием, если хочется произвести впечатление. Обычно-то мне на выход за глаза хватало и получаса.

Минут за пятнадцать до назначенного времени я сидела на диване, вся из себя красивая. Нервно посматривая на часы открывала и закрывала крышку контейнера с язычками, которыми решила угостить Линца. Вот зачем спрашивается? А сама не знаю. Просто так. Ну мало ли, человек голодный. Ну а вдруг...как девчонка, честное слово.

— Фике, — телефон ожил без двух минут семь, — я жду тебя на улице.

— У подъезда что ли? — ужаснулась я.

— Могу подойти, если хочешь! — хмыкнул Виктор.

— Стой там, где стоишь! — помчалась обуваться. — Я поняла! Выхожу!

Моргающего такси во дворе не оказалось. Зато красовался Линц с синих классических зауженных брюках, бордовой рубашке и явно дорогих черных туфлях. В руках он держал горшок...с каким-то оранжевым цветком, напоминающим хохолок птицы.

— Вика, познакомься, это Виктор, — торжественно произнес, любовно поглаживая горшок. Я в очередной раз выпучила глаза. — Когда меня нет рядом, он будет за тобой присматривать, — продолжает совершенно серьезно, — но и ты должна о нем заботиться. Он любит тепло, воду, солнце. Твою улыбку и мягкий голос. Разговаривай с ним. Не обижай. И он ответит тебе любовью и благодарностью. Правда Виктор?

— У меня просто нет слов! — отмираю после его спитча. — Вить, ты с ума сошел?

Дома скоро оранжерея будет!

— Я пока его поношу, не против? — учтиво подставляет мне локоть, чтобы могла за него зацепиться... — Мы с ним сроднились, понимаешь ли...

Я поколебавшись взялась. Ну а что такого, два человека с горшочным цветком...это несколько не похоже на свидание, скорее встреча с целью поздравления третьего лица. Да. Именно так мы со стороны и смотримся.

— Ну что, пойдём гулять?

— Просто гулять? — недоверчиво уточнила.

— Не просто... а с целью...но это будет сюрпризом!

— Я надеюсь цыган с медведями не будет? Кстати, это тебе! — спохватилась я, тряхнув рукой с пластиковым контейнером перед его лицом.

— А ты бы хотела? — хитро улыбнувшись, неспешным шагом вместе со мной направился в одном ему известном направлении. — Что там?

— Слоеные язычки со смородиной!

— Ну все! Я сражен наповал! — театрально хватается за сердце. — Умница, красавица, да еще и умеет готовить. Мне несказанно повезло!

— Вот тут ты прав! — не могла не согласиться, и в ответ на его удивленный взгляд, показываю ему язык. — Я про умницу- красавицу! Куда гуляем?

— Недалеко. Всего две остановки. Хочешь поедем на маршрутке? — подмигивает мне.

— И ты расскажешь мне про маршрутки?

— Про такси могу...но планировал про цветы...

— Незабудки?

— Да, и Виктора Стрелициуса.

— Кого-кого? — недоуменно переспросила.

— Ну про Виктора, я же вас представил! — посмеивается, кивая на цветок.

— Так вот, в переводе с латинского «незабудка» означает «мышинное ушко» — голос Линца звучал мягко и бархатисто, и я настроилась слушать, — из-за своих листьев плотно укрытых тоненькими волосками, напоминающими ухо грызуна. На английском голубой желтоглазик, звучит, как *forget-me-not*, и считается королевским, потому что в средние века один из череды наследников на престол, будучи в изгнании избрал его своей эмблемой. Я не очень нудный?

— Нет-нет. Продолжай, мне интересно

— Все легенды о незабудках связаны с важностью помнить нечто особенное: любовь, дружбу, дом... Старейший миф пришел к нам из Древней Греции. Богиня Флора одаривала своих подопечных именами, но забыла о неприметном маленьком цветке... — с улыбкой в голосе, закручивает интригу. — И когда мать цветов и растительности проходила мимо, тот прошептал ей вслед: «Не забудь меня...». Именно так и нарекла его Флора, одарив вместе с именем еще и способностью возвращать каждому, кто взглянет на него, память о позабытом доме, любимых и родных.

— Красиво... — задумчиво тяну. — А что там с Виктором? Как ты его назвал-Стрелициус?

— Да. На самом деле название цветка — стрелиция, а в местах коренной прописки в народе зовут «райская птичка», погляди, какой у Виктора хохолок, и любопытный фиолетовый клювик появится скоро, скажи ведь на мальчика похож?.. — сюсюкая, сует мне под нос горшок. — ... а вообще Виктор, в дикой природе, неприхотливый двухметровый верзила, с колючими мясистыми листьями, и как ты догадываешься, это горячий африканский парень. Между прочим, близкий родственник банана. Ты его наверняка видела в солнечных странах, — рассказывает, как будто про человека. — А еще иногда, Виктор пускает скупую мужскую слезу, но ты не пугайся, у него редко бывают истерики. Он тот еще хитрюга! — хмуря брови строго на него смотрит, только что пальцем не грозит, рука — то занята. На ней вешу я. — Это слезы, опаленного зноем солдата, не знающего слов любви, как говорила донна Роза. Для той единственной, истомленной одиночеством бытия, души готовой спасти доблестного пилигрима.

Меня разбирает безудержный ржач, так Рыжий правдиво и серьезно говорит глупости.

— Ви-ка! — осаживает мой хохот. — Обещай, что позаботишься о Викторе! — теребит носом цветочный лист. — Короче... мироточит он только в период опыления, для привлечения внимания маленьких птиц. У тебя может и не будет

— Когда будет «плакать» обещаю быть с ним сладкоголосой птичкой!

— Смотри, за язык тебя никто не тянул!

— Он же все равно не сможет пожаловаться!

— Но ты же этим не воспользуешься?!

За веселой болтовней дорога показалась незаметной. Мы остановились перед двухэтажным зеркальным строением на пересечении улиц. Что-то типа центра фитнеса и красоты, как я смогла понять по неоновой вывеске, откуда из глубины басами гудели разнокалиберные звуки музыки. В неожиданно просторном холле, с расставленными по периметру диванами для ожидающих, нас приветливой улыбкой встретила девушка с ресепшена.

— Здравствуйте, Вы к кому?

— Вечер добрый! Честно говоря, не знаю. Мы на урок сальсы... — любезничает Линц.

— О! Значит к Марии и Гектору! Первый раз?

Рыжий кивает, а я растерянно топчусь рядом и таращусь на него. Что? Какая еще сальса?

— Вам направо, а потом по лестнице вниз, — приглашающе указывает направление. — Танцевальная студия на цокольном этаже.

— Леночка, — обращается к девушке, прочитав ее имя на бейджике, — можем ли мы вас попросить присмотреть за нашим Виктором? — ставит на стол цветок. — Он у нас спокойный и дружелюбный. Лишних хлопот не доставит.

— Конечно-конечно, — с готовностью кивает девушка, ожидая, наверное, увидеть какого-нибудь домашнего питомца.

— Спасибо большое! — подмигнув Лене, Линц облокотившись на стойку наклоняется к цветку и серьезным тоном добавляет. — Виктор, не подведи нас! Будь неотразимым, как ты это умеешь, хохолок там расправь, сверкни клювом...ну не мне тебя учить, сам все понимаешь... Леночка должна быть тобой очарована, когда мы вернемся. Давай, парень, не подкачай!

— Думаю, мы с Виктором поладим, — девушка, поджимает губы, чтобы не расхохотаться, и включается в игру. — Можно предложить ему воды?

— Ой, да не беспокойтесь, — небрежно машет на ходу рукой Рыжий, второй увлекая меня за талию за собой. — Он только попил!

Стараюсь ступать по холлу тихо, но стук моих каблуков отражаясь от плиточного пола, разносится все равно, как мне сейчас кажется, гулко. Или это мое сердце так колотится.

— А ты не боишься показаться ненормальным? — намекаю на устроенное представление на ресепшене.

— О! Я ждал другого вопроса, честно говоря. И даже готовился к протесту. Ты все время меня приятно удивляешь, — забирает контейнер с язычками из моих рук. — Нет, Вик, не боюсь. Если честно, мне плевать что обо мне думают, — перехватывает меня за кисть, когда мы спускаемся по лестнице и придерживает, — за исключением близких людей, конечно. Я понял одну вещь, жизнью нужно наслаждаться, и делать, по возможности, то что нравится, а не тратить ее на пустую суету и ненужные переживания. Вот такая у меня философия. Тебе вот, что нравится?

— Даже не знаю, как ответить.

— Хорошо, а что не нравится?

— В пробках стоять не нравится. Бегать не люблю. Потому что бок колит.

Дверь в танцевальный класс распахнута настежь. В коридор, где царит полутьма, из класса льется яркий свет. Миниатюрная брюнетка с каре и безупречной осанкой и статный мулат, с темными, как смоль волосами, собранными на затылке в хвостик, работают в паре на фронтальное зеркало, оттачивая под музыку движения. Их спины расслаблены, бедра совершают плавные круговые движения, руки скользят в воздухе с удивительной грацией и все это с такой пластикой, что глядеть на них без волнующей дрожи невозможно. Они ритмично двигаются под хорошо знакомую песню младшего Иглессиаса.

— Виктор? — помахала нам девушка. — Добро пожаловать! Проходите, не стесняйтесь! Как зовут твою партнершу?

— Виктория, — представил меня Рыжий, пристраивая на стул у стены контейнер.

— О-о-о! Как здорово! — с мягким акцентом, мулат взял меня за руку и умело ввел в поворот перешедший в закрутку и закончившийся моей прижатой спиной к его торсу. — Я — Гектор, — выдохнул мне на ухо. — Ты очень пластичная, — чуть присев, сместил руки мне на бедра и сделал вместе со мной пару шагов слегка раскачиваясь. — Тебе понравится.

— Вы хотите кого-то удивить? — Мария включает какую-то испанскую песню и встает в пару к Линцу, прижимаясь задницей к его паху. — Или для себя?

— Исключительно для души! — лукаво смотрит мне в глаза Рыжий.

— Ребята, выбрасываем из головы все неприятные мысли, отодвигаем на задний план насущные проблемы и ловим моменты радости и счастья! Поехали!

— Уй-й-й-я-я-я! — задорно выкрикивает Гектор.

Хлопает в ладоши бросает на меня призывные взгляды, лучезарно улыбаясь.

— Виктор! Сальса — страстный и импульсивной танец. Не стесняйся, трогай меня! — резким движением Мария кладет руки Линца себе на бедра и недвусмысленно потирается спиной о его грудь. — Закрой глаза, расслабься, почувствуй меня, — командует, перекивая музыку, и мне честно говоря становится слегка неловко.

— Эй-эй! У меня же так встанет, — слегка придерживая партнершу ржет Рыжий, в то время, когда наглые руки Гектора скользят по моей груди.

— Жаркий, бурный, горячий танец! Как секс после долгого воздержания! — вжимается в него. — Партнера нужно хотеть!

— Я понял! Понял! — смеялась, Линц двигает синхронно с ней бедрами.

Под задорную музыку, разучивая простые движения и связки, мы с Виктором учились ловить ритм партнера. Расклешенная юбка моего платья бесстыже пархала, оголяя ноги почти до трусиков, но мне было плевать. Я, действительно, ловила кайф от самого процесса происходящего, и произвести хоть какое-то впечатление мне хотелось только на одного человека в этой студии, и я видела, как он ревностно смотрел, когда Гектор прижимался ко мне. Вот уж у кого, наверное, девочек немерено. Он виртуозно владел телом, раскрепощая и раскрывая в партнерше чувственность, заставлял трепетать в своих руках. Но и ко мне он не остался равнодушен. Да-да, я это почувствовала. И животом, и задницей, плавно встраиваемая им в его грациозные танцевальные движения.

— В сальсе всегда присутствует мужское и женское начало, — ставит нас в пару с Линцем Мария. — Мужское это ритм, а женское — мелодия. Мужчина с женщиной как бы сливаются в одно целое и в момент танца полностью принадлежат друг другу. Поймайте взгляд партнера, опалите его жаром и улыбайтесь, — мы не сговариваясь строим друг другу рожи. — Это танец для тех, кто не хочет оставаться незамеченным. Для тех, кто хочет заявить о себе! Вы должны ощущать энергетику! Вы молоды, красивы, влюблены! Влюблены, в своего партнера! Вы блистательны, и просто обречены на зависть и успех!

— Не отключивай! — Гектор легонько хлопает меня по заднице и включает музыку. — Начали! И-и-и...раз-два-три-четыре... — считает и хлопает в ладоши в такт.

На удивление, у нас получается. Движения и связки, конечно, не идеальные, они не доведены до автоматизма, но суть мы уловили. Мужчина подавляет в себе природного самца и ведет свою партнершу в танце, нежно, заботливо и трепетно. Женщина, забывает о феминизме, следует и безоговорочно доверяет себя своему партнеру, при этом отчаянно флиртуя и улыбаясь всем, заставляя его ревновать.

Мария и Гектор танцуют рядом с нами, выписывая какие-то умопомрачительные пируэты. Их танец другой, движения более агрессивные и резкие, невероятно

темпераментные и сексуальные. Глаза обоих горят от эмоций, кто кого переиграет в этом поединке флирта и азарта.

— Раз, два, три, четыре, — выкрикивает Гектор. — Импровизируй, детка! Пусть в его штанах горит огонь! — подзадоривает меня.

— Прижми ее как следует, Виктор! Отомсти! — командует Мария. — Давай — давай Шаг! Выпад! Шаг! Поворот! Пусть почувствует, то что натворила в твоих штанах!

Мы с Рыжим дружно прыскаем от смеха, и бесстыдно прижимаемся друг к другу.

— Чуть мягче, Вика, — встает со мной в пару Гектор, уверенно задавая темп и ритм. — Соблазни меня!

— Смелее, Виктор, ты же мачо! — не отстает Мария, призывно улыбаясь Линцу

И напоследок, в конце занятия мы с Рыжим опять оказываемся вместе. Гектор включает красивую песню.

— Способные вы мои, на бис! — хлопает в такт музыке Мария и становится впереди нас. — Повторяйте за мной!

Мы смотрим в зеркало и повторяем ее движения, получается почти синхронно и гармонично. Гектор ходит вокруг нас и снимает то ли фото, то ли видео.

— А теперь в пару! — Линц плавно дергает меня на себя, выполняя команду. — И раз, два, левый поворот! — отстукивает в ладоши. — Молодцы!

Ее подхватывает Гектор и они снова выдают на паркете историю дикого желания и необузданной страсти.

— Будем рады снова увидеть вас! — обнимают нас по очереди наши учителя. — Ребята, вы очень красивая пара, берегите друг друга!

Взявшись за руки, мы возвращаемся на ресепшен. Я чувствую себя действительно уставшей. Вроде и фитнесом занимаюсь, а мышцы неприятно потягивает. Интересно, а как Линц себя чувствует?

— Леночка, как вел себя Виктор? — налив из кулера воды жадно пьет Рыжий. Я тоже пропускаю стаканчик холоденькой живительной жидкости.

— Он был безупречен! Настоящий кавалер! — смеется девушка. — До новых встреч, Виктор! — церемонно кивнула цветку.

— Может выпьем кофе? — выйдя на улицу предложил Линц. — Тем более, есть с чем, — потряс контейнером

— Вить, у меня нет сил куда-то переться, — устало признаюсь.

— У меня, если честно, тоже. Чувствую себя балероном. Не поверишь, икры дрожат, — смотрит на меня из-под ресниц. — Гуггл показывает, что кафешка есть в соседнем доме. Пошли! — тянет меня за руку.

— Потрясающе вкусно! — Виктор растянулся в блаженной улыбке, уминая мои язычки с заказанным кофе. Не знаю почему, но мне вдруг захотелось поделиться с ним очень личным

— Я знаю, что мне нравится. Мне нравится печь. Печь для людей. Видеть их сытые и милые лица и знать, что я причина довольной физиономии.

— Ты просто прелесть, Вик! — поймал мою кисть ладонью и слегка сжал пальцы. Я вынула руку из его пальцев, почему-то начав смущаться.

Похоже, он умудрился незаметно вызвать такси через приложение, потому что, когда мы вышли на крыльцо, нас уже ждал немного потрепанный жизнью седан с эмблемой популярного сервиса.

— До завтра? — хриплый голос разбежался мурашками по телу у моего подъезда. — Я же тебе еще не надоел?

— Нет. Это ответ на второй вопрос.

— А на первый?

Я осторожно откинула челку с его лица и огладила скулу, уголок губ, мазнула по подбородку.

— До завтра... — поймала взглядом его губы, слегка обветренные, и не удержавшись мягко чиркнула по ним большим пальцем. В ту же секунду, Линц запустил пальцы в мои волосы на затылке, и впился атакующим поцелуем. Целовал так, словно хотел, как в танце, заставить довериться и подчиниться. — Ну все, все... — отстранившись, я начала отворачиваться. — Мне пора...

— Позвони, как поднимешься, — засунув руки в карманы, хрипло попросил.

— Я позвоню...ты иди... — рванула, словно перед носом петарда взорвалась, потому что из подъезда послышались приближающиеся голоса. Вот только показательного выступления во дворе мне еще не хватало.

В фирме отца все специалисты имели квалификационный аудиторский сертификат. Я получила его два года назад и очень гордилась тем, что прошла все уровни экзамена с первого раза без протекции.

Жесткого тайминга и контроля на работе не было, но все поставленные задачи должны были быть выполнены на высшем уровне и в установленные сроки. Это мы и обещали своим клиентам.

Предприниматели средней руки заказывали у нас аудит, позволяющий, после устранения недостатков, с высоко поднятой головой противостоять нападкам вечно голодного и жадного до денег налогового органа.

Большинство клиентов приходили к нам по ненавязчивой рекомендации, за регулярное вознаграждение, конечно, именно оттуда. Да и офис располагался, как раз в соседнем от инспекции здании, так что далеко ходить было не нужно. Как говорится, напортачил — повинился — исправился.

Немногочисленный штат, дружелюбная атмосфера в стенах лаконичной, но уютной обстановки стала нашей сильной стороной. Весьма демократичные цены и финансовое сопровождение привлекали клиентов, позволяя отцовской фирме преуспевать в бизнесе. Звезд с неба не хватало, но профессионализмом, усердием и целестремленностью достигли определенных высот, которых хватало на «хлеб с маслом», а иногда и икрой.

Я сейчас вела три проверки, и писала аудиторское заключение по одной из них. В общем-то, в предоставленных, моим клиентом, документах не было существенных искажений, но рекомендаций и замечаний у меня все равно получилось много. Куда же без них. За это нам и платят.

Просматривая в ноуте пометки, я ловила себя на том, что никак не могу сосредоточиться. Отвлекалась и витала в облаках, собрать мозги в кучу выходило с трудом. Прочитав в десятый раз разрозненный набор шаблонных фраз, никак не могла четко сформулировать мысль, чтобы вменяемо ее выразить в предложениях. Злилась и начинала сначала. К обеду успела сделать только треть от намеченного. В итоге, психанула, сохранив незаконченное заключение, раздраженно закрыла крышку ноутбука и встала. Последнее движение отозвалось легкой болью в ягодицах и бедрах. Сразу же вспомнилась вчерашняя сальса, с ее пружинистыми шагами и поворотами. И Линц. И его упругая задница, и мускулистые руки. И не пойми откуда нахлынувшее любопытство, на предмет его постельных пристрастий? Какой он? Нежный или страстный? Контролирует, использует, присваивает или наоборот? Вот черти о чем думаю! Дура! Не будет у тебя с ним ничего! Не будет!

Мой разгоревшийся интерес — от скуки и нехватки внимания! По-другому и быть не может! Вернется Леша, и забуду я о рыжем котяре, как о любимом зонте, потерянном позапрошлой осенью. С чувством легкого сожаления, все же нравился, а к хорошему быстро привыкаешь.

Замерев у окна, затерявшегося на втором этаже офисного здания в старой части города, я наблюдала как молодой парень-курьер достав с заднего сиденья автомобиля агрегатора доставки еды бумажный пакет, что-то сверял с телефоном.

Даже самой себе было позорно признаваться, с каким нетерпением я жду вечера. Что

Линц еще придумает? А может, он уже все взвесил и решил не заморачиваться на бесперспективняк? Зачем, я ему сдалась, если выхлоп от меня нулевой. Сама же открытым текстом сказала, что спать с ним не собираюсь.

А-а-а!

Раздосадованно поморщившись, я прикусила нижнюю губу.

Вот какого черта, я весь день держу сотовый на виду, периодически проверяя потухший экран? Потому что, жду. Жду, Карл! Хочу, чтобы позвонил, или написал...хоть как-нибудь себя проявил!

Ну не дура! Мало проблем что ли в жизни?! Оборжаться, блин!

Да и хрен с ним, пусть лучше не отсвечивает больше...Приду домой, наберу расслабляющую ванну с солью и мышцы погрею. Вина себе налью. И буду лежать в опостылевшей тишине! Не хоч-у-у-у!

Сзади на столе разразился мелодией мобильник.

— Алло, — равнодушно ответила на входящий звонок.

— Виктория?

— Слушаю...

— Доставка еды.

— Я ничего не заказывала, — усевшись в кресло, оживила экран ноута. Ого, время-то уже обед, отметила про себя.

— Заказ оплачен. В доставке указан ваш номер и имя, — прозвучало устало, но твердо.

— А вы где?

— На стоянке.

— Не поняла, на какой стоянке? — подхожу к окну и вижу озирающегося курьера, топчущегося у машины.

— Здание рядом с налоговой, все верно?

— Да, — по моим губам растекается дебильная улыбка, а сердце начинает учащенно трепыхаться. — Я сейчас спущусь.

Забираю у парня бумажный пакет и сгорая от нетерпения лезу внутрь. Кофе, горячий бутерброд, и салат с тунцом.

Обычно, если есть компания, я обедаю с коллегами в маленькой уютной кафешке за углом. В тихом закутке, подальше от шумных столиков, где мы обсуждаем работу, и просто сплетничаем. Но сегодня, практически все приятельницы разъехались по конторам заказчиков, бороздить глубины их сакральных документов, а те что остались в запаре, и я планировала обойтись перекусом из чая и печенек, что предлагает нашим клиентам офис-менеджер. А тут на голову свалилась куча вкуснятины, ну праздник просто! И я даже подозреваю, кто мне его устроил.

Довольно пританцовывая я разложила "богатства" у себя на столе. Рот тут же наполнился слюной. Трапеза на рабочем месте отцом категорически не приветствовалась, он даже оборудовал специальное помещение для этого, но мне сегодня, как, плохой девчонке, пока никто не видит, хотелось чуть-чуть пошкродничать. Да простит родитель мне мою маленькую вольность!

С аппетитом быстренько проглотила салат. Бутерброд оказавшийся действительно горячим, с хрустящей корочкой, ветчиной, сыром, и дольками помидорок, отлично зашел под черный сладкий кофе. Можно прям сказать, все как я люблю. Вот откуда Линц знает? А может это вовсе и не он? Может это Свиридов так пытается меня умаслить, закралась

сомнение. Он давно изучил все мои привычки и пристрастия, и точно знает, чем меня можно зацепить, чтобы подлизаться.

Откинувшись на спинку кресла, чтобы отвлечься от запутанных мыслей, я развернулась к окну, прихлебывая ароматный напиток.

— Привет!

— Привет, — отозвалась, как можно непринужденнее в трубку, чтобы он не подумал, что я, как дурочка, рада.

Он позвонил! Позвонил!

— Как настроение?

— Теперь вполне себе рабочее, — сыто погладила живот. Губы сами растянулись в улыбку и настроение стремительно поползло вверх.

— Теперь?

— После вкусного обеда... — аккуратно попыталась прощупать свою догадку.

— Понравилось? — довольно хмыкнул. — Я старался. Правда получилось спонтанно, без особой фантазии. Но мы наверстаем...

— А ты сам-то где? — слышу на заднем фоне музыку и шум улицы.

— Я сегодня на хоз части... по делам мотаюсь. Работаю. Увидимся вечером? Все в силе?

— Да, — ответила так же уверенно, как если бы меня спросили больше ли столовая ложка, чем чайная. — Вить, можно тебя попросить?

— Ну попробуй...

Виновато вздохнув, я собралась с духом.

— Ты только не обижайся, ладно? Не нужно мне больше дарить цветы, — смущенно понижаюсь до шепота, и тут же торопливо добавляю. — Они очень красивые! Просто... просто земля, пыльца, запах...

— У тебя аллергия? — послышалось беспокойство в голосе. — Прости, я не подумал!

— Нет. У меня нет аллергии.

— А-а-а, я понял! У кренделя твоего...

Молчу не комментирую. У Свиридова, действительно, аллергия на поллиноз и шерсть животных. Обнаружилась три года назад, когда откуда не возьмись у него появился хронический насморк. Именно потому у нас нет в квартире ни растений, ни животных. К моему великому сожалению. Теперь-то есть. Целых три. Не знаю, что будет с незабудками и гипсофилой, как прочитала в интернете их век короток, а с Василием я намерена жить долго. Он как кашей, практически бессмертный парень, если за ним ухаживать. И уступать его Свиридову я не собираюсь.

— Жду тебя на нашем месте. В семь.

— А форма одежды какая? — я радостно всполошилась.

— В чем тебе удобно и комфортно. Мне очень нравятся твои ножки, так что если хочешь сделать мне приятное, надень что-нибудь, чтобы я мог их хоть глазами потрогать.

— Да ты я смотрю похотливый развратник!

— Что поделать, если остается только облизываться, — смеется в ответ. — Все! До встречи! — как будто ни на свидание пригласил, а на допрос в полицию, так что отказаться невозможно. И добавил после паузы: — Целую!

Я растерялась, не зная, что ответить, и пока думала, телефон известил, что соединение завершено.

Удобно и красиво.

Я крутилась перед зеркалом, как заведенная. Что надеть? Что придумать, чтобы, ну не знаю...поразить Линца...как он меня каждый день.

Вот тут-то, капаясь в шкаф у меня и попала на глаза черная водолазка в мелкий белый горошек с рукавом три четверти и открытыми плечами, купленная не-пойми-зачем. Она вроде и подчеркивала мои в меру острые ключицы, стройную шею и, как мне бы хотелось думать, аппетитную грудь, что никогда не являлась предметом моей гордости, но казалась чересчур дерзкой, что ли. Броской. Может даже чуть-чуть развязной.

Вниз нацепила, купленную в шопинговой лихорадке, и тоже ни разу не выгулянную, пышную красную юбку из шелка чуть ниже колена, пропустив через шлепки белый тоненький ремешок, подчеркивающий талию. Во время ходьбы она слегка колыхалась, отдавая ноги приятным холодком. Почти час я колдовала над прической и макияжем. Завивала локоны и укладывала их в плавные волны, доводила до идеальности карандашом брови, рисовала широкие черные стрелки и красила ресницы, а на губах акцентировала внимание красной помадой. Ну и вишенкой на торте стал, кокетливо дополняющий образ платок, повязанный вокруг головы, кончиками вверх.

Сама себе я казалась экстравагантной и изящной одновременно, как того и требовал стиль пин ап. И чтобы немного разбавить образ легкомысленной вертихвостки, я обула белые кроссовки, и накинула на плечи джинсовую куртку.

Небольшой рюкзачок с жизненно необходимыми женскими мелочами на плечо и все, вот я и готова.

— Ух ты! — Линц с улыбкой присвистнул и театрально схватился за сердце открывая мне заднюю дверь такси. — Что ж ты со мной делаешь! Так и сердечный приступ заработать недолго!

— Да, я такая! — грациозно виляю задницей, медленно подхожу, наслаждаясь тем, как восхищенно Рыжий смотрит на мою колыхающуюся юбку. Эх, зря чулки не надела... колготки, все же смазали убойный эффект.

— Прощу! — протягивает мне руку, забирает рюкзак и помогает сесть. — Непростительная ошибка, с моей стороны, что я послушал тебя и приперся без цветов! Чувствую себя ущемленным, честное слово! — вручает коробку в оберточной бумаге. — Может хоть это как-то скрасит мой прокол.

— А что там? — с интересом трясусь перед ухом легкую коробку. Никаких гроыхающих звуков нет.

— Дома откроешь, ладно?

— Хорошо, — послушно соглашаюсь, и расправляя юбку кладу подарок на колени.

— Ты такая... — осторожно трогает кончики платка, уложенную волну волос возле лба, медленно ведет пальцем по щеке к губам, — как девушка из старых голливудских фильмов. Сексуальная и обворожительная.

— Так и было задумано! — гордо вздергиваю нос. Все-таки мои труды не прошли даром и были оценены.

— А куда мы? — Надеюсь, тебе понравится, — смотрит на мои яркие губы, которые хочется облизать от волнения.

Такси тормозит около одного из лучших ресторанов города. Линц, как и я одет не по этикету. Светло-коричневые зауженные брюки с тельняшкой в зеленую полоску на пуговицах и кроссовки, ну совсем не соответствуют статусности заведения.

— Ты очумел? — торможу его при входе. — Мы там с тобой будем, как цветные кляксы.

— Для нашей тусовки в самый раз! Пошли! — открывает передо мной массивную дверь.

В глаза ударил мягкий свет лампочек, прямо напротив входа обнаружилась барная стойка, от которой ресторан разделился на два зала. В тот, что слева, дверь была закрыта, зато в правом — кипела жизнь. Минуя гардероб Виктор мягко потянул меня за собой, направляясь направо.

На входе в яркий и современный зал в стиле лофт застыла девушка с приветливой улыбкой.

— Приве-е-ет, — Рыжий на ходу растянул губы в ответ, демонстрируя, что «мы тоже очень рады». — Нас потеряли?

— Виктор и Вика? — уточнила на всякий случай сверяясь с планшеткой хостес.

— Точно.

На симпатичном лице мгновенно отразилось облегчение.

— Все! Все в сборе. Можем начинать, — крикнула кому-то развернувшись. — Берите фартуки и проходите к «острову», — кивнула нам.

У большого стола уже собрались пять пар, четыре состоящих из мужчин и женщин и одна чисто женская. Надев на себя черные передники с фирменной эмблемой ресторана, мы присоединились к остальным. Внимательно окинув взглядом помещение, фиксируя детали — разрозненно стоящие разделочные столы, встроенные в них плиты и разнообразные кухонные принадлежности, до меня дошло, что Рыжий привел меня на мастер-класс по приготовлению еды!

Ну ничего себе!

Девушка-администратор с шутками и прибаутками представила нам две ключевые фигуры вечера — шеф-повара и его помощника, под чутким руководством которых нам предстояло готовить.

Под бокал красного вина, для создания настроения, мы выслушали напутствия и указания от шефа. После чего его помощник, в шутку щелкнул секундомером, и скомандовал занять места за станциями. Я неслась, как спринтер и застолбила, на мой взгляд самую козырную, поближе к «патрону», чтобы ничего не пропустить.

Первым блюдом был теплый салат с креветками и осьминогами.

— Пока девочки варят, мальчики — жарят! — похлопав в ладоши, шеф занял место в центре зала, и широко расставив ноги начал дирижировать руками.

— Девчонки! Загадка для вас! — взмывает и задерживает вверху одну. — Морских глубин цветная детка, та симпатичная...

— Креветка! — кричим мы хором.

— Ай да, молодцы, угадали! Варим их в кипящей воде пять минут! Парни! — взмахивает второй. — Не подкачайте! Восемь рук иль восемь ног. Кто же это?

— Осьминог! — дружно басит мужская половина.

— У-ух, красавцы! Обжариваем его ножки или ручки, кому как нравится, на подсолнечном масле четыре минуты!

Атмосфера на кухне царил непринужденная. Маэстро руководил процессом, а мы старательно следовали инструкциям. И чтобы увеселительное мероприятие не превратилась

в скучную стряпню гуру кухни развлекали нас.

— Нож повара, это не просто орудие разделения с лезвием, это — его соратник! Внимание! — помощник кидает небольшой помидор, и мастер играючи рассекает его на лету, ловко уворачиваясь от разлетающихся половинок. — Не вздумайте повторять, у меня на это ушли годы тренировок!

А потом, отвесив шуточный поклон, в ответ на наши восторженные вопли, подбежал, к своему столу и за какие-то доли секунды, не глядя, мелко нашинковал луковицу.

Инспектируя наши станции, веселый повар находил для каждого слова надежды или утешения. Смешные, но не обидные, поэтому мы постоянно ухохатывлились

Салат у нас с Рыжим получился обалденно вкусным, и пока мы уплетали его за общим столом под белое вино, вожди устроили фееричное шоу, театрально «опаливая» утку пламенем из специальной «горелки». А потом подбадривая выкриками привлекли к участию в импровизированном спектакле одного из мужчин, доверив почетную роль «нежного страдальца». Он «наглаживал» ее чесноком с солью, и под веселый хохот придумывал пикантные фразы для соблазнения. После чего отправил «красотку» в духовку.

Следующим блюдом по списку был говяжий медальон в соусе из красного вина.

Рыжий с воодушевлением отбивал мясо, а я из мельницы посыпала стейки специями, пока масло растапливалось на сковороде.

Всем участницам, в образовавшуюся паузу, пока томился соус, предложили мороженое. Мне приглянулось оранжевого цвета. Оказалось, с апельсином и облепихой. Необычное. В меру сладкое, чуть-чуть терпкое, с ягодным послевкусием.

— Девочки, на дне вас ожидает сюрприз, так что быстрее орудуем ложками! Победительница получит приз! — многозначительно играя бровями огласил наш центурион.

Я оказываюсь второй, и обнаружила на дне стеклянной креманки, приклеенную скотчем бумажку с именем.

— А у нас определились две пары для участия в следующем конкурсе, — и вручает со словами «не будь жадиной» чемпионке по поеданию мороженого, под дружный ржач, поварскую ложку с прорезьями. — Итак, называем имена мужчин-участников, кто составит вам пары.

— Марат! — громко читает вслух победительница и озирается по сторонам. По лицу ее приятеля становится понятным, что партнером в конкурсе точно будет не он. А обалдевший Марат, под всеобщий смех, шутивно поднимает руки вверх перед своей девушкой, как бы сдаваясь.

— Виктор! — громко читаю я и смотрю на Линца, который сияет, как медный пятак.

Нам выдали рецепт многослойного гамбургера, с внушительным списком ингредиентов. Нужно было у соперников умыкнуть составляющие, причем при каждом набеге в стан врага, брать только один компонент. Мы носились, как угорелые, толкая друг друга и скользя по полу. Вот тут-то я порадовалась, что обулась в кроссовки! Тормозить у меня получалось лучше, чем у девчонки-конкурентки.

— Вик, нам нужен управляемый хаос, — шепчет, быстро сориентировавшись Рыжий. — Бегаем по кругу. Ты впереди, и кричишь мне, что брать.

Моя прическа растрепалась, сама я раскраснелась от азарта, носясь как угорелая, а Виктор еще и шутить успевал, что мы похожи на ослов, бегающих за морковкой.

Но как бы то ни было, наша тактика сработала.

— Ну что ж, победителями становятся Бородач и Косыночка! Ребята, вы — команда! —

поздравляет нас шеф, и вручает мне надувную скалку.

— Волшебная палочка! — комментирует приз.

— Приятного аппетита! — сую Рыжему наше творение в рот, воинственно размахивая подарком над его головой.

— Я тебе это припомню, Фике! — угроза Линца тонет в гвалте восторга и смеха, когда он бесстрашно кусает и жует бутерброд. Чего в нем только не намешано: селедка, сыр, горчица, каперсы, колбаска, дольки помидоров, дыни, салат и еще по мелочи всякая фигня.

— И это беспспорная, абсолютная, блистательная победа! — провозглашает шеф. — Над собой! Мужик! Уважаю!

Жмет руку Рыжему.

Радостно подпрыгиваю, подняв над собой скалку. Виктор ловит мое запястье, поднимает, как рефери вверх, и улыбается... даже не знаю... гордо что ли.

— Ты потрясающая, — шепчет мне на ухо. — Просто чумовая!

Улыбнувшись в ответ, смываюсь к нашей станции, где помощник шефа уже вовсю жарит в соусе медальоны.

Чтобы занять заскучавший в ожидании народ, шеф затеял конкурс между мужчинами. Ухохатываясь, они венчиками взбивали яичные белки, чтобы, подняв миску над головой, содержимое не вылилось на нее. Приз, бутылка коньяка, так и остался у ликующего главнокомандующего, потому что именно он без страха и сомнений перевернул над своей лысиной миску.

На десерт готовили яблочный штрудель. Здесь я выставила ушки на макушку, внимая каждому слову, потому что сие австрийское чудо у меня всегда получалось так себе. Линцу я доверила обвалить яблочные дольки в корице и сахаре, и раскатать тесто. Вместе мы их на него выложили, и отогнав его, я сама завернула рулет. Воодушевившись процессом, он смазал его сверху оливковым маслом. И пока в духовке доходил до логического окончания наш шедевр кулинарии, мы вместе с остальными участниками расправлялись со своими медальонами, и весело смеялись под вино и искрометные байки наших наставников.

Наш с Рыжим штрудель стал победителем в номинации «Парадный фасад», слава Богу проиграв «Копченому мавру» и «Лежачему пласту». Украсив его шариком мороженого мы с удовольствием наворачнули и его с кофе. И, кажется, объелись.

В конце вечера магистры кухни с почестями и ликованием достали из печи необыкновенно аппетитную, с румяной запеченной корочкой «соблазненную» утку.

Места в желудке уже не было, и нам разложили ее по контейнерам и торжественно вручили вместе с дипломами. Так что уходили мы не только с отличным настроением, но и не с пустыми руками.

— Было охренительно здорово, — призналась я в такси.

— Рад, что тебе понравилось, — Линц подергал за кончики косынки и нежно коснулся моего виска губами.

— Вить, честно, я не понимаю зачем тебе это все...

— Может быть потому что я хочу тебя... — сделал паузу, — покорить?

— Или затащить в постель...

— И это тоже. Я и не скрываю.

— И все же?

— Тебе хорошо? — слегка приподняв мой подбородок пальцами, заставил посмотреть в глаза.

— Очень, — откровенно призналась.

— Вот и мне...

Обняв, он прижался меня к себе, раздувая дыханием волосы.

— Очень тебя хочу, — пробормотал где-то возле моего уха, и меня прострелило такой откровенной дрожью, что не скрыть. Почувствовав кожей его глубокий прерывистый вздох, я получила град быстрых поцелуев в шею, щеки, глаза.

— Вить, Витя... — робко попыталась его остановить.

— Я настойчивый, Фике. Рано или поздно твои бастионы падут.

— И что тогда?

— Кто ж его знает... Все зависит от нас.

Закрыв глаза, я судорожно сглотнула. И тогда, он меня поцеловал. В губы. С дрожью. Зарывшись пальцами в волосы, мягко толкнулся языком И это лишило последних здравых мыслей. Время остановилось. Я словно провалилась в закручивающуюся воронку и парила в свободном падении.

— Я знаю. Знаю. Сам все знаю, — твердит, как заведенный и никак не может оторваться от меня. Гладит щеки, и снова прижимается, а я теряю голову и никуда не хочу его отпускать.

Замерев с ключами у подъезда, заставляю себя побыстрее уйти, тем более Виктора ждет такси.

— До завтра... — обернувшись, смущенно поджимая губу, выпрашиваю следующее свидание. Потому что хочу еще! Мне мало! Я не насытилась им!

— Я уезжаю на пару дней, так что завтра не получится, — широко, расставив ноги, с засунутыми в карманы руками, он стоит позади меня и смотрит так, что сердце колотится как бешеное, аж дышать трудно.

Прижимаю к груди коробку с подарком, чтобы не сорваться и не наброситься на него самой. Так хочется еще раз ощутить его губы на своих.

— На пару дней? — не могу скрыть разочарования.

— Постараюсь вернуться в четверг.

— В четверг... — повторяю, как завороченная.

— В четверг, — вынимает руку из кармана, и обхватив за шею укладывает меня головой себе на грудь. Гладит по спине.

— Когда приезжает твой благоверный?

— В субботу. Утром.

— Ну вот видишь, у нас впереди целая вечность, — отрывисто поцеловав меня в макушку, резко отодвинул. — Иди. Позвони, как поднимешься.

Несмотря на то, что легла я ближе к полуночи, отпахав после работы тренировку в спортзале, а потом начистив до блеска все поверхности кухни, проснулась практически моментально от того, что слышала непонятные звуки в квартире. Голова спросонья соображала плохо, но тот факт, что за окном темно — невозможно было не заметить, сквозь шторы совсем не пробивался свет. В седьмом часу такого не может быть, особенно в начале сентября. Прислушалась. Телевизор, привычно бубнил на стене, но еще мне показалось, что в ванной текла вода. Леша любил спать с закрытой дверью, в темноте и тишине. Я же наоборот, ненавидела ощущение черного ящика, тишина- оглушала, закрытая дверь — сжимала пространство, а темнота — навалившись невидимым покрывалом, давила. Когда я ночевала одна, всегда засыпала с телеком.

Шум воды прекратился, послышались шаги, которые приближались к спальне. Сердце бешено заколотилось от испуга. Дверь тихонько открылась, а я рефлексивно, затаив дыхание и поджимая одеяло к носу, села в постеле.

— Приве-е-ет! — мягко протянул Свиридов.

— Ты! Ты... — облегченно выдохнула. — Придурок, я чуть заикаться не начала! — запустила в него первое, что попало под руки. Этим «первым» оказались, симпатичные беленькие варежки-прихватки для горячего. Вчерашний подарок Линца, на который я пялилась, завалившись на кровать перед сном. Нацепив зачем-то сначала, как ласты на ноги, потом передела на ладони и задумчиво разглядывала ромбовидную прострочку. Красивые. Мягенькие. Уютненькие.

Сняла, положила друг на друга рядом с собой, потом переложила под щеку и практически сразу отрубилась.

— Я хотел сделать сюрприз! — отмахнувшись от моих снарядов, шагнул к кровати, и облокотившись на нее коленом протянул букет. Одетый в одни трусы.

— Что это? — подтянула ноги к груди, и отпихнула его руку, все еще не придя в себя от пережитого ужаса. — Грехи замаливаешь?

— Взятка! — сгребая меня в охапку, зарылся лицом в колени. — Вик, ну хватит дуться! Давай мириться!

— Ты вообще нормальный! Напугал меня до полусмерти!

— У тебя было такое лицо, как будто засунула в шкаф любовника! — поднимает на меня искрящиеся глаза

— Что я дура, что ли, водить мужиков домой? — кокетливо хмыкнув, мягко треплю его влажные волосы. — Янитакая. Я сама хожу налево! — игриво толкнула в лоб, и на мгновение опешила, как «на грани» прозвучала последняя, вылетевшая изо рта, фраза.

— Ах ты зараза! — откладывает букет подальше. — Давно по заднице не получала? — опрокидывая меня на подушку, наваливается. Обхватывает лицо ладонями и пробегается поцелуями по подбородку и скулам. — Я тут, видишь ли, все бросил, прилетел к ней на крыльях любви, — отрывается и строго смотрит в глаза. — а тут... Молилась ли ты на ночь Дездемона?

— Нет, милый, я в постели помолюсь... — хихикаю подыгрывая.

— Ну привет, моя Пчелка, — шепчет в ухо, и я покрываюсь мурашками. До приятной дрожи во всем теле. — Как же я по тебе соскучился!

Я ловлю губами его поцелуй — долгий и сладкий. Подаюсь всем телом вперед — льну, как перчатка к руке, вбирая тепло. Тоже соскучилась. Хочу любви и нежности. Огня и пламени, а потом опустошающей разрядки. Чтобы камня на камне не оставить от своих сомнений и дурацких метаний.

— Кажется, кто-то проголодался, — хрипло смеется Леша, отрываясь от моих губ. — Сейчас мы это исправим!

Он рывком отстраняется, пятится назад к изножью кровати, ныряет под одеяло и всплывает, накрывая меня своим телом, врывается в рот голодным поцелуем. Оглаживает бедра, рисует большими пальцами вокруг пупка и легко касается хлопковых трусиков...

Обвиваю его шею руками. Жадно провожу ладонями по спине, запускаю руки в густые светлые волосы. Терблю их, пропускаю сквозь пальцы. Треть о своего мужчину, словно кошка, и ощущаю, как растет его возбуждение.

Он целует меня в шею. Медленно проходит язык по ключицам. Комкая, неторопливо стягивает маечку для сна. Поднимаю руки, помогая избавиться от ненужной одежды. Нежно обводит ореолы языком, втягивает по очереди соски, дует, лижет, отчего во мне вспыхивает жгучее желание. Хочется быстрее. Резче. Яростнее. Хочется неистовства, но Леша никуда не спешит. Он медленно дразнит, заставляя плавиться от ласк, гореть в невидимом огне.

Нетерпеливо подаюсь навстречу. Закрыв глаза, прикусываю нижнюю губу, когда чувствую, как его пальцы пробрались под трусики и наткнулись на горячую влагу. Напористо, проникли внутрь, и умелыми скольжениями, заставили сердце биться сильнее. Меня обдало волной жара, по телу прокатилась мягкая дрожь, срывая стон с губ. Желание, сконцентрированное внизу живота, почти отозвалось болью.

Хочу стащить с него трусы, но он не дает. Продолжает ласкать пальцами, гладить, надавливать. Делает все очень медленно, выдерживая микроскопические паузы, как в азбуке Морзе. Тяжело дыша. Выверенными, ювелирными движениями.

— Ш-ш-ш, — наконец стягивает с меня трусики, сползает вниз и кружит языком у пупка. От легких покусываний лобка раскрываюсь для него, провожу бороздки ногтями в его волосах. На секунду он замирает, как пружина распрямляется, и накрыв собой, входит. Толкается горячим языком в рот в такт плавным выпадам. Мне мало, хочется глубже, свирепее. Вдавливаю пальцы в крепкую задницу, вжимая в себя на каждой фрикции.

Леша ускоряется и часто дышит. Подхватывает меня под ягодицы, прикусывает венку на шее наращивает темп. Неконтролируемо двигаю бедрами, но он придерживает, не давая разойтись. Поглаживает большим пальцем клитор, и я наконец-то получаю разрядку. Не цунами, о котором мечтала. А тихую, мягкую, словно утренняя волна морского прилива. Не меняя амплитуды, Леша еще движется пару минут, и на глубоком толчке жадно впивается в губы.

— У тебя безопасные дни? — завис на долю секунды.

Отрицательно кручу головой.

Несколько сильных, резких выпадов, и я почувствовала, как с его хриплыми стопами между нами растекается вязкая и теплая влага. Стискивая утыкается мне в плечо носом. Скрепя на нем ноги, вожу по мускулистой спине успокаивая.

— Почему? — шепчу ему на ухо.

— Сейчас не время, — плавно двигая бедрами, трется об меня, целует, скользит языком по небу в моем рту, мягко сдавливая соски, сжимает грудь в ладонях. — М-мм, вкусная моя

девочка...

Я вздрагиваю. Содрогаюсь. Низ живота скручивает сладким спазмом. Из рта вырывается сиплый стон.

— Я скучал по твоим стонам, — прикусывает мочку, — ты не представляешь, как они меня заводят, только от них можно кончить... — осторожно перекатывается, и размазывает по моему животу свою сперму. — Не убегай, — удерживает за руку, когда я собираюсь пойти в ванну. — Полежи со мной, — укладывает, прижимаясь грудью к спине, впечатывает в себя. Накрывает нас одеялом. — Мне нравится чувствовать свой запах на твоей коже, — гладит живот, грудь, глубоко вдыхает у линии роста волос. — Люблю тебя, Пчелка!

— Лещ, а сколько хоть время? — устраиваюсь поудобнее в его руках.

— Дай подумать, — выпускает струйку воздуха мне в шею, так что я зажмуриваюсь, от разбегающихся мурашек, до того приятно, — секс у нас был минут семь, так что, где-то минут пятнадцать шестого.

— Мог бы и потерпеть часок! — дразня потираюсь об его пах попой.

— Я так и планировал. К тебе под бочок, и вздремнуть до будильника, — мягко толкается в меня бедрами. — И, чтоб первое, что ты увидела, открыв глаза, были орхидеи.

— Это орхидеи?

— Синие, как твои глаза по утрам.

— Но, видимо, что-то пошло не так? — довольно хмыкаю.

— Я хотел извиниться за свою бестактность — пробуждающим поцелуем и загладить незаслуженную резкость — нежным утренним сексом.

— Ммм! Какой хороший был план, — мечтательно вздыхаю.

— А ты взяла и все испортила, — влажно прикусывает губами плечо.

— Даже так? А мне показалось, что тебе понравилось...

— Хорошо, но мало, Торопыжка!

— Это ты про себя?

— Ну все, сейчас я тебе устрою! — угрожающе наваливается. — Будешь еще пощады просить!

— Не надо, — жалобно пишу, ощутив попой почти восстановившуюся эрекцию. Не намек, нет. Вот неожиданность, обычно Свиридову нужно минут двадцать, чтоб ожить, а тут! И правда скучал!

А вот второй раз, он отрабатывает на отлично, с огоньком, напором завоевателя и рвением к победе. Неистово, глубоко и яростно. Все, как мне хотелось.

Как он только умудрился в последний момент включить голову и выскользнуть, ума не приложу? Ювелир, блин! В сумасшедшем темпе, крышесносно кончая одновременно, мы проваливаемся в ослепительный водоворот долгожданной разрядки.

— О-у-у, ты мой герой! — глубоко дышу, пытаюсь прийти в себя. — Пожалуй, я прощаю тебя!

— Ну спасибо, моя королева! — переведя дух, целует мою ладонь. — Давай вместе в душ?! Останется время на потискаться!

— Нет уж, — поднимаюсь с постели. — Я сама и первая!

— Говорю же, Торопыжка, — слышу довольное хмыканье вслед.

Надеюсь, Леша не заметил, что я, мягко говоря, не совсем в себе. Иначе это провал.

Все утро, суечусь, действительно, как трудолюбивая пчелка. Сырников наготовила, кашу сварила, постель перестелила, вещи в стирку закинула, и все это перед работой, усердно скульптурируя на лице безмятежность с налетом радости. Именно так, по моему мнению, я выгляжу в своем обычном состоянии.

Чтобы заглушить голос проснувшейся совести, создаю для Алексея идеальное утро. На каком-то подкорковом уровне стараюсь угодить и сделать ему приятное: приветливая улыбка, вкусный завтрак, чистота и уют вокруг. Привычными вещами стремлюсь показать, как я его люблю и жду.

Но домашние дела, не мешают мне заниматься самоедством. С одной стороны, мне стыдно, что позволила нелепой интрижке с Линцем зайти так далеко, а с другой, примешивается сожаление, что не хватило какой-то кульминации, которая должна была стать апогеем недоромана. И от этого я испытываю чувство вины. Ну не дура ли?

А еще хочется спрятаться от глаз Алексея... потому что, кажется, что он что-то подозревает.

Я, конечно, очень рада, его приезду... Рассеется соблазн, сделать шаг дальше, в сторону запрещенного... Но почему-то не верится, что Лешу так сокрушила наша последняя, причем можно сказать, заурядная ссора, что он неделю дулся, и вдруг неожиданно нагрнулся под утро.

Шутка это его еще дурацкая, про Дездемону...

Наверное, впервые, я чувствовала себя в присутствии Свиридова, как нелегал в чужой стране, без документов и вида на жительство. Или как воришка, который залез в чужой карман, и каждую секунду ожидающий, что вот-вот его поймают за руку. Короче говоря, была «на измене». Но так как ни пристальных взглядов, ни каверзных вопросов, слава Богу, не прилетело, я постепенно успокоилась.

В конце концов, я ведь не сделала ничего ужасного! Некоторые вон, вообще без разбора трахаются и ничего... особо не комплексуют по поводу своего левака

Я не трахалась, пару раз поцеловалась только. Ну ладно, чуть больше пары... Но не трахалась же!

— Ну может хватит?! — врывается в мое сознание Лешин голос.

— Не поняла, что хватит? — оборачиваюсь и растерянно бормочу, домывая сковороду. Под ребрами мгновенно разгорается тревожное жжение, пульс ускоряется, наползает предательская паника.

— Остановись, что ты как заведенная все утро, — выключает воду и подает мне полотенце. — Присядь, хватит мельтишить. Садись, садись! — тянет меня за руку, усаживая. И я не сопротивляюсь. Покорно опускаюсь на стул. — Пчелка, что случилось? — направляет мне волосы за ухо, — у тебя такой вид, будто ты что-то хочешь сказать и не решаешься... — видать, знатное у меня гнездо на голове, если Леша еще и, старательно их приглаживает. — Помнишь, как в той песне: «То поправит платье, то вздохнет некстати, то смутится, что не острые ножи...»

— Не выдумывай, — вытерев руки, наливаю себе в чашку чай, и обхватив, грею об нее, вмиг похолодевшие ладони. Нерешительно приподняв глаза, улавливаю на его лице

выражение недовольства и напряжения, которое он быстро гасит, и я догадываюсь, к чему был вопрос. — Успокойся. Я не собиралась снова заводить разговор о ребенке. Не время же сейчас... — повторяю его слова.

— Ну что ты опять начинаешь... — раздраженно хмурит брови

— А что я начинаю, Леш?

Прикусываю щеку изнутри, пытаюсь отвлечься от противоречивых мыслей. Вот же он, практически муж, сидит рядом с тарелкой геркулесовой каши на обезжиренном молоке с яблоком, отложив в сторону свой телефон. Привычный, как солнце за окном или белый свет. Потом он выпьет черный кофе, с одной ложкой сахара и съест три сырника. Я все про него знаю. Мы мебель и обои выбирали вместе, правда мне хотелось сделать кухню бежевой, а стены желтыми, но ведь и серое с голубым тоже неплохо?

— Заезженную пластинку про детей, — закипает он. — Сколько можно, ну что ты заиклилась? — смягчая голос, примирительно берет меня за руку.

— Может потому что за шесть лет, у нас не появилось ничего общего, кроме шампуня и зубной пасты? — взрывает меня. — Как считаешь, это должно вселять уверенность в светлое будущее? — выдернув из его хватки ладонь, обескураженно развожу руки в стороны.

— Что ты хочешь этим сказать?!

— Да ничего Леш! Только то, что твоя мать, меня при каждой встрече причесывает на эту тему. Да и мои постоянно заглядывают в глаза с немым вопросом.

— Не обращай на них внимания!

— Нет, Леш, я буду обращать! — вскакиваю на ноги, подобравшись, словно готовясь к броску. — Мне не понятно твое нежелание обсуждать эту тему! — наверное, впервые за много месяцев смотрю на него с вызовом. — Ответь мне, если ты не хочешь от меня детей, зачем мы вместе?

— Ну разве нам плохо? — нервно пропускает светлые пряди через пальцы, сжимая голову. — Чего тебе не хватает?

— Внимания. Заботы. Да в конце концов тебя каждую ночь под одеялом!

— Черт! Как же с тобой стало трудно! — с раздражением в голосе, отпихивает от себя тарелку, так что ложка брякает о край.

— Так не надо жертв! — схватив кружку подхожу к раковине, выливаю чай. — Найди ту, с кем будет легко! — нервно сполоснув ставлю ее на место, и выхожу из кухни.

Охренеть, всего пару часов, как приехал, и мы уже умудрились поцапаться!

Обида разъедает внутренности. Я, как дура, стараюсь для него: на тебя Лешенька то... не хочешь? Тогда это. Тебе чай или кофе? С лимоном? Нет? Конечно, погладила рубашку, в шкафу висит... Подстраиваюсь под него. На цирлах прыгаю. В глаза, как преданная собака заглядываю.

За шесть лет ни разу ни на одного мужика, как на мужика не взглянула, хотя возможностей было предостаточно! Как можно! У меня же Леша!..

...а оказывается со мной трудно!!!

Один единственный раз! Один. Единственный. Позволила себе слабину, потому что одинокой и покинутой надоело себя ощущать, и то хвост от угрызений совести дрожит.

Поддавшись порыву жалости к себе, пытаюсь вспомнить, когда я научилась скрывать свои эмоции и подавлять желания, да и вообще, когда у меня так размыло фокус, что перестала управлять своей жизнью.

Чего уж теперь... Сама виновата. Сама избаловала Алексея...

А как не баловать, если влюблена в него была до головокружения и потери ориентации в пространстве. Он же таким красивым, веселым, взрослым мне казался... Недостатков в нем не было, одни достоинства — умный, самостоятельный, нет не неприкаянный, как говорил про него отец, целеустремленный, если чего-то хочет... Но я видимо переборщила, перехвалила, перегладила по шерстке, переусердствовала короче... мои старания попросту, перестали, быть замеченными. Все воспринимается, как должное и обыденное. И требования только возрастают и множатся.

Просто я — дура. От собственной бесхребетности и бессилия хочется выть. Ну почему вместо того, чтобы сказать то, что давно назрело, я смотрю на Свиридова, открыв рот, и не могу подобрать правильных слов? Господи, ну почему? У тебя кто-то есть? Ты меня разлюбил? Я тебе нужна? Ну! Ну выскажи уже ему все, идиотина! Сколько можно тянуть?

Быстро одеваюсь, крашусь, укладываю волосы. На это не нужно много времени, потому что в нашей спальне идеальный, твою мать, порядок. Каждая вещь на своем месте. Даже майка, которая слетела с меня пару часов назад, пока я была в ванной аккуратно сложена на моей половине кровати. Свиридов расстарался. Хватаю ее и закидываю подальше в шкаф. Неужели так трудно убрать? И цветы в воду поставить! Букет сиротливо лежит рядом...

Орхидеи. Действительно синие. Претенциозные. Дорогие. Но бездушные.

С ними, как с Виктором не поболтаешь... они не ответят. Первый раз за утро улыбаюсь, вспомнив о цветке на кухне. Подхватив букет иду обуваться.

— Поставь цветы в воду, — примирительно прошу, отрывая Свиридова от экрана телефона. Сама знаю, что дура, но привычка гасить конфликт засела глубоко на подкорке. Надо быть мудрой, надо свое беречь... Смотрю, как он лениво, с неохотой встает.

Правильно мама говорила: девушка никогда не должна делать первый шаг. Мужчина запомнит, воспользуется и на шее повиснет. Как хомут.

— Хорошего дня! — забирая букет, целует меня в щеку.

Внутреннее напряжение само собой выплеснулось наружу. Барабаню пальцами по рулю. Бесит! Все бесит! Включаю погромче музыку, и лечу на Мухе, рассекая сгустившийся воздух, который мне кажется, дрожит, обтекая капот и стекла, словно горячий душный кисель.

Что с нами происходит? Что, черт подери, с нами происходит!

Мы изучали друг друга до оптимального числа ложек сахара в чашке, времени нахождения утром в ванной, скорости завязывания шнурков на кроссовках. Но из отношений куда-то исчезли радость, удовольствие от общения, теплота чувств.

Куда все это делось? И главное, когда?

Может я наскучил ему, а он перестал быть идиолом для меня...

Что у нас осталось? Память о прошлом, обустроенный быт и секс.

Безусловно секс — приятное приложение, без которого не существует отношений. Вот только его можно найти на стороне, без отношений и привязанностей. Многие так делают. Правда, и тут загвоздка. Не хочу просто так с кем-то трахаться. Я же по любви всегда. Одно дело, если в постеле чего-то не хватает, но у нас — то, как мне кажется, с этим проблем нет. Я никогда не отказывала. Живя бок о бок, даже после ссор и размолвок мы почти всегда мирились в постеле. Временами мне даже казалась, что Свиридов и затевал их, только для того, чтобы сладко мириться. Секс всегда получался, спонтанный, страстный с кайфом для обоих.

С таким подходом выходит, что без нотки агрессии секс со мной его устраивать

перестал. Или я, без огонька. Или вообще приелась. И он просто не хочет разрушать привычный для себя образ жизни.

Со всех сторон засада.

Может это самообман, но все равно хочется верить, что его внезапный порыв с неожиданным возвращением не просто совпал с окончанием командировки, что он, от нестерпимого желания поскорее увидеться. От тоски-печали по мне. От любви, в конце-то концов! Пусть Леша, может быть, и сделал это продуманно, но ведь хотел показать, что я нужна и дорога ему?!

Как бы глупо ни звучало — я любви от него хочу. Той самой банальной и простой, о которой пишут в книгах и снимают фильмы. Чувствовать ее хочу! Охренеть как хочу видеть в его глазах обожание. Чтобы ждал. Встречал. Радовался. Цветы дарил. От души, черт возьми а не в знак примирения или по праздникам. И рядом был. Не оставлял одну, как это стало нормой.

Достаток, возможности, перспективы — это все хорошо. Только вот счастье в деньгах не измеряется. Оно сквозь пальцы ускользает, и ладони сжать не получается, чтоб его удержать.

Еще и Линц в голове сидит все время, с голосом его мягким, запахом горьковато-цитрусовым, нежными губами и теплыми руками...а совесть в шоке вопит: предательница, о ком ты думаешь?!

Чушь какая-то. Глупость! Откуда взялись эти душевные терзания?

Да и вообще, ерунда какая-то. Чем они вызваны? Вернее, кем? Рыжим уникамом, с которым не получается перестать думать, как ни стараюсь.

Возвращаясь к событиям последних дней, я раз за разом задавалась одним и тем же вопросом: нафига я с ним встречалась?! Нафига!

Да просто падка натура человека на соблазн... а ничто человеческое мне не чуждо... вот и не смогла устоять...

А как отказаться, когда тебя так красиво провоцируют?! И хочется узнать, что дальше...

Послевкусие от встреч оставалось такое... Уххх... как от расставания с крутым суперменом, который может достать для тебя кулон, который ты обронила, купаясь в море, и рядом с которым забываешь, что ты порядочная, почти замужняя девушка. И еще, нелепое сожаление о несправедливости судьбы, не позволившей встретиться раньше... Эх... я бы тогда уж точно затащила Виктора в постель... скорее всего разочаровалась... а потом встретила бы Алексея, и жила бы жизнью почтенной матроны, точно зная, что супермен, не везде и супер...

Уж не знаю, была ли я для Рыжего только «привлекательной», но вольностей себе он не позволял. Скорее дразнил и распалял фантазию умелым сочетанием, губ, рук и слов. Нравится? Хочешь меня?! Только представь, как я умею трахаться...

А я ведь об этом думала! Представляла скольжение этих самых рук с рыжими волосками, по своим бедрам, прикосновение влажных губ к груди, жар сильного тела на своем ...

И от этих мыслей одновременно теплело внизу живота и холодело в груди.

Хотелось спрятаться от себя, стереть из памяти последнюю неделю, и жить дальше, как раньше. Терпеливо и спокойно. Без всего этого компота сомнений, волнений, переживаний.

Линц меня хочет...

От этой мысли по телу разливалась мягкое тепло. Было почему-то лестно. Хотелось, как щенку, вилять довольно хвостиком. Вертеться перед зеркалом разглядывая себя, и польщенно улыбаться: что во мне такого?

Ведь наверняка у этого умопомрачительного, другого слова и не подобрать, мужика, обладающего невероятной харизмой, есть с кем приятно провести время. Не может не быть! А проводит он его со мной!

Или не только со мной...

От предположения неприятно кольнуло в груди, что стало очередным открытием. Это ревность что ли?

Два дня я прокручивала в голове каждую секунду проведенного с Виктором времени, анализировала каждый его взгляд, каждое сказанное слово, выискивая мельчайшие доказательства того, что я ему не просто нравилась внешне, а он увлечен мной. Зачем бы тогда все эти танцы с бубном? Цель-то ясна. Затащить в постель, чтобы я, очарованная им, стала его любовницей.

Причем ключевое слово очарованная. Тепленькая. Сама готовая на все! Потому что покорял он искусно, заставляя верить, что ты единственная и неповторимая.

А когда надоем, он просто растворится, оставив меня с послевкусием как будто

облагодетельствовал своим вниманием. Найдет новую единственную, и начнет завоевывать ее бастионы. Как там он говорил... «мужчина охотник по жизни...»

К концу второго дня промыкавшись в дурацких противоречиях я решила похоронить в себе проклюнувшееся чувство, название которому давать остерегалась. Выкинуть его из головы, прибегнув к древней восточной мудрости про зло, которое если не видеть, не слышать и не говорить о нем, то его вроде, как и не существует. А значит, ни в коем случае никому о Рыжем оболыстителе не рассказывать, и не лезть с расспросами к сестре, которая может, если ее попросить, все о нем выяснить у Игоря. Но это же палево! Забыть... Забыть Изыди, Линц! Изыди! Но тут в Ватсап посыпались фотки. Наши фотки. С крыши, на фоне ночного неба. С танцев, в плавном повороте. Из ресторана, когда я сую ему в рот жуткий бутерброд. И на них, мы беззаботные и радостные, слегка взъерошенные, но с горящими глазами.

Что ж ты со мной делаешь, а? Кому не хочется окунуться в счастливые моменты, а лучше пережить новые?

Изыди, Линц! Изыди!

Только изгнанию Искуса из головы никак не способствовало, мелькавшее дома насупленное выражение лица Алексея. Свиридов, как обычно бывало после наших стычек, упрямо надул щеки, демонстрируя позицию непоколебимой правоты. Никакого желания стелиться перед ним махровым ковриком у меня не было, но и нагнетать и без того мрачную атмосферу в квартире не хотелось. Без лишнего рвения, я делала домашние дела и не заморачивалась его постным видом. Не лезла с разговорами. Да и вообще не собиралась умасливать. Нравится ему изображать из себя китайский мандарин, да пожалуйста.

Давно прошли те времена, когда меня разрывало от желания что-то ему доказать. Опыт показал, что проще согласиться, чем трепать себе нервы. Но иногда и я, дойдя до точки кипения, могла позволить себе помариновать его равнодушием. Что и делала в этот раз.

Восточная мудрость не сработала, Изыди не исчез. И снова напомнил о себе ягодами голубики и ежевики. Где только нашел в сентябре? При мысли, что придется сказать ему, что мы больше не увидимся у меня тряслись поджилки, и подергивался глаз.

— Карма! — вертелось в моей голове, ибо нефиг было связываться.

Меня распирало от противоречий между угрызениями совести и нестерпимым желанием поступить вопреки доводам рассудка.

Я думала о нем, и о том, что не должна о нем думать. Что так нельзя, нечестно по отношению к Леше, что это предательство. Себя. Его. Нашей любви. Что подло морочить Виктору голову, давать надежду, использовать. Что надо все срочно прекратить!

Ты сможешь, Вика! Сама кашу заварила, сама и расхлебывай. Дома тебя ждет, мужчина, которого ты знаешь до трещинок на губах... Ну или ты его постоянно ждешь... да это сейчас и неважно! Главное, что у тебя есть мужчина.

— Привет, Фике, — голос Виктора в телефоне прозвучал виновато-расстроено, и у меня сразу все опустилось. Как хвост и уши у собаки, когда она видит, что хозяин уходит.

— Привет, — отозвалась я тускло, уже понимая, что «кина не будет».

— Слушай, извини... я в Питере застрял. Дела...

Стандартная отмазка. Все понятно. Сдулся.

И почему — то невероятно расстроилась. Вроде радоваться нужно, ничего не придется объяснять, прикрываясь, как там он говорил «биогенными аминами... кристаллизацией чувств... химией, которую осознанно подавляют только сапиенсы...»

— Дела есть дела, — постаралась произнести, как можно равнодушнее.

— Я приеду в пятницу. Ты как? Есть планы?

— Нет, — слова сами слетели с языка. Настроение подскочило в космос. — Только я...

— Ви-к, не придумывай отговорок. Как там Виктор? Клюв показал?

— Высунул немножко, — сбившись с заготовленной речи, я улыбнулась

— Ну тогда до завтра! Не скучай!

— Подожди-подожди... я не могу...нам не стоит больше встречаться.

— Ты опасаясь, что я как дикарь с голодухи, уволоку тебя в пещеру и как следует отлюблю? — подтрунивает надо мной. — Не скрою, мне бы этого хотелось, но только по обоюдному желанию участников этого приятного процесса. Мне знаешь ли, и сам процесс приносит удовольствие, и все его этапы, начиная от раздевания с чувственной прелюдией, заканчивая откровенными ласками и сменой поз, — реакция на его слова мгновенно отразилась на моих щеках. — Поэтому, Фике, желание близости должно быть взаимным, а секс приносить не только удовлетворение, но и доставлять радость. Фике?

— Да...

— Ты уже покраснела?

— Нет! — досадливо прикусываю губу.

— Врешь ведь! — весело усмехается в трубку. — Не нервничай, я ничего такого в виду не имел. Просто хотел разрядить обстановку. Даже у сильных мира сего не все всегда было гладко. У Черчилля, например, было три неудачных помолвки, и только четвертая увенчалась успехом, хотя поначалу он не произвел на будущую жену впечатления. Он смущался и, чтобы скрыть смущение, вел себя довольно хвастливо и нахально.

— Это ты к чему?

— К тому, что беру с него пример! Ты завтра в офисе?

— Эмм...да, — запинаясь, пытаюсь не выдать замешательства

— Вот и договорились. Надеть брюки. Так и быть, чтобы не скомпрометировать тебя в глазах общественности, буду ждать около налоговой. Пока! Целую! — снова оставив за собой последнее слово отключился, а я пялюсь на экран телефона, и улыбаясь, как полоумная. Докатилась.

Видимо высокие воспитательные цели, Свиридовым были достигнуты или примитивно захотелось секса.

В принципе, и раньше, Леша переключал на свои плечи домашние хлопоты, когда сидел на удаленке, после командировок. Без фанатизма, конечно. Но сегодня превзошел сам себя...Даже с порога было видно, что квартира сверкает чистотой, а с кухни разносится аппетитный запах...

И салат с фетаксой, и отбивные с грибами в кляре — были просто восхитительными. Алексей устроил нам романтик с моим любимым кьянти и букетом белых роз. Все, как я хотела...цветы без повода. Он накупил вкусностей, которые сам не ел, сервировал стол, и вообще вел себя как образцовый муж, обхаживал, интересуясь моими успехами. От его стараний и желания угодить мне совсем поплохело. Я чувствовала себя настоящей сволочью, которая стремится усидеть на двух стульях.

— Мать позвала твоих в воскресенье к себе на день рождения, — разлив вино, протянул мне бокал.

— Отец ничего не сказал, — хотела сначала чокнуться, но передумала.....обиды я больше на него не держала, но неприятный осадочек все равно остался.

— Она просила испечь торт, — бросил на меня заискивающий взгляд, — тот, что ты своей пекла.

— Наполеон?! — вытянулось мое лицо. — Черт, на него целый день убить нужно.

— Хочешь скажу, что у нас плита сломалась?

— Тогда мне придется готовить его у нее! — в сердцах всплеснула руками. — Испеку!

— Пчелка, спасибо тебе большое, — облегченно выдохнув, Леша подошел сзади и стал массировать плечи. — Хочешь я тебе ванну с пеной сделаю?

— Хочу! — давненько меня так не баловали. Прикрыв глаза и откинув голову, начала блаженно улыбаться. — А мы что будем дарить?

— Я телек заказал, в субботу заберу, — провел большими пальцами по позвонкам и надавил на сосредоточение противной мышечной боли от сидячей работы, — мать в деревню на кухню давно хотела. Кстати, я завтра вечером с парнями хотел где-нибудь пива попить. Сто лет не виделась. Ты не против?

— А если против?! — выгибаюсь, отстраняюсь. Допиваю вино, закидываю в себя оливку. И цепляю взглядом развешенные на стене варежки Линца.

Мягкие. Удобные. Скромные.

Висят бедолаги, а пользоваться почему-то жалко. Теперь это больше, чем просто вещь. Это подарок, будь он неладен, который мозоля глаза будет напоминать о нем.

— Нет, конечно, — потрепав по волосам, чмокнула Алексея в щеку. Даже к лучшему. Не дергаясь встречусь с Виктором, и расставлю точки над “и”. Скажу, что на этом все.

— Посудомойку поставь на 60 градусов, а то бокалы треснут, — лениво наблюдаю, как вернувшись из ванной, Леша убирает со стола. — Отбивные, кстати, надо накрыть фольгой, прежде чем убрать в холодильник.

Свиридов жареное уже давно не ест, все отварное или запеченное. Для меня расстарался. Чертовки приятно. И зачем-то некстати тут же вспомнились медальоны в винном соусе, и так и неотведенная утка, контейнер с которой я оставила в такси, чтоб Линцу больше досталось.

В джинсах и черной обтягивающей футболке с изображением оскалившегося льва, Линн выглядел... Ну точно ни как математик, или всклокоченный гений с высунутым языком. У меня аж мурашки по спине пробежали. Он улыбнулся и радостно помахал мне рукой, стоя недалеко от входа в налоговую, когда я вышла с работы.

Каких бы оправданий я себе не искала, как бы ни юлила, факт оставался фактом — я пришла в зауженных брюках. Брюках Карл! И любимых туфлях на высокой шпильке, с ремешком вокруг щиколотки, чтобы не забыться, и не броситься с ним в какую-нибудь авантюру.

— Ты как всегда сногшибательна! — подмигнул мне, сделав кистью жест, призывающий повернуться вокруг своей оси. И ведь я кокетливо крутанулась, выставляя себя на показ, как распушивший хвост павлин — Ну что готова?

— Вить, — я слегка замялась, а потом, выпалила на одном дыхании заранее подготовленную фразу. — Я не свободна. У меня есть мужчина.

— Тааак, — его поза из расслабленной сразу превращается в напряженную. Широко расставив ноги, он засунул ладони в задние карманы и наклонив голову, прищурился. — И что со вчерашнего дня изменилось? Я напугал своим пылом? Ммм? Нравственность подняла опущенную голову? Про твоего мужчину я не забыл. Помню, что завтра приезжает.

Настороженно смотрю в его лицо. Он молчит. Угрюмый, недовольный, но не злой.

— Прости, — виновато отвожу глаза.

— Давай просто проведем вечер вместе. Не волнуйся, грязно домогаться не буду. Пойдем, я тебе кое-что покажу, — мягко подхватив меня под локоть, отчего мне стало не по себе, вынуждает пойти с собой.

Мы остановились около склонившегося на бок и поставленного на подпорку черного с хромированными деталями, мощного, судя по внушительному виду, мотоцикла.

— По моему замыслу, сейчас ты должна бурно проявлять восторг.

— Визжать что ли?

— Ну или радостно прыгать, хлопая в ладоши!

— Я на каблуках! — разглядываю с напускным равнодушием железного коня.

— На комплимент напрашиваешься?! — забирает у меня из рук сумочку, взамен вручает черный шлем. — Оценил я твои туфельки! Надевай! — вынимает из багажника второй, с невозмутимым видом кладет туда мою сумку и закрывает.

— В смысле одевай?! — поднимаю на него недоуменный взгляд. — Ты хочешь, чтобы я надела шлем и поехала с тобой на мотоцикле? Я правильно поняла?

— Да! — довольно хмыкнул. — Мне будут завидовать все мужики! Подо мной японский красавец, и обнимает сексуальная блондинка! Мечта!

— Нет!

— Боишься? — провокационно дергает бровью.

— Ты слышал, что я сказала две минуты назад? — не могу удержаться, трогаю мягкую кожу сиденья, скольжу по гладкому пластику и хромированным ручкам. Очень крутой!

— Что не так, Вик?? Что ты себе навдумывала? Что я тебя в постель сейчас потащу пока твой Лепреконе не вернулся? — сводит брови к переносице, откидывая рукой упавшую на глаза челку. — Открытым текстом тебе говорю, ты очень красивая и да, я хочу...но

набрасываться и насиловать не собираюсь.

— Почему Лепрекон?

— Ну, а как прикажешь мне его называть? Команданте? Уж извини, но с придыханием и почтением не получится...

На нас действительно пялятся. Выходящие из налоговой мужики глазами облизывают спортбайк, и с непрекрытой завистью смотрят на Рыжего.

— Ви-ка, — произносит медленно по слогам. — Решайся, когда еще тебе выпадет шанс прокатиться с таким шикарном мужиком, — тычет в себя большим пальцем, — на таком брутальном самце, — переводит палец на мотоцикл.

— Что, второй раз не предложишь? — ехидничаю, подняв на него глаза

— Если тебе понравится, я найду возможность позаимствовать его у Ромки, но он своей игрушкой очень дорожит, просто так, понимаешь ли никому не доверяет. Нужен железобетонный повод. Холит и лелеет, как свою девушку.

— Да? И какой же у тебя?

— Я сказал правду! Хочу сразить наповал понравившуюся девушку. Сногшибательной красотой и суровой внешностью — блеснуть не могу, — пожимая плечами разводит руки. — Остается только напор, или подвиг, — обхватывает одной ладонью меня за шею, и внимательно смотрит в лицо.

— Прекрати, Вить. Давай на этом закончим, — пытаюсь увернуться, но он не отпускает.

— Тебе же нравится кататься, сама говорила. Обещаю, я буду очень осторожен — шепчет мне в уголок рта, потираясь щекой об кожу. От неожиданности я распахиваю глаза и оглядываюсь по сторонам.

Пользуясь секундным замешательством, поглаживает мою скулу пальцем, а потом накрывает губы своими, не давая шанса отвернуться. Целует так, как в первый раз. Без предупреждения и разрешения. Но то, что я ему отвечаю и есть тот самый зеленый сигнал. Отстранившись, он перехватывает мой ошеломленный взгляд и провакационно подмигивает.

— Ничего не бойся, — забирает из руки шлем и аккуратно одевает на мне на голову.

Ехать на мотоцикле в туфлях на каблуках, тот еще квест.

Ступням на подножках было неудобно, их все время хотелось упереть сильнее, но не получалось — сопротивление воздуха норовило сдуть. Я и на лошади-то верхом никогда не ездила, а сжимать коленями, бедра Рыжего было неловко и одновременно волнительно. От близости его тела у меня внутри все напряглось. По мышцам прокатился предательский жар, а в груди, где в последнее время поселился нервный клубок, словно что-то переключилось, и разлилось мягкое тепло.

— Фике, все не как в кино. Если я наклоняюсь вбок, ты синхронизируешься со мной. Вертеться и нагибаться в стороны — нельзя! Сжимай меня ногами нежнее, — одну руку кладет на мое бедро, — а держись крепче, — припечатывает обмякшей ладонью свой живот, второй. Поглаживает напрягшиеся пальцы. — Я все время должен чувствовать, что ты здесь, а не потерялась при очередном разгоне. Орать и визжать нельзя, даже от переизбытка эмоций, — плавно убирает подножку, запускает двигатель. — Я могу, не так среагировать на твой крик восторга, и тогда будет ЙОБС. Нам обоим.

— ЙОБС... — вытягивается мое лицо, но сквозь опущенное стекло шлема, он этого не замечает.

Мысль о возможном ЙОБС пугает невероятно. Господи, кому сказать, что я

добровольно записалась в отряд самоубийц — не поверит! В повседневной жизни я избегаю опасных ситуаций: в машине пристегиваюсь, плаваю до буйков, даже дорогу перехожу только на зеленый. Экстрим — ни разу не мое!

Сначала я вжалась в Рыжего, крепко обхватив его за талию, испытывая дикий ужас во время, даже плавных поворотов, потому что приходилось, практически ложиться по радиусу дуги. Сделав пару пробных кругов по стоянке, я опытным путем вычислила оптимальное расстояние между нами, при котором мой шлем не стучался бы об него, вызывая не самые приятные впечатления, а при торможении и разгоне меня бы не болтало.

Что я буду говорить дома — мыслей ноль. Свиридов где-то пьет с друзьями, и я надеюсь вернуться раньше него. Как гуляющая, но не пойманная жена, мелькает где-то на подкорке. Да, наверное, я такая и есть.

Почему я не сказала Линцу, что Алексей вернулся — объяснить сложно. Наверное, это желание сохранить иллюзию некой интимности между нами, где третьему — нет места. В этой иллюзии без прошлого и будущего, есть только настоящее, где он — со мной, а я — с ним. И хочется эгоистично наслаждаться прелестью момента, без посторонних.

Карл, что я творю! Где мой разум?

Я прижимаюсь к спине мужчины, напору и обаянию которого, просто не могу сопротивляться. Или не хочу. Ощущаю под ладонями рельефные мышцы пресса, и сквозь цитрусовый парфюм чувствую бешеную энергетику, которая неимоверно притягивает.

Гоняя мысли, нервно стискиваю пальцы на животе и утыкаюсь шлемом в лопатки. Хочется биться головой, но я только прикусываю щеку, стараясь заглушить вопли совести.

Он тормозит у обшарпанного с виду здания, непонятной этажности и размерности, на территории заброшенного завода. Помогает мне слезть, снимает наши шлемы.

— Была здесь? — кивает себе за спину.

— А что это?

— Квест-холл.

— Ааа... — до меня медленно доходит, — мы летом ходили с подругами на перформанс про потерявшихся и волонтеров. Чуть не описались от страха. Но вроде не сюда, — оглядываясь по сторонам.

— Не... — смеется он. — Мы с тобой отправимся покорять океан эмоционального хаоса...но убийную дозу адреналина я тебе обещаю.

— Звучит как-то пугающе... — кошусь на него, поднимая бровь.

— Да перестань, нормально звучит. Я хочу, чтобы ты научилась мне доверять.

— А сейчас вообще угрожающе. Ни как «хочу», а как «придется».

— Для меня ничего невозможного нет, — подмигивая напевает, — в пределах разумного, конечно... — подхватывает за руку. — Не бойся!

— У нас заказано на шесть, — Линц одной рукой постукивает по стойке ресепшена, другой обнимая держит меня, чтоб не сбежала, наверное.

— Виктор? — администратор в камуфляжной форме сверяется с экраном ноутбука.

— Да, — утвердительно кивает, и получает пластиковую карту, темные светонепроницаемые очки и что-то, сложенное в пакеты оранжевого цвета.

— Сейчас будет инструктаж...

— Мы все знаем, — перебивает его Виктор, — передвигаться медленно. Не делать резких движений и не шарахаться. Не паниковать. Следовать заданному маршруту. При любом физическом дискомфорте сойти с дистанции и вызвать помощь. Я ничего не упустил?

— В общих чертах все верно, — перевожу взгляд с одного на другого. Пещера страха там что ли? Или пыточная?

— У девушки обувь неподходящая, — осматривает меня внимательно распорядитель. Нагибается, чем-то шебуршит под стойкой, и разогнувшись протягивает упаковку с носками. — Волосы собрать. Раздевалка с камерой хранения прямо. Как будете готовы подходите.

Линц ведет меня за руку, и я растерянно озираясь, покорно иду за ним. Комната с диваном и металлическими шкафчиками вдоль стены, в которой мы оказались, была небольшой. В одном углу стоял кулер с водой, в другом умывальник и зеркало.

— Снимай пиджак, — послушно выполняю его команду. — Есть заколка? — шарю по карманам пиджака, нахожу старенькую резинку для волос, делаю хвост. — Теперь туфли, — терпеливо ждет, когда я расстегну ремешки, разуюсь и надену носки. С подошвой. Первый раз такие вижу. — Брюки лучше заправить в носки. Надевай! — протягивает мне пакет с оранжевым нечто, распаковывая свой. Встряхивает. Перед глазами расправляется комбинезон. У меня такой же, только меньше. Виктор ловко натягивает штанины, прихваченные снизу резинкой, продевает руки в рукава, застегивает молнию. Я тоже напяливаю странную одежду, отмечая про себя, что ткань с водоотталкивающей пропиткой.

— Готова? — ободряюще улыбается мне. — В туалет не хочешь?

Вот тут мне прямо-таки поплохело.

— Это сейчас забота или стиб?! — злюсь на дурацкий вопрос. — Типа, поезд следует без санитарных остановок? Или там, куда ты меня притащил до усрачки страшно?!

— Это вопрос доверия... — закладывает мои туфли и пиджак в шкафчик, закрывает на ключ, и вешает резинку с ключом себе на руку. Поворачивается. Смотрит серьезно, без привычной веселости. — Если ты можешь ответить на вопрос...правду...значит доверяешь, — качнувшись вперед, тихим, пробирающим шепотом произносит мне на ухо. — Так как?

Вздернув подбородок, мстительно смотрю в его глаза. Да щас прям, так и кинулась откровенничать!

— Вижу, что не хочешь! Тогда пошли!

— Вам нужен проводник? Или сами? — интересуется администратор, когда мы возвращаемся.

— Спасибо, мы сами. Я смотрел видео и все изучил на сайте, — проводит картой по

замку, и дверь с номером семь открывается. Красный неоновый свет и черные плотные шторы. Настороженно делаю шаг внутрь.

— Повернись... — надевает мне очки-маску, аккуратно затягивает на затылке

— Я ничего не вижу!

— В этом и смысл! — вкладывает мою ладонь в свою. — Так нужно.

— Кому нужно?

— Тебе. Главное ничего не бойся и слушай меня. Я — твои глаза. Я все вижу и все контролирую. И никогда не подвергну тебя опасности.

— Не очень обнадеживающе звучит, — бормочу себе под нос, выставив руку вперед, чтобы наверняка ни на что не наткнуться. Но интересно жутко!

— Впереди узкая винтовая лестница вверх, — Виктор встает за спиной. — Ступеньки железные, — кладет мою руку на металлические перила, — не очень широкие, рифленые.

— Это я и так чувствую, — осторожно поднимаюсь. Он ступает след в след, придерживая меня за талию. Зачем-то пытаюсь считать, как в кино ступени, но на очередном витке сбиваюсь, и оценить на какой этаж мы поднялись не получается.

— Сейчас будет подвесной мост...мы на самом краю...давай...за мной... — огибает меня и берет за предплечья, — пошли потихоньку...

Я делаю шаг на деревянный настил, и с вскриком пытаюсь восстановить пошатнувшееся равновесие, замираю. Скольжу ногой, как канатоходец, пытаюсь нащупать перемычки между досками.

— Я веду тебя... все хорошо...не бойся...ты молодец

Мы медленно двигаемся по навесу, он ощутимо покачивается.

— Как себя чувствуешь?

— Как, червячок, попавший в паутину, которую раскачивает ветер, — нервно огрызаюсь, но послушно иду за ним, как слепая за собакой-поводырем. Наконец делаем шаг на твердую поверхность, и я снова теряю равновесие, ноги дрожат от напряжения. Виктор притягивает меня к себе. Гладит по спине, успокаивая.

— Все?

— Ты что?! — чувствую, как его губы расплываются в улыбке у виска. — Это только начало. Дальше... деревянные столбы и мы сейчас по ним пойдём.

— В смысле бревна? — выдыхаю с надеждой.

— Столбы, с широким срезом. Разной высоты, расположены в ряд.

— А какой высоты? — нервным движением хватаюсь за горло.

— Разной... — уклончиво уходит ответа.

— Я не пойду! — выставляю впереди себя блок из рук. — Я упаду и разобьюсь. Кому я буду нужна беззубой?

— Я не дам такому случиться, — мягко ловит за кисть, опускает себе на грудь. — Поддержу, подхвачу, поймаю...Я с тобой...Рядом... — убеждает интонацией. Я чувствую, как по руке через поддрагивающие пальцы растекается тепло. — Я говорю, ты делаешь...Ну же!

Мне страшно. Сердце бьется под ребрами. Ощущение, что я должна шагнуть в пропасть...

— Вытяни ногу вперед, и нащупай плоскую поверхность...она в тридцати сантиметрах от тебя... — его голос чуть отдаляется, он берет мою вторую руку, — чуть ниже... — ступня касается шершавого среза, размером с велосипедное колесо. — Молодец. Переноси вес тела.

Опираясь на Рыжего двумя руками, зажмурившись приставляю ногу, когда он убирает свою отступая. Икры трясутся как желе, шея и плечи затекли, разум лихорадочно пытался взять верх над паникой.

— Молодец! Да ты прирожденная эквилибристка! — подбадривает, и это помогает. Столбы широкие и устойчивые, и с каждым последующим шагом, страх потихоньку отползая, перестает сковывать движения.

— Все! — победно выдохнула, прижавшись к Линцу, снова оказавшись на широкой платформе.

— Нет конечно. Ты любишь летать?

— Нет!

— А прыгать на батуте? Это же весело, — снова куда-то меня подталкивает.

— Нет! — отчаянно раздаю удары в воздухе, стараясь достать уклоняющегося Линца

— Попробуй расслабиться... здесь не высоко. Прыгай!

— Сам прыгай! — стопорюсь на месте, отталкивая его.

— Тише-тише... не дергайся... — берет меня за руку. — Хорошо, давай вместе.

Сердце делает впрыск адреналина в кровь и испуганно замирает.

— Ты даже не успеешь испугаться.

— Да у меня уже полны трусы! На такие аттракционы памперсы надо выдавать, а не комбинезоны с носками! — он хохочет, крепко сжимая мою ладонь. — Готова?

— Ты дурак вообще?!Нет!!!

— Давай... на счет три, — уговаривает, поглаживая пальцем сошедшую с ума жилку на шее. — Просто отталкиваешься, и все...Сетка мягкая. Не бойся. Раз... два... три!

Увлекает меня за собой, и мы летим.

— Ааа! — громко визжу, утопая в сетке. — Я поседела!

— Тш-ш-ш, тебе кажется, — сгребает в объятия, перекатывает на себя, и успокаивая водит губами по моим волосам. — Ну вот видишь, совсем не страшно...

Обнимаю его, прижимаюсь, вся дрожу от переполняющих эмоций. Ловко перевернувшись, нависает, и обняв мое лицо ладонями, осыпает губы морзьянкой поцелуев.

— Я хочу, чтобы ты поняла, что все в твоих руках. Позволь себе чувствовать. Все будет так как ты захочешь, — гладит пальцем мою щеку. Отстраняется. — Ну что, вперед и с песнями?!

— Господи, еще что-то?

— Помнишь номер, на двери в которую мы вошли?

— Семь? Это снова какой-то тест?

— Нет. Стресс, повышает воспалительный фон в мозге, что, в свою очередь, приводит к ослаблению кратковременной памяти и нарушению ориентации в пространстве, — чувствую, как сетка рядом со мной пружинит. — Но твои реакции в порядке. Иди ко мне... — помогает выбраться, подхватывая на руки, и погружает во что-то, что, судя по звукам, перекатывается и облепляет почти по грудь, и в тоже время не является вязким, как жидкость.

— Аааа! — снова ору. — Что это?

Вскидываю руки вверх, боясь прикоснуться.

— Нырять! — смеется Линц. — Или плыви.

— Куда плыть? — шевелю ногой, пытаюсь понять, что за хрень вокруг меня.

— Ко мне, — в грудь мягко прилетает волна чего-то легкого и судя по звуку полого.

Шарики. Это сухой бассейн!

Опускаю руки и убеждаюсь в своей догадке. Разгребаю перед собой, двигаясь на голос Рыжего.

— Покатай, меня большая черепаха! — натываюсь на него и запрыгиваю. Спереди.

— Ну тоже вариант! — ржет он.

— Тогда тем более неси! — скрещиваю ноги у него на заднице, крепче прижимаясь. И он, обняв, двигается вперед, рассекая мной, пластиковое море.

— Приехали, — аккуратно опускает. — Ты мне доверишь?

— В чем подвох? — опасливо вожу руками из стороны в сторону в воздухе.

— Нужно нырнуть и головой протолкнуться в сомкнутое резиновое отверстие.

— Всего-то? — подпрыгиваю на месте, хлопая в ладоши. — Легкота! Или, как только я высунусь, мне ее отрежет гильотина?

— Ох, Фике... — шлепает меня по заднице.

— М? Что там?

— Ничего. Выход.

— Все что ли? — разочарованно поджимаю губы.

— Семь. Не забывай! — слышу широкие пластмассовые гребки. — Я первый. Встречу тебя.

Ловлю ногу Линца, не давая выбраться, тяну на себя. Хохочу и плюхаюсь в океан шариков, раскинув руки. Здорово же!

— Давай ко мне!

Плотная резина обтекает голову, когда просовываю ее в отверстие, стягивая резинку с хвоста. Неприятное ощущение, словно узкую медицинскую перчатку надеваешь. Виктор подхватывает меня за плечи, вытягивая наружу, как в фильмах ужаса, словно из склизкой жижи. Падает вместе со мной на спину.

— Что теперь? — отдышавшись, сажусь на него верхом, упираясь в грудь.

— Покатаемся... — обняв за талию садится.

— Опять? На чем?

— На большой черепахе! — передразнивает, помогая встать. Направляя за плечи, делаем пару шагов.

— Садись. На попу, — опускаюсь во что что-то большое, упругое, и судя по ощущениям, похожее на спасательный круг. Задница проваливается. Линц вплотную подсаживается сзади, обхватив меня ногами.

— Поехали! — резко отталкивается, и обнимает за талию.

Воздух ударяет в лицо, и мы несемся вниз. Меня от неожиданности откидывает на Рыжего, кажется, я ударяю его затылком по носу. Он прижимает меня к себе, и я в очередной раз за вечер с громким визгом зажмуриваю глаза, хотя и так ничего не видно.

Спуск на ватрушке, а это была именно она, показался практически безобидным. С Линцем не было страшно. Наоборот, я почувствовала себя в его руках надежно.

— Приехали, — выталкивая, ставит меня на ноги. — Ну что пошли дальше? — дергает за собой. — Это... это... Не знаю, как описать. Балансир. Но большой. И для взрослых... Он перед тобой. Нужно идти одновременно, держась за руки, как единое целое, — не отпуская моей ладони отходит в сторону. Наши руки натягиваются. — Давай на счет. Шаг, на каждый счет. Раз, — мы делаем шаг. — Осторожно, полотно под ногами узкое. — Два, — снова шаг вверх. Сердце начинает биться чаще. — Три, четыре...

— Пять, — считаю вместе с ним.

— Середина. Сейчас, очень короткий шаг, и замри, — командует сосредоточенно.

Останавливаемся. Слышу, как сзади взмыли, а впереди с грохотом ударились о пол, опустившиеся под нашим весом качели. — А теперь так же вниз...

— Тут высоко?

— Метров пять...

— Врешь!

— Вру! Два.

— Я сама хочу!

— Нет! Опасно, высота. Можешь случайно оступиться.

Оказавшись на полу уже с предвкушением жду следующее препятствие.

— Пригнись, — накрывает мне голову ладонью, — ...залезай осторожно, пространство маленькое...

А дальше нас болтало на бешеной каруселе, как в стиральной машинке.

Раскачивало, и закручивало, трясло и валтузило из стороны в сторону по маленькой кабинке, благо фиксирующий ремень не давал вылететь.

После нее меня реально плющило и колбасило, а Виктор спокойным голосом, прижимая к себе, поглаживал мою спину и успокаивал.

Потом, был трек с неуправляемым электромобилем, в котором по закону жанра сегодняшнего треша, мы врезались в стену из легких резиновых кирпичей, и как рыцарь в белых доспехах, Линц принял град ударов бутафории на себя.

— Я тебя ненавижу! Не-на-ви-жу! — бешусь, колотя его по груди.

— Ччч, — водит губами по моей скуле. — Все...уже все...

— Слава тебе Господи!

— Остался финальный акт.

— Я там и умру... — обреченно закрываю лицо руками. — Передай сестре, что мелафон у меня.

— Не понял...

— Тебе и не надо, она поймет... Прыгать и летать больше не будем?

— Нет, — подводит меня к столу.

— Что тут? — жалобно шмыгнув носом, опустила голову.

— Не вешать нос, гардемарины... — обхватывает мое лицо, и трется кончиком носа о мой. — Там три отверстия.

— И?

— В каждом внутри что-то... эдакое... и только в одном — ключ от выхода. Ты должна достать.

— Ну уж нет! — решительно отталкивая его, делаю шаг назад. — Я знаю, там гады...

— Какие гады?

— Ползучие...

Подтягивает меня обратно и кладет руку на коробку.

— Вот чувствуешь...сверху пластик...

— Это не о чем не говорит, — отдергиваю руку.

— Я вижу, что внутри, никакой опасности нет.

— Мадагаскарские тараканы тоже не опасны...

— Клянусь, их там нет.

— И змей?

— Не знаю... ты должна довериться, — обнимает сзади и прижимает мою руку к отверстию.

— В моей смерти будешь виноват ты! — пихаю его задницей. — Подожди, дай настроиться!

Ощупываю ящики. Все одинакового размера. Наклоняюсь. Прислушиваюсь. Непонятное шевеление, только у одного. От него же и пахнет...опилками и чем-то специфичным.

— В нем кто-то живой? — тычу пальцем

— Да.

— Без вариантов. Я туда не полезу.

Засовываю руку в первый, ладонь касается чего-то гладкого, небольшого, комнатной температуры, лежащего разрозненно на песке. Овальное? Очень осторожно постукиваю по нему пальцами. Твердое.

— То, что я трогаю хрупкое?

— Да.

Двигаю рукой дальше. Рядом, на ощупь, еще одно точно такое же. Третье тоже. И четвертое. И пятое. И шестое. И седьмое.

— Это яйца?

— Да.

— Куриные?

— А черт его знает, — выдергиваю руку.

— В яйцах и у животики ключа нет, — убеждаю скорее себя.

— Остается третий проверить.

Закусив губу, просовываю руку и натываюсь на что-то мягкое, пушистое, приятное на ощупь... похожее на котенка? Но он же не может лежать неподвижно...подрагивающими пальцами ощупываю. Мягкое, пушистое, с длинными ушами, глаза есть...и хвостик... Господи, неужели чучело кролика? Ну писец...ребята...приплыли..

. — На чучеле ключа нет!

— На ком? — в голосе Рыжего звучит неподдельное удивление.

— Там, — указываю пальцем.

— И что будем делать?

— Даже боюсь представить.

— Фике, ты очень смелая, — обнимает меня сзади, убирает растрепанные волосы на плечо и целует в шею. — Ты сможешь, — подносит мою ладонь, к злополучному отверстию. — Я в тебя верю!

— Если я не умру от разрыва сердца, напомни мне подсыпать тебе слабительного, чтоб ты испытал, то, что сейчас чувствую я!

Линц залиvisto ржет, уткнувшись мне в плечо, а я ныряю рукой, и вдруг что-то влажное пару раз в нее тыкается.

— Аааа, крыса! — истерично визжу, отскакивая назад.

— Это не крыса. Их любят гладить дети.

— Еще, они любят тащить в рот каку...

Сделав над собой усилие протягиваю руку. Дрожащими пальцами ощупываю... мордочку...уши не длинные...хвост пушистый, как у кошки...Нос подвижный какой! Лапки короткие, цепляет меня коготками. Белка может? Глажу...Мягонькая, плюшевая,

тепленькая...на задней лапке, нащупываю на резинке ключ.

— Кто это? — шепчет на ухо.

— Белка.

— Почему белка? — судя по вопросу не угадала.

— Потому, что точно не хорек, и не крыса.

— Интересная логика. Бери ключ.

Снимаю с бедолаги, пока та легонько меня брыкает. Отдаю Рыжему с победным видом, как будто вручаю ключ от поверженного города.

— Хочу ее увидеть, — тяну руку к очкам.

— Снимай! — милостиво разрешает. Хотела театрально сдернуть, но маска запуталась в волосах.

— Ооо! — перед глазами все расплывается, и мелькает черно-белыми точками. — Это тушкан обыкновенный? — фокусирую взгляд на зверушке. Осторожно распутав и сняв маску, Линц прижимает меня спиной к себе.

— Необыкновенный. Это шиншилл.

— Хорошенький. Но я, будучи ребенком, никогда не тяготела к грызунам.

— Да ты уникам, Фике! — смеется он. — Пойдем? Йо — хо, — поднимает руку и орет куда-то вверх. — Мы смогли! Мы — победители! Мы — команда! — и быстро целует меня в губы.

Зачем я согласилась, ну зачем?

Каждая секунда рядом с Линцем, как в аду на хорошенько разогретой сковородке. И тянется столетие.

Сложно даже себе объяснить, как я позволила ему снова уговорить меня куда-то отправиться с ним. В голове была каша из восторга, эйфории и непонятного возбуждения.

— Не забывай, что я говорил, — обернулся на меня, раскинувшую руки в стороны и блаженно улыбающуюся. — Нежно обнимать бедрами и крепко держаться. Я знаю, что ты чувствуешь. Твое состояние, сродни легкому наркотическому опьянению, кажется, что море по колено...внутри все клокочет и пенится, требуя выхода, это реакция на стресс. Надпочечники получив сигнал мозга об опасности, резко выбросили адреналин в кровь, и пока он не распадется в процессе метаболизма, критическое мышление притупляется.

— Ну спасибо! — закатываю глаза. — Сам же довел меня до белого каления, еще и душой практически обозвал! — одеваю протянутый шлем.

Мы осторожно лавируем между машин, не нарушая правил. Я прилипла к Линцу, но не от страха, а от того, что мне хочется к нему прижиматься, хочется чувствовать его тепло и уверенность.

Сожаление, что все сегодня закончится разрастается внутри комом...но у меня останется этот безумный вечер! Сейчас мы остановимся, и я все ему скажу...Все скажу...

Притормозив около высотного дома в новом комплексе, где весь первый этаж светился неоновыми вывесками, Рыжий напоследок газанул и выключил двигатель.

— Приехали, — снял шлем и обернулся. — Составишь мне компанию?

— Куда? — избавляю голову от своего и поправляю растрепанные волосы.

— Хочу тебе кое-что показать.

— Снова какой-нибудь экшн? — слезаю с мотоцикла, опять оттягивая момент расставания.

— Мне кажется, ярких впечатлений на сегодня достаточно, — вручает, достав из багажника мне сумочку. — Будем успокаиваться.

Мы подходим к темным стеклянным дверям, с вывеской над входом, заклеенной пленкой. Приложив магнитную карту, и быстро набрав изнутри на пульте код, он пропускает меня вперед и закрывает дверь.

— В общем так, — щелкает выключателем. Пространство над барной стойкой в небольшом помещении обволакивает мягким желтым светом от низко свисающих ламп. Я оглядываюсь. Интерьер в стиле лофт, кирпичные стены, минималистичные диванчики вокруг пары маленьких квадратных столиков, снековый автомат, холодильный шкаф, витрина, футуристичного вида агрегаты, сверкающие хромированными деталями и лакированными боками на стойке.

— Что это? — удивленно распахиваю глаза.

— А на что похоже?

— На кафешку.

— Так и есть, — обводит взглядом пространство. — Как тебе?

— Уютненько. Только официант куда-то запропастился.

— Бариста, — поправив меня, проходит за стойку. — Он здесь, — широко расставив на

ней руки слегка покачивается.

— Можно мне кофе с черникой? — встаю напротив и оперевшись локтем на барный стол, кокетливо наматываю на палец волосы, стреляя глазами из под опущенных ресниц.

— Со сливками? — игриво приподнимает бровь.

— Да, пожалуйста...и сахаром.

— К кофе, что-нибудь будете? — один клацк по экрану, и из его телефона раздается медленный блюз с соло саксофона переплетающимся бархатными звуками с ненавязчивой инструменталкой. Кладет его между нами.

— А что у Вас есть?

— Сегодня в меню вишневый штрудель.

— Ооо...неожиданно... — краснея, обмахиваюсь ладонями, вспоминая «наш» штрудель. — С удовольствием попробую...

Разворачивается, достает из деревянного стеллажа за спиной, стилизованного под сбитые ящики пластиковые стаканы, плескает что-то из темной стеклянной бутылки в один, и повернув рычаг на заурчавшей кофемашине, подставляет под фыркающую струю.

— Почему нет барных стульев? — не зная, чем занять руки, достала из сумки телефон, проверила звонки. Убедившись в том, что никто не ищет меня с собаки, закинула его обратно. Тем временем жестом фокусника Линц вынимает накрытую стеклянным колпаком тарелку с красиво уложенными кусочками десерта.

— Потому что концепция заведения, не предусматривает душевных разговоров с баристой.

— Кофе с собой?

— Да, — ставит передо мной одноразовую тарелку, кладет на нее пластиковую вилку. — Новый жилой квартал, большинству жителей, купивших здесь квартиры до сорока, работают ежедневно в режиме полной занятости. Рядом, единственная остановка общественного транспорта, должна быть хорошая проходимость по утрам и вечерам. Днем, надеюсь на гуляющих с детьми мамочек, студентов-лоботрясов, местных трудящихся пролетарий и случайных прохожих.

— Продумано... — восхищенно пялюсь на стоящего напротив, с искрящимся и таким теплым взглядом умника. — Твое? — обвожу вилкой пространство над головой

— Формально, — пододвигает ко мне кофе, выкладывает на тарелку пару стиков с сахаром и порционных сливок. Заряжает в машину еще один стакан. — Откуда у математика деньги?... — театрально разводит руками, и улыбается словно это должно все объяснить. — Это бизнес Игоря, я — лишь управляющий.

— Прибыльно?

— Я бы сказал, хлопотно.

— В смысле? — приоткрыла крышку, и в нос закрался аромат свежей выпечки.

Сейчас я в полной мере почувствовала себя какой-то неблагодарной эгоисткой. Стало противно от самой себя. Точнее от того, что я не сделала ничего приятного и хорошего для Виктора. Даже спасибо, за все его старания по нормальному ни разу не сказала, всегда заносчиво и как-будто надменно.

А он, не смотря, на то, что носом, можно сказать, перед ним кручу, и веду себя, как капризная недотрога, не свалил в туман, более того делает вид, что нисколько не разочарован моим поведением.

Вот, что со мной не так? В фантазиях, разве что к кровати наручниками его не

приковываю, а в реальности лишний раз прикоснуться боюсь... Потому что желаний своих боюсь!

— В смысле, чтобы такое заведение приносило прибыль, нужно все хорошенько просчитать. Одно-будет окупаться порядка шести-восьми месяцев при минимальных вложениях, без учета покупки помещения, если повезет с контингентом и местоположением. Когда их три три-четыре, и ты их постоянно раскручиваешь какими-нибудь ежедневными акциями, — делает пальцами кавычки, — четыре-шесть. Это я молчу про поиск дешевых поставщиков и дистрибьютеров, которые не кинут и выполняют доставку, чтобы самому не мотаться по всему городу, мелкое воровство и вздорные компании. Ну и постоянный контроль за персоналом, и пристальный надзор за тобой со стороны желающих поживиться за твой счет.

— А сколько их у вас? — смахиваю вилкой на тарелку кусочек, посыпанного сахарной пудрой, рулета. Отламываю краешек и засовываю в рот. — Ммм... — жмурюсь от наслаждения, — очень вкусно!

— Это шестое. Дай попробовать, — неожиданно просит, наклонившись ко мне.

— Ого! — недолго думая, отделяю кусочек и протягиваю ему.

— Ага! — снимает с вилки губами, подмигивая. — Скажи же жаль, что все что манит, как магнит вредно или аморально...

— Да, жаль, — вздыхая соглашаюсь и продолжаю молча уплетать взрывающие во рту сочные вишни в нежном сладком тесте.

В воздухе повисла неловкая пауза, от которой стало неуютно на душе. Судя по взгляду Рыжего, он что-то обдумывал, глядя на меня. Его лицо приняло серьезное выражение, контрастируя с недавней расслабленностью.

На секунду екнуло сердце. Сейчас он скажет... Вика, с тобой каши не сваришь. Слишком уж ты геморройная и зашоренная. У меня больше нет желания с тобой возиться. Игра не стоит свеч. На этом в общем-то все! Так что допивай кофе, и прости-прощай!

— Давно ты с Лепреконом? — слегка прищурившись, неожиданно поинтересовался, наклонив голову в бок.

— Не называй его так. Достаточно.

— Достаточно... — сухо констатировал, наверное, малоприятный для себя факт. — Почему не окольцована?

— Сложно ответить, — пожимаю плечами. — Была пара попыток узаконить отношения, но не увенчалась успехом.

— Почему?

Красноречиво развожу руки, жестом показывая, что дескать, так получилось.

— Ты тратишь жизнь не на того мужчину, Фике — сделав последний глоток, вытер рот салфеткой, скомкал и бросил ее на стол.

— Откуда ты знаешь?

— Свою будущую жену мужчина мечтает видеть гордой, сексуальной, и недоступной для других. Доброй, манящей, и загадочной. Молодой, полной сил, и состоявшейся в профессиональном плане. Нехилые запросы, да? — протянув руку, поправляет волосы мне за ухо. Очевидно, я жутко лохматая. После квеста, я первым делом осушила три стакана воды, и завалилась на диван в комнате отдыха, распластав руки и ноги. Прихорашиваться не было ни сил, ни желания. — У тебя все это есть! Задай себе вопрос, чего не хватает твоему мужчине?

— Видимо твоего ума! — усмехнувшись, ломаю пальцами стик над стаканчиком. — А

ты? Что на счет тебя?

— Я... — выжидающе смотрю, пока он пару секунд подбирает слова. — Я не монах... но той, кого бы я мог назвать «своей женщиной» — нет... — доверительно нагнулся и накрыв своей ладонью мою, лежащую на столе, нежно погладил большим пальцем запястье. — Я хочу тебя завоевать. Хочу, чтобы захотела быть со мной. Стать моей. Чтобы между мной и тобой были чувства. И ты чувствовала то же самое, что и я.

Говорят, у женщин, осознанное касание привлекательного мужчины, вызывает прилив крови, который становится источником или паники, или возбуждения. Причем не важно, кто инициатор этого касания. У меня случилось комбо. От его прикосновения мурашки заплясали вальс по коже, и он это почувствовал, но я старалась сохранить безмятежное выражение лица.

Да что ж это такое?!

В ответ на пыливый взгляд Рыжего, изнутри прострелило бешеным желанием, таким яростным и мучительным, что перехватило дыхание.

Перед глазами пронеслись картины, бросившие меня в краску: наши сплетенные тела, его руки на моем теле, губы, целующие меня с жадной страстью...

— Потанцуешь со мной? — чуть хрипло просит, перебирая мои подрагивающие пальцы одной рукой, вытирая большим пальцем второй, испачканную нижнюю губу.

— Здесь? Мы же будем, как на витрине, — трусь, как кошка о его ладонь.

— Не будем, — щелкает выключателем. Лампы гаснут, слабый отсвет исходит только от мобильного на стойке. Темнота поглощает все вокруг, но через пару секунд предметы и обстановка вырисовываются, как это бывает, когда глаза привыкают. Мне стоит огромных усилий, отвернувшись, разорвать эту связь удава и кролика. Правой рукой я неуверенно вожу вверх-вниз по левой. Взгляд скользит к двери, я напряженно сглатываю, испытывая большое искушение просто взять и уйти.

Как разомкнуть этот круг, если собственный мозг играет со мной злую шутку? Зачем я вообще сюда пришла, что мне тут надо и почему я все еще здесь? Ни на один из этих вопросов у меня нет ответа.

Сзади раздаются его шаги. Каждый перекликается с ударами моего сердца, и я невольно вздрагиваю, почувствовав мягкое прикосновение ладоней к талии.

— Забудь обо всех. Только ты и я... — меня обжигает дыханием у виска. И жаром тела, которое слишком близко.

— Потанцуем? — почти неслышно шепчет на ухо. Не дожидаясь ответа, берет за руку. Сделав шаг назад, выводит в поворот и плавно притягивает к себе.

Я гулко сглатываю сухую слюну, как только мы сливаемся в танце, потому что той искристой легкости, как в студии Марии и Гектора — нет. Наоборот, меня затягивает в водоворот какой-то тягучей, но в то же время сладкой горечи.

Высокий и сильный, в плечах он чуть ли не вдвое шире меня. Мускулистый, но не качок. С фигурой викинга и легкостью в движениях. Жутко хочется потрогать его задницу, но не могу. Это будет совсем за гранью, и выдаст мой бесстыжий интерес.

Я уже почти забыла, как это приятно, испытывать трепет от прикосновений к мужчине. Крепкие мышцы перекатываются у меня под руками. А еще от него идет тепло. Которого мне так не хватает последнее время. Солнечное. Доброе. Хочется отогреться и напиться им. Слышу рваный вздох, и чувствую, как мягкие волоски щекочут ухо, когда, не отдавая себе отчета, прижимаюсь к нему всем телом почти неприлично.

Увлекая в нежную мелодию Виктор провел ладонями вдоль моей спины. Касаясь ткани пиджака, скользнув чуть ниже талии, вдавливая мои бедра, подталкивая на себя. И я, на секунду замерев от накативших ощущений, прикрываю глаза. Утыкаюсь в плечо, дышу его запахом, стараюсь запомнить все: как моя щека касается его черной футболки, как бьется его пульс в треугольнике яремной впадины, как его губы гладят мои волосы.

Упирающаяся в живот эрекция, не вызывает неприязни. Наоборот волнует и пробуждает ответное томление. Я немного прогибаюсь в пояснице. Одновременно с этим веду ладонями к его шее и, обхватив ее, принимаюсь выводить на затылке узоры подушечкой большого пальца. Виктор реагирует прерывистым дыханием, и еще более тесным нажимом на ягодицы. Хотя куда уже ближе! Колени подгибаются от такого сближения. Током простреливает. Вынырнувшая откуда-то смелость управляет моими руками, забираюсь ему под футболку и вдавливаю в горячую кожу пальцами. Он вздрагивает всем телом. И в следующее мгновение сжимает мою талию, так, что я явственно ощущаю его возбуждение, через одежду между нами.

Приходит безумная мысль, а может быть? Черт с ним... Я ведь хочу его. Хочу, так что внутри все болезненно ноет.

Открываю глаза. Наши взгляды встречаются. В его потемневшем — голод. В моем — смятение.

Одним движением, его пальцы выдергивают блузу из моих брюк, быстро ныряют под ткань. Скользят по оголенной коже спины. И я горю. Он крепко держит, покрывая мое лицо поцелуями, а бугор, прижатый к животу, значительно увеличивается в размере.

То, что происходит, не укладывается в голове.

Я забыла и про Свиридова, и про то, где нахожусь, — забыла про все напрочь. Только горячий, не похожий ни на кого, мужчина с шелковой бородой, составлял мое настоящее. А тем временем «настоящее» ускользало. Музыка стала затихать. С каждой уходящей ноткой я дышала все чаще, и вопреки здравому смыслу, который бил звонкими молоточками в голове сигнал тревоги, хотелось продлить безумие и не потерять тепло, разливающееся по телу!

Еще секунду, и я остановлю его. Еще... Секунду...

— Фике... я... ты... скажи...

Скользит пьяным взглядом по лицу, стекает по шее и останавливается на моей, высоко вздымающейся, груди. Нервно облизываю губы, когда вижу, как подрагивают его ноздри, втягивая воздух. Ноги тут же подкашиваются, сердце рвется от паники, превращая кровь в раскаленное железо. А потом, он поднимает глаза... В них неприкрытое, совершенно откровенное желание, от которого выбивает дух. Не мигая, приближает свои губ к моим, и стремительно, молниеносно впивается в них. Не целует — кусает, остервенело тараня мой рот.

Жар. Дрожь. От макушки до кончиков пальцев. Горячие, невероятно обжигающие губы. Уверенные, наглые, требовательные. Его ладони — на моем лице. Пальцы — волосах. Больно продираются сквозь запутанные пряди, и стягивают их на затылке. Но неожиданная боль пронзает новой стрелой возбуждения. Дикий узел катится от затылка по позвоночнику, Затягивая в воронку нестерпимого желания.

Мшу ему, вонзив ногти одной руки в загривок, другой веду по твердой груди вниз. Крадусь к пуху, сжимаю вздыбленную ширинку. Виктор глухо стонет, запрокинув голову назад, и двигает бедрами вперед. Я тоже, потому что внизу живота происходит горячая вспышка. Как сквозь вату, слышу свой низкий стон. За который и стыдно, и нестыдно.

— Фике? — шальным взглядом ищет на моем лице одобрения.

Как замороженная, я кивнула и в тот же миг подхватив под бедра, он делает пару шагов, усаживает на столик и устраивается у меня между ног.

Я и не помню, когда меня последний раз так целовал, Свиридов. И целовал ли вообще так... С бешеной страстью, но нежно. С нетерпением. Трепетом. Дрожью.

Руки, скользящие по моим плечам, прожигают насквозь. Гладят шею. Перемещаются ниже. И когда грудь накрывает горячая ладонь, сжимает, вызывая у меня легкий стон, поглаживает и массирует, я теряю тормоза. Прогибаюсь. Ерзаю. Подставляюсь.

Рву пряжку его ремня, протискиваю ладони под джинсы, сминая задницу, тяну к себе.

Виктор срывается. Вновь накрывает мои губы, чувственно скользит по ним языком вдавливаясь в меня. Стискивая ягодицы, водит мной по себе вверх-вниз короткими движениями.

Пиджак отлетает в сторону. Пуговицы на блузке как-то сами собой оказываются расстегнутыми, а плечи нетерпеливо оголяются.

Задев кружево лифчика, он дразнит соски, распуская по телу огненные искры, которые скапливаются нестерпимым пылающим шаром внизу живота. Нависая проводит языком по шее, и отодвигая ткань, втягивает в рот тугую горошину, высекая из меня сдавленный сип. Боже как же мало этого...

Словно услышав, наконец расстегивает молнию у меня на брюках и безошибочно находит то место, где сосредоточены сейчас все мои инстинкты. Вдоль позвоночника прокатывается судорога, как будто ударили током.

— О Боже, — шепчу, глотая воздух.

— Тш-ш-ш, — чуть сжимая мне горло, прикусывает мочку, лишая воли. — Все хорошо... хорошо... расслабься...

Вместе с шумным ветром его дыхания по телу пробегает дрожь, когда, сдвинув трусики, он касается меня там. Надавливает и гладит, скользит и кружит, трогает. Короткие движения ладонью — и меня накрывает горячей волной. В которую врезаются его пальцы. Происходит взрыв. Глухой и хриплый протяжный стон, предательски прорывается сквозь прикушенные губы. Я одновременно разлетаюсь и вспыхиваю.

— Фике, Фике... — прижимая к себе, слепо водит губами по моему виску. Гладит по спине. Успокаивает, а сам тяжело дышит. — Хорошо... все хорошо... я с тобой...

По мере того, как стихают отголоски пережитого оргазма, мое сознание постепенно проясняется. А вместе с ним, накатывает стыд, и понимание, где я и с кем, и чем чревато мое безрассудное поведение.

Сползаю со стола и отворачиваюсь.

Это... это катастрофа.

Как мне жить с этим? В глаза Леше смотреть как?! В постель с ним ложиться?

— Жалеешь? — тут же обхватывает меня руками. Обнимает. Жар его тела снова обжигает.

— Нет. Ты отличный любовник. Мне было хорошо, — вырвавшись из кольца его рук, впопыхах привожу себя в порядок, стараясь не выдать своего отчаяния. — Но на этом все. Извини, если не оправдала ожиданий.

— Вик! — ловит меня, на ватных непослушных ногах у двери. — Я не хотел тебя обидеть. Ты не представляешь, как сложно сдерживаться, когда ты такая искрящая, — прижимает к себе спиной, трется щекой о щеку. — Я до сих пор чувствую твой запах и тепло. И хочу так, что мне больно, — накрыв ладонью лобок, коротким качком подает мои бедра назад. В спину упирается твердый член. — Дай мне шанс... Не в постеле, нет...

Мои движения противоречат моим же словам. Ртом, я отказываясь, бубню про Алексея, а тело подает противоположные сигналы. Начинает слабеть, дыхание учащается, и вместо того, чтобы убрать с себя его руки, я прижимаюсь ближе.

— Вик, не прикрывайся Лепреконом. Это твоя жизнь. Ты ничего никому не обязана. Думай о себе!

— Вить, отпусти меня! — поднимаю на него глаза, сжимаю губы, чтобы не разреветься. — Мне пора домой!

— Я отвезу!

— Нет! Не надо! Вызови мне такси! Мне нужно побыть одной! Пожалуйста... — смягчаюсь в конце.

Он неохотно соглашается. Я вижу, как на его лице отражаются досада и раздражение.

— Именно этого я и боялся, что, поддавшись эмоциям, ты сначала качнешься ко мне, а потом начнешь перетрясать барахло в своей голове, накладывая эпитафию... — Виктор запустил руку в волосы, взъерошив их.

Слава Богу, машина приехала быстро, видимо была где-то близко. Я ждала ее снаружи, не зная куда себя деть, сгорая под свербящим взглядом Виктора, наблюдавшим за мной изнутри.

— Фике, дай мне шанс... — еще раз повторил, закрывая за мной дверь такси.

В ответ, я кивнула, прощаясь. Поцеловала кончики пальцев и положила ладонь на стекло, он снаружи положил свою.

Говорят, каждый новый человек появляется в жизни именно тогда, когда суждено. Никогда раньше или позже, всегда точно в тот момент, когда должен. Сейчас бросив взгляд на Виктора, я подумала, что он все-таки опоздал... ну или я не торопилась навстречу.

— Поехали! — скомандовала водителю, ели сдерживая подкатившие слезы.

Все-таки торт мне в этот раз удался ... Ух какой! От одного вида — все будут слюни глотать!

Не зря вчера весь день прыгала вокруг него. Шестнадцать коржей. По четыре слоя в каждом! Пропитанные кремом из сгущенки и масла, и украшенные карамелизованными ягодами.

Жаль идеально круглым не получился, никак не куплю кондитерскую подставку побольше. Хожу, облизываюсь и жмотничаю. Десять раз Леше намекала, но намеки мои остаются не услышанными.

А вот Виктору, наверное, стоило бы только заикнуться...

Вот зачем я снова о нем думаю?

Черт...стыдно так, что закусываю губу, и расправляю на платье образовавшиеся складки. Расплавилась, как пластилин. Надумай он меня трахнуть все бы случилось... хотя и так случилось...какая разница, чем он меня поймел.

Перевожу взгляд на аккуратные Лешины пальцы, сжимающие руль ауди, и непроизвольно свожу ноги. Скольжу по выглядывающим из — под рукава синей рубашки, которая так ему идет, дорогим часам, и думаю — чего мне не хватает? Другие о такой жизни только мечтают, в целом у нас же все прекрасно! Квартира, машина, доход растет.

Только материальный достаток никак не отражается на «уровне моей удовлетворенности жизнью». Но это все, конечно, потому что я «глупая», и не смотрю в будущее.

А с настоящим-то что делать?

Рыжий — бесстыжий...как он сказал, «думай о себе». Скоро цитировать его афоризмы начну, — усмехаюсь про себя. Вот я и думаю. Зачем рисковать стабильностью, если я всего лишь желанный трофей. Разве, такая, как я, сможет надолго его заинтересовать?

Он мужчина в самом широком смысле этого слова, с вполне откровенным интересом, который быстро развеется без интимной составляющей...

Нет...не смогу я на два фронта...

Но ведь тянет к нему, как магнитом. Как бабочка, хочу нырнуть в мягкую паутину из его сплетенных на теле рук. Голос его сиплый слышать, и глаза, горящие от возбуждения видеть хочу. Короче, хочу его...и медленно, но верно схожу с ума.

— Стричься пора, — треплю Лешу по макушке, убеждаясь лишней раз, что мой выбор в двадцать — был продиктован сердцем, ни о каких выгоде я тогда не думала. Что у него было шесть лет назад. Старенькая иномарка, бабушкина квартира, да неумная жажда жизни, в которую я и втрескалась.

— Я еще и бороду отращу, чтоб питерской зимой не мерзнуть, — перехватывая мою руку, кладет себе на бедро.

— Сколько, еще мы будет жить в таком режиме?

— Некоторое время, — уклончиво повел головой, мельком взглянув на меня. — Чем ты недовольна? Денег нормально платят.

— Я тебе уже объясняла, мне мало твоего внимания. Я чувствую себя одинокой и не нужной.

— Тебе секса не хватает? Ругани? Может толкотни жопами по утрам ванной?

— Да причем тут это? Мне тебя не хватает! Тепла твоего! Смеха, счастья в доме!

— Думаешь, если погрязнем в безденежье ты будешь счастливее?

— Можно же найти работу без командировок...

— Так найди! — раздраженно ударяет рукой по рулю. — Чтоб и зарплата приличная, и график, и подобострастно начальнику в глаза не заглядывать! Давай!

Насупившись отворачиваюсь к окну. Вот и поговорили!

До самого порога квартиры Лешиных родителей, с подарками в руках мы поднимались молча. Но как только запахнулась дверь, вежливые маски осели на наших лицах. На дне рождения Елены Дмитриевны, мы изображали счастливую пару, в которой царит гармония и взаимопонимание. Вопросы про свадьбу и детей сыпались в наш адрес, весь вечер с разных концов стола, чуть ли не чаще, чем поздравления имениннице. Алексей остроумно отшучивался, а я делала вид, что полностью согласна со своим мужчиной, протестуя в душе.

Но стоило только двери гостеприимного дома захлопнуться, я убрала с лица угодливое выражение, обхватила себя за плечи и пошла к машине.

— Да брось, — догнав Леша обнял меня, останавливая, — что ты опять оцетинилась? Говорить же нужно о чем-нибудь. Вот они и чешут языками. Забей!

Я и забила. Молча легла на боковое стекло головой, сделав вид, что задремала. Суетной вечер, вымотал меня. Вернее, не сам вечер, а то что в очередной раз, стараясь соответствовать ожиданиям окружающих, я прятала свои настоящие эмоции и желания.

Сбежав от Виктора, я сначала хотела забрать машину, примчаться домой и сделать вид, что ничего не было, мне все приснилось, и вообще янитакая. Похотливая. Беспринципная. Доступная. А потом, накатила такая волна пофигизма, что попросила таксиста остановить на набережной. Села на лавку, под покрасневшим кленом, и уставившись, невидящим взглядом, на освещенный понтон с кафешкой, считала мерцающие отсветы лампочек на воде. Внезапно я поняла, что меня давно ничего не радует. Все стало серо, уныло и безразлично. «...что воля, что не воля, все одно» — вспомнились слова из детской сказки. И ведь именно Линц, добавил в мою жизнь ярких красок и впечатлений. Заставил посмотреть на себя другими глазами. Наверное, впервые задуматься, чего хочу я.

Следующая мысль, пронесшая в голове, была — кажется, я больше не люблю Лешу. Мы вместе шесть лет, много чего пережили: радовались, ссорились, поддерживали друг друга...но в тот момент показалось, что живу с совершенно чужим человеком.

Когда я вернулась домой, было почти двенадцать. В прихожей, прислонившись к стене стоял Алексей, демонстративно сложив руки на груди. Я остановилась у двери.

— Где ты была? — Свиридов изо всех сил пытаюсь сдержаться.

Я молчала, глядя мимо него.

— Где. Ты. Была. — повторил громче, подойдя ближе.

— Гуляла! — борзо огрызнулась. — Что, не нравится ждать?

— Ждать? Это ты называешь ждать?

— Ну, а как? — пожала плечами, разуваясь. — Если бы ты меня потерял и беспокоился, звонил бы и искал... — достаю из сумочки телефон и тычу ему в нос. — Смотри, ни одного пропущенного. Значит, ты специально выжидал, чтобы предъявить мне претензии.

— Что с тобой последнее время происходит?

— Может быть, та глупенькая девчонка, которая была готова за тебя драться со всем белым светом, выросла? Леш, ты меня любишь? — равнодушно оттолкнула его плечом, чтобы пройти на кухню.

— Ты же прекрасно знаешь!

Скрутив лохматые волосы жгутом, перекидываю их на плечо. Наливаю себе стакан воды, и медленно пью, под пытливым взглядом. Потом ставлю в мойку, разворачиваюсь и упираясь в нее бедрами, складываю руки на груди

— Не знаю. Ты мне об этом не говоришь!

— Где ты была?

— Значит ответ гуляла, тебя не устроил? — не знаю, зачем продолжаю провоцировать. Мне хочется разозлить его, заставив или отступить, или перейти в атаку. — Тогда трахалась.

Его лицо скривилось в скабресной ухмылке, а рука приподнялась. Мне показалось, что он меня ударит, и я, наверно, этому даже обрадовалась бы. Потому что можно было бы все бросить и уйти. Куда глаза глядят. Но Леша ничего не сделал.

Он подошел, положил руки мне на плечи и посмотрел в глаза. Молнией вспыхнуло раздражение. Захотелось говорить что-то обидное, злое, обвинять во всем. Выплеснуть на него кипящие эмоции.

— Трахни меня!

Я обошла его, встала в центре кухни и медленно начала раздеваться, чувствуя его взгляд — жадный, осязаемый до дрожи. Покачивая бедрами сняла блузку и лифчик, подняв руки, встряхнула волосы. Грудь тоже поднялась выше. Удерживая его взглядом, я провела по ней руками, чуть задержавшись на сосках, медленно спустилась до талии, расстегнула молнию на брюках. Так же медленно потянула их вниз, перешагнув через одну штанину, ногой откинула замершему Алексею. Он поймал, и отбросил куда-то в сторону. Я подошла ближе, проводя двумя пальцами под кружевной резинкой трусиков.

Когда его пальцы оказались там же, сталкиваясь с моими, я едва слышно застонала. Нет, искр не было, но была потребность доказать себе, что я все та же. Могу принимать ласки Алексея и отдавать свои. Ничего не изменилось. Ничего!

Подхватив под бедра, он усадил меня на стол, целуя морзянкой скулы, шею, опустился к груди. Жадно втягивая поочередно соски, приспустил на себе штаны вместе с трусами. В следующую секунду я почувствовала, как отодвинулась в сторону полоска трусиков и сразу два пальца ворвались внутрь.

Он впился поцелуем в губы — крепко, до боли. Язык настойчиво раздвигал их, протискивался между зубами, сталкивался с моим, словно сражаясь.

— Так? Ты хотела так? — хрипит, вынимая пальцы. Быстро стаскивает по ногам трусы, и направив в меня член, вдавливается.

— Да... — принимая его откидываюсь на руки, и прикусив губу, закрываю глаза.

Крепко удерживая, начинает размашисто двигаться. Болезненное удовольствие бьет иглами в каждую клеточку. Я дрожу. Но хочу еще резче и яростней. Наказать себя хочу. За то, что позволила себе мечтать.

Тяжело дыша Леша, останавливается сжимая мои бедра, обводит большими пальцами треугольник внизу живота.

Я распахиваю глаза, впиваюсь в него взглядом, безмолвно требуя продолжения. Стягиваю футболку. Скольжу ладонями по его горячим лопаткам.

В этот момент он неспешно покачивается, и я слетаю с волны, мое возбуждение рассеивается, как пар на стекле. Еще один медленный выпад, и темп ускоряется, толчки становились резче, сильнее. И хотя незадолго до этого я хотела именно так, теперь стало ясно: замазать один секс другим не получится. Потому что все не так. Вцепившись в плечи,

сжимаемая его ягодицы ногами, я ждала, когда все закончится.

Много времени не понадобилось. Глухо застонав, он увеличил амплитуду. Я почувствовала, как в нем зародилась мелкая дрожь. Несколько глубоких рывков. И обхватив рукой член, он кончил мне на живот.

Внизу вибрировало скопившееся напряжение. Развожу ноги шире призывно глядя в глаза.

Размазав по мне сперму, он облизал два пальца и быстро ввел туда, где все ждало разрядки. Не выдержав его взгляда, я зажмурилась, откинув голову назад.

Эта ласка была грубоватой, но, когда его горячие губы коснулись моих скул, а язык скользнул по шее, я почувствовала, как поднимается горячая волна, вытесняя из легких воздух.

Оргазм был коротким, похожим на выстрел. Содрогнувшись, я сжала ноги, заставив его убрать руку.

Обида, досада, раздражение на себя, пожалуй, это те эмоции, которые я сейчас испытывала. Кончила с двумя разными мужиками за один вечер, и два раза по-разному. С фейерверком, от которого не могла отдышаться, и дымкой от открытой бутылки шампанского. А результат практически одинаковый: паршиво, так что хочется реветь.

— Я думал, так никогда уже не будет, — пораженно выдохнул Леша, убирая волосы, упавшие мне на лицо, прижимая к себе. — Я люблю тебя!

Что я могла ответить?

Что чувствовала себя полным дерьмом, так и не избавившись от чувства вины.

То, что сейчас произошло между нами, не принесло мне облегчения. Физическое, не удовольствие. Разрядка. Для меня это была победа над собой. С привкусом горечи. Плата за сделанный выбор.

— И я тебя! — мои губы на секунду задержались на мочке его уха, опустились ниже по шее. Я прижалась к нему как можно ближе, потому что по коже пробежали холодные мурашки.

— Пчелка! — рассмеялся, сжимая мои бедра. — Да ты сегодня в ударе!

Ничего-то он понял! И хорошо! Я же этого и хотела...

Я набрала побольше воздуха, как будто собиралась нырнуть на глубину, провела кончиками пальцев по его щеке.

— Не оставляй меня больше... Мне очень одиноко... и холодно без тебя...

— Ну что ты... Пчелка... Я же всегда рядом... Ты же знаешь, все что я делаю, я делаю для нас. Ну что ты себе надумала? — заглядывает мне в глаза, поглаживая венку на шее. — Давай поваляемся в ванной? Кьянти еще осталось...

— Мы ходим по краю, Леш... — прижалась к нему, когда он, подхватив меня на руки вышел из кухни. — Я боюсь...

Конченная фраза, неоконченной повисла в воздухе, потому что он нежно накрыл мои губы своими.

Мы помирились, или это была не ссора. Не суть. Со мной снова был тот Алексей, для которого мне хотелось быть лучше всех. Который, нашептывал откровенные признания, облизывал взглядом, и чтобы порадовать, пополнил мою карту приятной суммой на «на шляпки, булавки» и прочие женские мелочи. Нежности, по которым я так соскучилась, затянулись. А потом мы лежали, обнявшись, и разговаривали.

— Ну какая свадьба? — рисую у Леша на груди узоры. — Я не хочу колготы. Давай просто распишемся.

— Тогда еще проще, — провел пальцем по моему позвоночнику, так, что мурашки наперегонки разбежались по телу. — Кольца есть. Заявление можно подать через гос. услуги хоть сейчас. Выбирай дату!

— Никакой романтики...

— И рванем на недельку в Турцию, в какой-нибудь дорожный отель.

— На дорожный у тебя не хватит денег, — хмыкнула, игриво укусив его за подбородок.

— Ради такого случая я возьму кредит! — подтянул к себе, положив руку мне на бедро

— В принципе, мне нравится твой план. Хотелось бы еще уточнить, будем ли мы спать под одним одеялом и после Турции?

— Не получится...

— Почему?

— Потому что, я очень хочу получить годовой бонус, и кое-что еще, ради чего стоит поднапрячься.

— Что это «кое-что»?

— Пока не скажу...

— Ну Леш!

— Обещаю ты узнаешь первой! — с интригующими нотками в голосе крутит головой, когда тихонечко прикусываю ему пипку.

— Хорошо, подожду. Тогда есть еще один вопрос... — решила поднять болезненную тему, из-которой мы последнее время ссорились.

— Вик, — он поморщился. — Я знаю этот виноватый взгляд, давай не будем начинать. Вряд ли я скажу что-то новое. Ты же знаешь, особым желанием я не горю, но если вдруг получится, значит...так тому и быть.

— Не получится, если ты будешь кончать мне на живот.

— Надеюсь, ты не планируешь беременность прямо сейчас? — настороженно поинтересовался

— Вот прямо сейчас, нет. Но хочу в ближайшее время. Мне, на минуточку, уже двадцать шесть.

— Ты так говоришь, как будто тридцать шесть. Ладно, давай спать, — снова свернул тему, — мне завтра с утра в офис.

— А мне как будто нет?

Когда я проснулась, часы показывали шесть. Леша тихо посапывал рядом.

Предложение руки и сердца, прозвучавшее вчера, не было торжественным.

В первый раз, когда Свиридов сделал мне предложение, казалось, что внутри лопаются маленькие мыльные пузыри, которые если открыть рот вырвутся разноцветным каскадом. Во

второй — я тоже радовалась, но уже без бурного восторга. Сейчас, я не чувствовала практически ничего. Было неприятное ощущение, что он решил меня снисходительно осчастливить, как подаривший со своего плеча соболиную шубу барин: ты же так об этом мечтала, заслужила, получай.

Накинув халат, я умылась и поспешила на кухню. Совершать, как барон Мюнхаузен, ежедневные подвиги. Пожарила омлет с грибами и зеленью, запекла тосты, налила кофе.

— Леш, — промурлыкала ему на ухо. — Пошли завтракать. Все готово.

— Я потом, — пробормотал, не открывая глаз.

И вот тут, я, наверное, впервые задумалась... почему всегда я. ВСЕГДА Я, готовлю этот гребаный завтрак. Почему Леша хоть иногда не может проявить инициативу, и сделать мне приятное.

Работы навалилось до жопы. Я приходила уставшая, а временами и без настроения. Феячить желания не было, я заваливалась на постель с какими-нибудь вкусняхами и ноутом, чего Леша терпеть не мог. Бродила по просторам интернета, или смотрела очередной сериал. Короче делала все, чего не делала никогда раньше, испытывая терпение Свиридова на прочность.

Уж и не знаю, что послужило толчком к такому его поведению, то ли впечатлил секс на кухне, то ли, действительно, испугался, что могу свинтить, — Леша изменился. Внимательный, заботливый, нежный.

Вечерами, он делал мне расслабляющий массаж. И если я начинала дремать, осторожно целовал, накрывал одеялом, и даже засыпая, не выключал телевизор. Я просыпалась от нежных прелюдий. Мягкий, чувственный секс, быстрый душ и мое обессиленное тело снова приятно утопало в матрасе, согретое Лешиним теплом, добирая оставшиеся часы сна.

Виктор... он, словно понимающе ждал, когда я приду в себя и успокоюсь. Вынырну из скорлупы и снова разрешу приблизиться.

Не напирал, встреч не искал, но и забыть о себе не давал.

Сообщения совсем простые, ненавязчивые. Пожелания доброго утра, спокойной ночи, забавные картинки, мемы.

Мой рабочий день начинался со звонка курьера. Он привозил кофе с какой-нибудь вкусностью — ягодным пирогом, кусочком чизкейка или порцией сливочного мороженого.

Конечно же, первым порывом было — не поддаваться на провокации, ничего не брать, соблюдать спокойствие и выдержку.

Но сила воли меня подвела. Изо дня в день я забирала у доставщика очередные угощения, и благодарила Виктора сухим «спасибо». Сначала, грызла совесть, но получая удовольствие от запретного, я испытывала в душе ликование, как будто нашла монетку, которую все ищут и прятала ее в кулачке. Он помнит обо мне! Думает! И...

А вот что «и» я не знала. Потому что никакого «и» быть не могло.

Когда я колдовала над «наполеоном» для Елены Дитриевны, от Виктора в ватсап упало первое сообщение. «Как дела? Ответь, пожалуйста. Я волнуюсь»

Прочитав его, я разозлилась, а потом сфоткала Бонопарта, и отправила с припиской. «Будем кушать вкусный торт».

И все. Рыжий отвалил с личным. Необязывающие знаки внимания с легким намеком на симпатию. Которые просто нужно было пережить. Скоро ему надоест.

Телефон, на столе взорвался мелодией звонка. Курьер оповестил об очередной доставке. Что-то поздноватое сегодня, оторвавшись от проводок, мазнула взглядом по краю ноута,

время почти обед.

Накинув плащ, я выскочила на улицу и растерянно притормозила, наткнулась взглядом на застывшую фигуру Линца. Так и есть. Стоит весь такой сосредоточенный, в кожаной куртке, засунув одну руку в карман, а другой прижимая к себе бумажный пакет.

Увидев меня, он во всю свою бородищу расплылся в улыбке.

Делать вид, что я его не узнаю, разворачиваться и бежать обратно было глупо. Распрямив спину, я подошла.

— Привет, — задираю голову, бесстрашно глядя ему в глаза. — Ты теперь работаешь курьером?

— Привет, по особым случаям.

— Это мне? — стреляю глазами на кулек в его руках.

— Погода сегодня хорошая. Пойдем где-нибудь перекусим. Нам надо поговорить.

— Вить, работы много, — поглаживая на часы, всем видом показываю, что крайне занята. — Мне некогда.

— Это предлог, мы оба это знаем, — поправляет лацкан моего плаща и закладывает себе под локоть мою руку. — Выдели в своем жестком тайминге полчаса для меня.

Спорить на людях еще глупее, чем убегать. Я иду под руку с ним, обдумывая как бы побыстрее отделаться. Приземлившись, в уличной кафешке на соседней улице, пока ждем заказ, Рыжий ставит передо мной на стол бумажный пакет. Любопытство разжигает, я заглядываю в него и вынимаю чашку, упакованную в прозрачную слюду с принтом незабудок, и белое сухое вино со скромным голубым цветком на этикетке и названием «Forget Me Not».

— Ты с ума сошел, — шокировано поднимаю на него глаза. — Не нужно было...

— Ты запретила мне дарить цветы, — смотрит на меня внимательно. — Как я должен извиняться?

— Тебе не за что извиняться, — бормочу, засовывая все обратно. — Будем считать, нас немного занесло.

— Заносит снегом улицу, — стучит пальцами по столу, — это неуправляемый процесс. Любой другой занос — управляемый. Ты хотела, и я — хотел, это физика.

— Вить, — закрываю лицо руками, — не надо... Я выхожу замуж.

— Ты беременна?

— Нет.

— Когда свадьба?

— Ну какая свадьба? — небрежно машу рукой. — Распишемся просто...

— С чего вдруг такая спешка?

— Ну какая спешка, Вить?

— И все же?

— Как только, так сразу! — начинаю беситься. С какого хрена, я должна оправдываться и объясняться.

— Понятно, что ничего не понятно, — ерошит на макушке волосы. — Ладно, раз уж пришли, давай спокойно поедим. Невестам же не возбраняется обедать в обеденный перерыв?

Не поднимая глаз от тарелки ковыряюсь в греческом салате, Рыжий без аппетита жует бефстроганов.

— Кстати, ты знаешь, что родоначальницей бефстроганов считается Одесса? —

прерывает он тишину, нейтральным вопросом.

— Одесса, которая на Черном море? — поднимаю на него глаза

— Она самая... — кивает, и продолжает с набитым ртом. — Жил да был в городе Одесса, что на Черном море граф Строганов. И был он одиноким, но весьма богатым, — подражая интонации рассказчика сказок закручивает интригу. — По одной из версий, в преклонном возрасте у него выпали почти все зубы, а протезистов, тогда не было. Его повар-француз, чтобы угодить господину придумал рецепт мягких кусочков говядины, приготовленных в соусе. А чтобы еще больше уважить, назвал блюдо *Воеуф Строганофф*, дословно — «говядина по-строгановски». По другой, — богатый и при этом бездетный наследник огромного состояния, был скучающим стариканом и устраивал званые ужины, попасть на которые мог почти любой желающий, — с невозмутимым видом ворует из моей тарелки вилкой оливку. — Единственное, что требовалось от гостя — прилично одеться, и развлекать хозяина. Халявщики, с удовольствием ели обжаренную в соусе говядину. К тому же мелконарезанное мясо было удобно делить на порции. И можно было даже лямзить руками, — играя бровями, так и сделал, засунув в рот кусочек.

Как бы там ни было, непринужденным рассказом ему удалось снять напряженность.

— Вот откуда в твоей голове столько всякой всячины? — улыбаясь, смотрю, как он вытирает салфеткой пальцы, стирая с них коричневый соус.

Через пару деньков свою гениальность он будет демонстрировать уже другой, которая оценит его по достоинству, и как я не будет ломаться.

Мысль, что Линц с кем-то может быть таким же легким, веселым, с блестящими глазами ... как со мной — не приятна. Представлять в объятиях длинноногой фигуристой блондинки, задыхающейся от подкатившей судороги удовольствия, прижатой его влажным телом к простыням, мучительно до колотящегося сердца. Плевать, как называется испытываемое мной чувство, суть в том, что оно болезненно. Но я же не дура — понимаю, что рано или поздно это случится, потому что я сама его оттолкнула.

— От верблюда.

А дальше, мы болтали о разной ерунде. Он, поинтересовался Виктором, моими успехами с Бонопартом, Валюхиными делами. По последнему пункту, пришлось признаться, что я плохая сестра. Уже почти как две недели, наше общение свелось к безликим фразам в соц. сетях в ответ на значок показывающей, что обе живы-здоровы.

— Ну что, пойдём верну тебя обратно? — улыбнулся, расплатившись по счету.

Я- таки хотела, разделить чек, но он так на меня посмотрел, что я прикусила язык, и молча убрала кошелек обратно. — Не забудь незабудки!

Тавтология так забавно прозвучала, что я расхохоталась.

— Вить, спасибо тебе за все! — благодарно киваю, как болванчик, когда мы останавливаемся на стоянке перед офисом.

Все пришли. Жру его глазами, запоминая напоследок каждую черточку лица: морщинки возле улыбающихся глаз, россыпь бледных веснушек, выразительный подбородок, спрятанный в шелковой бороде. Зачем? А черт его знает...

— За что, за все? — его глаза веселятся.

— За цветы, впечатления, — бодренько начинаю, — подарки...и... — почему-то выходит с сожалением, — приятную компанию.

— И не слова про то, какой я охрененный любовник! — толкает меня плечом в плечо. — Грош цена мне как мужику! — вздыхает сокрушенно, сквозь лукавую улыбку. —

Моя самооценка упала ниже плинтуса.

— Ты специально меня смущаешь?! — вспыхиваю, как помидор, отгораживаясь от него ладошкой. — Прекрати!

— Ты чудо, Фике... — слышу не только очень близко его голос, но и дыхание на щеке, — жаль, что не мое...

— Вить...

— Не бойся, я не буду тебя больше преследовать, но знай...если тебе понадобится помощь...Любая! Поменять колесо, устранить протечку, тяжелые сумки дотащить...все, что угодно...или просто дружеское участие, — кладет руки мне на плечи, — не раздумывая, звони!

Он мне дружбу что ли предлагает? Мне? Дружбу? После, того что было?

Нет, ну я конечно, слышала, что мужчина и женщина могут быть друзьями...но это же не наш случай! Он в любовники мне набивался, сам говорил, что хочет... все перегорело уже что ли?

— И что я буду должна за такую помощь? — интересуюсь чуть ли не обиженно.

— Откликнуться в трудную минуту, конечно. Ну так как? — то, как он на меня смотрит — становится в какой-то степени невыносимым. Как будто кто-то обливает тебя кипятком. По внутренностям растекается жар, дыхание сбивается, хотя при этом он вроде бы ничего не делает. — Если что...ты знаешь мой телефон...

Я касаюсь губами его щеки в прощальном поцелуе и разворачиваюсь. Стуча каблуками по асфальту, мельком обернувшись и помахав пальцами оставляю его застывшую фигуру, провожающую меня спокойным взглядом.

Все точка! Но почему-то ни фига от этого не радостно.

Ну вот пришел конец нашей идиллии. Безмятежного мягкого счастья хватило на неделю.

— Вик, можешь сделать лицо попроще? — недовольно оборачивается на меня Свиридов на секунду отвлекаясь от дороги — Что ты надулась, как мышь на крупу?

— Просто я устала, — рассматриваю свой маникюр.

— Никто не заставлял тебя гробиться.

— Ну это как сказать. Ты же и привез меня специально в помощь маме.

— А тебе трудно помочь моей маме?

— Нет, Леш, мне не трудно...когда это в пределах разумного. Мне помидоры с перцами теперь неделю снится будут.

— Ну знаешь ли, я тоже не в ладоши хлопал...

Да, он тоже не сидел, покуривая бамбук. Они с отцом пилили, а потом выкорчевывали старые деревья. Копали, рубили, тянули...смачно матерились. Елена Дмитриевна, выскакивая из дома, подавала им то, воду, то полотенце, то новые перчатки, а я мыла, чистила, резала, терла. Стерилизовала банки. Варила маринад. Варила сок. Варила овощи.

Я делала это все не очень понимая, для чего все это делаю. Чтобы не обиделась будущая свекровь? Чтобы угодить Свиридову? Или по привычке, что лучше сделать, переступив через свои хотелки, чтобы тягостных вздохов вслед не прилетало.

— Леш, может быть пора научиться иногда говорить родителям нет? — миролюбиво предлагаю, открывая над собой козырек с зеркалом. Ну и видок...волосы, от солнца и дешевого шампуня, которым помыла голову, тусклые и сухие, лицо обветрилось и щипит, щеки — краснющие. Прикладываю, к ним тыльной стороной ладони — горят.

— Ну-ну...то-то я и смотрю ты по первому зову к своим срываешься...платишко с мамой по магазинам бегаешь выбираешь, сестренке к нам поближе квартиру нашла, чтоб удобней было присматривать, папу — на его «рабочих встречах», как эскорт сопровождаешь.

— Они моя семья, — взвилась я. — Салфетки у тебя есть?

Он резко поддавливает педаль газа, и судя по спидометру — превышает допустимую скорость. Злится.

— В бардачке должны быть.

И не успела я потянуться, как Свиридов сам мне его открыл. Вместо того, чтобы взять лежащую сбоку большую пачку, я цепляюсь взглядом за маленькую коробку презервативов. Открытую коробку. Бардачок резко захлопывается, в руку мне вкладываются салфетки.

Мысли вихрем проносятся в голове. Это же получается, что он мне с кем-то изменяет? В машине?

Бред какой-то...Гостиницы же есть...

До этого я толком и не ревновала Свиридова. Не страдала, не воображала душераздирающие сцены, не искала следов неверности.

Леша никогда не давал повода, хотя вокруг него всегда была прорва молодых женщин.

Последние четыре года он работал в крупной компании, занимающейся продажей и монтажом оборудования для промышленных предприятий, и регулярно мотался по командировкам. Только раньше их география простиралась по всей необъятной России, а теперь, когда он стал, сотрудником со стажем и опытом, вверенным ему регионом стала

лишь ее центральная часть. Но последние пол-года, масштаб сузился до Северной столицы.

С деньгами, у него теперь напряга не было. С внешностью и обаянием не было никогда. Молодой здоровый мужик, с нормальным сексуальным аппетитом. Он вполне мог почувствовать себя свободным и завести любовницу, почему нет?

То, что меня охватило, была даже не ревность в чистом виде, а какое-то тоскливое ощущение, что Алексей меня больше не любит. А раз не любит — что ему мешает мне изменять? Порядочность, чувство долга? Даже очень порядочные мужчины уходят от уже нелюбимой жены к другой женщине. А я даже не жена...но тогда зачем ему на мне жениться, зачем этот фарс с предложением? Чтобы удержать? Опять же, зачем?

Но что-то, определенно, происходило. Не на пустом же месте у меня возникла эта тоскливая растерянность и безнадега, ощущение ускользающей реальности.

Алексей стал нервным и раздражительным. Иногда мог сильно задуматься, так, что не сразу слышал, когда я к нему обращалась. Часто зависал в переписках в телефоне.

Нет, беспочвенно скандал я раздувать не стану. Сделаю вид, что ничего не видела. Это какая-то нелепица. Может он вообще просто выложил презервативы из кармана...а зачем они ему в кармане, если наш секс происходит дома?

— Я мало интересуюсь твоей работой. Как успехи? — подперев ладошкой щеку, уселась напротив Алексея с завязанным чалмой полотенцем на голове, и слоем пантенола на лице. Он не глядя, закладывал в рот кусочки запеченной в духовке рыбы с рисом, которую я быстренько приготовила, и зависая в телефоне, просматривал новости.

— Что ты хочешь узнать? — не поднимая глаз, скользнул по экрану пальцем.

— Ну не знаю... Когда сдаете объект?

— Вик, а ты хоть помнишь, что я сейчас монтирую?

— Конечно, — рассеянно тру плечи руками, — что — то связанное с минеральными удобрениями.

— Бинго. Тогда напряги память и вспомни, что я говорил про сроки, — опускает телефон экраном вниз и ощупывает меня взглядом.

— Лещ, — от его грубости у меня задрожал голос. — ...что я такого спросила?

— Просто я тоже устал, а ты лезешь с дурацкими вопросами.

— Если бы мы проводили больше времени вместе, дурацких вопросов бы не было! Может ты знаешь, сколько проверок я сейчас веду?

— Никто не заставляет тебя рвать задницу! — раздраженно огрызнулся и посмотрел на меня. — Слушай, Вик, давай без ванильного мозгоклюйства, на принцессу ты сегодня не тянешь. Хочешь потрахаться? Пошли! Нет, дай мне спокойно поесть!

Мои глаза расширились от услышанного. Я швырнула в него первое, что попало под руку. Это оказалась солонка. Крышка — отлетела, соль- рассыпалась.

— Истеричка!

— Да пошел ты! — резко отодвигаю стул и встаю.

— Успокоительные попей!

— Спасибо, доктор!

— С чего такие психи-то, а Вик? — кивает мне.

— А ты считаешь не с чего? Что у тебя в бордачке делают гондоны?

— Я не понял, ты ревнуешь, что ли?

— Мне просто противно!

— Ой, ну надо же! — закатывает глаза. — Противно ей. Незаметно!

Я размахиваюсь и влепляю ему пощечину. Он сжимает зубы.

Стою, дышу, руки дрожат...

— Так... — резко хлопает ладонью по столу. — Отпустило?

Стреляю в него глазами.

— А теперь дай мне спокойно ПОЕСТЬ! — давит интонацией.

Злость клоочет в крови, ни фига меня не отпустило! Хочется рвать и метать! Орать, бить посуду!

Но вместо этого, я спокойно вынимаю из холодильника копченую колбаску и перед носом Свиридова нарезаю тоненькими кружочками. Черный хлебушек, майонез, лист салата, дольки мясистого помидорчика, чего бы еще добавить в этот мсительный бутерброд, чтоб у него слюни потекли, и он залил ими тарелку со своей преснятиной? Сыр? Пусть будет.

Беру свой гамбургер и демонстративно виляя задницей, оставляя на кухне срач, иду в спальню.

Ноутбук на кровать, ноги на подушку, ложусь на живот. Включаю сериал, и глотая слезы, вприкуску с бутером пытаюсь смотреть очередную серию.

Минут через пять слышу хлопок входной двери. Ну что ж, некоторым пора проветриться. Скатертью дорога!

А некоторым задуматься...что вообще мы делаем вместе...

Перевернувшись на спину, я поставила ноут на живот, и словно из мести Свиридову, о которой он никогда не узнает, набила в поисковике «Виктор Линц». Оказалось, что людей с такой фамилией не так и много. Нужный ообнаружился в инстаграме. На аватарке он был, с короткой стрижкой, без бороды, худой и в круглых очках. Прямо ботан-ботан. Определенно, борода и длинная челка его украшали.

Навернув пару кругов по комнате, я ни с того, ни с сего взяла и напросилась к нему друзья. Ну не дура ли? И отпрыгнула от ноута, когда он тихо булькнул уведомлением, что со мной друганулись.

Е-п-р-с-т...Судя потому, что под его аватаркой горел значок присутствия, он скорее всего просматривал мою «картинную галерею». Я тоже листала его ленту, но кроме одной фотографии привлекшей мое внимание, больше ничего интересного не обнаружила. На ней Рыжий стоял в обнимку с красивой худосочной азиаткой на песчаном берегу, с лазурной водой. И она не выглядела, ни как проститутка, ни как туристка, решившая сфотографироваться с экзотическим мужиком. Я лайкнула фотку.

В ответ пришел брямс с большим пальцем, на мою фотку трехлетней давности, где на мне надеты шуточные очки с мохнатыми бровями, огромным розовым носом и пушистыми усами!

Жуть, только он мог оценить такую красотень.

Сгорая от смущения, я вышла из соц. сети и закрыла ноут. Сняла чалму, отбросив полотенце на кресло, расчесалась. Густо намазала лицо еще пантенолом и снова завалилась в кровать, оставив кухонный бардак на совести Свиридова. Встала, и к включенному телевизору, вдобавок распахнула шторы. Снова улеглась, и к своему удивлению, провалилась в сон практически мгновенно.

Я слышала, как пришел Алексей, как сходил в душ. Почувствовала, как промялся под ним матрас. Но не почувствовала тепла его тела. Даже смешно стало, обиделся, как строптивая баба.

Собственно, из-за чего мы посрались? Даже повода особого не было, просто у обоих

выплеснулось скопившееся раздражение. Получается, что наше совместное пребывание в одном пространстве должно быть дозированным. В большом количестве, у нас друг от друга, случается отравление. Так что ли? Или все-таки он искал повод для ссоры?

Мы не разговаривали третий день. Мне казалось, что мы, как истребители на авиашоу, которые летели параллельным курсом, выполнили сложный маневр, и начали стремительно удаляться друг от друга.

Пару раз я пыталась осторожно выяснить, что происходит. А потом в ответ на его демонстративно поджатые губы, прекратила дипломатичные попытки примирения и забила. Да сколько можно-то? Перетерплю, как-нибудь до его отъезда, а там он уедет и остынет.

В четверг, сидя на работе, я снова залезла в инсту и обнаружила сообщение с фотками. Нас с ним. Точнее, меня на них как бы и не было, и его тоже... был бесформенный силуэт пары на фоне звездного неба, кокетливый бантик косынки на светлых волосах, рядом с плечом; взметнувшаяся шифоновая юбка, оголяющая коленку, стоящую между мужских ног; и руки в одинаковых оранжевых одеждах...сжимающие ладони друг друга.

Мне стало невыносимо тошно. Я с жадностью рассматривала обрезанные фото, в голове отмечая в какой момент они были сделаны. И наконец призналась себе, что отчаянно скучаю по Виктору, не хочу исчезать из его поля зрения, и ищу идиотские поводы для контакта. Хотя бы виртуального.

Что со мной не так? Я развернулась в кресле к окну, положив руки на подлокотники, откинулась на спинку. Я же все правильно сделала. Выбор зачастую вызывает сомнение, а что было бы...но меня-то было бы не интересует. Не интересует же? Я сознательно выбрала стабильность, пускай и без ярких эмоций...зато уютную и теплую, как махровый носок. Так по крайней мере, было еще месяц назад. А Линц? Сплошная неизвестность. Авантюризм. Спонтанность. И вообще, я бы ему быстро надоела. Что у нас общего?

Вернувшись домой с работы, я решила на разговор с Лешей...глупое противостояние загоняло нас в тупик и давило на психику.

Но разговор не клеился, Алексей был не в настроении. Перед ним стыла отбивная, пока он вяло ковыряя вилкой ужин, с кем-то переписывался хмуря брови. Я, по привычке, присела напротив с чашкой чая, и заглядывая в глаза с тревогой и нежностью, пыталась ненавязчиво задавать вопросы, ответом на которые были лишь отговорки. Не выдумывай, говорил он, все в порядке. Просто на работе проблемы, кое-что идет не так как я планировал, начальник идиот, замотался. Я посочувствовала, и предложила отвлечься от всего, — съездить куда-нибудь вдвоем на выходные.

— Я в субботу уезжаю, у меня придет оборудование. К тому же, хотел с парнями в пятницу смотаться на ночную рыбалку... — внутри все задрожало от обиды. Значит у него были планы, посвящать в которые он меня не собирался. Никогда раньше, между нами такого не было. У каждого, конечно, были свои маленькие секретки, заначки, друзья, которые не нравились...но в глобальном...

— И когда ты собирался мне об этом сказать?

— Как только бы увидел, что ты готова к диалогу, — в ответ на его слова, я закрыла лицо ладонями и беззвучно расплакалась.

— Гондоны в бардачке не мои. Не накручивай себя. Понятия не имею откуда они там взялись... — мягко поцеловал меня в щеку и погладил по голове. — Съезди куда-нибудь. Сними номер в СПА-отеле на выходные. Возьми сестру. Побалуй себя. Тебе нужно.

— Куда я без тебя?

— Вик, давай смотреть правде в лицо, у нас с тобой сейчас не все гладко. Наш камертон фальшивит, этого нельзя не признать.

Телефон на столе начинает звонить, он хмурится и отключив, переворачивает его экраном вниз. Сцепив руки замком и опустив голову продолжает.

— Я понимаю, что со мной сейчас сложно, и я далеко не сахар... Просто, я устал, Вик. Два года без отпуска и работа на результат опустошают. Потерпи, а?

Значит и Леша это чувствует, и тоже старается не раскачивать нашу, ставшую неустойчивой, семейную лодку.

Что же будет дальше?

Вытерев слезы, я встала и ушла в спальню. Легла на кровать. Подтянув ноги к груди, отвернулась к окну и опустошенно закрыла глаза. Он пришел и лег рядом, долго гладил меня по спине.

А у меня в душе нарастало тревожное ожидание чего-то неизбежного, того на что уже невозможно повлиять, и что может изменить привычную жизнь. И от этого было страшно и больно.

Я схватила Лешину руку и притянула к себе. Он жадно впился в мои губы, как будто только и ждал сигнала, огладил грудь. Перевернул на спину, накрывая собой. Скользнул рукой в приоткрывшуюся полу халата, прошелся по бедру. И тут я его оттолкнула. Ни секса мне хотелось, а тепла и внимания.

— Ты прав, мне нужно сменить обстановку...

Он отодвинулся и закинув руки за голову, глядя в потолок вдруг сказал:

— Будешь пиво? — его голос прозвучал спокойно, но при этом отрывисто

— А разве у нас оно есть?

— Я схожу. С воблой. Помнишь, как раньше. На газете. Ты еще ругалась, когда находила потом чешуйки. Будем обсасывать косточки, жевать соленые спинки, и вытирать с губ друг друга пивные усы.

Приподнимаюсь и заглядываю в его глаза. Холодею. Боже... В них печать.

— Буду, — всхлипываю, сквозь набежавшие слезы.

Алексей точно хочет что-то сказать. Сомневается. Морщится. А потом целует меня. В лоб. Перекатывается на бок и встает.

Когда он ушел, на душе стало безнадежно уныло, так что захотелось скулить.

Да, с виду мы были отличной парой — молодые, успешные, независимые. Но на самом деле, наши отношения все больше превращаясь в формальные. Мы даже дома последнее время существовали в параллельных вселенных. Давно никуда не ездили вместе, редко ходили в гости — Алексей слишком много работал. Я это принимала. Я ведь хорошая девочка.

Но мне надоело быть хорошей! Кому нужна моя хорошость? Кто ее ценит?

Я достала сотовый, целенаправленно зашла в соц. сеть и поборов упрямую гордость, написала сообщение Линцу «Спаси меня, от меня».

Буквально через минуту пришел ответ: «Слабо рвануть на выходные в Сочи? Завтра, вечерним рейсом. Там сейчас тепло и море, как парное молоко»

И следом, упало еще одно сообщение, которое вызвало у меня улыбку.

«Я же знаю. Ты хочешь...»

Да хочу... тепла хочу. И солнца, и шелест волн хочу слышать. Покоя хочу, и гармонии в душе.

Сердце бешено колотилось, от безрассудности на которую я решилась. Пусть я буду предательницей, отступницей, изменщицей...но я больше не могу. Мне до зубного скрежета надоело быть правильной и понимающей, подстраиваться и приспособливаться, превращаясь в то, что хотят видеть окружающие. Надоело быть сильной и мудрой. Хочу побыть слабой, маленькой девочкой.

«Не слабо!»

Он тут же перезванивает, и без лишней суеты просит выслать фото паспорта, и быть готовой к двенадцати. Выясняет откуда забрать, сообщает, что вернемся в воскресенье ночью. Гостиница забронирована. Я буду предоставлена солнцу и морю, аж два дня, пока он будет мотаться по работе. В его голосе — приветливое дружелюбие и рассудительность, нет ни капли привычной игривости и бархатистости с хрипотцой. Слышится только искреннее участие и трогательная доброта.

Мы что теперь и правда только друзья?

Южный город встретил нас радостными огнями на потемневших улицах, теплым влажным ветром, и качающимися высокими пальмами.

Приобнимая за талию, Виктор помогает мне спуститься с трапа. Багажа у нас нет, оба летели налегке только с ручной кладью — рюкзаками с необходимым минимумом, которые болтаются на спинах. На выходе из здания аэропорта, нас уже ждет, вызванный по приложению, агрегатор такси.

— Есть хочешь? — спрашивает Линц, как только мы отъехали.

— Не отказалась бы перекусить.

— План такой: закидываем вещи в гостиницу. Быстренько где-нибудь ужинаем и едем к морю. Я знаю, фантастическое место, с заброшенным пляжем. Разожжем костер, будем жарить колбаски и пить вино... Как тебе идея?

— Звучит заманчиво... там можно купаться?

— Даже гольшом, — шепнул мне на ухо.

Через сорок минут машина останавливается в курортной зоне напротив четырехэтажной гостиницы.

— Мой знакомый тут работает администратором, он что-нибудь нам подберет, — тянет меня из такси за руку, повесив к себе на одно плечо два рюкзака.

— В смысле подберет?

— В смысле система «фортуна», слышала про такую? Я обещал тебе море и солнце. Люксовое обслуживание в список не входило.

— Ты хочешь, сказать... — вытягивается мое лицо, но я не успеваю договорить.

— Да шучу! — веселится он. — Нет никакого знакомого. Нас ждут в гостинице.

— Ты снял два номера? — иду за ним на ресепшн.

— Я бронировал двухкомнатный, думаю мы без труда в нем разместимся, — моргаю от неожиданности. — Если ты опасаясь за свою честь, то даю слово — я не буду на посягну.

— Да нет... я ни о чем таком, даже и не думала...

— Врешь, — кладет руку мне на предплечье и подергивая прижимает к себе, — именно об этом ты первом делом и подумала, — краска заливает мое лицо. Я для него, как открытая книга.

Номер на четвертом этаже с балконом, охватывающим обе комнаты, выходил на внутреннюю территорию с пышной южной растительностью, подсвеченную иллюминацией.

— Далеко море? — притуляюсь в ротанговое кресло, и закрыв глаза подставляю теплему ветру лицо.

— Отсюда не видно? — хмыкает Рыжий. — Пять минут. У отеля закрытая территория и свой пляж со всеми удобствами, так что завтра будешь греть тельце на солнышке и полоскаться в соленой водичке, а сегодня, — тянет меня за руку, — пойдем куролесить.

Выход на балкон только через спальню, которую облюбовала я, на кровати одиноко валяется мой рюкзак.

— Знаешь, ты меня удивила, — прищуривается Рыжий, и по его лицу растекается улыбка, — женщины в раздразе — иррациональны, а ты умудрилась компактно собраться в поездку.

— Ну мы же только на выходные, — смущаюсь и засовываю руки в задние карманы

джинсов. Просто не могла же я в загородный СПА, при Алексее набрать с собой чемодан вещей. Подозрительно же было бы. Вот и взяла, только самое необходимое. В конце концов, магазины же работают, резиновые шлепки и какую-нибудь размахайку на пляж, куплю. — Я подумала, что много не понадобится.

— Десять минут и выходим! — прикрывает за собой дверь, оставляя меня одну.

Вытряхиваю из рюкзака нехитрые пожитки. Хватаю косметичку и бегу в ванную приводить себя в порядок. Умываюсь, расчесываюсь, крашусь. Меняю дорожную футболку, на черную с ярким принтом, надеваю через плечо маленькую сумочку с телефоном и кошельком. Прихватив спортивную толстовку выхожу.

— Готова? — отрывает Линц взгляд от планшета. Утвердительно киваю, нетерпеливо ерзая рукой по ремешку сумки. — Тогда пошли!

Буквально за поворотом, на соседней улице расположился большой супермаркет, а рядом с ним примостилась шаурмичная, у которой собралась небольшая очередь.

— Может ну его, ужин? Возьмем по шаурме? — предложила с надеждой. Мне хотелось как можно быстрее попасть к морю.

— Давай, — одобрительно кивнул, — только сначала зайдём в магазин, купим с собой чего-нибудь пожевать.

— Давай может, я пока тут, а ты в магазин?

— Вместе, — окинул взглядом, парней у палатки и взяв за руку потянул к дверям супермаркета.

Через двадцать минут мы снова ехали в такси, с наполненным рюкзаком Виктора и необыкновенно аппетитно пахнущей шаурмой, лежащей у меня на коленях в пакете.

— Что они туда кладут? Я готова проглотить язык, — мечтательно жмурюсь, представляя какая она на вкус.

— Глутомат натрия.

— Да когда? Мы же рядом стояли.

— Шучу. Просто ты голодная. Наш мозг устроен так, что запах пищи усиливает аппетит, вызывая слюноотделение и приводит к выбросу гормонов, влияющих на чувство голода. Например, люди с избыточным весом или ожирением, способны слышать запах еды даже сквозь закрытые дверцы холодильника, и десятки метров, когда хотят есть.

— Как ищейки прям, — открываю пакет и жадно нюхаю. — Долго нам еще ехать?

— Минут пятнадцать, — ржет Рыжий. — Хочешь чипсы?

— Давай, хоть что-нибудь. Изверг!

— Ты сама так захотела.

Мы украдкой по очереди, потихонечку берем из пачки по чипсине, и чтобы громко не хрустеть, сначала рассасываем соленые ломтики.

— Надевай, — Линц протягивает мне браслет от комаров.

— Зачем?

— Надо... — уклончиво уходит от ответа.

Наконец такси тормозит у ворот какого-то санатория.

— А теперь обнимаешь меня, — кладет мою руку себе на талию, сам прижимает меня к своему боку, вручает пачку с чипсами. — И прогулочным шагом мы идем...идем...идем, изображаем счастливую парочку, которая возвращается после прогулки, — ровняем с будкой охранников на входе. — Улыбаемся. Машем ручкой, — поднимает вверх мою руку с браслетом и машет. — Идем дальше и спокойно радуемся красотам этого дивного места.

— Где мы? — смотрю на простирающуюся вдаль аллею с пальмами и геометрически постриженными кустарниками.

— В санатории министерства обороны. Он граничит, с еще одним, который, уже лет пять, как слетел с баланса одного ведомства, а под крылышко другого так и не попал. Туда-то нам и надо.

— А почему мы идеи окольными путями?

— Он закрыт. Нам нужно будет пройти по пляжу, и перелезть через забор.

— Ты серьезно сейчас? — смотрю на него обескураженно, стопорясь.

По территории прогуливается довольно много отдыхающих. А мы полезем через забор? Еще чего не хватало!

— Ну конечно, Фике. Неужели ты никогда не воровала яблоки в чужом саду? — подталкивает меня вперед.

— Нет. Только клубнику, у соседки по даче. Мне тогда было лет двенадцать. Бабушка ушла в магазин, и мы с Валюхой отважились. Но нас засекла какая-то вредная тетка с участка напротив и начала кричать. Мы перепугались до смерти, и драпанули, засунув в рот по паре ягод. Так эта мымра пришла, и пожаловалась, выставив нас воровками. Бабушка, тетку вежливо спровадила, конечно, а нам «жару дала». Ясное дело, мне как старшей, досталось больше, хотя инициатива была Валькина. С тех пор я клубнику, не люблю.

— Так ты оказывается, отчаянная бедосечка?! — посмеивается он.

— Ага, виновашечка.

Уверенно свернув по аллее налево, приобняв меня за плечо ведет неспешным шагом мимо теннисных кортов и спортивной площадки. Рвет на ходу какой-то цветок, и вставляет мне в волосы.

Огибая длинное пятиэтажное здание, и голубую гладь открытого бассейна, возле которого на шезлонгах, пасется, украдкой покуривая, стайка подростков, мы выходим на темный песчаный пляж.

Если наружная часть территории была полностью покрыта тропическими растениями, то на берегу, высокие сосны, изогнутые годами дующим с моря ветром, образовали четкий переход от пляжа к сосновой роще, убегающей в горбатую гору. Я слышу всплески и ощущаю на коже влажный ветер, который лениво гонит, невидимые в темноте волны.

— Давай руку, — подсвечивая фонариком в телефоне, осторожно взбирается по каменистому склону. Мы поднимаемся все выше, обходя по узкой тропке скалистую возвышенность.

— Почти пришли, — останавливаемся у двухметрового забора из рабицы. Линц щупает что-то ногой, и отгибает в сторону металлическую сетку. — Пролезай.

Слегка пригнувшись, я подныриваю под его рукой, и оказываюсь с противоположной стороны хливого ограждения.

— Держи, — передает снятый со спины рюкзак, и почти сложившись вдвое, протискивается в отверстие. Мы спускаемся вниз по гористому уступу. Он впереди, я сзади. Наконец оказываемся на ровной поверхности, под ногами чувствуется шелестящий ракушечник.

— Мы на месте, — взяв меня за руку, идет вдоль берега. — А вот и она.

— Кто?

— Бочка. В ней и будем жечь костер.

— А нам ничего за это не будет? — Рыжий скидывает рюкзак на землю, и что-то в нем

ищет.

— Ой, да кому мы нужны? Я сейчас только дровишек притащу... — быстро растворяется в темноте, направляясь вглубь пляжа.

Я присаживаюсь рядом с рюкзаком, озираясь по сторонам. Ни хрена не видно, только слышен шум волн, набегающих на берег.

— А вот и я, — вместе с лучом света, Линц возвращается с обломками деревянных досок. Судя по остаткам краски — пожарного щита. Кидает их на землю, и удерживая вертикально, надавливает ступней. Резкий толчок, хруст и доска ломается.

— Вытащи из рюкзака розжиг, — закидывает куски в бочку. Забирает его у меня, брызгает внутрь. — Да будет свет, — чиркает зажигалкой, и в бочке занимается пламя, освещая пустынный пляж.

Разгорающийся костер всполохами языков освещает пустынный пляж, выхватывая из тьмы силуэт обветшавшего навеса с выдавшими виды обшарпанными деревянными лежаками.

Взгляду открылась, убегающая в неизвестность бескрайняя водная гладь, над которой клубилась легкая пелена тумана.

— Такое ощущение, что мы на острове, с которого произвели экстренную эвакуацию... — встаю рядом с бочкой вытягивая над огнем ладони.

— Сейчас поищу что-нибудь, на что можно посадить задницу. Не скучай! — Рыжий ныряет в темноту, оставляя меня одну. Мне хочется скорее разуться и хотя бы помочить ноги, ощутить, как набежавшая волна вымывает из-под них песок. Но густая южная тьма, и незнание особенностей морского дна удерживают на месте.

По приближающемуся свету я вижу возвращающийся силуэт Линца, с волочащимися позади него пластмассовыми спасательными кругами.

— Вот, — укладывает две штуки друг на друга, — это будет твое тронное место, — а это, — проводит точно такую же манипуляцию, — мое. — Давай пропустим по стаканчику, да съедим наконец, раздражитель спокойствия, — оглядывается в поисках пакета с шаурмой. — Где там наше зелено-вино? — вытащив бутылку из рюкзака, смешно ее гладит и прижимает к груди. — Подержи, — протягивает мне, и сосредоточенно роется в многочисленных карманах.

Достает перочинный нож, с усилием отгибает штопор. Я с любопытством, наблюдаю, как распустив на горлышке пластиковый колпак, он ввинчивает в пробку открывашку, удерживая ладонью пузатую бутылку, дергает...и вынимает пустой штопор.

— Ах ты хреновая кочерыжка! — ввинчивает, и дергает еще раз, с прежним результатом. И еще...

— Кина не будет? — подкалываю Линца, разглядывающего над бочкой результаты своих усилий.

Закинув в рот, пригоршню чипсов, передаю ему пачку. Театрально размяв шею, забираю бутылку и штопор. Переворачиваю бутылку пятнадцать раз по кругу кверху ногами. Ставлю на землю. Зажимаю между ног. Складываю штопор в нож, и проталкиваю рукояткой сечения пробку в бутылку.

— Вуаля, — запыхавшись, победно развожу руки в стороны. — Учись!

— Фике, да ты крута! — присвистывает. — Ты сейчас меня, как мужика по стенке размазала. Где ты этому научилась?

Забираю у него чипсы, сажусь на свой трон.

— Если честно, я это проделывала в первый раз. В инете случайно увидела, и вот, вспомнила.

Виктор разливает по одноразовым стаканчикам красное вино, протягивает мне. Присаживается рядом, скрестив ноги.

— За нас! — чокнувшись, выпивает залпом. — Уй-йй-яя! — зажмурившись, мелко крутит головой. — Кислятина редкостная!

Подаю ему шаурму, он откусывает огромный шмоток и с аппетитом жует, закрывая глаза. Я выпиваю свой стакан даже не поморщившись.

— А мне понравилось, — терпкий вкус, с легким карамельным оттенком и небольшой горчинкой, взрывает рецепторы и разносит по желудку приятное тепло. Подставляю стакан за добавкой.

— За что выпьем? — разливает еще.

— А давай за теорию относительности! — Виктор смотрит на меня заинтригованно, с легкой усмешкой. — Сейчас! — устраиваясь поудобнее, свешиваю задницу в дырку и начинаю умничать. — Один мудрый еврей Моисей сказал: «Самое главное находится там!» — указываю рукой на небо. — Другой мудрый еврей Соломон сказал: «Самое главное — здесь», — стучу указательным пальцем по голове. — Третий мудрый еврей Иисус Христос изрек: «Самое главное — здесь», — кладу руку на сердце. — Четвертый мудрый еврей Карл Маркс сказал: «Самое главное — тут», — распрямившись, глажу живот. — Пятый мудрый еврей Зигмунд Фрейд, произнес: «Самое главное — там», тычу пальцем в пах. — На что шестой мудрый еврей Альберт Эйнштейн констатировал: «Нет, ребята, все в этом мире относительно!» За теорию относительности! — чокаюсь и выпиваю до дна.

— Эта было сильно! — аплодирует мне, на что я, шутовски кланяюсь. — Закусывай! — достает из рюкзака сырную и колбасную нарезки, мандарины, бутылку воды и пачку с копчеными колбасками. Нанизывает колбаски на обструганные ножом палки, и встает, чтобы пожарить над костром.

— Откуда в твоём арсенале такой философский тост?

— Ой, за что мы только с подругами не пили... — небрежно отмахиваюсь, и тут же осекаюсь. — По молодости...

— А сейчас дружите?

— Дружим...но собраться вместе получается редко...у всех свои заботы.

— Пять минут и будут готовы, — разместив по диагонали на кромке бочке нехитрые шампура, протыкает колбаски ножом

Мандарины...Мандарины, блин... Воровато лезу рукой к ним в пакет и дырявлю пальцем кожуру на подбрюшье. Наверное, у меня сейчас лицо, как у блаженной дурочки, надеюсь, что в темноте не видно. Кайф...ну какой же кайф...

— Вить? — лениво жую кусочек сыра. Мне уже очень даже хорошо. Звезды над головой, разбросанные, как капли росы на паутине. Влажный ветерок, ласково играющий моими волосами. Шелест волн, мерно бьющихся о берег. Лепота.

— Что? — роется в телефоне и включает дурацкую песенку Лисы Алисы и кота Базилио. — Мадам, позвольте, — протягивает мне руку, выдергивает с трона и начинает дурачиться, кружа в разные стороны. — Какое небо голубое... — прижимается щекой к щеке, и энергично двигает вперед-назад нашими сцепленными в кистях руками, как поршнем.

Я хохочу и визжу, когда он резко подхватив меня, так что ноги по инерции взметнулись вверх, делает пол — оборота вокруг своей оси, и ставит на землю. А потом, одним движением сграбастывает с бочки шампура и начинает ими дирижировать с двух рук. Он ржет, когда я выхватываю у него один, и приняв стойку, начинаю наступать, делая выпады, как фехтовании.

— Защищайся!

— Твоя взяла, — будто сдаваясь, примирительно поднимает руки. — Попробуешь?

— А чего тут пробовать? — рву зубами кусок и дышу, как собачка. — Аааа, черт, как горячо!

Рыжий в шутку дует на мою сосиску и подает воду.

— Обожглась?

— Нормально, — запив, продолжаю жевать благоухающую костром колбаску. — Мне кажется, дай мне сейчас, как лошади, кусок черного хлеб с солью, мне бы и он показался божественным. Нет у тебя ощущения, что все усилило вкус? Вино стало пьянее, мясо — мяснее, сыр- сырее, — доев свой шампур, удовлетворенно вскидываю вверх руки и тянусь. — Мы купаться — то будем?

— Обязательно, — вытирает губы салфеткой. — Еще будешь?

— Половинку, пожалуй.

— Я про вино!

— Ах ты! — замахиваюсь, на него пустым шампуром. — Наливай!

Забирает у меня палку, подливает вино. Снова нанизав колбаски ставит на бочку жарить.

— Вить, а какое твое любимое блюдо?

— Я всеяден и некапризен. Ну кроме перловой каши.

Растягивается на разложенных теперь друг за другом кругах, для устойчивости опираясь на землю согнутой ногой, укладывает голову мне на колени.

— Ты посмотри на это небо, посмотри на звезды... — напевает, раскинув руки в стороны и задрал лицо вверх...

— Ее разве кто-нибудь просто так ест?

— Поверь мне, определенная часть мужского населения, вынуждена это хавать... посмотри на это море... — повышает громкость.

— Ты про армию что ли?

— И не только... ты видишь это все в последний раз... — орет в голос, и я ржу.

— И все же. Ну что-то же есть любимое, — тихонько перебираю волосы у него на лбу, рассматривая. Мелкие морщинки вокруг глаз, кружу по ним пальцами, провожу указательным по переносице, оглаживаю брови. Линц закрывает глаза. Мне отчаянно хочется коснуться его губ, почувствовать их теплоту, но взъерошив мягкую щетину, я спешу убрать ладонь, ощутив еле уловимый поцелуй на запястье, пойманной им руки.

— Я вообще люблю пожрать. Много и вкусно. Еда — одна из радостей жизни. Искренне не понимаю тех, кто лишает себя такого удовольствия.

Да... всем мужикам лишь бы пожрать.

— Держи! — вскочив с места, отдает мне аппетитно шкварчащую колбаску. — Расскажи про свой самый безрассудный поступок.

Наклонив голову вбок, потирает бороду и смотрит на меня с интересом.

— Выуживаешь у пьяной девушки компрометирующие сведения? — запрокидываю голову к небу, упираясь руками позади себя. — Ну ладно...слушай. На первом курсе института я переспала с парнем, спустя два часа после знакомства, — признаваться в своем грехопадении, мне почему-то было не стыдно.

— Где?

— Что где?

— Переспала где...прямо в институте?

— Да нет, конечно! Мы ездили на турбазу...там все и случилось. Он был с последнего курса. Знаешь, как первокурсницам льстит вниманием взрослых парней, — делаю пальцами кавычки. — А тут вино, гитара, влюбленные взгляды, осень, листья... Нежный шепот...и

секс в машине.

— Только не говори, что это был Лепреккон...

— Это был не Лепреккон, — встаю рядом с Линцем. — Парень оказался, не из нашего универа, слава Богу. Приехал с друзьями поразвлечься, и напоролся на меня. Ему хотелось потрахаться, мне — почувствовать взрослую жизнь... одним словом, сложилось.

— И что было дальше?

— Да ничего. Продолжили пить, а когда уже начались безудержные оргии, я утащила Валю спать, потому что этот поганец начал подкатывать и к ней... С утра выяснилось, что была драка, и мой любвеобильный поклонник ночью отчалил. А ты?

Доев колбаску ковыряю палкой в бочке, наблюдая за россыпями искр, взмывающих в черное небо

— Что я? Про мой первый опыт, ты и так уже знаешь, — расправляя плечи, потянулся. — Но я не сдался... В институте, особенно на первом курсе, я был вечно голодный и не пропускал не одной пьянки в общаге. Там, все шло по накатанной — выпили, закусили, чем Бог послал, излили родственной душе печали и радости, поржали, разбрелись по комнатам, потрахались. Под утро разлепив глаза, благодарно целуешь прекрасную нимфу, собираешь манатки, и сматываешься досыпать к себе на продавленную кровать.

— Фу, никакой романтики!

— Это одна из сторон студенческой жизни, — разводит руками. — И да, ты права романтикой там почти не пахло. Был азарт, развести девчонку на секс, гормоны-то шалили.

— Соблазнял, значит?

— Всем, чем только мог! — хвастливо задирает подбородок. — Но, соблазнить, Фике, можно только того, кто хочет, но сопротивляется, своему желанию, — глядя в глаза, осторожно заправляет мне за ухо развивающуюся от ветра прядку. — Разбитых сердец и слез сожаления, если ты об этом, никогда не было. Потому что выбор всегда оставался за ней.

Чертовщина какая-то... Чем дольше смотрю в его глаза, тем слабее себя чувствую. Слабеют воля, разум, мозги превращаются в клубничный студень. Виктор мгновенно улавливает эти изменения, и из его телефона раздается песня Антонова про море.

— Потанцуем?

Одной рукой он обнимает меня за талию, второй зарываясь в волосы на макушке, укладывает головой на свою грудь. Я чувствую стук его сердца, горячее дыхание обжигает ухо. Он трется бородой о мой висок. Мы не танцуем, а стоим прижавшись друг к другу, под треск костра, шум волн и музыку.

— Мне здесь нравится, — нарушаю молчание.

— Мне тоже, — чуть хрипло произносит, перебирая мои распущенные волосы. — Ну что, теперь пошли купаться, отстраняется, когда заканчивается песня.

В считанные секунды снимает с себя одежду. Я стою растерявшись, почему-то стесняясь раздеться.

— Ты чего? — растирая предплечья, смотрит на меня.

— Купальника нет...

— Какой купальник, Фике? — хватается за резинку боксеров, провокационно оголяя задницу — Так уж и быть не голышом, — возвращает трусы обратно.

Стягиваю джинсы и футболку, при этом сама осознаю, что кошусь на его выпирающий гульфик. Подсматриваю исподтишка, пытаюсь скрыть интерес.

— Все, я отвернулся, — разворачивается ко мне спиной. — И вообще ушел... — слышу

удаляющиеся шаги и всплеск. — Ух...хорошо! Иди скорее, вода- космос!

Добавляю к своей кучке еще и лифчик. Прикрываясь руками бегу в воду, рассекая черную толщу и ощутив, набежавшие на тело мелкие волны останавливаюсь по пояс. Прохлада впивается в кожу миллионом иголочек. Стою на месте, привыкаю, обхватив себя за плечи.

— Заходи скорее, а то замерзнешь, — слышу близко его голос, и чувствую, как тянет за руку на глубину. — Ты же умеешь плавать?

— Ай, ай...холодно Я сама! — визжу, когда Линц подхватив меня начинает кружить по воде. Хотя вода — совершенно точно прохладная, становится жарко от его взгляда, который он пытается удержать на моем лице. Мне почему-то смешно. Вот я слегка пьяненькая, с голой грудью и затвердевшими сосками, хоть и не видно не зги, на руках у мужчины, который еще совсем недавно говорил, что хочет меня, а сейчас проявляет чудеса выдержки и самообладания. Никаких поползновений — ни на тело, ни на честь. Просто дурачится со мной в воде, как Нептун.

— Прикинь, выходим мы такие на берег, а все наши вещи свиснули, — махая руками поднимаю брызги.

— Ну я — то ладно...мужик в трусах, кого этим удивишь? Сойду за шпангиста — минималиста. В полиции поржут и посочувствуют. А вот ты...выйти в люди в прозрачных кружевных трусиках, это надо обладать недюжей смелостью...

Закрываю глаза, откидываю голову в воду.

— Божечки, как же хорошо!

— Да, хорошо, — хрипло повторяет, перебирая одной рукой мои расплывшиеся волосы. Врезается пальцами в затылок, приподнимает и присаживает разведя мои ноги себе на бедра. Одурманенная этой близостью, сама тянусь к его губам, сжимая руки на его шее. Осторожно веду языком по влажным трещинкам. Хочу, чтобы хоть как-то отреагировал. Он же как будто специально замер, ожидая от меня продолжения «банкета». И только лишь его тяжелое дыхание говорит о том, что он вовсе не нерушимая скала. Начинаю посасывать его губу и, сама не знаю зачем, чуть прикусываю ее. И только осознав, что сделала, резко отрываюсь. Наверное, если бы я не увидела легкую улыбку на лице Линца, я бы струсила, вырвалась и сбежала. А так, это как призыв к действию — мол, пожалуйста, я весь в твоём распоряжении. Пользуйся. Мы оба синхронно тянемся друг к другу губами. Закрываю глаза, чувствую, как Рыжий впивается в мой рот. Скользит языком мне навстречу. В крови бушует пламя, пронизывающая дрожь покалывает кожу тысячами невидимых иголочек от легкого трения наших тел. Я чувствую упирающееся в меня снизу возбуждение, скрещиваю за его спиной ноги, и откинув голову назад подставляю шею для поцелуев. Опалив горячим языком между грудей, он подтягивает меня по себе выше, поочередно обводит языком соски, прикусывает, втягивает вызывая хриплый стон. Открыв глаза, вижу его жадный взгляд, мечущийся по моему лицу.

— Не надо. Ничего не говори. Сама знаю, что я дура, — почти неразборчиво бормочу, утыкаясь ему в плечо.

— Я тебе комплимент хотел сделать. Нельзя?

— Нет.

— Ну нет, так нет, — усмехается, снова кружа меня на воде. — Ты замерзла?

— Есть чуть-чуть. А что сказать хотел?

— Тогда на выход. Что у тебя очень красивая грудь.

Опустив меня на холодный ракушечник, Рыжий унесся вперед, и вернувшись набросил мне на плечи махровое полотенце, предусмотрительно прихваченное из номера.

— Скидывай мокрые труселя и надевай сухую одежду!

Зайдя за бочку, как за ширму я так и сделала, пока Линц тоже переодевался.

Я думала, что мы собираемся уходить. Но нет. Вытащив из рюкзака, пачку с зефиром Линц начал его жарить на костре.

Так под негромкую музыку, потрескивание углей мы допили вино и доели запасы. Все-таки Витька молодец, отметила про себя, купил всего по чуть-чуть. Мы наелись, но в то же время тяжести не чувствовалось.

Проделав, почему-то не показавшийся сложным путь по скалистой местности обратно, мы снова оказались на территории санатория. Иллюминация, по прежнему освещала дорожки и аллеи, только народа на улице практически не было. Накинув нам на плечи полотенце и приобняв за талию, Линц нашептывал мне на ухо дурацкие глупости. О том, что его безумно возбуждает осознание того, что я иду с ним без белья. И он чувствует себя мальчишкой и все время хочет проверить, правда ли у меня стоят соски, или это только его воображение рисует ему такие эротичные картинки

— Ну тогда мне интересно, я не тесно ли тебе от таких мыслей в штанах? — подковыривая в ответ, насмешливо стреляю глазами ему в пах.

— Даже не сомневайся, — хватая мою руку, ведет по своему животу вниз. — Если ты сейчас дотронешься до меня там, пара поглаживаний, и я кончу, как подросток.

— Ааа! — пишу я, сопротивляясь. — Пошляк!

Мило препираясь, мы прошли пункт охраны. Доехали до гостиницы на такси, где я уснула уткнувшись носом в теплое плечо. Быстренько смотавшись в душ первой и ополоснувшись, я призывно развесила на держателе для полотенец свои мокрые маленькие трусики. По моему коварному замыслу, увидев кружевной лоскуток, бордового цвета, вся его кровь должна была прилить к той части тела, которая с его слов, так и не получила разрядки, и наплевав на твердость духа и силу воли, он должен был бы прийти в мою постель... и немножко поломавшись для приличия, я бы уступила его напору.

Вот что взять с пьяной дуры и ее больной фантазии?

Уснуть никак не получается. Кручусь в постели, переворачиваюсь с бока на бок. Кровать огромная, холодная и твердая, еще и подушки совершенно плоские. Интересно, удобно там Линцу на диване? Спит уже, или точно так же, как и я мается.

Мог бы вообще-то просто лечь с другой стороны кровати. Мы бы за ночь, наверное, даже и на докатились бы друг до друга.

Ой, да кому я вру...сама бы подползла под бочок, если бы пришел...

Замираю у входа на пляж — синее, с белыми барашками, как на картинке, море, еще вчера казавшееся таким ворчливым и кипучим, мелкая галька, уютные лежаки под соломенным навесом. Глаза слезятся от яркого солнца, надвигаю, только что купленные темные очки.

Отдыхающих, не много. Но шум, смех, и визг стоит повсеместно.

Вдыхаю густой соленый воздух, потягиваюсь и улыбаюсь.

Поскрипывая камушками под ногами, иду подальше от мамочек с детьми. Всплески волн. Крики чаек. Солнечные блики на воде. Прелесть! Раздеваюсь, складываю вещи на лежак, и с удовольствием растягиваюсь на мягком полотенце. Подставляю ласкающим солнечным лучам лицо.

После массажа, приятно ноют мышцы, а кожа от процедур, разнеженная мыльным пиллингом и теплым обертыванием, приобрела мягкость и бархатистость.

Три часа и сумма сопоставимая с моим месячным лимитом «на красоту» была без сожаления в одночасье потрачена в СПА, но оно того стоило! Тело словно обрело легкость, и даже сознание прояснилось.

Итак, что я имею в сухом остатке? Дикое смущение, от пьяной выходки на пляже, терлась об Рыжего, как загулявшая кошка... Трусы свои, идиотка, развесила, как флаги на парад... Зачем-то рассказала про одноразовый секс...

Сейчас, оглядываясь, я понимаю, как смешно выглядела.

Меня вдруг разбирает смех! Такие качели в жизни, что голова кругом и сердце не на месте. То вскачь пускается, то ухает куда-то вниз.

Линц тоже хорош...жонглер, блин, мятежного духа... Посмеялся поди над пьяной дурехой! Хотя, отдать ему должное, он все это безобразие и прекратил... Думает небось, что я распутная оторва, решившая гульнуть напоследок перед свадьбой. Господи, какой позор!

Синий бикини, симпатичный, но довольно простой, на бледной коже, смотрится, конечно, не очень. Косметологиня клялась и божилась, что после пилинга, загар будет липнуть ко мне, как банный лист к известному месту, и самое главное, не нужно будет волноваться о том, что я могу обгореть. Полагаюсь на ее заверения, и использую защитный крем только для лица.

После сытного завтрака, где я с волчьим аппетитом смела творожную запеканку сдобрив ее черным кофе, к обеду я даже не успела проголодаться.

Но чтобы иметь под рукой перекус, наше размещение в гостинице было на завтраках, сходила в уже знакомый супермаркет...конечно, не смогла обойти отдел с фруктами, продырявив пару мандарин. Купила, брикет с мороженым, гигантские фиолетовые сливы, спелые абрикосы и ореховое ассорти.

Весь день, я провела на пляже. Купалась, дремала, ела фрукты, и с завидной регулярностью отклоняла предложения посетить то экскурсию, то рыбный ресторан, то пенную дискотеку. Не понятно, как проникали на закрытую территорию зазывалы, но то что вычисляли меня на раз-два, как жертву, по светлой коже, сомнений не вызывало. Молодые парни-продавцы, активно пытались заигрывать, приглашали покататься по ночному городу на машине или катере вдоль побережья, но я вежливо улыбалась и отказывалась.

Большое красное солнце начало клониться к закату, придав небу оранжево-красный

оттенков, тепло потихоньку растворялось. Уперев руки в бока, я, как маленькая пинаю ногой волну, поднимая мелкие брызги вокруг себя, когда, замечаю рядом со своим шезлонгом, фигуру, махающую мне рукой. Присматриваюсь — Линц идет в мою сторону. В красных купальных шортах. Выглядит отлично, подтянутый, крепкий, спортивный, что называется в самом расцвете сил.

Размашистым шагом, не обращая ни на кого внимания, приближается с довольной улыбкой, светящимися глазами и развеваемой ветром челкой. Плоский живот, напряженные мышцы пресса, широкая полоса волос, убегающая от груди вниз под шорты.

Загребает воду ногой и в меня летят сотни маленьких капель. Я взвизгиваю и начинаю брызгать в ответ.

— Попалась, — закидывает меня на плечо, и забежав в глубину, сбрасывает. Я тут же покрываюсь мурашками, но не от холода, а оттого, что другое тело, горячее, больше не прижимает меня к себе.

— Ну держись! — напрыгиваю на него в стремлении уронить. Он лишь немного отступает назад. Не успеваю отплыть, как меня хватают за талию и утаскивают вглубь. С головой погружаюсь в воду. Выныриваю, хватаю ртом воздух, хохочу.

Смахиваю с лица волосы, и вижу перед собой лицо Линца. Он крутит головой, убирает со лба мокрую челку, фыркает. Между нашими губами сантиметров тридцать. Больше не холодно, но дрожь никуда не пропала.

Виктор улыбается. Пялюсь на соленые капли, повисшие у него на ресницах. Надо же какие они у него длинные. И не рыжие, а каштановые!

— До буйков?! — кивает головой.

— Догоняй! — отталкиваюсь от него, и широкими гребками устремляюсь вперед. Он легко обгоняет, как бы я не старалась и с победным кличем плывет дальше. У буйка переворачиваюсь на спину и дрейфую на волнах.

Через несколько минут Виктор возвращается отрывисто дыша.

— За каменистым выступом, — машет в сторону рукой, — есть крохотная бухточка-пляжик, но попасть туда можно только вплавь. Можно завтра взять катамаран и смотаться. Там вода, судя по цвету, прозрачная.

— Я видела, только одна плыть не решилась. Мало ли что. А где ты сегодня был?

— Мотался по делам, — переворачивается на спину. — Как тебе здесь?

— Здорово. Очень красиво.

— Я про отель.

— Я оценила СПА. Пол-дня, считай там провела. Мне все понравилось.

— Зачем же еще ездить на море, как не за косметическими процедурами? — насмешливо фыркает, отплеывая воду.

Брызгаю ему в лицо и отплываю. Висну на веревке руками, бултыхая спереди ногами. Линц пристраивается рядом.

— Не жалеешь, что поехала?

— Нет. Мне нужно проветрить мозги.

— Волнуешься из-за свадьбы?

— Нет, — смотрю в даль. — Вот как раз по этому поводу не волнуюсь совсем.

— Тогда что? Просто так, не просят спасти от себя.

— Это не был крик о помощи, — улыбаюсь ему. — Скорее отчаянная попытка напомнить о себе и привлечь внимание.

— Зачем? — смотрит на меня пытливо.

— Потому что я запуталась... — переворачиваюсь и плаву к берегу. Линц плывет рядом.

И когда я уже касаюсь ногами дна, он протягивает руку, и... вот я уже обнимаю его за шею. Прильнув всем телом. Он снова отступает в глубину.

Чувствую тепло дыхания у виска. Припекающее солнце, и прохладу его кожи. Губы — такие же прохладные, пахнущие солью и свежестью.

Он дотрагивается до моих легко, словно намечая точками контур. Потом замыкает его, соединяя языком в одну линию. Раздвигает губы, пробирается глубже, ловит зубами язык, слегка прикусывая его. И снова только губами — сжимая их, стискивая сильно, почти до боли, и опять отпуская.

А потом — по шее, между ключиц, к груди, покрытой мурашками, к съезженным под мокрым купальником твердым соскам. Прижимая к себе все крепче, скользя руками все ниже.

Где-то рядом возмутился противный женский голос. Я задергалась, как, рыба на крючке, но Виктор крепко удерживая, прижал меня к себе закрывая от любопытных глаз плечами.

— Постеснялись бы! Нашли место обжиматься!

Водный велосипед проплыл мимо. Толстуха в цветастом сарафане и белой широкополой шляпе с пытением крутила педали, грозно косясь на мелкого мужичка рядом с собой.

Расхохотавшись, я уткнулась носом Виктору в грудь, коснулась губами соленой кожи. Впечатав в себя, он нырнул ладонями мне под плавки, и я отчетливо почувствовала упирающееся в меня возбуждение. Слегка надавив на поясничные ямки, запуская вниз живота сладостную истому, он водил моей промежностью по члену.

Это же край, да? Позволить Линцу лапать себя прямо на глазах у всего пляжа. Да какой лапать! Чуть ли не трахать!

Скользнув по шее, я зарылась пальцами ему в волосы и слегка сжала. Он вздрогнул. Запрокинув голову, сделал пару глубоких вдохов, выравнивая сбившееся дыхание.

Воспользовавшись моментом, я выскользнула из ослабевших объятий, брызнула с кистей ему в лицо слетевшими каплями. И с колотящимся сердцем и сбившимся дыханием вышла на берег.

Накидываю полотенце и падаю на лежак, пытаюсь не думать о том, что только что произошло. Получается плохо, потому что мне и стыдно, и смешно...и приятно осознавать, что он ко мне не остыл.

Минут через пять рядом присаживается Виктор. Массирует мне плечи, водит по шее большими пальцами вдавливаясь в позвонки, дышит теплым воздухом в затылок. От его дыхания, у меня волоски по всему телу поднимаются, словно наэлектризованные, и сердце бьется быстрее от волнения.

— Ты замерзла?

— Немного.

— Тогда пошли в номер. Сейчас стемнеет. Помоемся. Переоденемся. И сходим куда-нибудь поужинать. Ты взяла с собой вечернее платье? — гладит большим пальцем у кромки волос.

— Конечно, — отвечаю невозмутимо, поддерживая игру.

— Вот умница!

— Пытаюсь соответствовать!

Ничего у меня с собой особенного из одежды — нет. Ни платья. Ни даже юбки. Переться сейчас в какой-нибудь торговый центр вообще глупо...вздыхаю и одеваю вчерашние джинсы с футболкой.

О нет!

Виктор стоит в зауженных светлых брюках с ремнем и в черной рубашке. Выглядит, как модель с рекламы здорового образа жизни и правильного питания.

— Я с тобой никуда не пойду! — тычу в него пальцем. — Я думала, что ты пошутил на счет платья!

— Это и была шутка! Ты отлично выглядишь!

— Ну конечно, как дешевый беляш с привокзального рынка.

— Хочешь, я переоденусь? — с готовностью дергает ремень, и скидывает туфли.

— Хочу! — складываю на груди руки.

— Минуточку! — что-то ищет в телефоне, и щелкнув по экрану отбрасывает его на диван. По комнате разливается хриплый голос Джо Кокера с самой известной песней для стриптиза.

Раскачивая бедрами из стороны в сторону, Виктор медленно, глядя мне в глаза, расстегивает пуговицы на рубашке, вынимает ее из штанов. Улыбаясь, я закрываю ладонями лицо, подсматривая в щелки. Рыжий трясет, как цыганка плечом, скидывая рубашку назад. Резко сдергивает один рукав, потом второй, накидывает мне на шею и притягивает к себе, продолжая плавно двигаться. Отводит мои руки от лица, кладет одну себе на грудь, ведет ей вниз к ширинке. Мои глаза распахиваются от замешательства. Прижимается ко мне бедрами и толкается вперед.

— Аааа! — визжу я, стыдливо заливаясь краской. — Отпусти!

Сделав, поворот вокруг себя, он оказывается за моей спиной. Нырять руками мне подмышки, оглаживает живот, спускаясь к застёжке на джинсах.

— Аааа! — хохочу от смущения, когда он трется в такт музыке об меня сзади. Откидывает мою голову себе на плечо, и медленно стягивает с шеи рубашку. Скомкав, отбрасывает.

Развернув к себе, вычерчивает бедрами восьмерки, причем очень даже пластично, освобождается от брюк и переступает через них.

— Трусы снимать не буду!

— У меня просто нет слов! — звонко аплодирую, весело смеясь. — Bravo!

— Вот видишь, я же еще и талантливый!.. Давай уже, сдавайся!

В ресторане, куда меня привел Виктор, почти все столики на застекленной террасе были заняты. Из больших панорамных окон, открывался чудесный вид на звездное небо. Создавалась иллюзия, что оно, подобно туману обволакивает со всех сторон, и мы находимся внутри космического корабля, парящего в воздухе. В глубине была, небольшая площадка, видимо, для танцев, и сцена...приглушенная музыка окутывала посетителей, разливаясь отовсюду.

Ценник оказался весьма забористым. Спрашивать о бюджете мне показалось не тактичным, но исходя из того, что управляющий кофейен не самая высокооплачиваемая должность, я предложила заплатить за ужин пополам. И вернуть деньги за билеты. И счет за гостиницу тоже разделить. Это будет справедливо... у него наверняка были планы на поездку, а я навязалась, чуть ли не в качестве эскорта.

— Блин, Фике, ты снова опускаешь, меня ниже плинтуса! Мое мужское эго трещит по швам, — нахмутив брови, Линц покачал головой — Я может и выгляжу нищепородом, но поверь, вполне могу позволить себе пригласить девушку в приличный ресторан.

— Блин, Вить, все совсем не так! — стараюсь сгладить неловкость. — Я просто нервничаю, а когда я нервничаю — всегда жру!

— Не стоит. Нервничать.

— Думаешь?

— Уверен.

— Не боишься, что я тебя разорю? — хмыкнув, прячу нос за открытой папкой.

— Заказывай, не стесняйся.

— Если честно, я даже не знаю, что хочу...

— Предлагаю взять форель на гриле и мясное ассорти, — опустив мое меню, ткнул в фото с горой всевозможного запеченного мяса и фаршированной овощами рыбы.

— Каждому? — ужаснулась размеру порций.

— Каждому, конечно. И сливовое вино. Я голодный, как волк. Что не съедим, с собой заберем, на бутерброды. Белый хлебушек, майонезик, лист салата, и мяско... Ум-м-м...я люблю.

— Ну... Если на бутерброды, то можно. Или чайкам скормим.

— Кстати, насчет завтра...если пораньше встанем, давай смотаемся на морскую экскурсию? Посмотрим побережье с воды, подышим свежим соленым воздухом. Недалеко есть глубокая бухта и по утрам туда приплывают дельфины, — предложил, сделав заказ.

— А завтра можно решить?

— Можно, но тогда, без утренних дельфинов.

— Не верю я, что они каждое утро приплывают. Это все замануха для туристов.

Салат из помидоров, красного сладкого перца, моцареллы с оливковым маслом и зеленью принесли очень быстро. Практически в бадейке. Я поставила ее на середину стола, и предложила «заморить червячка».

Радостно потеряв ладоши, Линц игриво дернул бровями и закинул в рот пойманные на вилку овощи. В ответ, я старательно сморщила лоб в складки, сделав при этом пресерьезное лицо, и энергично, как кролик, стала жевать лист салата. Зажав полукольца лука, как бивни, между губами, Рыжий скосил глаза на нос. Так мы, как два идиота и строили друг другу

рожи поедая салат, пока нам не принесли рыбу.

Я не соврала, когда сказала, что нервничаю. У меня внутри все мелко дрожало, и алкоголь нервного напряжения почему-то не снимал. Разволновалась, как на первом свидании, когда моя рука оказалась у него в плену. Он осторожно перебирал один за другим мои пальцы, от кончиков, до ладони, мягко улыбаясь и рассказывая какую-то ерунду. Это было страшно приятно. Так приятно, что мурашки всем муравейником бегали на тоненьких колючих лапках по рукам. Потягивая вино, мы просидели, не замечая никого вокруг и болтая обо всем на свете, больше полутора часов.

Трезвомыслящая часть меня, из последних сил, пыталась убедить чокнувшуюся нимфоманку, что его горячее колено, трущееся о мои ноги, означает, что продолжение вечера он рассчитывает провести в более уединенной атмосфере, а точнее в постели. А это будет ошибкой. И я для Линца всего лишь очередной эпизод. И как только, вроде бы, уговорила, пальцы Виктора нежно сжали мою ладонь. Он встал, и уверенно повел меня в центр танцевального круга.

Сердце билось в груди, как птица в клетке. Все внимание сосредоточилось на нас. Провожая взглядом, посетители с интересом рассматривали нашу пару. Рослый, в черных джинсах и обтягивающей безупречный торс черной футболке, с искрящимся взглядом, стильной стрижкой и аккуратной ухоженной бородой, Линц совершенно точно притягивал хищные женские взгляды. И я, щупленькая блондинка, пусть и с симпатичной мордашкой, но не блиставшая звездной внешностью, скорее вызывала снисходительную улыбку, рядом с видным мужиком. Мол, пользуйся возможностью.

Крепко обняв меня одной рукой за талию, он сделал первый шаг в танце. Дыхание коснулось моей кожи, и закрыв глаза, я обвила руками его шею...

В этот момент, я перестала сопротивляться и спорить сама с собой. Махнула рукой и отдала себя на волю течения. Сказала: пусть все идет так, как идет. Слезы буду лить потом.

Он двигался плавно и медленно. Играла лиричная мелодия. Пару минут мы молча раскачивались в танце. Переступая с ноги на ногу, поглаживая по спине, он прижимал меня к себе, как ценное сокровище, которое надо защищать от всего мира. Прильнув, я нежно скользила пальцами по его шее, очерчивая окантовку стрижки.

И вдруг резко, слегка откинув назад и удерживая за талию Линц прошептал мне в губы

— Ты загорела... — перевел взгляд в треугольный вырез футболки

— Ну так я за этим и приехала.

— Только за этим?

Пожимаю плечами, потому что не знаю, что ответить. Да, я трусиха, не знающая, как правильно жить, и которая не может ни на что решиться.

— Ты сейчас очень красивая. Теплая, солнечная, нежная, не знаю, как...как свежий мед. Целовать тебя хочется, вкус твой чувствовать, и почему-то кажется, что на губах сладость останется.

Я теряюсь от его слов и интонации. Сердцебиение ускоряется, а время, напротив, тянется медленно. Наверное, я так сильно устала анализировать свои поступки, угождать, оправдывать чужие ожидания, что теперь хочу красивых слов. И чтобы много. И еще хочется, чтоб они шли от сердца. Видимо, так отвыкла от них, что сейчас внутри плавлюсь.

— Ты реальный? — шепчу смущаясь, потому что несмотря на то, что он улыбался, голос его звучал серьезно. — Никто мне не говорил ничего подобного... Это очень красиво. И приятно. Спасибо тебе. За все.

Наклоняясь, целует меня в висок, и притягивает к себе, обнимая покрепче. Его волосы еще пахнут морем. Духи, все такие же, цитрусовые и горьковатые. А собственный запах сводит с ума. Голова кружится не от вина, а от того, что он так близко.

Все запретное — манит. Его необъяснимо хочется. И ничего с этим не поделать.

Вот и мои руки вопреки здравому смыслу, хотят его трогать. Тискать. Гладить. Нежно провожу по его затылку кончиками пальцев, скольжу по шее, сжимаю плечи.

Ну же! Решайся уже на что-нибудь! Что ты, как амеба!

— Что-то я устала. Хочется лечь пораньше. Может пойдем?

И смотрю на него в ожидании. Он же поймет? А если поймет буквально? Ну тогда Вика, пожелаешь ему спокойной ночи и ляжешь спать одна. Зато сможешь гордиться тем, что тынитакая.

— Уверена? — вглядывается в мои глаза.

Я молчу.

Резко втянув воздух сквозь сжатые зубы, он с усилием выдохнул. Его пальцы рефлекторно дернулись и сжали мою талию явно сильнее, чем он собирался.

— Прямо сейчас! — шепнул мне на ухо, ущипнув губами за мочку.

Прикусив губу, я ткнулась ему в плечо, чувствуя, как внутри разливается волнительное тепло.

От того, что возможно ... возможно сегодня произойдет... от этой мысли перехватило дыхание и затяжелело внизу живота.

— Вить, ну смотрят же... — попыталась убрать руку, когда его губы коснулись моей ладони.

— Ну и пусть, — пожал плечами. — Кому какое дело, а нам разница?

Собрав вещи и расплатившись, мы дождались упакованного в контейнеры недоеденного ужина, и взявшись за руки вышли из ресторана.

— Прогуляемся? — предложил, притянув меня за талию к себе.

— Длинной дорогой! — нервно хихикнула.

Наслаждаясь морским бризом мы неспешно побрели по набережной, и купили чурчхелу. По очереди откусывали сладкую, тянучую, колбаску, которую я зажала в ладони и смеялись, вгрызаясь в застывшую фруктовую оболочку. Потом, сильно захотелось пить, и мы хлобыстнули, устроившись за стойкой в каком-то лаунж-баре еще по стаканчику вина. О чем-то говорили, но думали совсем о другом. Напряжение достигло кульминации. И я поймала себя на мысли, что никогда еще предстоящая близость не казалось такой... томительной. Наполненной волнением и неуверенностью.

Симпатичная блондинка на ресепшен в гостинице приветливо улыбнулась нам, и вперив взгляд в монитор принялась что-то старательно в нем изучать.

Виктор был прав, до нас никому не было совершенно никакого дела. Мы были одними из сотен отдыхающих, ежедневно мелькающих перед их глазами, чьи истории им неинтересны. Которые уедут и о которых тут же забудут.

Легко и свободно выдохнув, я вложила свою ладонь в ладонь Линца, и мы направились к лестнице, ведущей к нашему номеру.

— Вить... — закрыв глаза, я уткнулась носом ему в грудь, когда он открыл дверь номера. — Прости...я...

— Передумала, — заканчивает мою мысль. Наверное, ему кажется, что я играю с ним. Хотя так, по сути, и получается.

— Просто...просто я запуталась...и боюсь надеть глупостей, — признаюсь шепотом.

— Трусиха... — моего виска мягко касаются горячие губы. Они движутся вниз по щеке, а потом снова возвращаются и обжигают кожу за ухом. — Не бойся жить моментом и быть счастливой. Делай то, что хочется...Поверь, жизнь состоит не только из обязательств...она может быть легкой и очень приятной.

Обнимая за талию, подталкивает вперед. И когда дверь за нами закрывается, прижимается грудью к спине, обвивает руками, будто пытается вобрать мое тело в свое. Шумно втягивает воздух, оставляя на шее влажный след, скользит губами к ключице. Медленный выдох и щекочущая струйка из собранных трубочкой губ растекается теплом по коже. По моему телу прокатывается легкая дрожь.

— Выключи внутреннего контролера, Фике, — шепчет на ухо. Широкие мужские ладони нежно обхватывают грудь, и сжимают до сладкой боли. Так, что выстреливает жаром вниз живота, плава изнутри. — Расслабься...Пусти меня ближе...

От вкрадчивого голоса и пьянящих слов, становлюсь совершенно безвольной. Закинув голову, упираюсь затылком в его плечо, непроизвольно выгибаясь. В этот момент его пальцы осторожно пробираются мне под футболку и рисуют вокруг пупка многообещающие узоры. Такое ощущение, что мозгу не хватает кислорода, который я начинаю рвано глотать. Все как в тумане. Теснее прижимаюсь к нему, когда ласкает скулы, подставляю для поцелуев шею. И эта его мягкая щетина, и неторопливые губы, от которых сбивается дыхание ... вызывают невыносимое желание опустить его руку туда где сладко ноет. Будто услышав, Виктор ведет ладонью вниз по бедру, а потом возвращает по плотной джинсовой ткани вверх, с силой сжимая. Я замираю, а он просовывает ее между моих ног, надавливает на чувствительную область, перебирает пальцами. Закручивая в животе горячую, тугую пружину.

— Мне...мне надо...в ванную — выдыхаю с напором и распахиваю глаза.

Вожу шальным взглядом по сторонам. Нужно хоть немного перевести дух. Иначе... иначе, кончу, к чертовой матери, сейчас, потому что, уже почти на грани.

Непослушное тело, которого лишили желанной ласки, только усилием воли удалось загнать в ванную.

Смотрю на себя в зеркало, широко расставив руки на раковине. Раскрасневшаяся, с расширенными зрачками и растрепавшейся прической. Делаю глубокий вдох, затем медленный выдох и нервно улыбаюсь сама себе.

Не могу я обломать нас и в этот раз. Вернее, могу, но не хочу! Ожидание накалило и обострило желание. Он хочет меня, я хочу его до дрожи. Пусть уже наконец все случится!

Суетливо перекинув на одно плечо волосы, скручиваю их в жгут и плеснув в лицо холодной водой, закрываю глаза.

Отступить уже поздно, да и не за этим мы сюда сейчас пришли. Хочу его, но сделать первый шаг, выйти и предложить себя, не смогу. ААА! Черт! Карл, ну как же быть?!

Промаргиваюсь, открыв глаза, и решительно скинув одежду, юркаю в душевую кабину.

Под струями прохладной воды, намыливаюсь апельсиновым отелльным гелем, покрываясь гусиной кожей. «Веду себя как дура. Как девственница, которая мужика впервые в жизни увидела», — ругаю себя, ополаскиваясь под душем.

Вытираясь насухо белоснежным полотенцем, я решала в голове дилемму надеть трусы или нет. И отогнав подальше мораль, накинула на голое тело, висевший тут же гостиничный халат, в котором практически утонула.

Придерживая полы, я выглянула за дверь, которая выходила в спальню. В комнате стоял полумрак. Вышла. Огляделась. В неярком свете, пробивавшемся с улицы сквозь полупрозрачные занавески, стало понятно, что моя обитель пуста.

Прислушиваясь к шорохам и звукам, я подошла к окну. Дверь на балкон была приоткрыта. Оттуда доносился запах табака. Линц сидел в кресле с тлеющей сигаретой в руках. Не курил, просто держал и смотрел на дымящейся пепел. Он повернулся и увидел меня, наклонил голову. Во всей его позе, натяжении мышц, взгляде было ожидание. Моего решения.

Я обхватила себя руками стараясь унять нарастающее волнение. Затушив сигарету в пепельнице, он буквально через секунду возник из смазанной серой пустоты у меня за спиной.

Положив руку на плечо, осторожно приспустил с него халат и нежно коснувшись, провел губами к шее.

— Черт возьми, как же вкусно ты пахнешь... — шумно повел носом и прихватил зубами мочку. — Апельсином и солнцем.

Я резко вдохнула, когда его пальцы коснулись моей груди под махровой тканью. Скользнули, чиркнув моментально затвердевший сосок. Сложились лодочкой, накрывая ее целиком.

— Ты пахнешь, — склонившись так, что я чувствовала его губы, задевавшие ухо, шептал подавляя остатки воли.

— проглоченной наспех конфетой с ванилью,
щекотной, смеющейся книжной пылью,
ты пахнешь мне вечером ярко лиловым,
чернильной запиской, и чем-то вишневым —
ты пахнешь то ссорой, то сексом, то негой,
а то тишиною...

я очень надеюсь, что скоро, когда меня нету,
ты будешь ходить по квартире одетой
в футболку, что сильно тебе велика
вдыхая мой запах,
и счастлива будешь, когда возвращаюсь неважно откуда...

Запрокинув голову, я закрыла глаза и приоткрыла губы, выпрашивая поцелуй. Но он коснулся только опущенных век, и почувствовав щекотку дрогнувших ресниц, обхватил мою шею ладонью, развернув к себе лицо.

— Забудь обо всех, — обжег кожу горячим дыханием. — Живи настоящим. Разреши любить тебя...

Его губы мягко коснулись моих. Осторожно и очень ласково.

Он целовал так бережно, будто ждал, что я передумаю, закрою руками лицо и отвернусь.

Волна мурашек промчалась по телу, когда полы халата, сдвинутые его пальцами, сместились вниз. Грудь коснулась прохлады. И пока ладони согревали ее слегка сжимая, нежные касания горячего влажного языка ласкали шею.

Вздых, похожий на стон сорвался с моих губ, и повернувшись к нему, я тут же пробралась под футболку. Потянула ее вверх, снимая и откидывая.

Виктор, нет Витя... Витя, звучит мягче и теплее, а он ведь такой и есть... солнечный... снова поцеловал меня. Мучительно нежно и, медленно прошелся кончиком языка по нижней губе. Провел ладонью лаская внутреннюю часть бедра. Добрался до лобка, и так же нежно, как целовал, стал поглаживать его большим пальцем. Горячая спираль, сжатая внизу живота, зазвенела тонкой вибрацией.

— Ты везде, как бархат... — хрипло прошептал в губы. — Я очень... очень тебя хочу...

И рывком прижал к своим бедрам так плотно, что я почувствовала распирающую ширинку эрекцию.

Ласкаясь щекой о плечо, я обняла его за шею. Колкое, искристое чувство, похожее на пузырьки шампанского, рассыпалась по коже, когда напряженные соски проехали по голой груди.

Дрожь прокатилась по его телу, как только я провела ногтями бороздки в волосах у него на затылке, и как будто передалась мне. Закрыв глаза, я судорожно глотнула воздух. Он с усилием отстранился и, прерывисто выдохнул.

— Открой глаза! — зарылся пальцами в мои волосы, чуть потянул их, запрокидывая мою голову. — Открой! Скажи, что хочешь меня.

Я открыла, глядя в затуманенные желанием зрачки. В них явственно читался голод, и я поняла, что он тоже на грани.

— Ну же... Скажи!

Сердце ускоренно забило от его мягкого приказа. Ощущаю его в груди, затем под горлом. Беззвучно открываю рот, утонув в его взгляде.

— Скажи!

Ну зачем говорить?! Неужели непонятно?!

— Скажи! — требовательно настаивает.

— Хочу, — безвольно выдыхаю

— Фике...

А дальше сознание словно ускоряло события, вырезая лишние кадры, оставляя в памяти картинки-вспышки.

Он подхватил меня на руки, впиваясь в губы, закружил в импровизированном вальсе и приземлились мы уже на кровати.

Развязал пояс, запахнул халат.

— Ну что ж ты такая красивая, а Фике? — очерчивает губами кожу там, где она светлее загоревшей. Дорожкой поцелуев спускается до паха. Лизнув пупок, снова движется вверх. Руки в это время сминают мое тело, гладят везде. Я выгибаюсь под ним, подставляю шею, грудь, чтобы ласкал еще бесстыднее и настойчивее. Задевая языком затвердевшие, как камушки соски, он обвел их по кругу, медленно, чуть шершаво, словно кот, слизывающий капли сливок. Сначала один, затем другой.

Я почувствовала острые молнии, стрельнувшие сквозь все тело от этой томительной ласки.

Его одежда куда-то испарилась. Мой халат тоже. Шумно сглатываю, отщелкивая в

мозгу, как, опираясь одной рукой сбоку от моей головы, нависает, и смотрит, словно запоминая момент.

— Не брейся. Тебе очень идет... — обхватываю ладонями его лицо. Глажу щеки. Касаюсь кончиками пальцев губ.

— И не собирался, — хрипло смеется. — Провокаторша...

Ладони сами собой зарываются в волосы на его затылке, опускаются на шею, плечи, спину. Медленно скользят по груди и животу, все ниже. Он останавливает мои руки. Поднимает, целует по очереди ладони.

— Что-то не так? — смущенно смотрю на него.

— Все...все так... — рвано выдыхает, и накрывает горячими губами мои. Целует томительно. Когда его ладонь скользнула мне между ног, я ахнула и задрожала. Его пальцы кружили, массировали, надавливали.

— Хочу тебя, — застонала, выгибаясь навстречу руке, понимая, что до пика мне остается совсем немного.

Подняв горящий взгляд, он впился в мой рот. И оставляя влажный след спустился жалающими поцелуями к животу. Обвел языком пупок и устремляется ниже.

— Вить! Я не хочу! — пытаюсь свести ноги и подтянуть его вверх

— Я хочу! — уворачивается, дотрагиваясь языком до клитора. Инстинктивно сжимаюсь в ответ на его движение.

— Доверься мне... — хрипит, поглаживая бедра, — пожалуйста...

Сминая ладонями простынь, ощущая его губы там.

— М-м-м, — вылетает из моего горла, когда чувствую, как горячий язык выписывает круги вокруг плоти. Мечусь, когда снова добавляются пальцы. Даже не сразу осознаю, что их виртуозные движения высекают из меня жалобный скулеж. Невыносимо. Просто невозможно терпеть эту ноющую и горящую неудовлетворенность внизу живота. Боже... Боже! Он всасывает клитор и меня пронизывает фееричной вспышкой удовольствия. Мир разлетелся цветными осколками за закрытыми веками.

Не давая остыть, Виктор шире разводит мои ноги. Встав между ними на колени, быстро раскатывает презерватив по члену. Я чувствую мягкое прикосновение головки. В следующее мгновение он толкается бедрами и резко входит, заглушая мой вскрик поцелуем. Растягивая и наполняя, начинает медленно, но настойчиво двигаться. Скрещиваю ноги у него на спине, и жадно впираюсь в губы. Втягиваю в себя, посасываю, прикусываю.

Его это распяляет. Толчки становятся сильнее, быстрее. Каждое движение, снова все ближе подталкивает меня к краю, заставляя двигаться навстречу. Приподнимая и фиксируя мои бедра, он срывается на бешеный темп. Ощущения усиливаются, электрический импульс разносится по телу, взрываясь огненным шаром внутри. Оргазм накрывает с головой. Мощный, острый. Наши стоны смешиваются. Крепко сжимая, он опалает мою кожу горячим дыханием и содрогается, кончая, когда я еще раз вибрирую в унисон с ним.

Несколько мгновений и Виктор перекачивается на бок. Сдергивает презерватив, перетягивая меня на себя, сцепляет руки замком на спине. Кладу голову ему на грудь, трепеща внутри от неконтролируемых эмоций. Он так вкусно пахнет, потом и страстью. Такой сильный и открытый.

— Ты как? — нежно водит губами по волосам. — Все хорошо?

Молча кивая в ответ, просовываю ладоши ему подмышки. Чувствую себя, обвитой его руками, как в коконе. Тепло и безопасно.

— Мне...в душ надо, — шепчу удобно устроившись.

— Не полежи еще минуту. Я так долго ждал этого, что не могу тебя отпустить.

— Один день? — с иронией поднимаю глаза.

— Сколько?! — взлетают его брови, и он сжимает в отместку мою задницу. — Резинки чуть срок годности не утратили!

— Бедняжечка, какой ты, однако, терпеливый!

— И полный энтузиазма, — кивает, как болванчик, улыбаясь во весь рот. — Пачка большая.

— Так это угроза? — у меня вырывается смешок.

— Предупреждение, — бесстыдно подмигивает. — Просто так теперь от меня не отделаешься! Будем отрываться по полной программе, терять — то уже нечего!

Я договорилась с собой, что жрать себя поедом буду потом. Дело сделано, поезд ушел... бессмысленно посыпать голову пеплом, пережевывая случившееся. От моих душевных терзаний уже ничего не изменится.

Горячая галька, ласковое солнце и шум волн помогли отключить голову и просто радоваться жизни. Черт с ним! Буду наслаждаться моментом, и использовать оставшееся время на полную катушку. Жизнь слишком коротка, чтобы лишать себя удовольствий.

— Вить, а чем ты вчера занимался? — вытягиваюсь на шезлонге под теплым солнышком после очередного заплыва.

— Работал, — стряхнув с волос капли мне на спину присел рядом.

— Кем?

— Аниматором, — весело хмыкнув, положил руку на лопатки и поглаживая, растер воду.

— Ой, как интересно...продолжай...

Плавные и мягкие движения ладони перетекли со спины на попу. Не меняя позы, и не шевелясь, я подкралась пальцами к его ноге, и невесомо перебирала ими по внутренней стороне бедра. Виктор сделал вид, что ничего не заметил, но я почувствовала его разбегающиеся мурашки.

— Через отца Игоря, мы вышли на застройщика жилых малоэтажек в Сочи и его окрестностях. И вот уже, пару месяцев обхаживаем. Убеждаем использовать наши солнечные установки для энерго — и теплоснабжения домов. Вчера я показывал руководству застройщика презентацию бизнес-плана с визуализацией проекта.

— В смысле «наши»? Вы их изобрели? — взлетают мои брови на лоб.

— Нет, конечно. Технологии позаимствовали у японцев, оснащение — у китайцев. Идея — наша. Мы предлагаем сделать установку конструктивной частью дома.

— Это что же, дома будут совсем-совсем без электричества? А если вдруг дождь, или пасмурно?

— Нет, электричество, конечно, будет. Но с помощью специального оборудования, поглощенная солнечная энергия сможет накапливаться, и позволит жильцам практически девять месяцев в году пользоваться светом, горячей водой и теплом почти бесплатно, то есть даром.

— И на сколько же увеличит стоимость, это специальное оборудование?

— Оно станет элементом умного дома комфорт-класса. Новация, даст возможность застройщику эффектно рекламировать жилье для ускорения продаж, выгодно отличаясь от остальных. Что — то типа — перспективно, экологично, престижно... — медленно ведет ладонью по моему бедру, и снова возвращает на попу, вызывая непроизвольную улыбку. — Скажем так, затраты окупаются за семь лет.

— Убедил?

— Черт, веду себя, как пацан, который дорвался до запретного. Ты не подумай, что я озабоченный придурок. Просто никак не могу натрогаться тебя... — хрипло прошептал на ухо, наклонившись. — И еще нанюхаться. Как будто пытаюсь удержать неудержимое, — смахнув на плечо волосы, коснулся губами плеча и сжал ягодицу. — Сил нет, какая ты красивая! Хочу тебя все время...как маньяк...

— Убедил? — прерывисто втягиваю ртом воздух.

— Ты принесла мне удачу. Мы вышли на подписание контракта! жметя к моей спине.

— Поздравляю! — кожа тут же покрывается мурашками, и я невольно вздрагиваю. —

Только я тут совсем не при чем.

— Нет, с тобой в мою жизнь пришла белая полоса. Правда-правда, — получаю легкий укус в шею, от которого по телу разбегаются огненные импульсы. Из груди сам собой вырывается томный вздох.

Линц, как маньяк, а я как похотливая самка. Стоим, короче друг друга.

Раз уж разговор, пусть и косвенно, зашел о деньгах надо все-таки еще раз поднять финансовый вопрос. Не хочу чувствовать себя должницей. Переворачиваюсь на спину, скользя по нему грудью.

— Сколько ты отдал за гостиницу и билеты?

— Мне показалась, мы вчера все выяснили? — всматривается мне в глаза

. — Нет, Вить. Я свалилась на тебя, как снег на голову. Навязалась. Планы нарушила...

Второй человек в номере — это в любом случае, доплата. Так что давай расходы пополам...

— Может, хватит уже хрень нести? — непонятно почему, но он разозлился. — Чек за презервативы тоже разделим?

Мгновенно покраснев, я отвернулась, но промолчала. Просто, не нашлась, что ответить.

— Посмотри на меня, — попросил мягко. И я отважно ныряю в его глаза. — Фике, сделай мне одолжение... — берет лицо в чашу своих рук, чтобы не отвела взгляд. — Пожалуйста... За мои расходы переживать не стоит. Если я чего-то не могу себе позволить, значит не могу...

— Прости, — покаянно вздыхаю. — Я не хотела тебя обидеть.

— Вот и отлично, — быстро целует в губы. — Пойдем возьмем катамаран и сплаваем в ту бухточку, — махнул рукой в сторону. — Или сходим куда-нибудь пожевать? Время — давно уже обед. Я проголодался...

— Не хочу никуда идти... — виновато улыбнувшись, треплю его челку. — Ты иди, если голодный, поешь. На меня внимания не обращай... Я хочу прихватить с собой побольше солнышка и моря. Так соскучилась по ним, оказывается...

— Да щас прям! — веселые искорки светятся в его глазах. — Буду обращать! — беспорядочными поцелуями пробегается по моему лицу. — Давай тогда пиццу закажем?

— Так у нас же в номере осталось мясо... — спохватилась, обнимая его за шею. — И фрукты...

— Ну тогда пошли в номер, — тянет за руку. — Пойдем — пойдем...

— Может ты один... — почему-то мне кажется, что мои слова про номер, он понял не совсем правильно.

— Нет, — упрямо качает головой. — Пошли вместе.

Ну вместе, так вместе. Натягиваю шорты с футболкой на мокрый купальник, и притворно вздыхая, поскрипывая мелкой галькой шагаю к мощеной дорожке. Поймав за руку, Виктор сначала берет меня на буксир, а потом сцепляет наши ладони замком, и так мы идем до двери номера затеяв спор о том, какими были динозавры — теплокровными, как млекопитающие, или же холоднокровными, как все прочие рептилии.

— Вот ты и попалась... — бормочет, когда оказываемся за дверью, и он прижимает меня спиной к себе. Проводит носом по волосам. Его руки — окружают теплым кольцом. Окутывающий мужской запах, смешанный с солоноватым привкусом моря и близость тела,

заставляют сердце учащенно стучать, а заострившиеся соски, рваться сквозь ткань.

— Замерзла... — прикусывая мочку, нежно накрывает грудь ладонями. Шаг. Еще шаг вглубь комнаты.

— Фике...

— Что?

— Зачем мы пришли?

— Ты же вроде был голоден...

— Можно я откушу от тебя кусочек? — игриво прикусывает скулу, а потом мягко дует.

— Я бы все-таки хотела посмотреть бухточку... — разворачиваясь в его руках, обнимая.

Крепкие плечи, сильные руки, прокаченный пресс. В падающих солнечных лучах его кожа кажется золотистой, а рыжеватая поросль на мускулистой груди отливает медью.

— Тогда нам нужно поторопиться... — пробежавшись поцелуями по шее, стягивает с меня футболку.

Мои пальцы касаются его теплой груди. Провожу вниз по животу чувствуя, как напрягаются и подрагивают мышцы. Зарывшись пальцами мне в волосы, оттягивая за них приподнимает лицо, и тут же медленно и нежно скользит языком по губам. Приятно, остро, трепетно. Но хочется большего. И я дотрагиваюсь до вздыбленного члена.

— Кусочка мне мало, я хочу тебя всю... — шумный вдох и горячий выдох мне в шею. Град быстрых поцелуев обрушивается на лицо. Верх от купальника отлетает в сторону. Теплая ладонь сжимает грудь, посылая по телу электрические импульсы. И отправляясь вниз, скользит по животу. Сделав небольшой круг возле пупка, спускается еще ниже.

— Поцелуй меня, — прошу шепотом, привставая на цыпочки, чтобы прильнуть ближе.

И он впивается, вызывая у меня внизу живота теплое томительное ощущение.

Кружась и целуясь, мы скидываем ненужную одежду. Подхватив под бедра, смотрит на меня горящим взглядом и укладывает на диван. Нависая сверху, скользит языком по шее. Целует грудь. Катает языком соски. Его руки блуждают по телу. Оглаживают, обжигают, сминают. Оно дрожит и извивается от прикосновений. Внутри волной разливается жар, и я развожу ноги. Спускаясь ладонью по его груди, черчу ногтями от пупка вниз, обхватываю член и направляю в себя. Он врывается одним движением до конца.

— Ммм! — выгибаюсь и часто душу.

— Больно?

Закусив губу, мотаю головой закрыв глаза. Стиснув сильнее, бормочет мне на ухо.

— Прости. Я не смогу сейчас медленно и нежно. Не смогу...

И не надо!

Подаюсь бедрами вверх, он делает несколько плавных толчков растягивая. И потом снова глубокий.

— Ты принимаешь таблетки?

Отрицательно кручу головой.

— Я успею, — кивнув, окольцовываю его ногами.

Он резко и быстро вбивается в меня, то прикусывая подбородок, то гуляя горячим языком по шее так, что меня продирает, будто когтями по позвоночнику. Тело горит и отвечает на его глубокие толчки короткими сильными спазмами удовольствия.

Скольжу ладонями по его спине, вжимаюсь пальцами в плечи, черчу ногтями бороздки в волосах. Он что-то шепчет мне на ухо, но я не улавливаю слов. А потом стискивает крепче, и на волне сокращений внутри меня, ворвавшись языком в рот, вдруг с хриплым стоном

резко выходит. Окатывая мой живот и лобок спермой.

Часто дышит, прижимая к себе. Я чувствую, как его тело подрагивает, выпуская напряжение.

— Совсем голову из-за тебя потерял, как пацан... — тихо смеялся, чмокнув в плечо. — Я чистый, в этом плане можешь не беспокоиться...

— Я и не беспокоюсь...

Перекатываясь, укладывает меня себе на грудь. Медленно гладит спину, бедра, трется подбородком о лоб.

— Может ну ее нафиг, эту бухту? Чего мы там не видели?

— Ну уж нет! — выкручиваюсь из его объятий и выпрямляюсь на нем.

— Пойдем!

— Куда? — лениво потягивается

— Куда-нибудь поедим.

— О-о-о! Проголодалась? — подмигивая, ловит мою руку, сцепляя замком ладони. — Секс он такой, да. Сжигает кучу калорий. Ой! — получает от меня тычок. — Хорошо, мы будем им только заниматься, говорить о нем не будем, — провакационно обводит пальцем ореолу, задевая сосок. — Какая прелесть, ты краснеешь...

На стоянке аэропорта нас ожидал припаркованный внедорожник Виктора.

Черная Тайота лохматого года, за счет округлых форм и холености, выглядела, как сытый домашний питомец, давно ставший членом семьи, которому частенько перепадает любимое лакомство.

В ночной стылости, после южного солнца, распахнутая передо мной дверь автомобиля казалась пристанищем тепла и уюта.

— Добро пожаловать в жаркие объятия Росинанта, — театрально расшаркался Рыжий.

— А что ж ты его мне сразу не представил? — притворно возмущаюсь, пристегивая ремень. — У меня, кстати, машину зовут Муха.

— Ни один мужик, не хочет выглядеть свихнувшимся чудиком перед девушкой, которая нравится... А тут я такой, с полным набором — Виктор, Росинант, Жорик...Обнажение души, знаешь ли...это степень доверия к избранным.

— Даже боюсь представить кто такой Жорик...

— Морской хряк...

— У тебя есть морская свинка? — расширяются мои глаза от восторга.

— Так уж получилось, — неопределенно пожимает плечами. — Смотри... — листает фотки в телефоне с упитанным таким, рыжим грызуном. Сверкая зубами, Жорик сидя на плече, льнет к Линцу, толкаясь щекастой головешкой снизу в челюсть.

— Какой классный...на тебя чем-то похож!

— Ага...такой же красавец... — показывает снимок, где корчит уморительную гримасу, копируя морду Жорика, прижатую к его лицу.

— Ооо, — смеюсь над ними. — А почему Жорик?

— Потому что — прожорлив, жаден и ленив...но при всем при этом, очень, очень хороший и добрый мальчик...

Мои губы растягиваются в улыбке, от любовной характеристики зверька.

— А Росинант?

— Оо, да тут совсем просто. Достался мне изнуренной старой клячей, — убирает телефон и заводит своего Росинанта. — Но видишь, я его откормил, подлечил и он служит мне верой и правдой...чем не Росинант? А что, звучит гордо...РРРосинант! — вздернул головой и заржал, как конь. — Сервантеса-то, в наше время мало кто читал, так что я вру непосвященным, что Росинант в переводе с испанского означает Скакун, — и снова ржет конем, а я над ним.

Действительно, если б мне такое «обнажение души» Линц продемонстрировал при первой встрече, «с большим приветом» — было бы самым мягким эпитетом для бородатого детины... Ну а так...Да...просто жизнерадостный

— А у тебя почему Муха?

— Маленькая, шустренькая, пузатенькая.

— Пыжик?

— Нет, но близко.

— Ситроен? — включив поворотник, выезжает со стоянки.

— Бинго!

— Маленькая машинка для маленькой девочки? — поглядывая на меня врубает

магнитола и печку. По салону разливаются музыка и приятное тепло.

— Это был подарок!

— Лепрекона? Красненькая поди? — в голосе слышна насмешка.

— Желтенькая. А красненькая у Вали.

— О-о-о! Отличный выбор первой машины для дочери, — тут же переобувается, и я прыскаю от смеха.

— С чего ты взял, что отца?

— Ты живешь с женщиной, и забота о своей женщине его обязанность.... - хмурясь, морщит лоб. — И если Лепреконе не идиот, и не жмот, а машинка у тебя маленькая, значит это еще автомобиль для оттачивания навыков вождения, то есть первый...Что-то мне подсказывает, что мама скорее бы подарила украшение...остается отец.

Возразить было нечего, да и незачем. За окном в темноте мелькали фонарные столбы. Часы на приборной панели показывали половину первого. Вот он и наступил новый день, в котором волей-неволей всплыла банальная проза жизни с ее неопределенностью.

И опять я вернулась к тому, от чего так усиленно пряталась. Ответу на вопрос: «Что делать?», которого у меня все еще не было...

Виктор ничего не предлагал. Сама я, тем более не хотела выглядеть навязчивой Дыдымоной, фантанирующей радужными надеждами.

Потрясающий любовник, щедрый эмоциональный донор, остроумный собеседник... с ним было хорошо в моменте. Без планов на будущее, которые я зачем-то начала примерять к нам, как к паре.

Так, Вика, стоп! Плюнь, разотри и иди дальше!

А вот на счет дальше...

Стало совершенно очевидным, что Свиридова я больше не люблю. И почему-то, после снизошедшего озарения, куда-то исчезло преследовавшее ощущение беспомощности перед ускользающей реальностью.

Я вдруг отчетливо поняла, что трачу себя, на то, что не приносит мне удовольствия и радости. Что стала уступчивой, готовой подстраиваться под ситуацию, чем-то жертвовать, от чего-то отказываться, позволила собой понукать. Превратилась в бледную тень жизнерадостной оптимистки, которой была в двадцать.

И вот сейчас, тот самый момент, когда нужно принимать решение, как и куда двигаться дальше.

Разумеется, ни о какой свадьбе, теперь и речи идти не может.

С Алексеем наши отношения исчерпали себя.

Видит Бог, я как могла, боролась за них. Старалась сохранить и сберечь. Но, одних моих усилий оказалось недостаточно.

Леша ни в чем не виноват. Просто так случилось. И случилось, не в эти выходные. Мы ведь оба чувствовали, что живем вместе скорее по инерции, а не от большой любви. Интересы почти перестали пересекаться. Исчезла потребность делиться личным, сокровенным, наболевшим. А разговоры рано или поздно сводились к деньгам.

Да, остался секс, на котором последнее время все и держалось...но теплоты и духовной близости уже не было.

За три дня, один звонок с его стороны...

Что это — высшая степень доверия? Пофигизм? Или все же есть с кем провести время?

От этой мысли не стало больно. Даже я бы сказала, было никак. Ощущение сравнимое с

пресной пищей, — ну съела и съела, не вкусно, но насытилась.

И то что я ни разу не позвонила, его тоже судя по всему не огорчило.

Атас, Карл, докатились! Это дно!

Я вдруг поняла, что привычная жизнь закончилась. В голове крутились вопросы без ответов, смешанные с сомнениями, и неуверенностью. Но вся эта каша варилась вокруг одного и того же.

Жить с ним, как раньше, я не смогу. Нам нужно расстаться.

Уйти, оставив записку на столе... как-то уж совсем трусливо... По телефону, умалчивая причину — поскудно. Нет. Он, мне не чужой, и заслуживает объяснения. Глаза в глаза.

— Фике...Фике, приехали, — щекочат мое ухо губы Виктора.

Я сонно моргаю, фокусируя взгляд. Росинант стоит возле моего подъезда. Вокруг темнота. Я укрыта пледом.

Молча суечусь, не зная куда его пристроить. В итоге, протискиваю между сидениями и кладу назад. Хочется избежать прощальной неловкости, и поскорее смыться.

— Ну все! Все было замечательно, за все спасибо! Целоваться не будем. Я пошла! — выстреливаю скороговоркой и открываю дверь.

— Подожди! — останавливает за руку, притягивая к себе. Мое лицо оказывается напротив. — Я знаю, ты сравниваешь нас... — шепчет, утыкаясь в мой лоб своим... — Господи, как тебя опустить-то теперь...к нему.

— Алексей в командировке...

— Но вернется...

— Вернется.

— И что дальше?

— Это ты мне скажи.

— Ты ждешь, чтобы я выкрал тебя, как принцессу из заточения? М? — кручу головой отрицательно. — Нет, Фике...это должен быть твой выбор. Осознанный... — закрывая глаза, касается губами моих. — Звучит по-идиотски, да? Как будто пытаюсь уговорить остаться с ним.

— А разве нет?

— Можешь считать меня слюнтяем, но я боюсь увидеть в твоих глазах разочарование, если надавлю и не смогу соответствовать ожиданиям.

— Вить, можно не растекаться в словоблудии, я вообще-то понятливая, хоть и блондинка! — дергаю головой, вынимая руку. — Расслабься...я тебя услышала!

— Что ты там услышала? — хмуро сводит брови.

— Все что было нужно!

— А можно подробнее?

— Что к серьезным отношениям со мной ты не готов! — досадливо закусив трясущуюся губу, отворачиваюсь.

— Дурочка! — разворачивает к себе, приподнимает за подбородок лицо, смотрит в глаза. — Ты из головы у меня не выходишь. Сنيшься. Я хочу быть с тобой, — гладит большим пальцем щеку, — главное, чтобы ты этого хотела.

— Допустим хочу. И что дальше?

— Уходи от него.

— Куда? — растерянно моргаю.

— Давай я сниму тебе квартиру. Такой вариант подойдет? — предлагает совершенно

серьезно.

— То есть, ты хочешь, чтобы я от него ушла?

Отодвинувшись, он провел рукой по волосам.

— Фике, давай договоримся на берегу. Я жуткий собственник, и не смогу делить свою женщину с другим. Все, что было до меня, не имеет значения. Но не одновременно. Я не готов на роль безотказного и удобного любовника.

— Я тоже! — заводит меня с пол-оборота такая постановка вопроса.

— Значит, придется выбрать!

Смотрит на меня напряженно, выжидательно, словно мой ответ много значит для него.

— Вить, я не хочу причинять ему боль... Мы давно вместе... То, что случилось между мной и тобой... как не крути предательство. Леша всегда доверял мне и не заслуживает этого, — не выдержав опуская взгляд. — Ты просишь изменить жизнь... А сам... ты уверен, что со мной не на разок-другой?

— Что ты хочешь услышать? — в голосе скользит сарказм. — Чтобы пообещал бесконечное счастье? Хотел бы, да не могу, — разводит руками.

— Алексея не будет две недели, — успокаивающе провожу ладонью по его щеке. — Давай не будем спешить? Как там говорят, утро вечера мудренее? Давай дадим эмоциям улечься. Вдруг сегодняшняя порыв, всего лишь отголосок приятного приключения, который быстро утихнет... Всякое бывает ... через пару дней и ты, и я можем пожалеть, что поторопились.

— Ты не только очень красивая и невероятно сексуальная, — целует мое запястье, — ... но и мудрая. Настоящее сокровище...

— Мне пора, Вить... — высвобождаю руку. — Завтра на работу, а время почти четыре.

— Сейчас... — притягивая за шею, касается губами виска. — Сейчас я подышу тобой и отпущу... — делает несколько глубоких вдохов скользя носом по лицу. Не удержавшись, глажу его щеку, пропуская, между пальцев волоски, и тоже жадно заглатываю его запах, словно пытаюсь пропитаться им изнутри. — Иди... — рвано выдыхает, отпуская.

— Ухожу, — быстро целую в щеку. — Все ушла! — открываю дверь и выскакиваю.

— Поднимешься в квартиру, позвони! Я буду ждать. Здесь.

— Хорошо!

Отдает мне рюкзак и пакет с южными дарами, без которых не возвращается ни один отдыхающий: чурчхела, варенье, вино.

— Когда мы снова встретимся? — тормознув за руку, вжимается губами в мой лоб.

— Как только потянет друг к другу... — шепчу ему на ухо, привстав на носочки. — Спокойной ночи...

На работу я приехала ни хрена не выспавшаяся.

Сидела на планерке, как суслик — застывшим столбиком, сложив руки на коленях, перебирая в голове события последних дней. Я изменила Алексею. С жадностью трахалась с другим мужиком. Стонала и кончала, как похотливая самка. Но за это почему-то не стыдно. Стыдно за то, что понравилось. И нет, чувство вины пока не терзало. Наоборот, внутри все мелко и сладко подрагивало. И требовало продолжения банкета.

— Вика, — окликнул меня отец. — Ты где летаешь?

— А?

— Б!!! — резко гаркает, хлопая стопкой листов по своему столу. — Так, коллеги, все свободны. Приступаем к трудовым подвигам! Вика, останься.

Жду, когда сотрудники рассосутся из отцовского кабинета.

— Тебя хочет сеть мини-отелей, — пуляет по брифинг- столу мне договор.

— Почему именно меня?

— Кто-то из клиентов порекомендовал. Директору «сорока на хвосте» принесла, что к ним на следующей неделе выездная должна нагряться, хочет хвосты подчистить.

— Ы-ы-ы, — вырывается у меня стон и сразу возникает желание побиться лбом обо что-нибудь твердое. Если Клиент рванул к нам узнав о проверке, это значит, только одно. Сдрейфил. А посему, сидеть мне в его казематах с утра до ночи и пахать, как раб на галерах.

— Надо, Вика, надо... Премия будет хорошая.

— Это такое утешение? — вздыхая, скручиваю договор трубочкой. — У них хоть офис есть? Или посадят меня на ресепшн, вместо администратора?

— Обижаешь... — откидываясь в кресле улыбается отец. — Все у них цивильно. И сайт, и бронь через букинг. Даже завтраки и аренда авто есть.

— А-а-а! — тоскливо взвыла я. — Какая прелесть! Спасибо, пап!

— Не за что! Люди тебя хотят! Это говорит о твоей компетенции! Гордиться надо!

— Так это как раз гордость внутри меня рвется наружу! — я резко отодвинула стул. — Телефон директора, адреса пароли и явки скинь мне... Пошла я... расчищать авгиевы конюшни.

— Не преувеличивай! — смеется мне в след. — Я в тебя верю!

Выставив в навигаторе адрес административного офиса гостиниц с выразительным названием «Пенаты», размышляю об объеме работ... Полазив по их сайту, я выяснила, что отелей шесть. От шести до восьми номеров в каждом. Из-за удачного месторасположения и набора услуг пользуются вполне себе стабильным спросом. Масштабненько выходит.

Офис у «Пенат» весьма приличный, отмечаю про себя, на втором этаже бизнес-центра. Я насчитала три кабинета, за вычетом приемной и директорского.

— Виктория?! — встречая меня кивком головы за столом, расплылся в улыбке генеральный. Молодой, спортивный, с оценивающим взглядом мужчины-кота. — Здравствуйте — здравствуйте... Виктория...

— Валерьевна, — подчеркнуто добавляю, обозначая характер нашего общения. — Добрый день...

— Можно просто Дмитрий. Добро пожаловать в наши Пенаты

Поднимаясь из-за стола, приглашающим жестом предлагает пройти. В светлом

просторном кабинете, кроме хозяйского стола с кожаным креслом, расположился уютный большой диван, в цвет директорского кресла, стеклянный столик, сейф, напольная вешалка и пара стеклянных стеллажей с папками. Ничего лишнего. Все по делу и лаконично. Единственное, что выдавало пылкий нрав владельца, был загнанный в угол огненно-красный шар для боулинга, который привлек мое внимание.

— Очень приятно, Дмитрий, — вежливо улыбаясь, прохожу к зоне отдыха. — Если, вы, расскажите мне о своих маленьких хитростях и уловках, мы сэкономим время. Я же в свою очередь, оценив ваши слабые места, постараюсь помочь избежать неприятных сюрпризов при встрече с карательным органом.

— Карательным? — весело играет бровями.

— Фискальным, — поправляюсь, с вежливой улыбкой. — Моя задача, сделать все возможное, чтобы минимизировать риски загребущих рученок притязателей.

— Какая же Вы, однако, Виктория... Валерьевна... зубастая... — остановившись в шаге, с улыбкой подмигивает мне, нисколько не смущаясь, — пиранья казенного царства...

— Работа такая. А обольстительно улыбаться вам придется налоговому инспектору, если я поддамся вашей неотразимости, потеряю голову и облажаюсь.

— Умница и красавица, — взмахом руки приглашает присесть на диван. Симпатичный мужик, этот Дмитрий. С пронизательными, но веселыми глазами. Модной стрижкой. Самоуверенный. Сразу видно, что избалован женским вниманием и знает себе цену. — Чем, лично я, могу Вам помочь?

— Покайтесь...

— Да особо и не в чем, — прыскает от смеха, в ответ на мою реплику, сказанную обвинительным тоном.

— У всех есть грехи, грешки и прегрешения...

— Чай? Кофе?

— Спасибо. Организуйте мне, пожалуйста, рабочее место, с доступом в ваши системы, если это возможно с моего ноутбука. Работы предстоит много, но ночевать хотелось бы дома.

— Это, я так понимаю, было: спасибо, нет! — прищурившись, разглядывает меня с интересом. — Прямо так, да Валентина Валерьевна? С места — в карьер?

— Да, Дмитрий... Что поделать, как говорится, — стучу пальцем по стеклу наручных часов, — раньше сядешь, раньше — встанешь.

— Просто восхищаете меня своим деловым подходом, — кивает на выход.

— Стараюсь соответствовать ожиданиям. Держу, знаете ли, лицо фирмы, — бросаю в тон ему, направляясь к двери. — Чтобы это самое лицо, как в той песне, не стало рожей.

— Ой, ну какая же Вы, шутница, Виктория Валерьевна. Не зря мне Вас рекомендовали.

Странный диалог у нас получается. Совсем не похожий на общение заказчика и исполнителя. Это, наверное, потому что я не выпалась. И не совсем адекватно воспринимаю иронию.

— А кто рекомендовал?

— Один хороший знакомый. У его папеньки мебельное производство.

Что скрывать, слышать о себе, как о профессионале, хвалебные отзывы — лестно. Это поднимает и самооценку, и самолюбие. Приятно до прикушенной, чтобы не расплыться в довольной улыбке, губы.

— Мы Вам кабинет подготовили, — распаивает передо мной дверь. — Надеюсь, будет

удобно. Если что-то понадобится, обращайтесь сразу ко мне, — продолжает совершенно другим тоном. Официальным. Сдержанным, без тени улыбки в голосе. — Бухгалтер сейчас подойдет, а системщик, пока будете с ней бедовать, настроит Вам ноут. Удачи!

Оставляет меня в кабинете, с кустистым цветком на подоконнике. Письменный стол с приставным блоком, кресло, офисный диван и шкаф для документов, вот и вся обстановка. Ни чайника, ни кулера в кабинете нет. Надо будет в обед купить воды, а завтра взять термос. Просить чай или кофе, несколько раз на дню, как-то неудобно.

— И кстати, разрешите Вас пригласить на обед, — стукнув для приличия разок в дверь, Дмитрий пропускает вперед грузную, с фигурой атлета, женщину, лет сорока, одетую в брючный костюм. — Виктория Валерьевна, Наталья Вячеславовна, — представляет нас друг другу. — Наталья Вячеславовна поведает вам, обо всех наших непотребствах. Повинно склоняем головы и каемся, — похлопав длинными ресницами, вздохнул с напускной грустью и театрально опустил глаза, — да Наталья Вячеславовна?

— Не в чем нам каяться... — проходит и обмахивает раскрасневшееся лицо бухгалтера. — Мы блюдем закон, Дмитрий Сергеевич. Не гоните напраслину.

— Ну дамы, я вас оставлю. Работайте, — закрывает за собой дверь. — Виктория... Валерьевна... — снова заглядывает. — Обед в два. Нормально?

— Нормально, — машу рукой. Поговорим с бухгалтером и будет уже, что обсуждать с директором.

Итак, мы имеем. Шесть гостинец. Четыре — в городе. Две в области. Готовится сделка по приобретению седьмой. В штате, два бухгалтера, сисадмин, менеджер по персоналу, помощник директора... Горничные, уборщицы, администраторы в отелях, водитель... ну и так по мелочи... курьер, дворник и сантехник с электриком на пол-ставочки...

А-а-а! Как в том стишке-то было?

Я люблю свою работу! Я приду сюда в субботу,

Ну а если на работе вы меня вдруг не найдёте,

Знайте, я трудом добита, и откинула копыта...

— Ты как? — вырывает меня из отчета звонок Линца.

— Плющусь...

— Хочу к тебе. Давай плющиться вместе.

— Давай. Я работу работаю в поте лица. Мозг взрывается, а тело от недосыпа колбасит.

Непередаваемые словами ощущения.

— Бедненькая. Я тебя жалею.

— Не чувствую... — несчастно вздыхаю.

— Жалею-жалею. Правда. Был бы рядом, обнял и по спинке погладил...

— Сам-то как? — блаженно откидываюсь в кресле, отрываясь от экрана ноутбука. Хоть ненадолго отвлечься, а потом снова в бой. Наталья Вячеславовна оказалась права, из того, что я успела мельком пробежать глазами, с бледным видом «Пенатам» лебезить перед налоговиками не придется.

— Уснуть так и не смог. Что думаю, мучиться? Подорвался, и проехался по кофейням раненько утром... Много интересного увидел... Раздавал, короче, люлей своим лентяям полдня.

— ООО! Ругался что ли? А ты умеешь?

— Зачем ругаться? — удивился. — Ткнул пальцем в косяки, и оштрафовал.

— Теперь назло будут саботажничать.

— Ничего подобного. Пойманные с поличным, прекрасно знают, что виноваты...и, поверь, им есть, что терять. У нас тепло, светло, может и не очень рыбно, зато работать до искр из глаз не приходится, и без кидалова...Плюсом, молодой коллектив, с начальством готовым к обсуждению конструктивных предложений... Ребята нормальные подобрались, почти все студенты...но без пристального контроля начинают наглеть...Где не работает метод «пряника», отлично справляется метод «кнута», что поделатъ, — философски иронизирует правду. И после небольшой паузы, добавляет совсем другим тоном. Каким-то более теплым, мягким и проникновенным. — Хочу тебя на обед выкрасть...Ты как?

— У меня выездная проверка, я не в конторе. И меня уже пригласили...на обед... Молодой, красивый, перспективный. Директор сети гостиниц, между прочим... — бесстыдно кокетничаю.

— И ты согласилась?! Перебежчица! — в голосе слышно насмешливое возмущение. — Я был о тебе лучшего мнения, Фике. Думал, ты не падка на хрустящие купюры и смазливое лицо...

— Че это не падка? Все мы грешные. Ничто человеческое мне не чуждо...

— Так! — шумно выдыхает. — Мне и так твой Лепрекон давление поднимает, а тут еще директор! Я не понял, ты хочешь крови, женщина? — неожиданно выдает весьма воинственно, но в голосе улыбка.

— Ты готов за меня драться?

— Готов надавать тебе по заднице, чтобы перед директором ей не крутила!

— Я не крутила!

— Смотри мне! — угрожающе понижает тон, но в голосе слышится улыбка, — а то надаю тебе по ней!

— Для этого надо как минимум оказаться в зоне досягаемости друг друга!

Зажмуриваюсь сообразив, что моя подколка прозвучала так, будто сама же напрашиваюсь на встречу.

— Мужчины редко в таком сознаются...но я все же рискну. Знаешь, почему я уснуть не смог?

— Может бессонница?

— Почти угадала. Одна очаровательная бестия пробралась мне в голову. Каждую минуту о ней думаю, — вкрадчиво шепчет в трубку.

— Хорошее?

— Разное...что не влюбилась в меня, что надоем, что ей станет со мной скучно...

Молчу жду продолжения.

— Я, конечно, постараюсь достойно принять любое ее решение, но...рвусь к ней, всей душой...

Прикусываю губу улыбаясь, как школьница, которую похвалили.

— Вик...

— А?

— До вечера?

— Нет, Вить! — зеваю в трубку. — Я — никакая. Жду не дождусь, когда день закончится, чтобы телепортироваться домой и завалиться в кровать.

— Не поверишь, у меня тоже мысли вокруг постели крутятся, — оживляется его голос. — Ты, я. Голые в кровати. Причем ты сверху на мне.

— Таак... Все. Пока! — обмахиваюсь ладошкой, произвольно краснея.

— Ты покраснела? — в его голосе слышны веселые нотки

— Нет!

— Не ври, я так и вижу, как у тебя по щекам расплывается румянец. Он очень меня заводит. Сразу хочется нырнуть языком к тебе в рот, и сжать грудь.

— А говорил, что не озабоченный...

— Раньше не был. А теперь даже от голоса твоего стояк.

— Вить!

Я понимаю, что он специально смущает меня, но все равно ведусь.

— Позвоню вечером? Может передумаешь.

— Ослабь хватку! — тихо шепчу в трубку. — Бестия тоже тобой очарована. Ей понравилось спать обнявшись.

— Передай бестии привет, — довольно посмеивается. — Скажи, что скучаю по ней — страшно! Все! Не отвлекаю больше! Целую!

Всю неделю я пахала, как проклятая, не вылезая из выделенного кабинета. Перекусывала на скорую руку, прямо здесь же, ланчиками, которые в ответ на мои стенания о несправедливости мироустройства и отсутствии времени даже на обед, стал присылать с курьером Виктор.

Его утренние подбадривающие сообщения и вечерние звонки, с пожеланием сладких снов бархатистым голосом, заставляли сердце радостно биться.

Вроде бы мелочи, но если честно, ужасно льстило. Чувствовались его старания и забота, от которых я отвыкла. Вспомнилось забытое ощущение окрыленности от мужского внимания.

Даже на расстоянии было волнительно и вкусно...

Наталья Вячеславовна оказалась на редкость дельной и энергичной теткой, готовой к работе в режиме цейтнота.

Сохраняя хладнокровие, она, как солдат на боевом посту, давала четкие пояснения, внося по ходу моих замечаний исправления в отчетность.

Работа кипела!

Я засиживалась допоздна, и бухгалтер «Пенат» вместе со мной. Ворча, что совсем забросила семью, она выпроваживала меня домой, где я чтобы разгрузить голову, занимала руки. Генерила несложные вкусности, которыми на следующий день угощала Наталью Вячеславовну.

Пока смешивала, взбивала и раскатывала, мозг абстрагировался от работы и переключался на мысли о Викторе, и предстоящем объяснении с Алексеем.

— До чего же вкусно, — жмурясь от удовольствия, поела плоды моего труда бухгалтер «Пенат». — И откуда столько энергии? А? Я домой прихожу, и падаю от усталости.

— Я так отвлекаюсь.

— А я — глажкой. У меня три мужика дома. Стирка практически ежедневно. Врублю сериальчик, и давай махать утюгом...пока серия не кончится.

Виктор предпринимал попытки выманить меня на свидание каждый день

Его внимание мне было приятно до сладких мурашек, и очень хотелось увидеться...но перед этим улыбчивым, щеголеватым бородачом, хотелось выглядеть на все сто, ловя во взгляде восхищение, а не пожеванной мочалкой, которой я себя ощущала в конце дня.

Кроме того, крутить роман за спиной Алексея было как-то совсем уж цинично и подло. Меня и так грызло чувство вины за то, что, продолжая жить в его квартире, все мои мысли крутятся вокруг другого мужчины.

С Лешей мы созвонились пару раз за неделю, дежурно справились о здоровье и погоде. И вслушиваясь в сухие интонации друг друга, спешили закончить звонок.

Нужно скорее подыскать квартиру, и съехать. Осталась неделя. Потом наступит ахтунг!

И его тоже придется пережить.

Как-то преподнести друзьям и родным разрыв и разезд. Быть может даже, со временем поменять работу, не потому что у отца плохо. А потому что пора отправляться в автономное плавание. Задуматься о собственном жилье, в конце концов!

Тебе двадцать шесть, Вика. Уже!

И если осмотреться, ничего кроме Мухи у тебя своего нет. Да и та, щедрый подарок отца.

— Скажи, ты меня уже бросила? — без тени иронии уточняет Виктор без приветствия в трубку. — Иногда я бываю бестолковым, объясни мне, непонятливому, почему ты от меня прячешься.

— Да не прячусь я. Вагон работы. Ничего не успеваю. Сроки горят.

— Выкрой в своем расписании немного времени. — настойчиво требует. — Я соскучился... Очень. Хочу тебя увидеть. Давай хотя бы пообедаем вместе, раз вечерами ты «для меня» занята, — в голосе слышится злая усмешка. — Я устал быть понимающим и терпеливым!

— Если только недолго, — вздыхая, скашиваю глаза на часы.

— Буду минут через сорок, — коротко бросил и отключился.

Вообще-то я молодец. Перелопатила тонну бухгалтерской документации, проверила кучу отчетности и уже набросала замечания. Последний рывок — лицензии, разрешения, патенты...И завтра, отоспавшись, я сяду писать заключение. Дома. Не спеша. В удобном кресле, подложив одну ногу под задницу. Красота! А воскресенье, сосредоточусь на поиске квартиры.

Потягиваюсь мечтательно...Скорее бы он уже наступил, этот завтрашний день...

— Ну, как у нас дела? — в дверь заглянул Дмитрий

— Сегодня закончу.

— Замечательно! — подошел к столу, взял с тарелки кусочек медовика, что я вчера пекла. Откусил. — Виктория Валерьевна, неужели это вы сами? Наталья Вячеславовна нахваливает ваши вкусняхи. Можно я понаглею немножко, — с удовольствием жует, закатывая глаза.

— Конечно, угощайтесь. Может чая?

— А давайте, — присаживается на краешек стола.

Выплескиваю из своей кружки остатки в цветок.

— Не побрезгуете? — с улыбкой машет головой, и наливаю ему из заварника, что принесла мне Наталья Вячеславовна свежий. Любезно подаю.

Я ведь узнал, кто мне такой какашку с налоговой подложил.

— Недоброжелатели. Не иначе...

— Бывшая, — морщатся, словно съел лимон.

— Бывшие они такие, если обиженные...

— Ага. Мстительные и лживые сучки!

Не зная, что сказать, смущенно пожимаю плечами.

— Жизнь вообще не справедлива! — протягиваю ему упаковку влажных салфеток. И добавляю успокаивающим тоном. — Все у вас прилично, Дмитрий Сергеевич. Проверяющий инспектор, конечно, найдет недочеты. Как без них? — развожу руками. — Отделаетесь небольшим штрафом.

— Может отметим вечером окончание? Боулинг? Ресторан? Может в клуб?

— Вы же еще не видели заключение? — вежливо улыбаюсь.

— Ваши замечания мы ежедневно обсуждаем с моим бухгалтером. Так что, ничего нового я так для себя не открою.

— И все же не торопитесь, — отвожу взгляд от его внимательных глаз. — Я с удовольствием отмечу с вами окончание налоговой проверки.

— Какая же вы, однако, Виктория Валерьевна... неприступная, как скала... — вытирает руки, выкидывает скомканную салфетку в мусорную корзину. — Ну что ж, не буду мешать работать. Торт — объедение. Захотите сменить сферу деятельности, обращайтесь. Ради такой сладкой женщины, не грех замахнуться и на кондитерскую! — подмигивая, спрыгивает со стола и уходит.

Поправив прическу и макияж, улыбаюсь своему отражению в окне. Нетерпеливо смотрю на часы, покусывая губу. Вика! Неприлично так волноваться из-за какого-то обеда... но глупое сердце несется вскач, не слушая доводов рассудка, когда снова звонит сотовый.

— Выходи, пропажа, — весело басит трубка. — Буду наказывать тебя за строптивость!

— Что делать? — я опешила.

— Целовать, обнимать и заставлять краснеть!

— Ооо! Какие грандиозные планы! Только давай без фанатизма, ладно?

В ответ он рассмеялся — так заразительно, что я не удержалась тоже.

— Я тебя обожаю, Фике...

Выпархивая из дверей, жру его глазами. Ну какой же все-таки Виктор... офигинный! Плечистый, холеный, борода это его еще рыжая... такая мягкая и шелковая. А как приятно щекочет кожу, до мурашек... Ммм...

Он ждет на парковке у машины.

Как же я соскучилась! До безумия!

— А вот и я, — протягиваю ему контейнер с последним кусочком медовика.

— ООо! Умасливаешь? — плотоядно облизывается.

— Задабриваю! — виновато опускаю взгляд.

— Не прокатит!

— Говорят, у меня не плохо получается... В смысле, выпечка.

— Мне бы хотелось быть первым дегустатором твоих кулинарных шедевров, — поддев мой подбородок смотрит в глаза. — И чтобы ты готовила для меня.

Мягко притянув к себе поцеловал в нос.

— Спасибо.

И это было так щемяще нежно, что я не нашлась что ответить. А потом смущенно улыбнулась, старательно скрывая взявшееся неоткуда волнение.

— Тут кафе рядом. Пять минут пешком.

— Ну веди, Сусанин, — усмехнувшись, просунул мою руку себе под локоть. — Я весь твой!

Наверно, самым сложным было идти рядом и не прижиматься, потому что просто до неприличия хотелось об него потереться. Пометить, как кошка своими феромонами, заявляя права на собственность. Ну и просто ощутить на себе, как можно больше его тела.

— Давай вон туда, к окну, — предложил, направляя меня за плечи. Поставил мотылявшийся в руках контейнер с медовиком на стол. Помог снять куртку, разделся сам. И, пока я устраивалась на диванчике, пробежал глазами меню.

— Девушка, — Виктор подозвал официантку, — что у вас вкусное?

— У нас все вкусное.

— Тогда, как для себя, порекомендуйте нам что-нибудь! — лучезарно улыбнулся ей.

— На первое рекомендую венгерский борщ с зеленью и гренками. Остренький и наваристый. На горячее — свинина в сливочно-грибном соусе или семга в соусе тирияки. На гарнир — картошка или рис с овощами.

— Вообще-то, я не особо голодная... — честно призналась. — Мы с бухгалтером «Пенат», пару раз с чайком к пирогу приложились.

— Давайте все что перечислили, — проигнорировал мои слова. — На гарнир — картошку. Ты не против? — закрывая меню, перевел на меня взгляд. — Овощей свежих порежьте. Чай? Кофе? — вопросительно кивнул.

— Кофе.

— Два кофе и... мороженое будешь? — отрицательно мотаю головой. — И мороженое.

— Какое?

— Есть с мятой и лаймом? — подмигнул мне и улыбнулся, и я в очередной раз подумала, что у него просто обалденная улыбка. От которой невольно начинаешь улыбаться в ответ.

— Нет... — растерялась девушка.

— Ну тогда... давайте сливочное

Официантка ушла.

Сложив руки замком, Виктор уткнулся в них губами и молча смотрел на меня, а я — на него.

Воздух над столом стал словно тягучим. С каждым взмахом ресниц, мое сердце разгонялось.

— Ты хочешь что-то спросить? — не выдержала я.

— Тебе очень идет это платье. Ты в нем, чудо, как хороша.

Я улыбнулась, смущенно огладив ладонями рукава голубого платья, с мягкой, струящейся юбкой и лифом, подчеркивающим талию, в котором выглядела хрупкой барышней конца тридцатых годов.

— Ты тоже... — в светлых брюках и темно-зеленой рубашке-поло он отлично смотрелся.

— Как дела на работе? — накрыв мою ладонь своей, стал поглаживать большим пальцем запястье. От мягких, ласкающих движений, по телу пробежали электрические импульсы, разнося за собой приятное тепло.

Я рассказала, опустив момент с генеральным, и его приглашением. Не хотелось выглядеть в глазах Линца смазливой вертихвосткой и увидеть нервно перекатывающиеся

желваки, особенно в свете признания о поднимающемся давлении из-за Свиридова.

— Так что, я на финишной прямой. Остались последние метры... А как у тебя? Договор по солнечным установкам подписали?

— Практически... в принципиальных вопросах мы пришли к согласию, — критически оглядел принесенный борщ с яйцом, зеленью и ярким пятном сметаны. Судя по скорости, разогретый в микроволновке. — Остались юридические формальности... но это по части Игоря.

— Вы давно дружите?

— С четвертого класса, — насыпал горсть гренок из оставленной в придачу к борщу пиалы, размешал содержимое тарелки, и зачерпнув ложкой красный бульон с белым камешком хлеба отправил в рот.

— Борщ, как борщ, — пожал плечами. — Что в нем, интересно, венгерского?

— Ингридиенты, — я хихикнула, с трудом сдержав порыв, засунуть в рот оставшиеся гренки, такой аппетитный исходил от них чесночный запах. Некоторые его терпеть не могут. А мне нравится.

— Фике, — улыбнулся Линц, — ты так на меня смотришь, что мне аж жарко. Лестно, конечно, но дискомфорт от тесноты в шпанах, не самая приятная штука. Может, ну ее эту работу? Поехали куда-нибудь, где есть кровать?

Я что и правда пялюсь? Вот позорище.

Ничего не могу с собой поделаться, меня искрит от горьковатого аромата, смешанного с его мужским запахом. Волоски дыбом по всему телу. Хочется забраться на колени, и прости Господи, прижавшись почувствовать вздыбленный отклик в том самом месте, которое хочется ощутить внутри себя.

И раздевать — не только взглядом, черт побери!

Судя по всему, мои похотливые мыслишки телепортировались по назначению. Адресат, нисколько не смутившись, отложил ложку в сторону, откинулся на спинку дивана, ожидая моего решения.

Нет, конечно!

Я отрицательно покачала головой.

— Очень жаль... — насмешливо вздохнул, не отводя от меня нахального взгляда, от которого жарко стало щекам. — Очень ... Ты краснеешь? Ну же не, смущайся!

Вот ведь зараза, не мог притвориться слепым?

— Мне нравится секс днем. Вечером, конечно, тоже. Но больше всего по утрам, — облокотившись на стол, заговорщески наклонился ко мне. — Есть в этом что-то порочное и сладкое, брать полусонную, разомлевшую девушку. А еще — говорить об этом.

— Извращенец!

— Еще какой! — подмигивает мне, нисколько не смутившись. — Но не буйный! В темный угол, не потащу...

— Ты все не так понял, — подавляю улыбку. — Просто у тебя к зубам прилип кусочек петрушки, он-то и привлек мое внимание.

— Ты не подражаема! — зашелся смехом. — Ну пусть будет петрушка, — манерно провел по зубам языком, глядя мне в глаза. — Давай срулим на выходные за город. Домик в деревне. Баня. Шашлындос. Ты, я и запах осени за окном. Как тебе план?

— Ну такое себе, — поджимаю губы, с трудом пряча радость.

— Ой, да брось... ты же мысленно уже со мной трахаешься.

— Я не...

— А я — да!!!Всю неделю только об этом и думаю. Но заметь, ни сном, ни духом! — накрывает мою ладонь своей. — Был терпеливым. Ждал, когда ты снова меня захочешь. Но видимо у тебя железная выдержка, или я Сочи не доработал...

Его прервало появление горячего.

— Мне рыбу, — помогаю с выбором официантке, наверное, такая же красная, как ее фартук.

По остаточному принципу она ставит перед Линцем мясо, «разрисованное» поверх белого соуса коричневыми полосами.

— Хочешь попробовать? — отрезает кусочек, протягивает мне на вилке.

Аккуратно снимаю губами, ощущая во рту сливочный вкус с оттенком базилика и граната. А куда же грибы делись? Не поняла...

— Я бы подсолила.

— Да ты влюбилась!

— Размечтался!

— Размечтался... — сдерживая улыбку, погладив большим пальцем мою щеку- Вот что странно...тебя не смущает, мое желание заняться с тобой сексом, но нервирует мысль, что у тебя ко мне не только постельный интерес. Почему?

— Ты мне нравишься. Сильно, — опустив глаза, я почувствовала, что снова краснею, потому что прозвучало мое признание, как «Я тебя хочу»

— Я тоже тебя все время хочу! Между прочим, воздержание у мужчин, может повлечь развитие эректильной дисфункции, а у женщин — отразиться на репродуктивной функции. Оно нам надо? Предлагаю, не отказывать себе в удовольствии, которое еще и для здоровья полезно

Я прыскаю от смеха, так серьезно он это произносит.

Мы просидели, болтая о всякой всячине, еще минут пятнадцать, пока я не спохватилась, глянув на часы.

— Уже уходим, — протянул мне на ложке небольшой кусочек мороженого. Холодного, вкуснющего, тающего во рту с приятным потрескиванием. Я аж зажмурилась от удовольствия.

— Мы так и не договорились, — засунул в себя большой кусман белого айсбрга, и запил кофе. — Я заеду за тобой завтра в семь. Тише. Тише, — успокоил в ответ на мой возмущенно открытый рот. Я еще не дала согласия. — Ехать полтора часа. Доспишь в машине.

— Вить, мне заключение нужно готовить. Так что ничего не получится.

— Бери ноут, и работай себе на здоровье.

— Так мне интернет нужен, — я осторожно отпила горячий кофе.

— Так и не на северный полюс поедем, — передразнил интонацию. — Интернет не проблема. Есть модем. В крайнем случае, раздам с телефона.

Махнув официантке, быстро расплатился. И надев висевшую на вешалке куртку, подал мне мою. Галантно пропустил вперед на выходе. На обратном пути, показавшимся мне очень кротким, снова устроив мою руку на своей, рассказывал про акцию «Шестой кофе в подарок».

— Клиенту предлагается, вернее не предлагается, а он сам делает выбор в пользу принципа последовательности. Стимулом к этому является каждый шестой бесплатный кофе. Покупка предыдущих фиксируется по номеру телефона. Номер телефона дает нам

маневр для рассылки рекламы, а покупателю возможность сэкономить.

— Слушай, а если этого шестого кофе будет слишком много?

— Да пускай. Как правило, тут срабатывает другой психологический фокус. Покупатели, получающие кофе в подарок, часто чувствуют определенную неловкость и делают дополнительную покупку. Так что, в накладе точно не останемся.

— О, да ты оказывается, великий комбинатор!

— Не убивайся на работе! Ладно? — мягко поцеловал в щеку, когда мы остановились перед входом в офисное здание

— Мне вообще-то за это платят!

— Побереги себя для меня, — рывком дернул к себе и обнял.

Теплые, чуть обветренные губы коснулись моих сначала легко и нежно. Потом тверже, настойчивее.

— Иди...а то я тебя и правда украду. Спрячу в укромном месте и заставлю стонать до хрипоты, — проведя пальцем по моей щеке, отпустил, когда сзади послышались шаги. — До завтра.

— До завтра... — повторила, оглядываясь, так не хотелось от него уходить.

Завтра...

Это слово мягким эхом отозвалось внизу живота. И стало еще более манящим, чем пара часов назад.

Несмотря на то, что допоздна просидела за работой, уснуть никак не получалось. Всю ночь я провертелась пропеллером, думая о Линце, Свиридове, будущем. И о том, что я совсем чокнулась раз готова променять налаженную жизнь на безумную авантюру под названием «Рыжий». Проснулась от звука будильника, опухшая и с темными кругами под глазами. И почему-то страшно разволновалась. Мне хотелось нравиться Линцу. Нравиться так, чтобы как он вчера фигурально выразился, чувства взяли верх над физиологией.

— Я подъехал, — внутри все предательски обмерло от раздавшегося из трубки хриловатого голоса. — Выходи! Жду на том же месте, где забирал на такси!

Под мерный шелест шин и убаюкивающую музыку в салоне Росинанта, я, прикрыв глаза, обдумывала, как обсудить вопрос предохранения. Понятно же, что не картошку перебирать едем. В Сочи пару раз было на грани, а неожиданные сюрпризы, не нужны ни мне, ни ему... тем более, вообще не понятно куда выведет кривая наших отношения. Разовьются они во что-то большее, чем секс или разлетятся вдребезги.

Тем временем, Виктор, стараясь приглушить голос, сначала задавал вопросы по текучке кому-то из кофеин, а потом сделал пару звонков относительно доставки.

— Поспать тебе не даю, да? — нежно погладил мою щеку.

— Ничего страшного, — ласково, как коту, почесала ему подбородок, с удовольствием ощущая, как мягкие волоски щекочут ладонь. — Даже интересно, какой ты начальник.

— Справедливый, — поймав руку, поцеловал запястье. — Ты не думай, я не собираюсь стопориться на кофейнях. За год поднатаскался, посмотрел, что к чему в этом бизнесе, теперь хочу оторваться, и идею с тематическим баром раскрутить. Это конечно, не совсем то же самое, но всему можно научиться в процессе.

Его взгляд метнулся ко мне, и пришлось приложить усилие, чтобы отвести свой, когда на пересечении, вспыхнули крошечные искорки. По коже пробежали приятные мурашки, то ли от радости, то ли от предвкушения.

И каким-то шестым чувством, я улавливала, что он реагирует на меня точно также. По хриплому голосу, расширенным ноздрям, втягивающим запах моих духов, пальцам, сжимающим руль.

Всю дорогу мы облизывали друг друга глазами. Говорили вслух банальные вещи, а в голове у обоих, даю руку на отсечение, крутилось одна и та же мысль — как бы поскорее оказаться в кровати.

Через час Россинант свернул с трассы сначала на разбитое шоссе, затем на грунтовку, засыпанную опавшими листьями. Еще пара поворотов, и за деревьями блеснула темная гладь.

— За цвет воды в народе зовется Торфянка, — пояснил Витя, кивая на озеро.

— В «Рыжей Белке» тоже речка с торфяной водой.

— Я знаю очень хорошо ее хозяина.

— Макса? — удивилась я.

— Да. Мы друзья. Ты его знаешь?

Обалдеть просто до чего же земля круглая! Оказывается, Линц дружит с обоими Валькиными ухажерами! С ума сойти!

— Скорее нет, чем да... — ушла от прямого ответа. — Мой отец приятельствует с его. А когда-то, в глубоком детстве, мы жили в одном доме. Краем уха слышала, что он страшный потаскун...

— Кто? Макс? — Витя сдвинул брови в недоумении. — Нет, он, конечно, не монах. Проскакивают иногда легкомысленные увлечения. Но бл@дством не увлекается. Нам туда, — показал на стоящий в отдалении дом.

— Твой?

— Ага. Бездетная сестра бабушки, царство ей небесное, три года назад отписала. Там немного запущенно, но надеюсь, тебе понравится.

— А удочки есть?

— Рыбу ловить? — удивленно округлил глаза.

— А что такого? Я умею. Мы по молодости с Лешей... часто ездили на рыбалку.

— Или за рыбой? — насмешливо хмыкнул.

— На рыбалку. Денег особо не было, вот и придумывали себе развлечения...

Велосипедные прогулки... Пикники с костерком на природе... Зимой на каток ходили...

— Фике, ты рвешь все шаблоны! Такая рафинированная девушка, а тут рыбалка, велосипеды, коньки... Я думал, ты в клубах тусила.

— И это тоже было, но с подругами.

Описав дугу по берегу, мы подъехали к воротам. Витя нажал кнопку на пульте, и створки со скрипом раздвинулись.

— Ни фиги себе! — присвистнула я, когда мы заехали на площадку под навесом. — Смотрю твоя родственница была зажиточной селянкой.

— Ее муж был настоящий полковник... Этим все сказано.

— А-а-а, — протянула я. — Тогда понятно. Вопросов больше не имею.

Вытащив из багажника сумки и пакеты, Виктор пошел к дому, а я плелась сзади с дурацкой улыбкой, осматриваясь. Большой участок с вымощенными плиткой дорожками, и хозяйственными постройками, местами густо заросший травой, выглядел впечатляюще, но печально. Очевидно, когда-то все здесь содержалось с величайшей заботой, теперь же во всем чувствовалась заброшенность и запустение.

— Предлагаю, пока дом будет греться, позавтракать и прогуляться по лесу.

— Давай я тогда быстренько бутербродов сварганю, чайку попьем и пойдем, а когда вернемся что-нибудь приготовим на обед.

— Отличная идея!

Разувшись, и скинув куртку на просторной террасе, откуда поднималась на второй этаж деревянная лестница, я прошла на кухню. Довольно современную, с кухонным гарнитуром, холодильником, и даже посудомойкой.

Открыла воду, чтобы слить. Подключила холодильник. Покрутившись, обнаружила у окна, пятилитровку. Сполоснула чайник, и повернув газовую конфорку поставила кипятить.

— Хозяйничаешь? — обвил меня руками за талию Линц, и поцеловал в шею, пока я резала колбасу. — Через час в доме будет тепло и запах выветрится.

— Ну и отлично. У меня почти все готово. Поможешь?

Мы устроились в беседке на улице, завтракали и болтали. Виктор сначала травил байки про институтские казусы, а потом перескочил на веселые истории про армейскую жизнь.

— Ты служил? — удивленно подскакивают мои брови.

— Не совсем, — почесывая подбородок, обдумывает слова. — Я работал по контракту на военное ведомство. Там хорошо платили, а мне нужны были деньги.

— И что делал?

— Что может делать математик? — он посмотрел на небо, подставляя лицо солнцу. — Занимался разработкой алгоритмов, сидя в бункере.

Вдаваться в подробности я не стала, но откуда растут ноги его нелюбви к перловке стало понятно.

— Ну что, идем? — предложил, когда убрали за собой остатки еды, и разложили продукты в холодильник.

Тропинка в лес петляла, то выбегая на берег озера, то ныряя в чащу. Витя держал меня

за руку, и мы то расходились, обходя кочки, то снова сближались, касаясь друг друга боками.

— Ты в грибах разбираешься? — застопорился рядом с торчащей из земли шляпкой.

— Шампиньон могу от рыжика и мухомора отличить.

— Я тоже полный профан. Всезнающий гугл донес, что сейчас полно маслят.

Похож? — открыл мне на телефоне картинку.

— Давай лучше не будем рисковать, — потащила его за руку дальше.

Мы вышли на берег озера и остановились невдалеке от воды. Я подобрала несколько плоских камушков и пыталась запускать «блинчики». Виктор с улыбкой, следил, как у меня ничего не получалось, и задорно подбадривал перед каждым броском.

— Летом тут здорово... — развернул к себе, когда я растратила все снаряды, поглаживая большим пальцем у меня под подбородком. — Вода на ощупь мягкая и плотная, кажется, что плаваешь в жидком киселе. И народу никого. Можно гольшом купаться.

Наклонившись, скользнул по щеке губами к уху.

— Если что, дом уже согрелся. Можешь садиться за написание своего трактата.

Взявшись за руки, мы пошли обратно. Подобрали сухие палки, и лупили ими по шляпкам моховиков, выкрикивая победные вопли.

— Ведем себя, как дети, честное слово!

— Иногда, нужно позволять себе быть ребенком. И делать то, что хочется, и так, как хочется! — ободрительно хлопнул меня по плечу. — Давай, Фике, жги!

— У-у-у! — я закрутилась на месте, как метатель диска и швырнула палку. Палка отлетела метра на три, и гулко стукнувшись об дерево упала на землю.

— Выпустила демона? — выражение его лица было участливым, но голос звучал со смешком. Я утвердительно кивнула в ответ, и расхохоталась.

С ним не надо было притворяться и контролировать себя. Можно было отключить голову и выпустить на волю дурь, что сидит в каждом, и которую мы так старательно скрываем ото всех.

— Дурында! — ухватив за рукав, подтащил к себе. Ладони пробрались мне под куртку и под свитер. Огладили спину через тонкую маечку. — Все утро держу себя в узде, чтоб не показаться маньяком.

— Похвальная выдержка, — нырнув ладошками под ремень на его джинсах, я прижалась.

И тогда понеслись поцелуи. Сначала дразнящие в скулы, легкие в губы. А потом, глубокие и чувственные. Настолько, что у меня дух захватило и голова закружилась.

Одежду мы растеряли по пути в спальню на втором этаже. Но краем глаза, я заметила, что здесь есть еще две двери, кроме той, которую Витя, не давая мне ни вдохнуть, не выдохнуть во время поцелуев, распахнул плечом, утаскивая за собой. Шкаф, тумбочка, кресло и огромная кровать, занимающая большую часть комнаты. А еще окно, почти во всю стену, за которым открывался вид на сосны, окружавшие дом.

— Я так по тебе соскучился...

В жадности рук, скользящих по моему телу, требовательности губ, не оставляющих шанса на сопротивление. В уверенных движениях, распалюющих сладостное томление, чувствовалось его нетерпение. И упирающаяся мне в живот эрекция, свидетельствовала о том, что это он еще сдерживается.

Мои лопатки коснулись прохладного покрывала, и...

Какие тамласки и нежности! Сейчас это было ни к чему. Я хотела... чувствовать его.

Под кожей прокатывались горячие волны, и обжигающими вспышками отзывались в солнечном сплетении и горле. Сердце разлетелось на тысячи крошечных осколков, которые пульсирующими иголками кололи тело.

Переплетенные руки. Шелк бороды на шее, сводящее с ума соприкосновение кожей на внутренней стороне бедер... А потом

Виктор подхватил меня под ягодицы, слегка приподнявшись, заставил обвить себя ногами и обхватить за шею. Его губы накрыли мои. Язык стремительно ворвался внутрь, сталкивался, ласкал, поддразнивал, едва касаясь, потом убегал. Протиснув ладонь между своей грудью и моей, он сжал и начал поглаживать сосок большим пальцем. Член каменно упирался мне в живот. Пальцы второй руки, огладив ягодицы, юркнули ниже, и так же, как до этого язык, с напором вошли вглубь.

Захныкав, я впила зубы ему в плечо.

Дерзкие пошлости, что он говорил мне, прикусывая мочку, заставляли умирать от смущения. От них, и от снайперских движения по телу прокатывались горячие волны наслаждения.

— Хочешь меня? — прошептал на ухо, прижимая подушечкой пальца особенно чувствительную точку, от чего меня начало бить мелкой дрожью.

— Хочу с тобой... — мой голос сорвался на стон.

Сжимая бедра, Виктор приподнял меня и тут же снова опустил, войдя сильно и глубоко, с мучительно хриплым «Ммм», прокатившимся эхом по моему телу.

Он дразнил и разжигал, хотя я и так была уже на грани. То почти выходил, замирая на границе, где смыкаются тела, то останавливался во мне, стискивая ягодицы, покрывая короткими, как морзянка, поцелуями шею, то ускорял темп так, что темнело в глазах, и темноту эту простреливали яркие искры.

— Хочу кончить... с тобой... — хрипло простонала.

Два сильных, быстрых толчка закинули меня куда-то на край вселенной, откуда я отстраненно почувствовала, как он резко вышел и на живот выстрелила, горячая струйка.

— Фике... ты оху@ная, — отрывисто просипел, сжимая меня

— Резинка! — обессиленно стукнула его в плечо.

— Прости, — пытаюсь отдышаться, смахнул челку с вспотевшего лба. — Я успел. Чувствовать тебя на живую, это такой кайф...

— Давай больше не будем надеяться на случай, это безрассудно...

— Хорошо — хорошо. Будем предохраняться. Обещаю, не повторится! — обхватив мое лицо ладонью, пробежался поцелуями по губам

— Ванна только на первом? — заставив расплавленные мозги работать, собралась встать.

— На втором- душ! Показать? — прихватив за талию рукой завалился вместе со мной на кровать.

— Ну дверь-то я как-нибудь найду. И включить смогу, если конечно он не с голосовым управлением, — отползла от него к краю. Села. Осмотрелась в поисках чего-нибудь, во что можно завернуться.

— Держи, — вытащил из шкафа, сверкая крепкой задницей полотенце. Бросил на кровать и присел перед со мной на корточки. Скользя ладонями по бедрам, придвинул к себе зарываясь лицом мне в шею. — Дурею от тебя...

Легонько оттолкнув, я схватила полотенце и понеслась искать душ. А когда вернулась,

он уже посапывал кверху голым задом, обняв подушку.

Все мужики после секса вырубаются...не спят только те, кто хочет еще...

Я спустилась вниз. Оделась. Взяла ноут и устроилась работать на кухне, раздав себе с телефона интернет

— Наши вещи на втором этаже, — сложив руки на груди, Виктор уперся боком в дверной косяк. Расслабленный, слегка взъерошенный, в футболке и спортивках не первой молодости, с босыми ногами он выглядел забавным и каким-то домашним.

— А чем это так пахнет? — повел носом, принюхиваясь.

— Я сварила суп! — сохраняю на ноуте текст, разминая плечи. За сосредоточенной работой время пролетело незаметно. Осталось только отшлифовать заключительную часть.

— Господи, так не бывает, — театрально простонал. — Все конфеты сразу — это подозрительно. Умница, красавица, в постеле просто...бомба просто, еще и готовит!

Он подошел к плите, поднял крышку на кастрюльке, и его глаза азартно блеснули.

— Рыбный, да? Из консервы?

— Нет, конечно, какие консервы, что ты... Пока ты дрых, я смоталась на озеро, наловила рыбы, почистила, выпотрошила, забланшировала и вуаля... — ехидненько ухмыльнулась, разведя ладони в стороны, — к побуждению барина состряпала супец.

— Язва! — добродушно сморщил нос. Уселся за стол и стукнув по нему ладонями хозяйским тоном распорядился. — Корми меня!

— Ой-ой-ой! Барин еще и гневаться изволит?

— Барин желает откусать! А на счет готовки претензии принимаются! — игриво подмигнул мне. — Я тебя вечером такими шашлыками накормлю, что язык проглотишь. Обещаю!

Я подошла к плите, налила ему. Нарезала зелень, покрошила ее в тарелку. Поставила перед ним, и сдвинув ноут к стене, уселась напротив. Пристроив подбородок на сцепленные кисти рук уставилась на него.

— Очень вкусно! — похвалил, закатывая глаза. — А ты что не ешь?

— Я же обещала тебе слабительное, помнишь? — постаралась сохранить серьезный вид

— А-а-а... — он опешил и потерянно перевел взгляд с ложки на меня.

— Да шучу. Не бойся. Ешь, — рассмеявшись, потрепала его по волосам. — Я не мстительная. Приятного аппетита!

— Спасибо, — проглотил бульон и зажмурился от удовольствия так, как будто не консервный суп ел, а наслаждался деликатесом.

Было чертовски приятно, но больше строить из себя хозяйку во всей красе, я не собиралась. Как Виктор оценит мою домовитость, мне в принципе было наплевать. Один такой почитатель комфортной жизни, с опцией «Вика» у меня в копилке уже имелся... Спасибо, наелась. Добавки не надо.

— Тебе много еще? — шустро орудуя ложкой, он кивнул на ноут.

— Не особо... — я скосила глаза к потолку прикидывая, — часа два. Осталось обличить в деликатную форму больные места, с тонким намеком, что в случае необходимости мы можем взять на себя решение проблем.

— Это как?

— Я же не карательный орган. Моя задача — не напугать, а успокоить. Указать на недостатки, предупредить о рисках, помочь обойти острые углы...

— Буфер?

— В некотором роде, да. Если вылезет какая-нибудь бяка после проверки, я несусь за нее

персональную ответственность. В первую очередь, это удар по моей репутации, и как следствие, потеря клиентов для фирмы.

— Ты бы сама поела, — многозначительно потряс ложкой, возвращая меня в реальность. — При мне можно Дюймовочку из себя не изображать. Мне нравятся девушки с формами.

— Толстухи что ли? — подаю ему еще кусочек хлеба. — Ты дрых два часа, я уже поела.

— Фигуристые... — хмыкнул, щелкнув меня ногтем по носу. — Давай, заканчивай свой эпос, а я пока светло, займусь трудом, тем самым который облагораживает. От которого дохнут кони, и который сделал из человека уставшую обезьяну.

— Физическим что ли?

— Ага...им самым...геркулесовым

— Это когда занимательно, но утомительно?

— Точно, — он заржал. — Надо запомнить.

— Наелся? — с улыбкой наблюдаю, как по-босяцки допивает из тарелки бульон.

— Червячка заморил.

— Ну тогда иди уже, облагораживайся! — насмешливо выпроваживаю. — Дай работнику интеллектуального труда завершить творческий процесс!

— Ой-ой-ой! Какие мы важные!

Ставит тарелку в раковину, и присвистывая, походкой в развалочку направляется на веранду.

— Спасибо, Вика, было очень вкусно! — кричу ему в спину.

— Спасибо, Вика, было очень вкусно! — заглядывает с ящиком инструментов, одетый в камуфляжную куртку. — Не скучай тут без меня!

— Не буду!

Улыбаясь, мы обмениваемся откровенными взглядами.

Все время что я работаю, с улицы слышится стук и сверление.

Линц укрепляет забор. А я на него плююсь. Отвлекает, черт побери! Особенно, когда на заднице натягиваются штаны, или задирается футболка, оголяя подтянутый живот и убегающую вниз узкую дорожку волос.

Инструмент в руках, это прям его. Ему очень идет. Просто секс! Хоть на обложку журнала, с припиской «Герой нашего времени». Я бы точно купила.

— Так, сначала баня, а потом шашлык, — деловито сообщил мне, вернувшись через пару часов, заваривая в огромной чашке травы.

— Вить, я в сауне последний раз была лет пять назад, когда отмечали день рождения подруги...мы там не столько мылились, сколько пили...а в бане...

Прищурившись, он перелил в чашку немного желтого отвара, подошел, протягивая мне ее, и легонько щелкнул по лбу:

— Ибуibu дэ дао муди, — я выпучила на него глаза. — Пей, липа успокаивает, — и невозмутимо продолжил, — что в переводе с китайского означает «Шаг за шагом можно достигнуть цели». Наша цель расслабиться и получить удовольствие.

— Че-то я как-то и не сильно хочу в твою баню.

— Я тебя медом намажу!

— Фу...

— И веником отхожу.

— Тем более!

— Тебе понравится, — бесстыже играет бровями.

В бане все оказалось внушительно и основательно. Было видно, что строили с любовью и на года: сруб из цельных стволов деревьев, кованый дровник на террасе, добротные лавки и дубовый стол в предбаннике. В буфете на полках примостилась посуда.

— Раздевайся, — начинает решительно снимать с себя одежду. Я отворачиваюсь к нему спиной, и тоже неуклюже раздеваюсь. Мне как-то неловко, что ли. Одно дело в постеле, когда знаешь, что сейчас произойдет...а так... откуда-то вылезла запоздалая стыдливость. Оставшись в трусах, целомудренно прикрыв грудь руками, в нерешительности переминаюсь с ноги на ногу.

— Ну и... — насмешливо раздался голос над ухом. — Чего стоим, кого ждем? Я уже все видел, трогал и даже пробовал на вкус!

Мои щеки предательски вспыхивают. Опять он начинает!

Глубоко вдохнув теплый запах дерева, я зажмурилась, когда его руки огладили мою талию, поднырнули под резинку трусов и скользя по бедрам спустили их вниз. Все еще прижимая руки к груди, я переступила через них

— Боже, Фике, меня так заводит твоё смущение, ты не представляешь! Этот стыдливый румянец, — провел пальцем по щеке, — розовые пятнышки, — невесомо поцеловал шею. — Ты просто прелесть!

Откинув меня на себя одной рукой, другой протянул сложенную простынь. Коснувшись спиной его груди, я почувствовала, что он не голый, а соорудил на себе, подобие тоги.

— Волосы собери! — критично осмотрел, дождавшись пока я закутаюсь в простыню. Послушно скручиваю на макушке гульку.

Пригласительно расшаркавшись, открывает передо мной дверь в комнатку с просторной душевой кабиной. Скидывает с себя простынь, и быстро, так что я не успеваю даже пискнуть вытряхивает меня из кокона. Включает душ и подталкивая в спину под воду, сам становится сзади.

— Нужно ополоснуться, чтобы подготовить кожу. Волосы не мочи, — снимает лейку, поливает мне на шею. Вода теплыми струйками бежит по спине, а за ней зябкие мурашки. — Повернись. Ну чего ты? — кусает меня в загривок, пока я в нерешительности топчусь на месте. — Это же я...

Я поворачиваюсь к нему лицом и смотрю в глаза. С невозмутимым видом, Виктор направляет поток воды мне на живот, перемещая его от груди к ногам. Льет на плечи.

— Теперь ты, — передает мне лейку, делая воду значительно холоднее. Поворачивается несколько раз, пока я добросовестно его остужаю. Во всех смыслах этого слова, потому что не заметить его эрекцию, просто невозможно.

— Только если ты настаиваешь, — весело подмигивает, поймав мой взгляд. От его слов, я опять вспыхиваю, как застенчивая барышня.

Придерживая за руку, помогает мне выйти из кабинки, вручает простыни, сгребая их с вешалки. А сам прихватив со стены веники, распахивает дверь парилки, откуда выстреливает горячий воздух.

— Добро пожаловать! — приобняв за талию, подтолкнул внутрь.

Мамочки мои! Тут не просто жарко, а убийственно жарко. Легкие обжигает огнем.

— Души носом, — будет не так горячо.

Присаживаюсь на нижнюю полку двухъярусного полога и мужественно терплю. Волосы начинают потрескивать, а пот блестеть на розовой от жара коже. Через несколько минут по

телу уже стекают струйками соленые капли. Дышать равномерно, как у Виктора не получается. Он расселся, согнув в колене ногу, да еще и голову к стене откинул, прикрыв глаза. Я же, сижу, вцепившись ладонями в край лавки, готовая стартовать в любой момент.

— Тебе для первого раза достаточно. Выходи.

Я пулей вылетаю, а он выходит еще минут через пять. Отдыхаем за столом от раскаленной парной. Завернувшись в простынь, я разлеглась на лавке. Пью из кружки зеленый чай, заботливо припасенный в термосе.

— Ну как?

— Не могу сказать, что в восторге...

— Это ты просто пока не прониклась всей мощью. Хватит валяться, пойдём! — хмыкнув, тянет меня за руку в адское пекло.

— Изверг! — вздыхаю, но иду.

На третьем заходе, у меня словно второе дыхание открылось. Я даже решилась растянуться на верхнем ярусе.

— Ну вот ты и попалась! — кровожадно ухмыльнувшись, Виктор замочил веник в деревянном ведерке. Воздух в парной сразу наполнился насыщенным ароматом березовой листвы.

Мой взгляд прилип к крепким мужским плечам. Его кожа лоснилась от проступившего пота, мышцы под ней перекачивались. Хрустнув позвонками, он выпрямил спину и подошел к пологу.

— Ну держись! — горячий веник лег мне на поясницу.

Задохнувшись, сжимаюсь. Но он не бьет, а только крадетесь вверх к лопаткам. И только я расслабляюсь, получаю несколько легких шлепков по спине. И довольно чувствительный по заднице.

— Это тебе за то, что бросила меня!

Дергаясь, возмущено поднимаюсь на локтях.

— Я работала!

Он властно припечатывает ладонью обратно, и сыпет еще удары.

Горячий веник пляшет по телу, а потом успокаивает невесомыми ветерком, едва касаясь.

— А-а-а! — непроизвольно дергаюсь, и хохочу, когда неожиданно кусает за попу и проехавшись носом по спине хрипло шепчет на ухо

— Перевернись на спину.

Вытягиваюсь на горячих досках, прикрывая руками грудь. На живот плюхается вязкая масса, и равномерно распределяется до лобка. Я инстинктивно сжму ноги.

— Закрой глаза. Расслабься. Будет приятно.

Опускаю руки вдоль тела, и его ладони тут же устремляются вверх, задевая соски, размазывают липкий мед... Затем протискиваясь между бедер, поглаживающими движением натирают ноги и руки. Чувствую себя, «соблазненной уткой», когда он водит ладонями по коже, сжимая, массируя и нашептывая горячие нежности. Сил шевелиться нет, блаженно закрыв глаза я ощущала, как тело постепенно наливается легкой истомой и становится невесомым.

— Пахнешь одуряюще! — обрисовывает пальцем мои губы. И мне действительно нравится это сладкая пытка. До момента, пока горячий веник снова не ложится на живот.

— Еще чуть-чуть контраста!

Снова начинает нагнетать пар и легкими касаниями листьев поглаживать расслабленное тело, заставляя его плавиться от невероятной жары. А потом на лоб опускается ледяная мокрая ладонь. Проходится по лицу, смачивая губы. Исчезает и снова возвращается, ложась уже на шею и немного остужая.

— Фике, ты как?

— Проникаюсь мощью, — пьяным взглядом смотрю на него.

— О-о-о, перегрел я тебя...надо охладиться.

Подхватывает на руки, прижимая к себе. Теперь и он липкий и пахнет медом. А еще горячий и твердый!

Делает пару шагов и ставит меня на ноги. Обнимаю его, чтобы не рухнуть, такая слабость в теле. Укладывает за шею себе на грудь и вдруг...на нас сверху обрушивается поток ледяной воды. От неожиданности, визжу и рефлексивно вжимаюсь в него, как будто от этого меньше зацепит.

Вода скатывается по нашим телам. Он тянет меня за волосы назад, и сминая губы стремительно целует. И я снова выпадаю из реальности от его жадных рук и губ. Не понимаю, жарко мне или холодно, и чего хочу больше: сбежать из этого пекла или остаться гореть вместе с ним.

Укутавшись в куртку и старое одеяло, в желтом свете фонаря под крышей беседки и музыкальное сопровождение мобильного я с аппетитом уплетала мясо. Виктор оказался отменным шашлычником.

После бани, каждая моя клеточка словно наполнилась энергией, а приподнятое настроение перешагнуло на ступеньку отличное.

— Слушай, а как же Жорик без тебя? Ты его кому-то отдаешь? — жадно вгрызаюсь в кусок на шампуре.

— А что ему будет? — с довольной физиономией Виктор пожимает плечами. — Главное еды, воды и сена оставить.

— А он совсем по тебе не скучает?

— Фиг его знает, но думаю нет. По крайней мере, я не замечал ни дикой радости, ни вселенской печали в его глазах. Считается, что у свинок неплохая память. Они реагируют на голос, касание, но это скорее доверие, а не привязанность. На первом месте у грызунов желание набить брюшко...поэтому кто кормит и не пугает, к тому и бегут, — поднимает ногу на лавку и опершись на колено локтем, философски откидывает свесившуюся на лоб челку, принимая позу мыслителя. — Жорик узнает меня по голосу, который, скорей всего, ассоциируется у него с протянутым на ладони лакомством. Ему нравится, когда его расчесывают. Прикинь, брякается и вытягивает задние лапки, когда гладишь. Но это всего лишь закрепленный позитивными реакциями рефлекс. Отказываться, как собака, от еды, или тосковать без меня Жорик не будет. Примитивные инстинкты под это не заточены. Поэтому я думаю — нет, он не скучает. Жрет и спит, а потом снова спит и жрет.

— Какаю, однако, насыщенную жизнь он ведет! — вытираю салфеткой, с его усов кетчуп. Он в шутку пытается укусить меня за пальцы.

— А то! Трехдневную норму может за пол дня схомячить... а потом...

— Не продолжай! Я поняла.

— Голодать...а ты что подумала? — подмигивает мне, а я показываю ему язык. — Но у нас, и кормушка, и поилка с дозатором, чтоб не переедал, и чтобы лапу сосать не приходилось.

Подливает в стаканы вина, и чокнувшись своим откидывается на спинку лавки. Небрежно делает глоток, и широко разложив на спинке руки улыбается звездному небу.

— Хорошо-то как! — прикрыв глаза, шумно втягивает носом воздух. — Надо почаще сюда выбираться...

— Да...лепота! — я с удовольствием тянусь, разминая спину. На улице было свежо и прохладно, но это была та свежесть, которая давала ощущение свободы. — Жалко только, что время так быстро бежит.

В вечернем свете рыжие волосы Виктора казались еще рыжее. Повернув ко мне лицо, он чуть прищурил, умные глаза. Застывшая на губах легкая полуулыбка выдавала его расслабленность и польщенность.

— Да. Жаль. Замри! — вытащив из кармана телефон, быстро сделал несколько снимков. — Поставлю на заставку. На твой номер.

Оценив кадр удовлетворенно кивнул и невозмутимо продолжил.

— Завтра будем с тобой брать пример с Жорика. Есть и спать. Спать и есть.

— Немедленно удали! — заверещала, поняв, что он меня сфотал. Взлохмоченную. Ненакрашенную. Укутанную в старье. Подрываюсь к нему, стараясь выхватить из рук телефон.

— Ты тут безумно хорошенькая! Похожа на нахохлившегося ежика! Нет!

— Удали! — плаксиво канючу, продолжая ловить кисть, которой он размахивал. — Не хочу, чтоб ты меня запомнил чучундрой!

— Глупенькая! — усмиряя прижал к себе, и поцеловал в нос. — Ты очень симпатичная чучундра! Ну хочешь будем чучундрами вдвоем? — вытянув руку, запустил серию снимков с разных ракурсов, строя придурковатые рожи.

— Когда я разбогатею и стану солидным дядькой, ты сможешь сделать на них целое состояние. Давай оставим. На память. Клянусь, — театрально положил ладонь на сердце, — никто их больше не увидит.

— Перешли мне, — сдалась я, все-таки выхватив мобильный и разглядывая фотки. Такие мы на них дебилные, но счастливые. У Витьки уже целая подборка, а у меня — ни одной. Пусть будет.

Наевшись до отвала, мы разлеглись на лавке щека к щеке, свесив ноги. Я почесывала его бороду.

— Вить, а у тебя было когда-нибудь прозвище?

— А как ты думаешь? — парирует с вызовом в голосе

— Рыжий?

— В институте меня все звали Йети. Думаю, не стоит объяснять почему.

Закрыв лицо руками, я начала ржать, и почувствовала, как загорелись щеки, когда он повернул голову, глядя на меня выразительным взглядом. Типа смейся-смейся, но тебе со мной еще надо ночь переспать и день провалиться.

— А у тебя?

— Долли, — признаюсь, поджимая губы.

— Почему Долли?

— Потому что это лучше, чем овца!

Теперь уже он не стеснясь заржал.

— Мне показалось, что вы очень близки с сестрой.

— Так и есть. Только, когда тебе тринадцать, вы вместе двадцать четыре на семь, таскаете друг у друга вещи и косметику, и у вас одна лучшая подруга на двоих, волей-неволей можно превратиться в Долли или Пигги.

— Да...незавидная перспектива все время иметь рядом конкурента... — ухмыляется он. — Вик, а ты любишь детей?

— В смысле хочешь? — я внутренне напряглась. И от неожиданности. И от самого вопроса. Сердце пустилось в галоп, но ответила я ровным, уверенным тоном. — Да. Я хочу детей. А ты?

Если он сейчас выдаст, что чайлдфри...или планирует их в туманном будущем, то нам точно не по пути. Тратить жизнь на исправление неисправимого, я не собираюсь, и лучше сказать об этом сразу.

— А я люблю детей. И был бы счастлив, если бы любимая женщина родила от меня.

В сан любимой женщины меня, конечно, Виктор не посвящал, но приятное ощущение тепла разлилось по капиллярам после его ответа. Я ему нравлюсь, он меня хочет, скучает... так почему бы не примерить на себя эту роль? Как он там говорил, «у нас будут рыжие дети

с голубыми глазами»... Ну да, скорее всего рыжие, и с веснушками даже...

— А когда у тебя день рождения? — продолжила допрос.

— Через две недели.

— И сколько исполнится?

— Тридцать один, я думал ты знаешь, — чуть отодвинувшись, он повернул ко мне голову.

— Откуда? Я на тебя досье не собирала. Будешь отмечать?

Его челка оказалась напротив моих губ, и я прикусила ее зубами, потянув на себя.

— Ну как отмечать...планирую с друзьями посидеть. Еще правда пока не знаю где, но ты приглашена.

Отпустив волосы, поднимаю на него взгляд.

— В качестве кого?

Он присаживается, пристраивая мою голову себе на колени, поправляет волосы у лба.

— Ну вот мы и перешли к животрепещущей теме. Полагаю, решение ты для себя приняла, если сейчас здесь и со мной, — встречаюсь взглядом с зелеными глазами, которые смотрят очень внимательно на мое лицо. — Отсюда возникает вопрос, когда ты собираешься объявить Леприкону, что у вас game over?

— Как приедет.

— Вот совсем мне от этого не легче. А когда он приедет?

— В конце следующей недели.

— И каков план?

— К его приезду я сниму квартиру, — неуклюже сажусь рядом.

— Вик, к его приезду тебе нужно съехать. Если нужны деньги... — пытается приобнять за плечи и заглянуть в глаза.

— Какая прелесть, ты хочешь взять меня в содержанки? — дергаю плечами, вырываясь. — Я нормально зарабатываю, Вить! Спасибо!

— Да я помочь хочу! — у него раздуваются ноздри, и вздымается грудь.

— Я бы не хотела вернуться домой, и обнаружить в шкафу пустые полки без объяснений... — пытаюсь сгладить свою резкость.

— Не маленький, переживет!

— Давай я сама буду решать, что, как и когда мне делать!

— А ты поставь себя на мое место!

— А ты себя на мое!

Он ловит мою руку сжимая пальцы, вынуждая посмотреть в глаза

— Хорошо объясню популярно...мне очень...очень беспокойно от того, что он может в любой момент заявиться, и как бы сказать помягче, заявить свои права на тебя.

— Ты за кого меня принимаешь? — выдергиваю пальцы.

Подскакиваю на ноги, намереваясь уйти в дом. Но он оказывается быстрее, останавливает рукой за талию.

— Все! Стоп!! Успокойся! — прижимает спиной к груди, ласкаясь щекой о мой висок. — Я не хотел тебя обидеть. Он мужик, и черт его знает, какотреагирует!

— Ты предлагаешь написать смс? — вырываюсь из его хватки.

— Я предлагаю, поступить разумно. Найти квартиру. Переехать. А когда он вернется — встретиться, и поговорить. Я буду рядом.

— Нет... — просаживается мой голос. — Я не хочу, чтобы он чувствовал себя

преданным. Не хочу, чтобы знал, что ухожу из-за тебя.

— Боже мой, Вика! Он же все равно узнает! — разворачивает к себе и вглядывается в глаза. — Или ты специально оставляешь пути к отступлению?

— Конечно! — отталкиваю его в грудь. — Буду трахаться с вами двумя!

— Не будешь! — ныряет рукой мне в волосы, оттягивает назад и закрывает рот жестким поцелуем, выплескивая с толчками языка злость. А потом, словно опомнившись, нежно массирует затылок, ласкает губы.

Оторвавшись мягким движением убирает волосы от моего лица и подушечкой большого пальца поглаживает скулу.

— Мы позже еще раз все взвесим и решим, как лучше...Согласна?

Утыкаюсь носом ему в грудь, обнимая в ответ. Как же не кстати всплыла тема с переездом, ведь чуть не поругались... Жалко портить вечер тупыми обидами, а улечься спать в разных комнатах вообще глупо. И когда буря почти улеглась... практически одновременно зазвонили наши телефоны, скосив глаза, на которые, мы разошлись по разным концам участка.

Его мелодия оборвалась раньше, и я услышала, как Витя сказал:

— Да, Лен. Что случилось?

Лена... Слегка царапнуло, будто иголкой. Он же не монах в конце концов, да и жизнь до меня у него была... что у него не может быть знакомых Лен?

Алексей звонил за неделю дважды. Я договорилась с собой, что сообщу ему о своем решении расстаться сразу же после того, как только найду квартиру. Было страшно, что он снова неожиданно приедет и тогда выяснения отношений не избежать. А я не хотела его ранить...все-таки почти шесть лет, проведенные бок о бок сделали нас непросто любовниками, а близкими людьми. Расстаться друзьями вряд ли получится, ну хотя бы не врагами.

Привычно поздоровавшись Свиридов, как мне показалось, слегка пьяненько спросил про мое самочувствие, родителей, работу и планы на предстоящие выходные.

— А что?

— Вик, — на заднем фоне послышался шум улицы и приглушенные музыкальные басы. — Фирма в субботу устраивает мероприятие в загородном клубе, все будут с мужьями и женами. Приедешь?

— Даже не знаю... — я растерялась.

— Я хочу, чтобы ты присутствовала, в качестве моей невесты!

С безмолвным стоном прячу лицо в ладонях. Как ему теперь сказать-то...Это же вообще! Мамочки мои...я ведь думала, что тема со свадьбой закрыта!

— Я не говорил тебе, боялся сглазить, — в голосе слышится волнение, — компания открывает здесь филиал...и вот...с высокой долей вероятности мне предложат должность главного инженера!

— Так это же замечательно! — радуюсь от души, ковыряя носом кроссовка землю.

— Приедешь, Вик? Мне очень нужна твоя поддержка!

— Конечно, Леш!

Ну как я могу отказать? Как? Он шел к этому шаг за шагом, старался, обрастал опытом, искал возможности. Он на меня рассчитывает! Раз просит, значит это действительно важно!

— Спасибо, Пчелка. Люблю тебя!

— И я тебя, — выпалила на автомате, как отзыв на заученный призыв и отключилась.

Виктор тоже вернулся после разговора озадаченный.

— Все нормально? — спросили одновременно друг у друга и напряженно рассмеялись.

В ответ, я отмахнулась, он — пожал плечами. Зато повисшая перед этим неловкость развеялась, когда мы в четыре руки убрали со стола, и заносили остатки пиршества в дом.

Конфеты, те которые все и сразу, не убавлялись и у меня.

Поднявшись в спальню, я умчалась в душ смыть запах костра, а потом мухой юркнула под одеяло. Тихое место, свежий воздух, уютный дом. Мужчина, который мне очень нравится, укладывается рядом...

— Ты мокрый весь, — лихорадочно заметалась, когда он притиснул меня к себе.

— Зато ты — тепленькая, — укусил за мочку и прошептал тем самым, особым тембром, рисуя пальцами вокруг пупка под майкой. — Согреешь?

Я вынула его руку из под белья, поднесла к губам, тихонько подула и опустила себе на живот. Поглаживая теплую ладонь перебирала его пальцы, скользила ногтями сквозь мягкие волоски по предплечью.

— Ммм, — уткнулся мне носом в макушку. — Так не честно, я ж усну сейчас.

— Спи, — придвинулась к нему вплотную. Наши тела повторяли изгибы друг друга. Хотелось лежать в обнимку и чувствовать, что он рядом. Продлить момент счастья, которое ощущала. Удержать это мгновение.

— Нет... так спать не получится, — хрипло прокашлялся. — Хочешь, я тебе почитаю?

— Сказку? — обернулась на него.

— Нам с тобой больше рассказы Зощенко подойдут.

Переворачивается на спину. Берет с тумбочки телефон и очки. Надевает их с многозначительным видом, и становится похожим на саксофониста Джо, возлюбленного Душечки из «В джазе только девушки». Укладывает меня себе на грудь, и начинает читать с выражением и в лицах... Первый рассказ был действительно в тему... «Про баню», потом про коммуналку и кочергу... а потом я начала клевать носом и незаметно для самой себя, хоть и бодрилась, уснула...

И едва за окном забрезжил рассвет, как я проснулась и обнаружила себя лежащей, накрытой мужской рукой. И не просто лежащей, а с напряженным членом, упирающимся в мою задницу.

По ровному дыханию в затылок было невозможно понять спит он или нет. Какое-то время я старалась быть неподвижной. Но когда его ладонь на моем животе пришла в движение и плавно направилась вверх, я рвано вдохнула. Накрыв одну грудь чуть сжала, и раздражив через майку сосок до предательского состояния медленно направилась вниз, притягивая за талию к себе, как можно ближе.

Едва касаясь, его кончик носа скользил у меня за ухом, и одновременно с губами опалил кожу горячим дыханием. А потом ладонь плавно переместилась на бедро. Огладила по наружной стороне до колена, поднялась подушечками пальцев по внутренней, и скользнув между ног, слегка сжала лобок.

— Спишь? — раздался над ухом хриплый шепот.

— Уже нет, — прочищаю горло, еле удерживая готовый сорваться стон.

— Я тебя разбудил? — приподнявшись на локте, бегаем по моему лицу глазами улыбаясь.

Совсем не сонный. И улыбается. Все нахальнее и откровеннее.

— Тебе захотелось поболтать? — мстительно отодвигаюсь от него. — Ну давай, —

складываю ладошки под щеку, устраиваясь поудобнее. — Внимаю!

Не мигая, он пристально смотрит на меня.

— Ну, — поднимаю на него глаза. — Давай рассказывай, что там у тебя стряслось. Зачем разбудил?

— Зараза! Ты представляешь, что я сейчас с тобой сделаю, за такие под@ебки? А, Фике?.. — и фиксируя мое лицо ладонью впивается поцелуем.

Разнеженное ласками тело, окончательно просыпается от прижатого к пояснице возбужденного члена. Внизу живота начинает мучительно тянуть.

Вытряхнув из майки, он поддевает двумя пальцами трусики и стягивает их по ногам. Зарывшись лицом в затылок, несколько раз прикусывает кожу так, что по позвоночнику стекают мурашки. Накрывает ладонями грудь, прищипывает соски, превращая в пучки оголенных нервов.

Откинув голову назад, я выгнулась и хрипло выдохнула. Пройдясь средним пальцем по промежности, погружает его в меня.

— Ммм... какая ты...гостеприимная... — а мне и стыдно от его слов и сладко.

Делает несколько движений внутри, и по моему телу проносится волна жара, которая переходит в нарастающую вибрацию, когда он прикусывает мочку.

— Хочу тебя, — задыхаясь, глотаю воздух.

Чуть отстранившись, он быстро избавляется от боксеров, раскатывает по себе резинку. Опустив руку на лобок, покружив пальцами по разгоряченной плоти, приподнимает мою ногу и входит медленно на всю длину

Мышцы туго обхватывали его изнутри. Зацеловывая шею, он сминал одной рукой грудь, второй прижимая к себе крепче.

— Так? Тебе хорошо? — шепчет, делая движение бедрами.

Согласием был вырвавшийся из горла гортанный стон.

Он толкался сначала медленно, потом все настойчивее и быстрее. Лихорадочно скользил губами по затылку, шее, плечам. Целовал, покусывал и хрипло стонал.

А мне было так хорошо, до искр из глаз! Я почувствовала, как его член расширился. Он впился ладонью в мой живот, и буквально насаживая на себя, замер.

— Вместе... — ощутив, как дрожь пробежала по моему телу, совершает последний короткий толчок и с силой вжимая в себя, пульсирует внутри, запуская меня ракетой в космос.

Я ничего не соображаю. Хватая воздух ртом, чувствую, как он отстраняется и плавно выскользывает. Тяжело дыша, прижимается губами к моей спине, гладит.

— Ты как? — спрашивает хрипло спустя пару минут.

Безвольно машу кистью над головой, не в силах двигаться вообще.

— Я хочу познакомить тебя с дорогим для меня человеком... — рисует по спине пальцем, закинув на меня ногу.

Надо что-то ответить. Но умная мысль не приходит.

— Фике...ты чего молчишь, а?

— Что надо сказать?

— Что-нибудь...

Мне сейчас так хорошо, что говорить совсем не хочется. Тело напоминает теплую карамель, а сердце, глупо улыбаясь до сих пор пульсирует между ног.

Думать не получается. Дорогой человек — это же родственник? Про друзей так не

говорят...

— Боюсь не оправдать доверие...

Приподнявшись на локтях, он заглядывает мне лицо.

— Ты не можешь не понравиться... Просто будь собой.

— Все так серьезно?

— Для меня — очень.

— Я постараюсь... — глажу его по щеке, не соображая под что подписываюсь.

Виктор шумно вздыхает. Целует мою ладонь и шепчет.

— Ты не представляешь, как для меня это важно.

А затем, перевернувшись на спину, тянет на себя и, обняв одной рукой, спустя каких-то пять минут, засыпает. Я, выждав некоторое время, пытаюсь осторожно от него отползти.

— Куда? — резко просыпается. — Рано еще. Спи. Помнишь, мы сегодня, как Жорик. Сон и еда... сон, еда и секс, — поправляется зевнув.

Обнимает двумя руками и в считанные секунды вырубается. Я, решив, что обдумаю все позже, тоже.

Второй раз меня разбудил монотонный шум дождя, барабанящий каплями по крыше и карнизам. Ветер, словно требуя, чтобы его впустили, настойчиво рвался в окна. Вчерашний погожий денек сменило настоящее осеннее ненастье.

Витя лежал на боку, подперев голову рукой и смотрел на меня.

— Привет, — он убрал прядь волос с моего лица. — Выспалась?

— А сколько время? — я лениво потянулась.

— А пофигу! Все равно из дома не выйти, льет как из ведра. Предлагаю устроить деневаляния. Будем лежать в обнимку, целоваться и болтать, — шутливо нажал пальцем на кончик моего носа. — Что будет на завтрак моя королева?

И так обезоруживающе трогательно прозвучало это «моя», что тысячи бурлящих пузырьков из живота рванули к груди разгоняя, вместе с остатками сна, кислород по всему организму

— Я бы сейчас не отказалась от тостов с сыром и беконом, — мечтательно закатила глаза.

— ООо! Ну тогда пойду... делать брускетты из того что есть. Я не мастак конечно, но буду стараться.

Как только он вышел, я радостно заколотила пятками по постели, а потом блаженно раскинулась на кровати. Боже мой, он еще и готовит! Для меня!!!

Пока Виктор возился на кухне, я успела принять душ и забраться обратно в кровать с телефоном, где обнаружилось сообщение от Свиридова:

«Люблю тебя, Пчелка. Прости, что иногда обижаю.»

Точно Леша вчера прилично выпил. Эпистолярный жанр никогда не был его коньком... а чтоб уж до признаний в любви... Нонсенс!

Попробовала дозвониться. На том конце, ровный механический голос сообщил, что абонент не абонент.

«Ты как? Все в порядке?» — отправила вдогонку.

Отложив телефон, я устала в окно. Как вообще люди говорят о расставании? Подводку делают или сразу, с места в карьер? Просят прощения? Предлагают взамен дружбу?

Из невеселых мыслей меня вытряхнул, вернувшийся с подносом Витька. В фартуке поверх трусов. Он выглядел весьма комично и соблазнительно, только цветка в зубах не хватало. А так, ни дать не взять — «агент-provokator под прикрытием».

Мы действительно провалялись в постели до самого вечера. Дремали, читали Зоценко, целовались и доводили друг друга ласками до белого каления.

— А вот скажи, — Витя лениво поглаживал большим пальцем мой живот под футболкой, — если бы я подкатил к тебе где-нибудь в кафе, спортзале или на работе, у меня были бы шансы?

— Без вариантов. Я давно не смотрю на мужчин, как на мужчин. Могу, конечно, отметить симпатичный «фасад»... — стреляю глазами сверху вниз намекая на внешность, — оценить интеллект, кругозор, креативность, — постукиваю указательным пальцем у виска, — но я по своей натуре моногамна. Если меня все устраивает в моем мужчине, зачем пускаться во все тяжкие?

— Значит Лепрекон где-то прокололся? — потерся подбородком о мою ключицу.

— Давай не будем про твоих женщин и моих мужчин. Мне кажется, это моветон. Никто не знает, как у нас все сложится. Может, надолго. А может, через месяц разбежимся с проклятиями. И я бы не хотела, чтобы потом, вот так же, лежа в кровати с какой-нибудь новой жертвой своего обаяния, мне перемывали кости.

— Ты очень мудрая женщина, Фике... — он не стал больше развивать тему, и переключился на другую. — Скажи, ты говорила, что тебе нравится печь. Никогда не думала открыть что-то свое?

— Нет, Алексей считает мое хобби — блажью.

Ладонь, что лежала на моем животе, медленно сместилась и начала выписывать витиеватые узоры у резинки трусиков. Я остановила, бегающие по лобку паучком, пальцы, слегка вонзив ногти в его руку.

— У тебя очень здорово получается, — его улыбающиеся глаза стали серьезными. — Можно начать с малого. Закинуть красивое портфолио с фотками десертов в event-агентства или разместить рекламу у популярных блогеров. Уверен, что спрос будет! Такую аппетитную вкуснятину, как ты делаешь будут охотно заказывать.

— Думаешь?

— Ты же Победа, ты не должна сомневаться в себе! Иди уже сюда, — накрыл меня собой, и зарывшись лицом в шею, прижал к себе. — Ты не представляешь, как я скучал все эти дни... По твоему запаху, теплу, вкусу... ты сделала из меня вампира!

Вечером, когда возвращались домой, разговор в машине снова зашел в тупик, потому что конкретных ответов на его вопросы у меня не было.

— Не дави на меня, — я отвернулась в ответ на его выжидательный взгляд. — Я не могу уйти просто так. Мы прожили вместе пять лет, Алексей мне не посторонний. Это не по-человечески, собраться и свалить без объяснений. Он не заслужил такого отношения.

— А мне что прикажешь делать? Ждать, как побирушке, пока снова соизволишь подать милостыню?!

— Ну что ты от меня хочешь?! Я съеду, как только найду квартиру.

— В какой районе надо? Давай я помогу с поиском!

— Вить, — нервно вожу пальцем по стеклу, — я сама постараюсь со всем разобраться... Мне нужно учиться независимости. Для меня это важно.

— Хорошо, — подавляет в голосе досадливые ноты, — но обещай, если что-то понадобится или возникнет какая-то проблема, ты сразу мне скажешь, и мы вместе подумаем, как ее решить. Согласна? — находит мою руку и сжимает ладонь.

— Ладно, — ощущаю одновременно и облегчение, и чувство вины.

Стук дождевых капель, под который было так приятно валяться в кровати, сейчас отдает каким-то отчаянием, давящим на сердце. Мне хочется растворить неприятный осадок от своих слов, дать ему понять, что свой выбор сделала, нужно просто немного подождать. Перецепляю наши ладони замком, поднимаю и трюсь щекой, как котенок о его руку. Хриплый голос Челентано разряжает молчание, когда, прибавив громкости, Виктор скользит моими пальцами по своим губам. И чтобы больше не нагнетать страсти, про поездку к Алексею в Питер я решила пока не говорить. Скажу потом, когда спадет напряжение.

— Спасибо, все было замечательно, — шепнула, уткнувшись носом ему в шею. Баня и день валяния были бесподобны... — и про себя добавила, и мужчина, который все это

организовал.

К четвергу вопрос с квартирой не решился...то, что посмотрела не оправдало ожиданий. Несвежие. Пропитанные запахом съехавших жильцов. С уставшей мебелью. И самое главное в них не было нормальной плиты. А печь мне хотелось. Может быть еще и потому, что Виктор хвалил, даже простенькие пирожки, которые я с воодушевлением варганила на ночь глядя.

Мы встречались каждый день. Оставляли машины на стояке, и шли куда-нибудь перекусить. А потом обнявшись гуляли до темноты в парке, и меня перестало беспокоить, что нас кто-нибудь увидит. Говорят, когда женщина счастлива, она живет, танцуя. Мир вокруг цветет. Вот у меня так же. Я растворялась в Викторе без оглядки.

Романтическую идиллию подтачивала мысль, что нужно признаться одному, о поездке к другому. Реакция обоих мне была примерна известна. И, если честно страшила...

Ну что ж... Надо пережить. Причем всем. И, желательно, без лишнего трагизма и приступов садо-мазо.

Сегодня, я торопилась домой воодушевленная. Во-первых, договорилась на просмотр комфортабельной квартиры на завтра в доме рядом с сестрой, а во-вторых... Коллега по работе, пролетела, как фанера над Парижем с тортом на день рождения сынишки. У доступных кондитеров заказы уже были расписаны. И тут она вспомнила про меня... и с мольбой в глазах, упростила испечь на пятилетие мальчишки торт в виде... жука!

Это был как вызов. Весь день я изучала мастер классы по изготовлению детских тортов, и остановилась на творожном бисквите со сметанным кремом и малиновым конфи. Самым сложным во всем, было придать рельефную форму телу торта и термировать шоколад для деталей.

За красивой коробкой, я рванула в специализированный магазин в торговый центр. Мне хотелось, чтоб все было идеально. Чтоб на детском личике, когда мальчишка увидит съедобное насекомое, одновременно отразились растерянность и радостный восторг.

Прохаживаясь между рядами в супермаркете я, наполняя тележку по списку, мне было важно уложиться в бюджет, чтобы затраченные усилия не превысили вознаграждения. Глаза шарили по стеллажу со сливками, когда в сумке взорвался мелодией телефон.

— Привет, Красавица, отработала? — задорный Витькин голос выстрелил из трубки.

— Да, — я довольно хмыкнула, потянувшись за упаковкой на верхней полке. И достать не смогла. Может это, конечно, маркетинговый ход, расставлять качественный товар, с нормальной ценой повыше... Но, блин, не все же покупатели Гулливеры? Забравшись на выступающее основание витрины, повторила попытку. И вдруг, нужные сливки подхватились темнокожей ладонью и совершив вираж, буквально ускользнули из под носа. Я оторопело обернулась.

— Пожалуйста, — на меня смотрел улыбающийся во весь рот Гектор, протягивая заветную коробку.

— Спасибо! — благодарно выдохнула, спускаясь с подножки, одновременно одергивая собравшуюся на бедрах юбку.

— За что? — не понял Линц.

— Это я не тебе. Я тут с Гектором встретилась! — приветственно касаюсь предплечья стильного мулата.

— Виктор? — интересуется одними губами танцор.

Расплывшись в улыбке утвердительно машу головой. Гектор наклоняется и громко

шепчет мне на ухо, но слова адресованы явно не мне...

— Детка, ты сегодня просто секси...горячая, как сальса...

— Эй! Я не понял, что вообще происходит?

— Секрет! — подмигиваю Гектору.

— ООо! — растерянно тянет. — Вик, а ты где?

— В Молле. Представляешь, мне торт заказали! Коллега по работе. Для сына, — радостно сообщаю, отталкивая беспардонно подслушивающего Гектора. — Вот, совершаю набег на супермаркет. Буду вечером печь.

— Подожди меня в Маке. Увидеться хочу. Соскучился. Буду минут через пятнадцать. Гектору привет!

Мы бродим с веселым танцором по торговому залу, болтая о работе, погоде, клиентах, попутно складывая в тележки покупки.

— Вик! Серьезно, приходи в студию, — Гектор стоя позади, помогает мне выкладывать на кассе продукты. — Я поставлю тебе такой приват...Ты пластичная и гибкая, быстро схватываешь движения, отлично ловишь ритм. Обещаю будет супер!!! У твоего Виктора кровь будет кипеть, а то что ниже пояса уверенно держать курс на юг. Поверь, он такого никогда не забудет! — и хитро подмигнув добавил. — Возьму, как с любимой ученицы, недорого!

— Я подумаю! — хохочу в ответ, и помахав на прощанье отправляюсь Макдак.

Сложив на диванчик пакеты, заказываю два кофе и одно на двоих мороженое. Рассиживаться некогда, но подсластить свою не слишком приятную новость о предстоящей поездке к Алексею, я все же попробую.

— Привет! — подсаживаясь, Витя поймал меня в объятья, одновременно целуя. — Как сальса? Да? — выдохнул в перерыве между двумя поцелуями. — Горячая и страстная?

Я совсем обезумела, лащусь к нему, как кошка, трусь словно старюсь оставить свой запах! Не могу сдержаться. Он прижимает к себе сильнее, и я чувствую по его натянутым мышцам и вздымающейся груди, что слова про то, что скучал, не просто слова.

— Может ну его этот торт? — шепчет мне на ухо.

— Нет. Ребенок ждать будет. Я обещала, — выныриваю из его рук, чиркаю пальцем по экрану своего телефона. — Вот смотри.

— Ни хрена себе! — присвистывает Виктор. — Парень, будущий энтомолог?

— Похоже на то! — смеюсь я.

— Значит решила начать со сложного?

— Вить, это для меня, как для спортсмена высоту взять. Если получится...сделаю рекламные паблики в соцсетях... попробую печь параллельно с работой...посмотрим, что из этого получится. Ну, а если не осилю такую красоту, просто не возьму денег. Во внутренке-то я не сомневаюсь...но для детей же главное внешний вид. Тут я не очень сильна.

— Все у тебя получится, — нежно целует меня в нос. — Не вздумай в себе сомневаться! Если ты подписалась на это, а ты подписалась, — сжимает ободряюще мою кисть, — значит потенциально уверена в успехе!

— Мне бы твою уверенность!

— Ну будут у жука не такие задорные усы или мохнатые лапы... — успокаивающе понизил голос. — Для ребенка, главное почувствовать себя объектом внимания. А с таким тортом восхищение окружающих ему обеспечено.

В шутку толкнув меня плечом, зачерпывает ложечкой мороженое, отправляя десерт в

рот.

— Ты сняла квартиру?

— Нет еще... — его брови хмуро сходятся к переносице. Он слегка отодвигается, напряженно бегая по моему лицу взглядом — Как раз об этом я и хотела поговорить...

— Папа! — слышится сбоку радостный возглас. Мы одновременно поворачиваем головы на источник звука. Детские ручонки обвивают талию Виктора. Из-за спины выныривает симпатичная кареглазая мордаха в розовой шапке с двумя помпонами-шариками.

— Эмма? — откашливается Виктор, оторопело осматриваясь вокруг.

— Мы к бабушке приехали, — карабкается к нему на колени девочка, по моим ощущениям ровесница Ликиному Никитке.

— А мама где?

Весь мир казавшийся невероятно теплым и расположенным ко мне расплзается. Я не сразу понимаю масштаб катастрофы, впившись взглядом в ребенка. Хорошенькая, запыхавшаяся, с темными растрепанными косичками свисающими поверх расстегнутой куртки. Искренним лучистым взглядом, в котором отражается радость. И ямочками на щеках, такими же, как у Линца. Девочка — его дочь! Тут и сомнений быть не может. Дочь!!!! О которой он и словом не обмолвился!

— Привет! Какая неожиданная встреча! Виктор!

На нас смотрит молодая красивая женщина с восточным разрезом глаз, идеально-ровной бархатной кожей и вежливой улыбкой. Стройная, маленькая, ухоженная, похожая на кореянку. В замшевых ботиночках на каблуках, обтягивающей юбке по колено, и расстегнутом белом дорогушем пуховике, под которым виднеется черная кашемировая водолазка. Винтики в моей голове начинают медленно скрипеть, вспоминая все, что связано с Линцем. Он всегда давал понять, что свободен, и никогда — что женат. Про детей не спрашивала я, подразумевая, что если свободен, то и бездетен. Дура! Какая же я дура! Кретинка! Полная и законченная.

Первый осмысленный взгляд на меня смывает разом всю беззаботность с лица женщины. Оценивающим прищуром она окатывает меня, как ледяной водой, и отворачивается, моментально сосредоточившись на Викторе и ребенке.

— Лен, что ты тут делаешь? — хмурится Виктор, не предлагая ей присесть

— Не помешаю? — спрашивает скорее из вежливости, и царственно опускается напротив. — Странный вопрос, Вить... — в ее голосе упрек и почти обида. — Как и договаривались, я привезла Эмму.

— Почему не позвонила? Вы же должны были приехать завтра? — он усадил девочку себе на колени и сняв с нее шапку, погладил по голове. Малявка выхватила из его стакана ложку и потянулась к мороженому.

— Представишь нас?

Повисла неловкая пауза, потом Витя решительно посмотрел ей в глаза

— Познакомьтесь. Это Виктория моя... — тут он запнулся, и я, изо всех сил стиснула зубы, но Виктор вывернулся: — Подруга. Лена, мама Эммы. Моей дочери.

— Очень приятно, — кивнула Лена, разглядывая меня с любопытством. — Что ж ты Вить половину моего титула срезал?

— Лена! — жестко осадил ее Виктор.

— Ну пусть будет так... — многозначительно улыбается, намекая на то, что мне и так

понятно.

У меня в руках оказывается стаканчик с кофе. Нервно делаю глоток потупив глаза. Господи, только со мной, наверное, могло такое произойти. Нелепая встреча жены и любовницы. Хорошо хоть в общественном месте. Надеюсь, обойдется без скандала.

— Я обещала Эмме вкусенького, купишь? Ей будет приятно, если мы все вместе перекусим.

— Ты не ответила на мой вопрос, почему не позвонила и почему вы приехали раньше?

— Потому, что завтра мне уже нужно будет уехать, — она невинно моргает. — Планы изменились. Я улечу раньше. Не позвонила, потому что ты ясно дал понять, что раньше пятницы нас не ждешь. Зато твоя мама, готова была принять нас с распростертыми объятиями, вот мы и приехали.

— Ясно! — чуть нахмурился Виктор, отбирая у Эммы ложку. Она недовольно сморщила носик. — Совушка, мы сейчас пойдём и купим тебе детский Хэппи Мил с игрушкой. Или Макфлури. Хочешь?

Картинка, которая складывается у меня в голове, ужасная. Мне хочется провалиться сквозь землю. Лена...это же та самая, с которой он говорил по телефону... И на фото же он тоже с ней — осенило меня.

— И маме!

Передо мной семья, в которую я влезла.

— Он не рассказал про нас? — насмешливо кивает мне Лена.

— Лена! — одергивает ее. — Пойдем с нами, поможешь выбрать! — поднимает дочку на руки и встает.

Я смотрю на них — набычившегося Виктора, демонстративно спокойную Лену, радостную Эмму, оттягивающую длинную челку отца вверх, и вижу, как они похожи. Несмотря на то, что максимально разные, в них есть что-то неуловимо общее.

Лена снова открыто изучает меня: оглядывает блузку, тоже между прочим не дешую, маникюр, волосы. Я чувствую под ее взглядом каждую неидеальную морщинку на лице и одежде. Хочется поскорее куда-нибудь смыться из этого театра абсурда, невольным участником спектакля которого я стала. Провалиться во временную дыру, и вырезать день знакомства с Линцем. А еще лучше, телепортироваться домой. В кровать, под одеяло. Черт! Мне же еще торт печь! На кухню...к пластичному тесту и шоколадно-ванильному запаху...

Я приподнимаюсь, но Виктор кладет руку мне на плечо, собирается что-то сказать...

— Ну мама, ну быстрее, — подгоняет моя спасительница, обвив шею отца рукой. — Мне жарко.

— Сними уже с нее куртку, — раздаётся невозмутимое указание.

У него звонит телефон. Я падаю обратно на диванчик и снова встречаюсь с изучающим взглядом Лены.

— Да мам! Знаю! — рывкает Виктор.

— Ух...зверюга! Ну ты и сама знаешь! — подмигивает мне Лена и уходит вслед за ними.

Хватаю пакеты, и пока семейство выбирает на интерактивном меню заказ быстро сматываюсь.

У меня есть время прийти в себя. До завтра. Сметанный бисквит это само по себе не сложно. Можно делать его и одновременно думать о чем-нибудь еще. А конкретно, о том, что я дура.

В общем-то ничего страшного не случилось...Я просто позволила себе увлечься. Принять похотливые взгляды блудливого кобеля за влюбленность, а банальные шуры-муры — за светлое чувство.

Нет бы тормознуться сразу после Сочи! Как говорится, сбила охотку и ... живи себе дальше. Поимели друг друга, получили удовольствие и брейк, как в боксе. Приятное завершение интрижки качественным трахом. Без сожалений и упреков. У тебя — своя жизнь. У меня-своя. Спасибо, с тобой было приятно провести время...и... пока!

Но мне же зачем-то нужно было взять и все испортить...навыдумывать всякой фигни! Наивная дурочка во мне, взяла верх над рациональной женщиной поверив в историю с хеппи-эндом. Хотя никто мне ничего не обещал! Ну если только отличный секс. Остальное, моя буйная фантазия.

Я же практически согласилась выйти за него замуж! У себя в голове. Допустила возможность глубоких и счастливых отношений. На всю жизнь. Где он по-настоящему мой. Платье, фату, детей...

Ну не дура ли?!

Этот пронырливый донжуан, заставил меня поверить в свою исключительность. Притупил здравый смысл широкими жестами. Запудрил мозги красивыми словами.

Горько рассмеявшись вслух над иронией судьбы, я всхлипнула. Как же хотелось ему верить...И они предательски покатались по щекам. Эти соленые капли!

Чего ты реवेशь, тряпка? Все же нормально...Завтра ты сядешь в поезд, и уже в субботу будешь спать под боком у жениха. До трещинок на губах понятного и привычного.

Ну и почему тогда так реагируешь? Поверила в долго и счастливо?!

Потрясающая! Ага...

Потрясающая дура!

Господи! Как же хорошо, что никто ничего не знает...и я нигде особо не засветилась... Жизнь свою разрушить не успела! Прямо хоть благодари его Лену...что так вовремя все прояснилось!

Все нормально! Все вернется на круги своя. И будет еще лучше!

С этими мыслями я успокоилась и вперившись взглядом в экран телефона, строго повторяя последовательность и дозировки взялась смешивать ингредиенты для сливочной карамели, которой выровняла верх и бока жучары, — и уже из чистого хулиганства, почти в два часа ночи, уставшая, но довольная, что все получилось, йогуртовым кремом нарисовала ему белозубую улыбку!

За вечер мне раз двадцать позвонил Линц...но сначала я не брала трубку, с ужасом увидев высветившегося абонента, потому что в голове был туман. А когда успокоилась, и была готова спокойно отправить его в лоно семьи, он и звонить перестал...Видимо уснул под худосочным боком жены. Так даже лучше...Нафига мне его объяснения? Пусть засунет их себе в жопу!

От коробки с тортом, через прозрачную крышку которой было видно мое великолепное

творение, Наташка пришла в щенячий восторг и пообещала расхваливать меня перед гостями на все лады. Наделать потрясающих фоток и выложить в свой Инстаграм с хвалебными отзывами. Надеюсь, я смогла удержать лицо, и она не поняла моего желания поскорее от нее отделаться. Миссию свою я считала на сегодня выполненной, осталось только отпроситься у отца, и как-нибудь вытерпеть до вечера.

Сложив руки в умоляющем жесте и сделав провинившиеся лицо, я положила отцу на стол заявление. Прокрутившись в кровати почти до утра без сна, гоняя в голове мысли, я решила взять отпуск и уехать к Алексею. Окружить его заботой, вниманием, сделать все, чтобы наши отношения снова потеплели и заиграли новыми красками.

— Вик! — возмутился он. — Почему не за две недели?

— Ну пап! Ну, пожалуйста, мне очень надо!

— Намылилась куда?

— В ночь к Леше уезжаю, у него завтра корпоративное мероприятие намечается. А потом хочу остаться на пару недель. Вакансии по работе посмотреть. Его компания в Питере филиал открывает, мало ли надумаю к нему перебраться... Да и вообще... развеяться

— Ладно... чего не сделаешь для дочери... — подписывает заявление задним числом. — Только учти, отпускные получишь на следующей неделе... пусть тебя твой недомуж спонсирует. А то я тебя знаю, спустишь все в одночасье на шмотье...

— Спасибо, папулечка! — висну на его шее и зацеловываю щеки.

— Ну все! Все... Хватит... Иди работай... у нас рабочий день, между прочим. Текучку передай Наталье. У нее сейчас одна мелочевка...

Поезд, которым в прошлый раз мы с сестрой ехали, в этот раз оказался прям фу... Или мне так повезло... В одном отсеке со мной ехали два парня, и допоздна пили пиво с вонючей вяленой рыбой. Время от времени предпринимая попытки вовлечь меня в свою компанию. Заманивали то «ройским деликатесом» из скумбрии, создававшим мощное амбре, то неиссякаемым запасом пенного напитка.

— Пчелка! — закружил меня подняв на руки Свиридов. — Как же я соскучился! — пробежавшись по моему лицу поцелуями, поставил на перрон и подхватив одной рукой чемодан, второй сжал мою кисть. — Голодная? Хочешь куда-нибудь заедем позавтракать?

— Домой поехали! — тяну его за руку. — Помыться хочу. Мне, жуть какие, ароматные попутчики попались, — изображаю пальцами кавычки. — Кажется, что насквозь пропиталась.

Прижимает мою голову к своей груди, и нюхает волосы.

— Пахнешь, как всегда сногшибательно.

— Сейчас это звучит, как под@ебка, — в шутку пихаю его в бок.

— Это она и была! — подмигивает мне. — Клопами воняешь...

— Ах ты... — подбирая слово, трясусь угрожающе кулаком, а он ржет.

— Да пошутил я! Отлично ты пахнешь... — тянет к себе, целуя в щеку. — Соскучился жуть! Пошли!

Переступив порог коридора, я скидываю куртку и обувь, и тороплюсь в ванную, отмечая про себя чистоту и порядок в квартире. Алексей, верен себе: все разобрано и разложено, каждая вещь на своем месте.

— Тебе помочь? — в голубых глазах у меня за спиной, что отражаются в зеркало пляшут огненные язычки.

— Чем?

— Спинку могу потерять...Пчелочка...

Его губы скользят по шее, плечу...Ладони вынимают из моих рук снятую водолазку, откидывают в сторону. Ложатся на живот и, медленно оглаживая, накрывают грудь. И за всем этим я наблюдаю словно со стороны. Словно стою на краю обрыва, не осмеливаясь сделать шаг...и словно решившись, откидываю голову назад, закрывая глаза...Надо жить дальше. Отталкиваюсь — и лечу в пропасть...

— Скажи, что тоже скучала... — шепчет, покусывая скулу. Приятные, волнующие мурашки расползаются по коже от его дыхания, я прогибаюсь в спине, чиркнув его ногтями по затылку.

— Скучала, — отвечаю то, что он хочет слышать.

Теплые ладони нежно сжимают грудь, одна рука отправляется вниз, пройдясь по животу, делает небольшой круг возле пупка, и спускается еще ниже. Расстегнув пуговицы на джинсах, ныряет в трусики.

— Какая ты...горячая... — останавливая невесомые поглаживая, Леша тяжело дышит сзади. — Хочу тебя!

Чуть отстранившись стягивает с себя футболку и джинсы вместе с трусами. Снимает с меня остатки одежды и подхватив на руки ставит в ванну.

Встает за спиной. Поливает на плечи из душевой лейки теплую воду, гладит шею. Его дыхание становится прерывистым, а в спину начинает упираться жаждущий своей порции ласки член. Леша вставляет душ в держатель, выдавливает на ладонь гель, и откинув на себя, так что я чувствую, его напряженный орган во всю длину, мягкими движениями скользит по моей груди, животу, бедрам...

— Ммм, — довольно урчит в затылок, слегка толкаясь в меня... — Какая нежная у меня девочка...шелковая...бархатная...Самая лучшая... самая красивая... моя...

Ничего не изменилось, внушаю себе, расслабляясь. В голове космическая пустота, а в теле разгорается жажда жизни. Мне становится очень тепло и хорошо. Возбуждение закручивается внизу живота спиралью.

— Пчелочка, я так издергался за эти недели. Мы нехорошо расстались...еще и работа эта гребаная... — покусывая за ухо, ласкает грудь. — Я знаю, что обидел тебя. Прости. Прости, моя сладкая.

Привычным движением пальцев скользит внутрь, настойчивей толкнувшись бедрами сзади.

— Мы здесь навернемся, к черту...и вместо банкета попадем в травмпункт

— Не...не...не... — выключив воду, Леша рывком поднял меня на руки, ловко перепрыгнул через бортик ванной, и усадил на стиральную машинку. Стянув с вешалки пушистое полотенце накинул мне на плечи, и поглаживая кожу на внутренней стороне бедер, вошел. Резко и глубоко, заставив судорожно всхлипнуть и откинуться назад.

Опираясь на руки для равновесия, я сдвинулась ближе к краю — навстречу. Его язык с силой врезался мне в губы, обвел их с внутренней стороны, щекотно пробежался по небу. Удерживая бедра, он все ритмичнее толкался глубже. Неистово и даже грубо. Потом вышел, и снова резко вошел. Выбив из меня сладкий крик. Отстранился с тихим стоном и напористо повторил. И еще, и еще. Сильнее, быстрее. Почувствовав, как нарастает внизу живота вихрь, я непроизвольно выгнулась.

Но оргазм, словно воздушный шарик, наполненный сверкающими искрами, дразнил и уворачивался. Я вроде была совсем близко, но...все никак...никак...

Частые, короткие толчки, сбившееся дыхание и прокатившаяся по напряженному телу дрожь, подсказывали мне, что Леша уже на грани.

— Ты прелесть... — уткнувшись носом в плечо, он выстреливал спермой мне на лобок. — Прости, что только для меня получилось... — горячим языком прошелся по шее к скулам... — Я все отработаю... С лихвой...

— Вот с лихвой не надо, — легонько его оттолкнула, поза была очень неудобная. Руки затекли, а он еще и навалился

— Пчелочка! — оттянув мою нижнюю губу отлепился, сгребая попутно ладонью сперму. — Я же без фанатизма... чтобы ты тоже кончила, — чмокнув в плечо, вытер полотенцем мой живот.

А потом, подхватив на руки осторожно забросил на плечо, и отнес в комнату. Аккуратно опустил на застеленную свежим постельным бельем, от которого пахло весной кровать, и сам лег рядом на бок, подперев голову рукой.

— Завтракать будем?

— А что есть?

— А что ты хочешь? — вопросительно дернул бровями

Сама не понимаю, как так получилось, но изо рта вырвалось:

— Я бы не отказалась от тостов с сыром и беконом...

— Давай закажем! — с готовностью соглашается. — А еще салат с креветками, и Кассату

— Не слишком ли калорийно для завтрака? — искренне удивляюсь. Его сегодняшний выбор мало смахивает на ПП.

— Ой, не загоняйся, надо себя баловать! — его глаза светятся радостным коварством, а на губах играет довольная улыбка. Накрывая меня собой, он жадно целует. — Пчелка...какая же ты у меня красивая... Сам себе завидую!

Достает откуда-то, из района моей головы бархатную коробочку, открывает на уровне глаз.

— Надеюсь понравится!

На подушечке лежат серьги с пузатой душкой, и крупным темным камнем округлой формы, обрамленным в белый металл.

— Какая красота! — ахаю я.

— Примеришь? Как увидел их, сразу о тебе подумал...

И пока я снимаю свои серьги и надеваю подарок, Леша заказывает доставку.

Подавляю всеми силами гнетущее чувство вины, замечая, как снова темнеет его взгляд при виде меня. Любой женщине хочется чувствовать себя желанной и особенной... а я так давно не чувствовала этого от Леша. Тянусь к нему, целую в губы, трусь щекой о щеку.

Господи... пусть он никогда не узнает о моей дурости.

Видит Бог, я сделала выводы. Осознала ошибки, раскаялась... Плотно и ровно присела на попу и посыпала голову пеплом... Пусть не узнает.

Что я там плела про любовь-морковь... равнодушие, эгоизм... Дура глупая, вот и несла чужь.

Леша ведь легкий, веселый, по своему заботливый. Потому я в него и влюбилась. Мне с ним, тепло и уютно. Спокойно. Конечно, я люблю его... просто, наверное, как у лягушки в анабиозе, реакции снизились.

Плохо — что есть с чем сравнивать. Положа руку на сердце, себе можно признаться, что

феромоны его не срубают меня на корню. Нет такого, чтобы от взгляда с прищуром и едва заметной улыбки уголками губ, в животе вспыхивал файербол. Как от Рыжего.

— Ты просто красавец, — ахнула я, обернувшись на Алексея, застегивающего последнюю пуговицу на жилетке от модного костюма. — Тебе очень идет, сразу становишься таким солидным и строгим... — не сдержавшись, подхожу, поправляю идеальный узел галстука. — И до жути сексуальным...

Улыбаясь смотрим в глаза друг другу.

— Ты тоже очень элегантно выглядишь, — скользит по моей шее пальцами вверх, и покачивает в мочке свой подарок. — Платье решила не надевать?

— Ты же сказал, что не обязательно! — с беспокойством бегаю по его лицу взглядом, и с готовностью добавляю. — Хочешь, переоденусь?

На мне шелковая блузка с длинным рукавом и воротником-бантом цвета пыльной розы, заправленная в зауженные брюки в мелкий горошек в тон блузки, и туфли на тонкой высокой шпильке, придающие роста и грации. Волосы я собрала наверх, соорудив пышный кокон. Подколола его шпилькой с крупным камнем, и выпустила несколько кокетливых прядей, спадающих на плечи. Нюдовым макияжем акцентировала внимание на глазах, и бледно розовым блеском придала губам выразительности. Больше мудрить не стала. Получился легкий и нежный образ, как я и хотела.

— Не нужно, — положив руку мне на талию, притянул к себе и поцеловал в шею. — Не хочу, чтобы ты чувствовала себя беспокойной рыбкой в аквариуме. Достаточно того, что на взводе буду я.

Обнимая, ложусь ему щекой на плечо.

— Решение уже принято. От тебя ничего не зависит... — поглаживая по спине, вовлекаю его в танец в тишине. — Я с тобой...я люблю тебя — шепчу, поднимая на него глаза. — Я знаю, что ты много работал, старался...но не все в жизни зависит от нас...

Алексей помрачнел.

— Если смотреть под этим углом, то да... — хмуро улыбнувшись, вынул из кармана пискнувший телефон — Такси будет, через три минуты. Готова?

— Почти.

Наношу по пшику пудровых духов за уши, и один растираю запястьями.

— Готова! — проверяю в клатче мобильник, салфетки, расческу. И улыбнувшись «на удачу» своему отражению в зеркало, спешу вслед за Лешей в прихожую.

В ресторане все выглядело празднично и торжественно, звучала тихая музыка, народ в предвкушении застолья уже расселся. Ведущий развлекал в микрофон гостей шутками. К нам подсели коллеги Алексея: объектный менеджер с женой Женей, немногим старше меня и руководитель отдела логистики — дама лет пятидесяти с копной рыжих волос и умными глазами, с первого взгляда внушающая к себе уважение, с мужем.

Открывал «банкет» по рангу генеральный. Без особого красноречия обошелся стандартным «поздравляю-желаю». Ну а дальше тосты шли один за другим, как будто каждому из присутствующих это вменялось в обязанность. Тихую музыку из колонок перебивала болтовня за столиками, дружно обсуждающая тостуемого или тостующего. Мы с Лешей только пригубляли шампанское, стараясь скрыть от посторонних глаз напряжение. За язык со мной зацепилась Женя, но скоро в беседу влилась и Татьяна Владимировна. Начали спрашивать про меня, работу, жите-бытье. За меня, закинув сзади руку мне на стул,

отвечал Алексей не давая вставить и слова. Видимо таким образом пытался казаться беспечным и унять волнение. Но я-то его знаю... Вижу, что внутри бушует настоящий ураган от нетерпения.

— Вы не представляете, какие Вика печет торты... — расхваливал неожиданно подпрыгнувшие в цене мои таланты.

— Ну даст Бог, скоро узнаем, — многозначительно понизила голос начальница отдела логистики.

К нашему столику подошел припорошенный сединой мужчина лет пятидесяти, сделал пару дежурных комплиментов присутствующим женщинам.

— Пойдем, Алексей, покурим... — взмахом головы позвал его за собой.

— Ну что, поздравляю, — шепнула мне на ухо, накрыв мою кисть своей теплой ладонью Татьяна Владимировна. — Алексей на повышение пошел! За это надо выпить!

Чокнувшись, я махнула бокал шампанского. И практически сразу второй, за процветание компании.

Жизнь продолжается! Радоваться нужно!

Закуски и горячее были подъедены, но выпивки оставалось хоть залейся.

Никто уже не обращал ни на кого внимания. Взрослые и солидные люди размахивали руками, корчили рожи и гудели по всему залу.

Женя потащила меня на улицу покурить. Я пошла за компанию проветриться. Рядом с крыльцом, кучками, на которые неизменно разбивается большой коллектив, топтались и взрывались дружным смехом Лешины, коллеги.

Увидев нас, он приветливо махнул нам рукой, подзывая.

— Вика, — приобняв меня, за спину, коротко представил. — Моя невеста.

Брюнетка в стильном светло-коралловом платье футляре с глубоким вырезом и запахом с длинным поясом, с накинутым на плечи мужским пиджаком впила в меня оценивающим взглядом.

— Очень приятно, — отозвался ее спутник, вынимая из ухоженных пальчиков с дорогим маникюром тонкую сигарету. — Павел. Корпоративный юрист.

— Юлия, — снисходительно кивнула мне брюнетка. — Какие у тебя зачетные серьги. Ничего, если на ты?

— Спасибо... — опешила я от комплимента. — Конечно...

— Очень стильные. Авторские, да?

— Да вряд ли, — смущаюсь от такого внимания, а потом спохватившись, что могла обидеть Алексея своим небрежным ответом, добавлю, — Если честно, не знаю. Это подарок.

— Ааа... — переводит взгляд с меня на Лешу. — Как мило. Завидую.

— Ты чего раздетая выскочила? — укоризненно посмотрел на меня Алексей, накидывая на плечи свой пиджак. И в ответ на мой вопросительный взгляд на мгновение прикрыл веки, без тени эмоций на лице.

Ооо! Это ведь, да? Прямо тайны мадрицкого двора, твою мать.

— Короче судимся сейчас с контейнерными линиями, — видимо закончил свой рассказ Павел. — Ну что пойдете внутрь?

— Жень, бросай! — приобняв меня за плечо и немного его сжимая, как будто подтверждая несказанное вслух «да», Леша выкинул из рук моей новой приятельницы тлеющий окурок. — Дрожишь вся, пойдём!

— Слушай, она так на него пялится... — прошептала на ухо, подхватившая меня под

руку Женья. — Как будто имеет виды или ревнует. Кто она вообще такая?

— Понятия не имею...наверное, жена Павла... — Юля шла впереди тихонько переговариваясь с Павлом, и в этот момент мельком оглянулась, как будто удостоверившись, что на нее смотрят, прошла ладонью от лопаток до середины его спины и поцеловала в щеку

В зале включили музыку, притушили свет. В центре организовался круг из танцующих. Женья, и Татьяна Владимировна лихо отплясывали под Сердючку. А мне вспомнилось, Наташкино диско-платье, то что было расшито зеркальным стеклярусом. Надо хоть созвониться с подругами, а то совсем общаться перестали, каждый зарылся в свою норку... Ну или ни у кого новостей не было. Все словно затихорились в ожидании Наташкиных родов.

Заиграла медленная мелодия. Меня пригласил какой-то лысеющий ловелас, весь танец с восхищением вещавший про китайский город с «матерным» названием, откуда он недавно вернулся из командировки. А мне так и хотелось съехидничать: «Таити. Таити. Не были мы ни на каком Таити. Нас и тут не плохо кормят». Потом к мужику подскочила тетечка, коlobковой округности и утащила от меня восвояси.

Не было ни одного медленного, на который меня не пригласили бы. Только сам Леша был постоянно поглощен разговорами с кем-то. А еще, я все время лицезрела рядом с ним эту непонятную кем кому приходящуюся Юлю. Как она смотрела, кокетливо смеялась, что-то шептала на ухо. В присутствии мужа, так себя с чужим мужчиной не ведут... глазки не строят и не тащат за руку танцевать, со словами: «Вика же не будет против...»

Будет! Вика вообще против, когда зарятся на ее. А я видела, как эта Юля чуть из трусов не выпрыгивала, стараясь привлечь внимание Алексея. Пыталась жаркими взглядами, призывно приоткрытыми губами и якобы случайными касаниями. Сучка! Хотя отдать Свиридову должное, он не велся. По крайней мере я не заметила, чтобы как-то выделял среди других. Одинаково пил и веселился со всеми. И я решила, что не буду портить ни ему, ни себе настроение неуместной ревностью и выяснением отношений! Потерплю...

Уже за полночь, растянувшись на кровати, когда Леша отмокал в душе, я проверила телефон. Три неприятых от Линца, никак не утомонится, и два — с неизвестного номера. Опять какие-нибудь разводилы названивать начали. Самое неприятное, когда такая «кака» отвлекает за рулем, подумав, я внесла номер в черный список.

Следующая неделя пролетела для меня, быстро и незаметно. Днем я что-нибудь делала по дому и готовила всякие вкусности. А вечером мы гуляли по Питеру взявшись за руки, хоть погода и не слишком к этому располагала, как часто бывает в середине октября. Сходили в театр, музей, покатались на трамвайчике... в общем делали все-то, что обычно происходит в период ухаживаний.

И конечно, разбавляли наши пешие прогулки поцелуями, с просунутыми под пуховики друг друга руками. Нашли отличную кофейню, где бариста готовил волшебный кофе. И если, заказывали его с капелькой бейлиза, то умопомрачительный секс был гарантирован.

Каждый день я с удовольствием пекла для Леша, а он уплетал за обе щеки и нахваливал. Я купалась в его внимании и любви. Ежедневные приятные мелочи — брелок для машины, расческа с ионизацией, носки с подогревом стали вечерним ритуалом.

Но на долго идеального Алексея не хватило, он закончился через неделю. Нам снова стало вместе тесно. Все потихоньку опять пошло в разнос. Разговоры стали крутиться вокруг его феноменальности. О том, что через пару недель Павел добьет юридические

формальности с филиалом, и наконец-то будет издан приказ о его назначении. С увесистым увеличением оклада.

Что за глупые вопросы? Конечно, квартиру продадим, сразу закроем ипотеку и купим что-нибудь здесь. Да, Вика, тебе нужно уволиться и переехать ко мне, неужели это непонятно? Куда? К новому году, твой будущий муж подберет жилье. Работать? В Питере полно работы...найдешь что-нибудь. А нет, будешь, как твоя мать — домохозяйкой. В конце концов, ты же хотела ребенка! Обживемся, и рожай через год!

Начались хорошо знакомые капризы и обиды, надоевшие до тошноты.

Откуда-то полезла необоснованная ревность, хотя я и повода не давала... Припомнились медленные танцы на корпоративе, холодный тон по телефону, наличие блядского белья, которое он раньше не видел.

Меня это обижало, но я стойко стискивала зубы, потому что чувствовала себя виноватой, и словно отработывала карму, искупая свой скотский поступок.

Дальше — хуже. Я снова превратилась, в удобное подручное средство... Ну а вишенкой на торте стал саркастичный комментарий, когда похвалилась выполненным заказом.

— Ну и сколько ты заработала? Стоила хоть овчинка выделки?

Стало до слез обидно... Я вдруг с ужасом осознала, что сама своим поведением избаловала Алексея, позволив понукать. Растворила себя в чужой жизни, практически потеряв право на собственные желания.

Что-то доказывать и оправдываться, в ответ на его слова — не стала. Жук у меня получился охренительным! Я собой очень гордилась! Нравится Алексею, или нет, я не собиралась отказываться от заказов, если они вдруг будут.

Спасением от нервозности, которая отнимала у меня всю энергию, стал неожиданный звонок от Натальи.

— Отпускница, у меня для тебя работенка нарисовалась. Интересно? — интригующе сделала паузу.

— Ты мне халтуру предлагаешь? — я наигранно возмутилась.

— Можно и так сказать, — рассмеялась она. — Помнишь, я обещала расхваливать лучшего в городе кондитера Викторию Кравцову? Так вот, мамашка мальчика, что был у Юрки на днюхе, просит испечь для ее старшего сына капкейки.

— А когда нужно? — в душе я просто ликовала. Мой жук понравился настолько, что посторонние люди готовы купить мои пирожные. Ура!

— В субботу. Возьмешься?

Стыдно признаться, но я уже придумывала повод чтобы слинять обратно, потому что любая мелочь могла стать катализатором взрыва, так мы осточертели друг другу с Алексеем. А тут вроде как можно сослаться на Наташку...он же не знает какая звонила.

— Да, — согласилась, чуть замямшись.

— Я ей тогда твой телефон дам. Хорошо?

Без сожаления, я купила билет на ночной поезд в пятницу. Мне показалось, что Леша совсем не расстроился, узнав, что я уезжаю. Наоборот, как будто воспрянул духом и оживился.

Нет! Работать я буду обязательно. Иначе мы разведемся через пару месяцев, после моего переезда. От безделья, я наверное, и правда становлюсь невыносимой.

— Матвей, ну-ка шустрой двигай чемодан, что ты как неживой! — провожаю взглядом спину, щупленького мальчишки, поднявшегося в мой вагон. Да, веселенькое у меня, видимо, будет соседство. И беспокойное. А может, и нет. Едем в ночь, дай Бог, эта галдящая толпа юных спортсменов, быстро утихомирится.

— Все! Мы загрузились, — внимательно инспектируя взглядом перрон на предмет забытых вещей, отчитывается в телефон, мужчина средних лет, одетый также, как его подопечные. — Утром встречайте!

— Пчелка... — прижимая к груди, шепчет мне на ухо Алексей, — если б не твоя... — быстро подбирает слово, потактичнее, — ... блажь, могла бы еще побыть.

— Не могла...я же тебе говорила. Наташке со дня на день рожать. Она девчонок к себе позвала...а то, когда еще потом увидимся... — вру, чтобы не возникло подозрений, что сбегаю. — Иди! Холодно!

Клюнув Алексея в губы, поднимаюсь на подножку, подхватываю за ручку чемодан и махнув на прощанье, тороплюсь в свое купе, чтобы не мешаться нахохлившейся проводнице.

Купе полностью свободно! У меня — нижнее место. Закатываю чемодан, ставлю термокружку с липовым чаем на столик. Вешаю куртку на крючок, и ныряю к окну. Свиридов напротив маячит на перроне.

— Леш! Поезд и без тебя уедет! Иди! — прогоняю его в телефон. — Ветер ледяной заболеешь!

— Ладно, — соглашается, поевившись. — Привет от меня своим куролесницам передавай. Наташке, богатыря здорового родить. Мы с мужиками забились. Я на парня поставил.

— Дураки! — осуждающе качаю головой, хотя он и не видит. — Нашли на что спорить.

— У нее живот — огурцом. Точно мальчик, — хмыкает со знанием дела.

— Ты Лике о своем методе диагностики расскажи, она — оценит!

— Да ей Илюха, скоро своего огурца заделает. Будет на нем диагностику оттачивать. Целую. Пошел.

Вынув из чемодана пакет с дорожными вещами, закидываю его в рундук. Переобуваюсь в удобные тапочки, выглядываю в коридор. Юные спортсмены угнездываются в купе, толкаясь в тамбуре. На весь вагон стоит веселый мальчишеский гвалт.

Закрываю дверь, снова присаживаюсь за столик, листаю ленту новостей в телефоне. Пять минут до отправления, мое купе все еще свободно, но, судя по забитости вагона, кто-нибудь обязательно прибежит в последний момент.

— Добрый ве...чер! — сипнет мужской голос, ломая фразу.

Мне вдруг становится трудно дышать...

На пороге, по инерции толкая перед собой чемодан, замер ошеломленный Линц!

Линц...черти его подери...собственной персоной!

Воздух застыл в моих легких. Сглатываю подскочившее в горло, колотящееся сердце.

— Так...так... — не веря своим глазам, Рыжий лихорадочно шарит взглядом по купе... — это, что блять, у проведения такие шутки?

Останавливает на мне, считывая нахлынувшие эмоции.

— Я поговорю с проводницей...Не переживай, — натужно кашлянув, пепелит

взглядом, — что-нибудь придумаю, чтобы не маячить у тебя перед глазами...

Разворачивается, и выходит, плотно закрыв за собой дверь.

В шоке пялюсь на свои дрожащие руки, дышать совершенно нечем. Это просто... жопа!

Ощущение такое, как будто меня выбросили в Сахару, без воды и босиком. И я глотаю раскаленный воздух, не в силах больше вздохнуть...знаю, что в километре есть спасительный оазис...но я босиком, и сдохну пока дойду!

— Я... совершенно... спокойна... — медитирую вслух, вгоняя ногти в ладонь, чтобы одна боль сожрала другую. И борюсь с искушением, начать их грызть.

Возмутитель моего спокойствия вернулся через пятнадцать минут. Мрачный. За это время я успела посмотреться в зеркало, пометаться по купе и допить чай. Не глядя на меня, откинув челку нервным движением, он надтреснутым голосом отчитался.

— Это единственное купе, где есть свободные места. До утра к нам никого не посадят. Любая пустующая полка, в моем распоряжении. Люди за такое, между прочим, доплачивают! — язвительно передразнил казенную интонацию... — Прости... — беспомощно развел руками

— Переживу как-нибудь, — постаралась вытолкнуть из себя как можно холоднее и соорудить равнодушное лицо. Показать, что у меня ничего не дрогнуло, когда увидела его. Но сила воли, подкачала, скользнув по нему взглядом, я первая отвела глаза, не зная куда себя деть.

Закинув, чемодан и куртку на верхнюю полку, Рыжий снова ушел.

Трясущимися руками я полезла в сумочку за зеркалом. Убедившись, что предательская краснота залила щеки, уткнулась лбом в холодное стекло, остужаться.

— Билетики приготовили! — слышится предупредительный стук в дверь, и она сдвигается. — Хорошо, — сличает мой билет с паспортом и что-то заносит в электронный планшет симпатичная, молодая проводница. — Попутчик ваш где? — оценивающе разглядывает меня.

— Сказал, что у него синдром укачивания, — не моргнув глазом вру. — В туалете, наверное.

— Бедняга...То-то я смотрю он бледный...Место у него неудачное, против движения... — сочувственно покачала головой, и на лице ее возникла улыбка, которая появляется, если в голове зарождается план. — Постель брать будете? — утвердительно киваю. — Минут через пятнадцать в служебное купе подходите, я как раз малышне раздам.

Помаявшись полчаса, я сначала пыталась читать, потом смотреть блог кондитера, который виртуозно из простых продуктов готовил, судя по отзывам зашибенные десерты, но в голове ничего не удерживалось. Мысли снова и снова возвращались к недавней немой сцене. Чокнуться просто можно...Вот и куда интересно он делся? Неужели уже нашел компанию?

Психанув, я бросила в кружку новый пакетик чая, долила кипятка и заплатив за белье, любопытной проводнице, которая снова поинтересовалась Линцем, вернулась в купе, с твердым намерением завалиться спать. Ну не дежурить же, в самом деле, в ожидании возвращения блудного попугая?! Плевать мне, где он собирается ошиваться всю ночь...

Дверь открылась, когда я боролась с наволочкой. Ухватив за уголок, комковатую подушку яростно запихивала ее внутрь.

За спиной щелкнул замок. Я обернулась.

Виктор стоял, с комплектом новенького пастельного белья в руках, прислонившись к

двери, и смотрел на меня.

Смахнув с лица выбившуюся прядь, я откинула подушку на кровать, оперлась бедром на стол и воинственно сложив руки на груди, едва заметно кивнула, словно сделала одолжение, разрешая войти.

— К нему ездила? — буравит меня тяжелым взглядом.

— Какое ты имеешь право задавать мне такие вопросы?! — рывкаю на него.

Поезд резко замедляет ход, меня бросает в сторону. От неожиданности я теряю равновесие, и нехило прикладываюсь головой о верхнюю полку. Линц тут же оказывается рядом, подхватывая, прижимает к себе.

— Сильно ударились?

Его губы касаются моего виска, ощупывая. Я чувствую тепло его дыхания, терпкий прохладный запах парфюма. От рук на моей талии по всему телу разбегается мелкая дрожь. Он обнимает меня крепче, стискивая какой-то отчаянной хваткой.

— Фике, Боже... как же я скучал... как же скучал...

Его голос был... таким ...чуть хриплый, низкий... надломленный. И я поняла, что больше не могу. Что сейчас разрыдаюсь.

— Не смей меня трогать! — упераясь ладонями ему в грудь, оттолкнула, высвободилась. Смахнула все — таки набежавшие слезы, всхлипнула.

А дальше все как в тумане.

Мой разум поплыл, на несколько мгновений выпав из реальности. Как я снова оказалась в его руках, объяснить не смогла бы даже под пытками. Очнулась, когда целовались, как сумасшедшие, стоя в полумраке посреди купе.

Потом...рефлексовать и заниматься самоедством буду потом...

А сейчас... Сейчас, его губы на моих... На шее. Руки резко вытряхивают меня из толстовки от спортивного костюма. Пробираются под футболку, огладив спину, шмыгают под резинку штанов. И я отвечаю так же бесстыже, жадно, ныряю ладонями под трикотажное поло, с нажимом прохожусь пальцами по позвоночнику, ощущая его дрожь.

— Фике... — ловит ртом воздух задыхаясь, когда я торопливо борюсь с ремнем на его джинсах... — Фике...

Подхватив, он уложил меня на застеленную бельем, полку. Уперевшись коленом между ног, задрал футболку и пробежался морзянкой поцелуев по животу. Сдвинув вниз чашечку лифчика обхватил сосок губами и резко втянул. Затем, переключился на второй, толкая его языком. Я почувствовала, как обжигая огненным вихрем, простреливает внизу живота.

Изо рта вырвался сдавленный стон. На секунду оторвавшись, Виктор поднял глаза, мазнув шелковым подбородком по тугой горошине. Плохо соображая, я, прочесав ногтями по шелворе, притянула его за шею к себе. И словно накзывая, впились в губы, о которых столько времени запрещала себе думать... Вымещая на них, всю свою злость и обиду.

Полка — скрипучая, узкая, неудобная. Но нам обоим не было до этого никакого дела. Одежда? Не препятствие, когда внутри все натянуто, как тетива. Уже ничего не имело значения. Лишь бы только случилось — и скорее.

Резко стянув по бедрам штаны вместе с трусами, Линц устраивается у меня между ног. Часто дышит. Горячий влажный рот накрывает мои губы, язык требовательно скользнув внутрь, несколько раз невесомо бьет по моему. Одновременно он нежно, но настойчиво ласкает снизу, а потом накрывает всю промежность ладонью и двигает так...что меня выгибает.

— Больше не могу...

— Хочу тебя...до трясушки... — опираясь на руку возле моей головы, шепчет задыхаясь.

Блуждает по лицу шальным взглядом. — ... ты...ты...

— Да! — перебила, закусывая губу.

Как два магнита тут же врезаемся друг в друга, ненасытно, терзая губы. Я нетерпеливо расстегиваю ширинку и оттянув резинку его боксеров, сжимаю пульсирующий член. Возбуждение настолько острое, что из головы вылетает абсолютно все. И я словно в свободном падении, вибрирую от нахлынувших ощущений, нет ни до ни после. Только сейчас!

Он входит с глухим стоном, подхватывая за ягодицы, жадно впивается поцелуем. Резко, горячо, размашисто! Слово в отместку, не щадя толкается. И каждая моя клеточка отзывается на прикосновения его рук, губ, языка. Хочется вжиматься сильнее, кусаться, царапаться.

Нас как будто выпустили на свободу и скоро снова растащат в разные стороны, так неистово мы рвемся навстречу.

— Люблю тебя... — отрывисто выдыхает, крепко сжимая мои бедра. Ловит губы, яростно врываясь в рот языком. — Люблю, люблю, люблю, — воздух вылетает из меня сдавленными всхлипами. Внизу, с каждым толчком все сводит от напряжения, но ком внутри только концентрируется.

Несколько снайперских движений и он доводит меня до грани. Я кусаю губы, впиваясь ногтями в его спину — лишь бы удержаться от стонов, которые так и рвутся наружу. Никогда еще мне не было так остро. Замирая, он ловит мою горячую пульсацию. Нашептывая что-то нежное, целует лицо, гладит изгибы талии, и закрыв глаза, я тону в искрящейся воронке. Превращаюсь в тело и удовольствие, сжимая его в себе. В этот момент, он вновь толкается максимально сильно, и выскользнув, изливается на живот между нашими телами.

Исчезнувший на волне оргазма мир, вновь появляется, проступая, как вода сквозь тонкий лед. И ощущение только что испытанного счастья превращается в противоположность. Потому что в реальности ему нет места. Сейчас мы оторвемся друг от друга, и наступит отрезвление. Располземся по углам, затаимся, сделав вид что просто попутчики.

Уткнувшись носом мне в ключицу, Виктор рассеянно поглаживал оголенное бедро, все еще мелко подрагивая.

— Что мы будем делать?

— Ничего, — я отодвинула его от себя. — Нет никаких мы.

Он приподнялся на локтях, поправив одежду отсел в конец полки.

Вытерев простынею сперму, я рывком натянула трусы и штаны.

— Так значит?! — его глаза хмуро блеснули в свете пронесившихся фонарей за окном.

Присаживаюсь, обнимая колени. Мы смотрим друг на друга — как два врага.

— Как Вить? У нас с Алексеем был кризис. Мне было тоскливо, хотелось встряхнуться. А тут ты... подвернулся. Решила развлечься.

Виктор будто каменеет, но спустя пару мгновений берет себя в руки, насмешливо улыбается.

— Лось твой Леприкон, если тебе нравится со мной развлекаться. Кстати, когда свадьба-то?

— Не твое дело!

Чуть прищуривается, сжимает губы и напрягает челюсть.

— Зачем тебе этот брак?! Ты же его не любишь.

— Неправда!

— Правда!

Немного сползая по стене вниз, рывком подтягивает за ногу к себе. Брыкаюсь, пытаюсь отодвинуться.

— Тихо...тихо, — его ладонь мягко скользит по моей щиколотке к колену. Он пристально, смотрит в глаза. — Ты же хорошая девочка? Хорошая...А хорошие девочки не скандалят и не изменяют. Они хранят верность, — делает короткую паузу. — ...Ты не за того собралась замуж, раз с таким отчаянием отдаешься другому...

— Боже, Вить, да мы с тобой просто перепихнулись, и все. Что ты философию разводишь?

— Нет, не просто. Для меня никогда не было просто. Не с тобой.

Кладет мои ноги себе на колени. И гипнотизируя, невесомо проводит пальцами по скуле. Я грубо отпихиваю его руку.

— Для меня ты особенная, — перехватывает мою руку, водит губами по ладони. На мгновение теряюсь, от его нежности, и он, воспользовавшись моментом, пересаживает меня на себя.

— Я тебе не верю, — утыкаюсь лицом ему в грудь.

Прижимая к себе за затылок, целует в макушку. Отталкиваю его, сглатывая судорожное дыхание. Он большой и теплый. Такой крепкий, что возникает желание отпустить ситуацию, расслабиться. Позволить себе быть ведомой...

Делаю глубокий вдох и...

Не выдерживаю. Плачу. Закрывая лицо ладонями.

— Ну что ты...что ты... — ласково гладит по спине, успокаивая. — Я с тобой... все будет хорошо... Обещаю...

— Не будет... — неверяще мотаю головой. — Не будет! Ты женат!

— Мы с Леной разводимся!

— Как! Как ты посмел скрыть, что у тебя есть дочь!

— Я никогда не скрывал! Детское сиденье всегда стояло в машине. В деревне за домом — песочница с игрушками. Я думал тебе все равно!

— Нет, — упрямо трясую головой, всхлипывая. — Ты меня обманул!

— В чем?

— Сказал, что свободен.

— И не соврал! Мы не живем с Леной год. Штамп в паспорте просто формальность...

— Действительно!

— Так и есть! Вот скажи, если б я сказал, что женат, ты бы посмотрела на меня? Пошла на свидание?

— Нет!

Шмыгнув носом, глубоко вдыхаю, пытаюсь успокоиться. Запах его кожи, бьет по рецепторам. Я жадно тяну его ноздрями. Вцепляюсь в футболку, прижимаюсь, утыкаюсь лицом в шею, и плачу.

— Ты мне врал! — прорывает меня.

— Никогда! — успокаивающе гладит по спине. — Я звонил тебе, у работы отлавливал, с Мухи твоей листья сметал... хотел объяснить все.

— Где сейчас твоя семья? — тихо всхлипываю.

— В Питере.

— Понятно, — вырываюсь из его объятий.

— Что тебе понятно? — хватка его рук становится крепче. Он целует меня в висок. — Я отвезил Эмму к матери.

— Лена красивая...

— И умная, — соглашается он. — Успешная в профессии. И еще она мать моей дочери...

— Отпусти меня! — снова психую, а он довольно улыбается! Вот скотина!

— Дурочка! — поглаживает щеку. — Ты слышала, что я сказал?

— Что именно?

— Что люблю тебя, и что мы с Леной разводимся... Через две недели, я буду официально свободен. Только давай мы завтра об этом поговорим, на свежую голову. Не хочешь жахнуть? — переводит тему. — Немножко расслабишься, а то вся дрожишь.

— А есть что?

Выпить действительно сейчас не помешает. Для просветления хотя бы. Мне же не снится все это?

— Обижает, — ссаживает меня с колен, и порывшись в своем чемодане вынимает две непрозрачных стеклянные бутылки. — Вишневая или облепиховая. Обе сладенькие. И слабенькие.

— Давай облепиховую.

— Только стаканов нет. Придется из горла, — снова присаживается рядом, откручивает крышку.

— Не первый раз, — пожимаю плечами, и усмехаюсь, вспомнив вечер, когда Линц провожал меня домой. А потом свидание на крыше, урок танцев, мастер класс в ресторане, квест в темноте... В памяти всплывает ночь в Сочи... Картинки нашей близости меняются в голове одна за другой. Их много, разных — проносятся ярким калейдоскопом, наполняют душу щемящей тоской. В них мы. Наши объятия. Его поцелуи. Глубокие, горячие.

Делаю большой глоток из протянутой бутылки, и закашливаюсь от неожиданности. Крепкая зараза, наврал.

— А-а-а- шокированно машу ладошкой у лица.

— Нормально-нормально, — подбадривает Виктор. Прижимая меня к своему боку, тоже прилично отхлебывает... — Брр... хорошо пошла.

Погрузившись в свои мысли, бездумно скольжу взглядом по обтянутому футболкой бицепсу, предплечью, пальцам вокруг бутылки.

Раньше ведь об измене и мыслей не возникало. Секса с Алексеем мне вполне хватало, да и вообще всего хватало...

Все изменилось с появлением Рыжего. Он будто ящик Пандоры во мне вскрыл своими наглыми глазами. Зажег фитиль и преспокойно себе ждал, пока не бабахнет.

— Давай начнем с белого листа... — шепчет на ухо.

— Серьезно? Просто взять и забыть, что ты держал меня за идиотку? Нет. Спасибо. Я не настолько наивна, чтобы снова в тебя вляпаться, поверив в сказки про любовь, — вынимаю из его рук бутылку и делаю большой глоток. И еще. — Ы-ы-ы... крепкая

— Дай мне шанс...

— Ты его упустил!

— Свидание, Фике ... всего одно свидание, — отбирает у меня емкость с шайтан-водой, — или я найму тебя аудитором, и мы будем целые дни проводить вместе.

— Совсем дурак? — бормочу заплетаящимся языком. Это что меня так срубило уже? — Я не буду на тебя работать!

Внутри снова разрастается черная дыра. У меня не получается с этим справиться и на глаза опять наворачиваются слезы.

— Ну все, тебе хватит, — подхватив, пересаживает на противоположную полку. Я непонимающе сморю на него.

По-армейски быстро, он ловко перестелает мою постель своей простыней и пересаживает обратно.

— Помочь раздеться?

— Чего? — глупо улыбаюсь, замечая, что у него до сих пор расстегнута ширинка. Виктор стягивает с меня спортивки. — Оставь носки, — отдергиваю ноги, — у меня... — скашиваю взгляд вниз, вспоминая слово, — ...подошвы мерзнут.

— Мать, да ты пьяна!

— А на тебя между прочим, проводница глаз положила, — плюхаюсь на подушку.

— Я в курсе. Я с ней чайку попил... жалела меня... таблетки от укачивания предлагала...

— Козел! — отворачиваюсь на бок, укрывшись с головой одеялом.

— Я тоже тебя люблю, — садится в ноги, и греет в ладонях ступни. Вырубаюсь практически мгновенно, радуясь, как дура, что до утра он никуда не денется.

Я проснулась от того, что почувствовала на плече прикосновение теплых губ. Они двигались медленно и осторожно, словно боясь пропустить момент, когда нужно замереть, чтобы не напугать.

— Подъезжаем, просыпайся... — прошептал мне на ухо Виктор, примостившись за спиной. — Я бы с удовольствием трахнул тебя такую...нежную и тепленькую. Распластал бы на удобной кровати под собой и сходил с ума от твоих стонов.

— Дурак! — я перевернулась, и легонько оттолкнула за щеку, нависшую надо мной, довольную физиономию. — Одно только на уме!

— А о чем я должен думать рядом с красивой, сексуальной женщиной, в которую влюблен? — хмыкнул, пожав плечами. — Иди умывайся... пока юные троглодиты не проснулись. А я пойду нам кофе куплю.

— Ищешь повод увидеться с проводницей? — потягиваясь, смотрю на телефоне время.

— Вот ничего от тебя не скроешь! Насквозь видишь! — стаскивает с меня одеяло, и крадется рукой по бедру вверх. Шлепаю его по ладони.

— Привет ей от меня передай!

— Так и сделаю, — невозмутимо отозвался, бесстыже глядя в глаза. — И телефончик возьму...мало ли таблетки от укачивания понадобятся...

Я слегка опешила. И это, кажется, отразилось на моем лице, не смотря на все старания скрыть эмоции.

— Да ей по твоему фейсу — все понятно станет!

Брезгливо сморщив нос, пихаю его ногой.

— Да ты ревнуешь! — он рассмеялся, бегая по мне взглядом.

— Еще чего! — натягиваю одеяло на голову, почувствовав смущение.

Это ж надо снова так вляпалась...ну не дура ли?!

Осознание случившегося наваливается, как снежный ком. Я проваливаюсь в яму, где вязну в зыбучих песках из угрызений совести и чувства вины. Страданий добавляет то, что если отмотать время назад, я бы сделала то же самое. Потому что хотела!

И хочу еще. Врать себе не имеет смысла. Не только секса, а Линца в своей жизни, хотя всегда осуждала женщин, которые помимо мужа, имели еще и любовника. Потому что янитакая...а теперь что? Пошла на поводу эмоций, пополнив их ряды?

Не получается у меня рядом с ним думать разумно. Скручивает от иррациональных желаний едва мы оказываемся вдвоем в одном пространстве. И как с этим жить, я пока не знаю.

Изо рта вырывается жалкий смешок. Осторожно опустив одеяло с моей головы, Виктор нежно погладил пальцем щеку.

— Все будет хорошо, Вик...непросто...но жизнь штука быстротечная, нельзя позволить ей пройти мимо своего счастья

Звонко чмокнув меня в коленку, Виктор встал. Заложив руки за голову, потянулся, выгибая грудь, — я непроизвольно уставилась на провокационно открывшийся взгляду живот с убегающей под джинсы полоской волос.

Сложно не признать, что выглядел этот обольститель, как всегда очень даже ничего. Наверняка, ведь уже и зубы почистил, промелькнула бледная мысль.

— Скажи, что я красавчик! — самонадеянно подмигивает мне.

— Писаный... — приглаживая взъерошенные волосы опускаю ноги в тапки и решительно откинув одеяло, напяливаю штаны. Прячу лохмы под толстовку и спешу по болтающемуся вагону в чудо-коморку, пока нет очереди. Быстренько навожу марафет, возвращаюсь в купе.

На столе уже парят два кофе. Рядом лежит упаковка с круассанами.

С видом королевы, отпиваю глоток из пластикового стакана. Не спрашивая разрешения и не благодаря. Один же все равно мне.

Фу, беее...прогорклый.

— Че, не нашлось у твоей для тебя получше?

— Для получше, ее надо было взбодрить, а я — не миксую. Да и, как ты сказала, морду она мою сияющую заметила.

Сколько мы расстреливали друг друга в упор прямой наводкой, трудно сказать. Я расфокусировала взгляд так, чтобы его лицо расплылось, и думала о том, что все вчерашнее было самым настоящим помешательством.

Жалею ли я? Жалею конечно, но случившееся, как бальзам на мое уязвленное самолюбие — не смотря на виляющих перед ним хвостом хорошеньких дамочек... шкалит его от неидеальной меня. Контроль теряет, срывается, как сжатая пружина.

Естественно, верить в долго и счастливо с ним я больше не собираюсь. Встретились, сделали друг другу приятно...разбежались... За две недели речь «сволочной эгоистки» филигранно отшлифована в моей голове до оscarоносного уровня, осталось только продемонстрировать.

— Поговорим? — Виктор прервал молчание, жестом предлагая присесть.

— Начинай, — плюхаясь к окну, раздвигаю шторы. На улице еще темно, но уже проглядывается знакомые картины пригорода.

— Как я уже сказал, с Леной мы разводимся.

— Надеюсь, не из-за меня?

— Не из-за тебя.

— Слава Богу, — демонстративно выдыхаю, игнорируя сильное жжение за грудиной.

— У нас с ней была договоренность, что если кому-то штамп в паспорте станет в тягость... мы разведемся. Для меня такое время настало.

— Ты спал с ней?

Обхватив руками стакан, я опустила глаза вниз под пронизательным взглядом Виктора, разглядывая кофейную гладь.

— Не совсем тактичный вопрос. Не находишь?

— Почему же?

— Я же не спрашиваю, трахалась ли ты с Лепреконом.

— А ты спроси! — с вызовом поднимаю глаза и плотоядно наблюдаю за реакцией.

Кривится, будто в лицо плюнули. Мне было так же, когда его Лена глумилась надо мной. И я мстительно хочу сделать больно ему. Просто потому, что могу.

— Что ты хочешь услышать, Вик? — прищуривается, наклонив голову. — Что я хранил верность? Кому? Той, которая сегодня со мной милуется. Надежду дает, а потом, бах! Ветер в другую сторону подул — и к женишку под бок сваливает?

Сердце обжигает огнем ревности, так что становится трудно дышать.

Молча поджимаю губы, и крепче впиваюсь пальцами в стакан, осознавая, что он прав.

— Ты дала понять, что неравнодушна... Вот я и ринулся покорять... понравиться старался... Но я тебя ни к чему не принуждал, Вик, и ничего не просил. Всегда давал выбор... Ты сама пришла... Я думал, решила для себя все. А оказалось, что это просто качели в мою сторону качнулись, — усмехается угрюмо, — просто у Вики настроение, подходящее появилось. Ну что, не так? — его голос звучит ровно, но при этом отрывисто, и пробирает до костей. — Не находишь, что я был достаточно терпелив... — киваю, вжимая голову в плечи. — Скажи, что я должен был подумать, когда ты сбежала и спряталась? Правильно, что нашла повод от меня избавиться и помчалась обхаживать Лепрекона!

Поднимаю на него глаза. И вижу в них огонь!

— Я здоровый мужик, Вик... а от секса с привлекательной женщиной, еще ни один идиот не отказывался... если он не евнух...

Только вовремя включившаяся в голове предупредительная сирена не дает выпустить на волю скопившуюся обиду и злость. Заорать ему в лицо, какой он мерзкий, гадкий, циничный предатель!

— Больно? Вот и мне тоже!

Изнутри словно гиены дерут беспощадными зубами. Слезы подступают близко-близко.

Заготовленная речь стервы заблудилась в голове. Сейчас, единственным желанием было не разрыдаться и не показать свою уязвимость. Взяв себя в руки, я улыбнулась и спросила, сладким, прямо приторным голосом.

— Не понимаю, зачем же тогда разводиться?

Виктор делает шумный вдох, смотрит уже спокойнее — будто осознал, что перешел грань, но нижняя челюсть по-прежнему напряжена.

— Потому что, секс, без любви это просто удовлетворение физиологии. Вроде и телом, и процессом можно наслаждаться, но ощущения наполненности, целостности, растворения себя нет. Нет той самой близости, мостика, что ведет от одного сердца к другому.

Он то ли причесывает, то ли лохматит пятерней волосы, давая себе передышку, чтобы продолжить.

— Когда ты рядом, я реально теряю голову. Не представляешь, как мне хочется тебя обнять, поцеловать, прижаться хоть на минутку. А еще радовать, исполнять желания и оберегать от любых невзгод. Совершать глупости, лишь бы улыбалась. Я даже не подозревал, насколько мне не хватало этих ощущений. Я просто счастлив, от того что ты рядом. Счастлив, и все.

На секунду замолкает, закусывая губу. Что-то обдумывая, хмурит брови, трет челюсть.

— Мы с Леной никогда не любили друг друга, — глохнет его голос. Поженились, потому что она забеременела. В глазах ее возмущенной семьи, это был чистейший мезальянс: коренная петербурженка из династии врачей, состоявшийся гинеколог — репродуктолог, с перспективной карьерой... А тут я, такой нарисовался — без рода, и племени. Примак, который позарившись на имущество, специально заделал ребенка. И как ты, наверное, догадываешься, распростертыми объятиями и благодатным огнем меня не встретили... Мои от невесты тоже в восторг не пришли: корейка, прямолинейная, да еще и старше на пять лет. За спиной шептали, что словила в моем лице, последний шанс... чтоб замуж выскочить. Только никто ни на кого не охотился... Мы решили попробовать... в постеле отлично стыковались, на жизнь смотрели, вроде, одинаково... ну и ребенок стал немаловажным фактором для обоих...

Виктор снова ерошит волосы, словно сомневаясь, стоит ли продолжать.

На его лице мелькает тень, то ли сожаления, то ли досады. Он встречается со мной взглядом, и я теряюсь. Щеки начинают предательски гореть. Не зная, куда себя деть, опускаю глаза и начинаю пальцем обводить контуры псевдокамушков на столешнице.

— Мы ошибочно полагали, что секса и уважения, вполне достаточно для семьи... Жили как-то. То лучше, то хуже. Ради Эммы я готов был и терпеть, и горы сворачивать. Нашел, вернее меня нашли...предложили контракт на военку. Все в нем было хорошо, кроме длительных командировок. Лену такой формат семьи — не устроил. Одним словом, делать вид, что между нами все гладко стало сложно, — я слышу шумный выдох и вижу, как на столе его ладони смыкаются замком. — И чтобы не травмировать ребенку психику, решили жить раздельно.

У меня в голове такой сумбур, что мысли, волновавшие меня еще десять минут назад, разбежались. И на смену им пришла полнейшая растерянность.

— Эмма моя дочь, и я всегда буду заботиться о ней. Моя женщина, примет это, как должное. Пусть не полюбит, а я бы очень хотел, — просевшая хрипотца, заставляет поднять глаза. Почему-то от последнего его предложения становится горько, — но сможет найти баланс, — размыкая замок, кладет ладони на мои запястья и мягко сжимает. — Имущественных претензий со стороны Лены — нет. Квартира, в которой мы жили, куплена за счет ее проданной однушки в ипотеку. Я ее погасил, свою долю оформил на дочь. Споров по месту проживания Эммы тоже, она остается под опекой матери. От алиментов я не отказываюсь. Так что, максимум через три недели, я буду в разводе, и никаких секретов от тебя у меня больше нет.

— А как же Эмма? Как вы ей объясните?

— Чтобы не происходило между нами с Леной, это не меняет факта, что я ее отец. Исчезать из жизни дочери, я не собираюсь, — на его серьезном лице губы сложились в твердую линию. — Надеюсь, наличие у меня ребенка, не является отягчающим обстоятельством? — осторожно оплетая своими большими пальцами мои, ощупывает меня взглядом.

Я высвободила руки и поежившись обняла себя за плечи. Вот не надо мне сейчас затуманивать мозг!

— Вить, — воинственное настроение куда-то исчезло. — А от меня...чего ты ждешь от меня?

Наклонившись он, невесомо поглаживает тыльной стороной ладони мою скулу, замирает там, где бешено бьется пульс.

— Я не могу перечеркнуть или изменить прошлое. Но... дай мне шанс все исправить.

— Вить... — встряхивают головой, отчего хвост, в который собраны волосы, колышется и бьет по плечам. — Я не...

— Позволь мне быть рядом и просто любить. Я хочу узнавать тебя. Смаковать мелочи, что упустил и не заметил. Просыпаться с тобой. Готовить для тебя, и чтоб ты мне готовила. Обои выбирать для квартиры, которой, пока нет, — накрывает мою руку своей. — Но, Вик, обязательно будет...ты только верь мне.

— Вить, — судорожно сглатываю, — все не так просто...Оно и раньше-то было не просто...Ты просишь меня изменить жизнь...я не уверена, что готова к этому...И хочу... — поднимаю на него глаза.

— Чего ты боишься?

— Седины, целлюлита, отвисшей груди, лишнего веса, — пытаюсь перевести все в

шутку.

— А если серьезно?

— Я не уверена ни в тебе, ни в себе... Ты умный, успешный, амбициозный. Я заурядная, с посредственными внешностью и работой. Во мне нет ничего выдающегося, чтобы надолго удержать твой интерес, а на одном сексе, далеко не уедешь. Ты сам только что сказал.

— Глупости какие! — отмахнулся, удивленно вскинув брови. — Кто тебе внушил всю эту чушь?

— Вить, ты же сам это понимаешь... я тебе не ровня...

— Скорей не ровня тебе я — гол, как сокол... квартира только, да и то съемная. Рассинант и Жорик, вот и все богатство, — досадливо откидывает пятерней челку назад. — Если честно, я страшно комплекую, что не могу предложить уровня, к которому ты привыкла, — останавливает жестом мое возражение. — Для нормального мужчины важно, чтобы его женщина жила в комфорте и достатке, взять ее проблемы на себя, а не усложнить жизнь. Так что, Вик, с решительностью и уверенностью, это еще бабушка надвое сказала, — криво усмехнулся, и сделав пару глотков из нетронутого стакана, продолжил охрипшим почему-то голосом. — Уходи от него, давай попробуем вместе... судьба нас не просто так сталкивает...

Заметив мой ошеломленный взгляд, озабоченно хмурится.

— Ты... ты предлагаешь мне...

— Отношения. Себя. Нас. — кивает в подтверждение моих мыслей. — Я хочу поправлять подушку, когда ты спишь и улыбаешься снам, целовать на ночь, а утром заниматься любовью... Хочу тебя со всеми сомнениями и тревогами, чтобы убеждать, что ты самая лучшая. Хочу быть первым дегустатором твоих кулинарных творений и грелкой для ног.

— Вить, я не знаю, что сказать...

Нервно хватаюсь за шею, потому кислород от его признания застревает где-то в горле. Несомненно, каждая женщина мечтает услышать такое. Но не каждая готова броситься в омут с головой...

— Ты сделал мне больно, и просишь снова верить. Только дурак наступает дважды на одни и те же грабли...

— Фике, видит Бог я не хотел...

— Я чувствовала себя использованной и униженной. И сделала, — отворачиваюсь к окну, пряча глаза — ... то что сделала.

В этот момент мой телефон, лежащий на столе подает голос. Алексей. Как чувствует, что за его спиной что — то происходит. Провалившись вниз, сердце отпружинивает и подскакивает к горлу. Выключаю звук, переворачиваю экраном вниз. Не могу сейчас с ним разговаривать... просто не могу.

Словно в благодарность Виктор находит мою руку и прикасается к ней губами. Греет дыханием. Нежно щекочет бородой.

— Скучаю по тебе безумно.

— Мне нужно все переварить и подумать.

— Я понимаю. И подожду. Но только в сторонке больше стоять не буду. Раз ты выбираешь, пусть это будет конкуренция!

— Ну чего ты ерунду городишь? Какая к чертям конкуренция?

Мобильный снова начинает звонить, и я скидываю вызов под пристальным взглядом

Виктора.

— Ты нужна мне. Я больше не подведу. Обещаю.

— Поезд прибывает согласно расписания, — разносится по вагону механический голос.

— Пойдем? — мы оставляем недопитый кофе на столиках, я забираю с собой упаковку круассанов. Даже не открыли. Совершенно нет аппетита. У обоих, как оказалось.

Пропустив меня вперед, Виктор катит наши чемоданы. Дежурно прощаясь с пассажирами, проводница желает нам с сарказмом счастливого пути.

— Какие планы на вечер, может...

— К подружке поеду, ей рожать скоро.

— Понятно, — кивает, подхватывая мой чемодан. — Промозгло, да?

— Ну да...неприятненько.

— Это потому что ты меня опять динамишь.

Не выдерживаю, и начинаю истерично смеяться.

— Таким макаром, все можно спихнуть на меня...

— Ты куда сейчас? — спрашивает, застегивая куртку.

— Домой. Чемодан закину, возьму Муху и полечу за продуктами. Представляешь, мой жук так понравился, что мне капкейки заказали, — почему-то хочется ему похвалиться, — буду печь.

— Это же замечательно! — искренне за меня радуется, улыбаясь. — У меня машина на стоянке, давай отвезу.

— Тебя точно не затруднит? — на всякий случай, уточняю поразмыслив. Пока до дома доеду, вещи разберу, помоюсь с дороги...часа два минимум...а как предлагает Виктор, действительно, получится быстрее. Или я просто ищу повод побыть с ним подольше.

— Точно. Заодно и нам с Жориком хавчик куплю. Кстати, как там Виктор? Ты и его бросила?

— Как можно? Я позаботилась о нем...поливалку ему дозированной купила. Все с ним нормально должно быть...

— Цветок, и тот, заслужил твою любовь, и только я... — жалобно шмыгает носом, — ... как нелюбимая еда, обделен даже маломальским вниманием. Обидно, черт подери!

— Пойдем уже, нытик! — поевшись от ветра, хватаю за ручку свой чемодан, и выдвигаюсь вперед.

— Вик, — ловит меня за рукав, разворачивая себе, — тебе, когда-нибудь, говорили, что мужчине необходимо поощрение любимой женщины? — Отбирает у меня предмет яростной экзекуции. — Это мощно стимулирует в нем чувство успешности, дает силы «переворачивать мир» и делать свою женщину счастливее! Каждый раз, когда я вижу тебя, мне хочется что-то сделать, чтобы ты радовалась, и чтобы подумала, что я молодец и достоин не только благосклонной улыбки, но и чего-то большего...Это не трудно, Вик... говори мне иногда приятное, я знаю, что ты это умеешь. Слышал уже. Я соскучился по своей Фике...

И тут мне становится так стыдно, что, потупив глаза, чувствую, как начинает пылать кожа. Я же постоянно тихо отфыркиваюсь...Громко точнее.

Стою, как вкопанная, а внутри все дрожит от отчаянной надежды в его взгляде. До одури приятно растворяться в нем, таком бархатном и теплом. И в то же время, в панике хочется съязвить: «Не надо на меня так смотреть! Это не подействует!»

— Я не твоя женщина! — очухавшись, отступаю на шаг.

— Я приложу все усилия, чтобы стала.

— Мечтай!

— И не прекращал, с того дня как увидел тебя... — проводит костяшками пальцев по моему лицу, приблизившись.

— Я порой не понимаю, когда ты шутишь, а когда серьезен! — отвожу его руку.

— Все, что касается тебя — серьезно. Даже не сомневайся!

По пути в супермаркет, Виктор постоянно о чем-то меня спрашивал, но из-за внезапно накатившей паники- что я творю! — я все время отвечала невпопад. Именно поэтому, молча вышла из машины и быстро нырнула в лифт с подземной стоянки.

— Что не так, Вик? Что ты опять шипишь? — просочился за мной возмутитель спокойствия.

— Я молчу...

— У тебя выражение лица «злойной крыски».

— Ну не всем же лыбиться чеширскими котами, — огрызнулась я.

Прозвучало корявой, в моей обычной манере, на которую он совсем недавно намекал. Но реагировать адекватно на американские горки, происходящие из-за него в жизни, мешали обуревающие чувства. Инициатива Виктора, что нам надо попробовать, не вносила ясности в отведенную для меня в его жизни роль. Кто я его же классификации: привлекательная добыча или желанная женщина? И как бы он мне в глаза ни заглядывал, спросить об этом я не могла. А любовь...это для красного словца было сказано...чтоб снова уши развесила.

— Извини, — откашлявшись, выдавила из себя. — .. у меня эмоциональный передоз, и просто я на нервах...

Засунув руки в карманы куртки, Виктор смерил меня оценивающим взглядом, и наморщил лоб.

— Мегерочка моя...у тебя такое имя, что, ни ласковой формы нет, ни ругательной! — прищурился, подбирая слова. — Фике, все что между нами произошло, уже произошло. Грызть себя поездом — занятие безнадежно глупое. Толку-то?

Я не могла не признать, что в его словах присутствовал здравый смысл, но с упорством астронома сосредоточенно разглядывала потолок, пытаясь угадать количество лампочек под матовыми светильниками.

— Давай-ка выясним все до конца. Четко и определенно. Неужели мое признание в том, что я не дрович, как прыщавый пацан, так оскорбило твою нравственность? — сквозь непроницаемое выражение его лица проглядывала ирония.

Облокотившись спиной на стену, изо всех сил продолжаю изображать «соляной столб». Молчу и дышу, чтобы снова не взорваться, так мне больно от его откровений.

Женщина любимая, ага...Любовница, с которой не наигрался! Вот кто я для него!

— Да брось...мы давно уже взрослые... и глупо делать вид, что, интимные отношения в наших жизнях отсутствовали. Оба же знаем, что это не так. И это нужно принять, — стреляю в него возмущенным взглядом, поджимая губы. Повторяю, для непонятливых, — нежно обхватив мое лицо ладонями, заставил посмотреть в глаза, — с Леной мы разводимся...и присваивать себе номер в веренице моих любовниц...

— Я не прошу отчета, усвоила, что ты не евнух... — выскакиваю, как ошпаренная из лифта, нервно откидывая назад волосы. Господи, да что со мной?! Почему я веду себя, как истеричка? Не могу удержаться. Хочется и поддеть, и, наверное, больно сделать. Может, потому что мне не все равно. Я его ревную. И к прошлому, и настоящему без меня.

— Почему ты опять пытаешься сбежать? — тормознув за руку, нависает надо мной в просторном вестибюле.

— Тебе кажется!

Вот теперь я нагло вру, потому что так и есть.

Я много раз представляла, как должна выглядеть его идеальная женщина: успешная, красивая, уверенная в себе...Лена, как раз безупречно вписывалась в мое представление идеальности. Сравнивая нас, я всегда мысленно искала в себе изъяны и принижала достоинства, акцентируя внимание лишь на минусах. Яростно внушая, что такая посредственность, как я, при любом раскладе ему не пара.

— Я не буду оправдываться, Вик. Лена — часть моей жизни, она — мать моей дочери. И только. А про то, что ты себе навдумывала, вообще забудь...Я не встречаюсь с ней, Вик. Не пытаюсь вернуть или вернуться, потому что не люблю, — кладет руки мне на плечи, улыбается теплой улыбкой. — После Сочи — никого, кроме тебя — не было, — глядя мне в глаза, говорит твердо.

Я облегченно выдохнула, только сейчас заметив, что вцепилась в его куртку, словно готовилась защищаться

— Ты заставил меня поверить, что было! — колочу его в грудь.

— А представь какого мне! — рывком прижимает к себе, успокаивая гладит по затылку. — Уходи от него, Вик. Собирай вещи и съезжай. Поживи отдельно...Давай я сниму тебе квартиру!

— Нет.

— Опять будешь тянуть кота за фаберже?! — громко возмутился, и взгляды продавцов, копошившихся у островков с товаром, устремились на нас. Я это вижу, потому что растерянно кручу головой, в поисках сама не зная, чего. — Придумывать способ, как усидеть на двух стульях?

— Какой ты догадливый! Именно к этому и стремлюсь! Вот только не знаю, зачем!

Вырываюсь, быстрым шагом направляюсь в супермаркет. Хватаю ближайшую тележку, пытаюсь унять желание накидать в нее все подряд, нервно прогуливаюсь по пустому залу, шаря взглядом по стеллажам. Демон ониомании расправляет крылья и шепчет на ухо: «Бери...крем тебе нужен. Полотенце, смотри какое красивое и мягкое. Как ты без него? Кастрюлька...По скиде! Хватай, она одна!»

Борясь с искушением, ускоряюсь к продуктам. Где там мандарины? Вот они...один, второй, третий...Сорт уродский! Шкурка впритык прилипшая! Аааа!

Мозги снова набекрень, хочется треснуть себя по лбу за неадекват... Еще вчера, я была в ладу с разумом. А час назад, буквально развесив уши впитывала все, что втирал мне этот брехун...верить ему захотелось...Идиотка. Идиотка! Мало тебе, да?

Но ведь сердцу глупому, не прикажешь. Вот оно и толкает к безумным мыслям и заставляет их лелеять. А что если... а вдруг?

Я же понимаю, что в подвешенном состоянии наша ситуация оставаться не может. Что-то подсказывает, что роль тайного любовника не устроит Линца. Но и к принятию решения я прямо сейчас не готова! Не готова! Жизнь снова перевернулась вверх тормашками...и как правильно поступить я не знаю. Вернее, как правильно знаю. Не знаю, чего хочу... Хотя и чего хочу — знаю, но боюсь!

Отдышавшись и придя в себя, завешиваю личи, виноград и уже спокойно шагаю, методично складывая необходимые для пирожных продукты...

Видимо Линц, психанул и уехал. Чемодан мой у него остался. Да и черт, с ним. Нет там ничего ценного!

Нахрена ему бегать за истеричкой, когда столько сговорчивых девиц вокруг, да еще без

воза проблем и мужика за спиной? Сжимаю ручку тележки до белых костяшек от злости. Не пошел за мной...не остановил...даже не окликнул...Баран!

На входе в отдел с молочкой, обращая на себя внимание стоит пластиковая фигура жизнерадостного кондитера с красивым тортом на подносе, в фартуке с эмблемой модного ресторана. В карман, которого вложены яркие рекламные проспекты. Беру листовку из любопытства. Мастер-класс от их повара. А я знаю, что он у них крутой. На следующей неделе. В субботу. Ух ты — как заманчиво: профитроли, ванильный мильфей с карамелью, вишневое парфе. Ой-ой-ой...да когда ж вы все успеете-то?...А... внимательней вглядываюсь в листовку...целый день...Тогда, да... успеют.

— Выдохнула? — мягко шепчет на ухо, знакомый голос. Поравнявшись, Виктор аккуратно ставит в тележку корзинку с продуктами, и забирая у меня катит перед собой. — Фике, нервы у тебя ни к черту...

— Прости, — в порыве какого-то невероятного облегчения, обнимаю его и прижимаюсь, как можно ближе. — Я дура!

Уже на кассе, когда выкладываем продукты на ленту, зацепив глазами плакат с рекламой подарочных сертификатов торговой сети, я вдруг спохватываюсь.

— У тебя же день рождения был...Поздравляю!

— Спасибо. Я отмечаю вечером с друзьями. Саке, гора теплых роллов и ведерко якитори... в японском ресторанчике. Не хочешь присоединиться?

— Я не могу, — моя челюсть выпадает от неожиданности. Отрицательно мотаю головой, испытывая жуткую неловкость. Знаю, что сейчас своим отказом ломаю тот хрупкий мостик, что он пытается построить. Но я не могу. Не могу! — У меня даже подарка нет...

— Мы оба знаем, что это отговорка.

— И еще, я не умею есть палочками...

— Можешь есть руками, никто не оскорбится.

— Ты не понимаешь... — мысли хаотично прыгают в голове, я досадливо закусываю губу, придумывая как бы смягчить свою резкость, тихо добавляю, — я потом...отдельно... поздравлю и подарок подарю. Ладно?

— Неужели будет приват? — насмешливо приподнимает бровь, раскладывая по пакетам продукты.

— Ну какой приват, — смущаюсь, вспоминая предложение Гектора... Хочешь испеку для тебя мужской торт? Могу не сладкий. С мясом.

— Хочу приват, — отправляет пакеты в тележку и расплачивается. — И торт хочу сладкий.

— Вить, ты зачем меня заболтал? — растерянно смотрю на пакеты в его руках, шагая рядом. — Мне же нужно рассчитать себестоимость. Сколько ты заплатил? Я тебе сейчас переведу.

— Уймись, — шутливо отмахивается увесистыми кулями с продуктами, но при этом смотрит с укором. — Давай ты в ресторан придешь, и мы квиты...

— Я...я...не могу... — хватаю его за руку, когда он нахмурил брови, криво усмехается, как будто только этого и ждал. — Вить, ты пойми...там будут твои друзья и они знают, что ты женат...Опять представишь меня, как свою подружку, и будешь следить весь вечер, чтобы косых взглядов не бросали? Как мне Игорю в глаза смотреть?

— Игоря не будет. Он перебрался в Сочи.

— Проблемы с контрактом?

— Ты, видимо, давно с сестрой не сплетничала, — неопределенно пожал плечами, подталкивая меня к выходу. — С контрактом все по плану. Установки прибывают на следующей неделе.

— Тогда что? — почему-то стало немного неловко, от того, что Валя, действительно, выпала из поля моего внимания. Как-то за событиями последних недель я отодвинула на задний план общение с ней. Созванивалась конечно, но в подробности своего стремительного романа с Оленем она меня посвящать не торопилась. Так же, как и знакомить. Что не помешало ей укатить с ним в солнечный Тай, из которого они вот-вот должны были вернуться. Может и правильно сделала. Счастье любят, когда им дорожат. Уж кто-кто, а моя сестренка заслужила, чтобы, ее любили. Надеюсь, Макс, наконец-то понял, какая она хорошая и ни за какие сокровища мира ее больше не предаст.

— Перемены в жизни, — Витя загадочно улыбнулся, пропуская меня на выходе вперед. — Приятные.

Приятные, говоришь? Притворюсь, тогда, что в курсе ситуации, и просто не сую нос куда не просят.

— Еще есть аргументы?

— Я не хочу выглядеть в глазах твоих друзей беспринципной стервой...не хочу быть объектом пристального внимания и обсуждения за спиной...и не хочу, чтоб ты чувствовал себя на своем празднике дирижером...

— Никто ничего не скажет... — Кому ты врешь? Конечно, скажут, и сравнят. Может не в лоб...но обязательно, на то они и друзья.

— Хитрюга, — поддел указательным пальцем кончик моего носа и стал переключать из тележки пакеты на заднее сидение Россинанта, где за пассажирским стояло детское кресло. Наверное, поэтому-то я его и не замечала. — Нашла, как выкрутиться, еще и меня виноватым оставить. Ну ладно-ладно, я «борзыми щенками» долг взыщу! — обернулся, кровожадно улыбаясь.

— Это мы можем, — прикладываю руку к груди и придурковато щерясь во весь рот, кланяюсь, как барину. — Это мы всегда пожалуйста...

— Скинешь мне свое фото в неглиже! — оттолкнув тележку, поймал меня за подбородок, повелительно шепнув на ухо. На долю секунды я опешила, переваривая услышанное. В подтверждение своих слов, чуть отстранившись Виктор совершенно серьезно кивнул. — Раз уж на голодном пайке держать меня собралась, должна хотя бы меню показывать. Справедливо ведь? — нахально подмигнул, и у меня предательски начали гореть щеки.

— Как может себя чувствовать женщина на сороковой неделе беременности, — Наташка вздохнула в трубку. — Беспокойно и муторно. Скорей бы уже. Сил никаких нет. Я мечтаю заснуть на животе и проснуться задницей кверху. Хочу увидеть свои бедренные косточки. И вина хочу сухого, до жути...

— Бедняжка. Хочешь приеду к тебе с капкейками? — предлагаю оставшиеся будущей матери. — Есть с вишневыми сливками и смородиной.

— Сама пекла? — в голосе подруги сразу прорезались радостные нотки. — Хочу! Только я в перенаталке.

— Что-то с ребенком? — всполошилась я.

— Нет. С нами все в порядке. Ночью были схватки. Вот мы и примчались, подумали, что началось. Врач сказал, что матка в тонусе, но это пока только тренировка...и можно ехать домой. Я хотела...но Сережа мне признался, что до усрачки за нас боится, и убедил остаться.

— А Лика в курсе? Что говорит?

— Чтобы я успокоилась, и перестала себя накручивать. Что стартануть в любой момент может. И что никуда я не денусь с подводной лодки и рожу...

— Вот, зараза! — буркнула я. От изречений общей подруги — гинеколога зачастую сквозило цинизмом. Могла бы, как-нибудь и помягче донести прозу жизни. — Ну ничего, отомстишь ей, когда она будет беременной. К тебе пускают?

— Я выйду. Все бока уже отлежала. Фирсов меня в одиночку определил, тут даже языком почесать не с кем, — жалуется она.

— Тебе же, наверное, лежать нужно.

— Мне родить нужно!

Я стянула с волос резинку и взъерошила волосы, перебирая в голове варианты, чем можно порадовать Наташку в не самом радужном месте и настроении. Кроме еды и книг ничего на ум не приходило.

— Может еще чего привезти?

— Да нет, у меня всего полно...сама приезжай!

Пока суетилась на кухне и упаковывала пироженки, пришла идея, как хоть немного разогнать хандру подруги: я быстренько накидала в облако подборку добрых французских комедий.

Было уже начало шестого, когда, оседлав стильную Муху я рванула в перенаталку.

Абрамова выкатилась с видом, запыхавшегося жизнерадостного колобка на ножках, которому никак не сидится на месте. Немного неуклюжего, но до ужаса симпатичного. После первого триместра, когда Наташка страдала повышенной вредностью и зеленела даже при упоминании о еде от гестоза, беременность только украсила ее, сделав более женственной и мягкой. Сияли глаза, улыбались губы... и вся она словно светилась изнутри теплым светом.

— Шикарно выглядишь, — я зазывающе развела руки. — Дай я тебя обниму!

В меня уперся твердый живот, и Наташка звонко чихнула.

— Не боишься?

— В смысле?

— Залететь. Примета такая есть, — отстранилась, хмыкнув. — Типа если беременная чихнет в присутствии небеременной, то небеременная станет беременной.

Я скептически наморщила нос.

— Если что, я предупредила!

— Если что, я не боюсь, — постаралась скопировать ее интонацию.

— Пойдем на диван сядем, — с горящими глазами подхватывает меня под руку и тащит.

— Мужики тотализатор открыли на пол малыша, — решаю немножко разрядить больничную атмосферу, стрельнув глазами на ее живот.

— Знаю! Придурки!

Придерживая живот рукой, она поерзала, чтобы сесть поудобнее. Угнездившись скраю, с нетерпением нырнула в пакет, который я поставила между нами, как будто там ее ждали подарки от деда Мороза.

— Я еще черничный кисель сварила. Беременным, вроде полезно. И огурчиков соленых, с чесночными гренками немножко положила.

— Боже мой! — хрумкает огурцом, закатывая глаза от наслаждения — Я сейчас точно рожу!

В бежевых, стенах больничного заведения, мы с Абрамовой смотрелись двумя яркими пятнами: она в зеленом плюшевом костюме со смешным пингвином на животе, и я желтом спортивном, который мне очень нравился, хотя совершенно убивал цвет лица. На двух соседних диванах посетители тоже подкармливали и развлекали своих будущих мам. Слева, юлой крутился мальчуган лет пяти, взахлеб рассказывая родителям, как за ним во дворе, когда он гулял с бабушкой, гонялась соседская собака. Справа, внушительных размеров, молодой бородатый мужчина, гадил по плечу светловолосую девушку. Его мускулистые руки, с убегающими под рукава черной футболки татуировками, нежно обнимали прижавшуюся к груди хрупкую фигурку. Положив подбородок ей на голову, он что-то успокаивающе шептал.

И стало вдруг отчаянно завидно.

Еще неделю назад я была уверена, что все у меня пусть не хорошо, но ровно. Работа, приносящая неплохой доход, любящий жених, сестра, наконец радостно улыбается, родители живы- здоровы. Квартира, машина. Тогда почему внезапно так горько и одиноко? Время неумолимо движется, а я топчусь на месте. И в минуты вот такой вот слабости, нет никого рядом. Любящий жених? Ну да, вроде как имеется...только он давно превратился в рудимент, с которым привыкла жить без вреда для здоровья. Но и без удовольствия.

— Ну давай, рассказывай! — Наташка толкнула меня в бок. — Как там Валентайн? Как у нее с ее сыном друга отца, Максом кажется?

— Да вроде, все хорошо, — я достала контейнер с гренками и поставила себе на колени, закинув в рот узкую соленую палочку, начала рассасывать. — В отпуск с ним в Тай укатила.

— Везет же! Мне такое еще долго не грозит!

— Зато у тебя, вон какое счастье на подходе.

— Это да... — гладит расплывшегося по животу пингвина, мечтательно улыбаясь. — Жду не дождусь. Боюсь только адски.

— Все боятся, — я кивнула со знанием дела. — Это нормально.

— Ты знаешь, я даже рада, что Сережа меня здесь оставил...если что — то не так пойдет...

— Все будет хорошо! — перебила Наташку. — Думай о хорошем, мысли

материальны, — достала из лексикона заезженную фразу. — Почему что-то должно пойти не так? Ты молодая, здоровая...

— Ой, да головой я все понимаю...не на пианистку училась...Процесс родов с медицинской точки зрения знаю. Но когда дело касается себя любимой...никакие доводы не работают...

Вздыхнув, Наташка откинулась на спинку дивана. Вытянув ноги, сложила их накрест, подпрыгивая тапками. На секунду повисла пауза. Слева мальчишка издал жалобный вопль, и она, заинтересованно вытянув шею в его сторону, спросила сквозь меня.

— Вик, а тебе самой как этот Макс? Нормальный хоть мужик или перекасти-поле?

— Ничего не могу сказать, я его до сих пор ни разу не видела. У них как — то все рывками, с мексиканской страстью. Но перед родителями он обозначил себя, ее мужчиной. Решительный и бескомпромиссный, так отец про него сказал. Примчался с цветами и коньяком спасать девицу из лап несостоявшегося соперника, когда узнал, что они ей очередного жениха подгоняют.

— Молодец! — изумленно покачала головой, переведя на меня взгляд. — Пометил, значит, территорию. Ну дай Бог, чтоб и на ее улице был праздник. Не понимаю, как мужики такое сокровище разглядеть не могли — умная, симпатичная, домашняя. Просто — хватай и беги! А у тебя что новенького?

— В Питере открывается филиал Лешинной компании. Ему предложили оседлать должность главного инженера.

— Это же хорошо, да? — бегаёт по моему лицу глазами. — Больше по командировкам мотаться не будет. Новые горизонты откроются, — прищурилась, словно пытаюсь прочесть, мои мысли. — Питер замечательный город. Ты поедешь?

— Все сложно, Наташ, — я протянула ей контейнер с гренками, она не глядя запустила в него руку. — У меня здесь работа, родители, друзья...а там...

— Туманные перспективы... — продолжила за меня, разжевывая хрустящий ломтик. — Причем во всех отношениях. Ты не выглядишь счастливой или наполненной радужными надеждами. Скорее наоборот, какой-то растерянной.

— Просто неожиданно, — пробормотала я, разглядывая свои бахилы. — Вопрос о переезде никогда не стоял.

— Понятно, что Свиридову спокойнее, когда ты под боком и никуда не денешься. Ни работы первое время нормальной, ни приятелей, полностью зависима... — от ее слов повеяло какой-то обреченностью. — Вик, а ты сама-то хочешь в Питер?

Под ее вопросительным взглядом, щеки запыхали предательской краснотой. Я неопределенно пожала плечами.

— Вик, ты только не обижайся. Спиши на гормоны, если мои слова тебе покажутся чушью...

— Говори...

— Я не первый день тебя знаю. И еще помню, какой веселой и беспшашной ты была в восемнадцать, сумасбродной и полной жизни в двадцать два, деятельной и целеустремленной год назад. А сейчас, смотрю на тебя и задаю себе вопрос, где это все? Из тебя как будто воздух выкачали. Взгляд потухший. Улыбка такая... — она замолчала, подбирая слово... — как будто сразу всем угодить стараешься. У тебя все в порядке? — Наташка осторожно коснулась моего локтя.

— Ну... да. Все как обычно скучно и предсказуемо. Дом — работа — дом, — соврала.

немного смутившись.

Ну не рассказывать же про свои любовные похождения!

Признавать себя развесившей уши дурехой, связавшейся с женатиком стремно. Вдвойне стремно, потому что наступила на те же грабли, что и сестра...которой ушлепок Павлик втирал два года про развод... пока история не закончилось выкидышем на нервной почве.

За Валю все переживали. Ее жалели. Ей искренне сочувствовали.

Но когда уже пыль осела, за пьяным трепом с подругами, нет-нет да и витало в воздухе: «а мы ведь предупреждали...». Да предупреждали, но когда кто-то прислушивается к чужому мнению, тем более если это касается сердечных дел?

Я ведь тоже головой понимаю, что Линц может мне впаривать, что угодно. Трындеть, что не живет с женой...что разведется...что влюбился в меня без памяти...Все это старо, как мир, и полито горячими слезами, несчастных женщин со скамейки запасных...на которой я совершенно точно оказаться не хочу.

Здравый смысл нашептывал мне из уголочка, что отношения не строятся на сексе...Ну что у нас общего?

С Алексеем вон тоже поначалу был вполне себе пожар. Но с ним мы с первого взгляда играли в открытую. Оба были голопопыми студентами, подхлестываемыми амбициями доказать всем и в первую очередь себе, что все сможем. От помощи не отказываемся, но и приседать на шею родителям не собираемся. Сами найдем свое место под солнцем.

Виктор ... Виктор остается для меня загадочным и манящим, как ящик фокусника. То, что я узнала о нем, как кусочки пазла. Всего несколько фрагментов из большой картинки, и я даже приблизительно не могу угадать, что на ней изображено. А хочется...

— Может мне кажется, конечно, — Наташа озабоченно посмотрела на меня, — но твои глаза перестали светиться счастьем. Я не собираюсь давать советов и лезть в твою жизнь... Но у меня сложилось впечатление, что Свиридов стал душным для тебя... — она запнулась, не зная, как лучше сформулировать. — Ты завязла в нем, как муха в сиропе... — и спохватившись, затараторила. — Прости. Прости. Я лезу не свое дело.

— Что ты хочешь сказать? — я проглотила тугой комок.

— Ничего...кроме того, что сказала, — Наташка закинула в рот сразу несколько палочек. Их хруст начал меня раздражать. — Не смотри на меня так. Ты размораживаешься, только в его отсутствие...Ну и нахер такой мужик? Подумай о себе, ты пять лет на него угробила...

Я ошарашенно на нее посмотрела. Неужели наши отношения со стороны выглядели такими ущербными?! А я полным ничтожеством?

Самое интересное, что я готова была бы все это услышать от циничной Лики, которую знала сто пятьсот лет, но никак не от Наташи, которая всегда была белой и пушистой кошечкой в нашей компании.

— Блин, Вик...ну ты что? — потерлась о мое плечо щекой. — Какая мягенькая... Обиделась? На беременных не обижаются...это из меня гормоны прут. Забудь!

Хотелось бы рассмеялась, если бы прозвучавшее не было так безнадежно грустно.

— Как у девчонок дела, не знаешь? — я махнула рукой, и перевела тему. — Давно ни от кого ничего не слышно.

— Ты не в курсе что ли?

— О чем?

— Муравьевы подхватили ветрянку.

— И Лика?

— Нет. Она была сестрой милосердия. Никитка относительно легко перенес, только чесался жутко. А Илюха мужественно боролся с температурой сорок почти неделю. Оказывается, этой заразой можно болеть несколько раз.

— Ни разу таких уникомов не видела.

— Вадим, как раз один из них, — Наташка пожала плечами. — В детстве, говорит пятью прыщами отделался, зато в тридцатник обсыпало, как ежа.

Мы обе рассмеялись. Я закрыла контейнер, когда Абрамова вновь запустила в него руку.

— Соленое ведь. Обопьешься.

— Точно...И так по десять раз встаю, — горестно вздохнула. — Я последнюю неделю Сереже спать совсем не давала. Он каждый раз дергался, панически боялся, что воды отойдут...

— А у Маринки как дела? — поспешила перебить ее снова съезжающее настроение.

— Ой, да все отлично. Мы к ним на тех выходных ездили. У нее вся жизнь подчинена распорядку дня Дианки. Она у них шевбутная, жуть. Все время носится по квартире. Везде свой маленьких нос сует. Падает, ревет, и снова бежит. Кота так затюкала, что он только на верхотуре теперь обитает.

— У них кот?

— Ага. Летом, во дворе Алексу под машину забился. Видно, что домашний, то ли выкинули, то ли случайно убежал. Маринка пожалела, и оставила себе. Знаешь какой он у них огромный? Во! — показала руками почти метр.

— Мейн кун?

— Обыкновенный болотный кошкотом, но такой зараза умный и ласковый...

Время было уже девятый час, когда у Наташки зазвонил в кармане телефон.

— Сережа? — предположила я и рассмеялась увидев ее вороватый взгляд по сторонам.

— Лежу, Сереж, что мне еще делать... — вздохнула в трубку. — Ничего не нужно. Ну зачем ты мотаться будешь? На улице уже?! — ее брови взметнулись вверх, она торопливо засунула контейнер в пакет и встала. — Конечно рада!

— Детка, да на тебя сегодня спрос! — я тоже встала, набросив на плечо сумку, взяла с дивана куртку. — Знаешь ведь кто будет, — стрельнула взглядом на пингвина. — Колись!

— Хочешь-верь, хочешь-нет. Не знаю. Сережа знает, но я запретила ему даже намекать. Я с дурья форумов мамкинских начиталась...так там пишут, что девочки более живучие, если что...зато у роженицы больше рисков и осложнений с мальчишками.

— Так...Все! Хватит! — я положила ей руки на плечи и посмотрела в ставшие опять встревоженными глаза. — Все будет хорошо! Слышишь? Как сказала Лика? Прекращай себя накручивать! Не ты первая, не ты последняя!

— Угу, — Наташка кивнула едва сдерживая слезы. — Я знаю.

— Не думай о плохом!

— Я понимаю!

— Держи хвост пистолетом! — я обняла ее. — Ты сильная! Чуть-чуть осталось...

— Это гормоны... — она хлопнула носом. — Оно само.

— Все иди в палату! Сейчас Сережа примчится, а ты с опухшим лицом. Некрасивая.

Наташка вытерла набежавшие слезы, забрала с дивана пакет, и засеминила к широким дверям.

— Вик, — она поднесла к уху мизинец и большой палец левой руки: мол позвоню. —

Как все случится. И спасибо! — потрясла пакетом над головой.

— Я тебе кое-что в VK кинула, посмотри! — помахала на прощание, отправляя ей ссылку на облако.

На какое-то время должно помочь! Пусть побольше улыбается.

Распашная дверь за ней закрылась, чтобы тут же открыться снова и пропустить кого-то из медперсонала.

Воскресенье пролетело незаметно. Классический семейный выходной у бабушки на даче, наполненный последним приветом усталого тепла, терпким запахом опавших листьев и отрывистым карканьем ворон. Один из тех деньков, когда лениво наслаждаешься текущим настоящим, без оглядки на завтра и вчера.

Дача, где мы когда-то, по малолетству с сестрой воровали у соседей клубнику, превратилась во вполне себе комфортабельный загородный дом со всеми удобствами. Но все мы по привычке называли ее «бабушкина дача», хотя от унаследованного еще покойным дедом надела, с неказистой постройкой не осталось и следа. И вообще поселок давно пестрел чистенькими двухэтажными коттеджами, окруженными большими заборами.

Ветер играл с моими распущенными волосами. Сидя в беседке и щурясь на осеннее солнце, я ловила уходящее тепло, подставляя улыбающееся лицо небу. Вспомнилось счастливое ощущение детства: бежишь на перегонки с Валькой по высокой траве к реке, раздвигаешь ее коленками, метелки мягко щекочут кожу, а за спиной предупреждающий бабушкин оклик: «Осторожнее, не расшибите носы!»

Я скучала по родителям, когда долго их не видела, радовалась каждой встрече, но уже не представляла совместного обитания на одной территории...вкусив свободу, любить их на некотором отдалении было комфортнее. Беспокоиться, встречаться, помогать, и возвращаться в собственную жизнь, не ломая своих привычек, выработанных за годы самостоятельности.

Мне было проще общаться с мамой по телефону, когда в любой момент можно, сославшись на неотложные дела, закончить разговор, перетекающий из дружественно-доверительного в назидательный. А отца я и так видела на работе почти каждый день, и была в курсе всех семейных новостей.

Ох, хорошо-то как... я лениво потянулась... оглядываясь по сторонам.

Отец возился на участке с забором, и мне почему-то вспомнился, Витька в его растянутых спортивках, сползающих с задницы. Как он вжикал дрелью, стойко боролся с железяками, целеустремленно приближая намеченный финал...а потом была баня с чаем, мед, березовые веники...

И что только не лезет в голову от безделья! Хорош залипать, Вика...иди лучше делом займись!

Призвав в соратники совесть, я, как примерная дочь, решила занять руки и тоже провести время с пользой. Выписала себе «наряд» на мытье окон на втором этаже, пока мама с бабушкой готовили обед.

После мы все расползлись по комнатам потюлнить. Я проверила телефон, то густо блин, то пусто. Судя по всему, дела до меня, не было ни Свиридову, ни Линцу. Никому я не нужна.

Разочарованно вздохнув, отправила обоим вид из чистого окна. Обнаженные деревья сиротливо выделяющиеся на фоне красного солнца, сады за крыши соседних домов.

Вот кто интересно первый отзовется?

Молчат...Да и черт с ними! Я плюхнулась на кровать и поморщилась, помывка окон, пожалуй, сравнима с тренировкой черлидерши: мах — наклон-приседание — прыжок — поворот, и так охрилион повторений...дала о себе знать крепатурой. Старею! Карл, я

дрыхлаю, биологические часики тикают и силы покидают меня... Ааа!

Не хочу превращаться в старушку с кошкой. Я и кошек-то не люблю, вот собака... спаниель или шнауцер... В детстве мама была против животных в квартире, а потом у Свиридова появилась аллергия.

Эх...похоже...что всю жизнь придется прожить вот так...без собаки...

Волевым усилием я выкинула из головы все темные мысли. Вчерашний разговор с Наташей и сеанс ночного самоедства сработали как психотерапия. Если Линц действительно хочет быть со мной, пусть сначала разведется. Только после этого можно о чем-то думать... Любовницей женатого мужика я не буду, и жизнь переворачивать, поддавшись эмоциональному порыву, на сто восемьдесят градусов не стану. Чтобы понять, куда двигаться дальше, иногда нужно и постоять. Взять паузу, и просто принять обстоятельства, как есть.

А пока — хватит жрать себе мозг. Еще не все отмеренное на мой век освоено, так что серое вещество, мне пригодится.

Переварив обед, женское большинство отправилось сгребать на участке в кучи пожухшие листья, а единственный, горячо любимый мужчина, занялся шашлыком, вдохновляя нас шуточками на трудовые подвиги.

Переменчивая осенняя погода испортилась, и шашлычные посиделки на лоне природы пришлось перенести в дом. В разгар импровизированной пирушки маме позвонила Валя. Кухня, хоть и была просторная, но родительнице, видимо, не терпелось пошептать с сестрой подальше от лишних глаз. Она выбралась из-за стола и с видом заговорщика отправилась в комнату.

— Ну это надолго, — махнул ей вслед отец, — пошла раскрывать секрет каких-нибудь галушек. Ты представь, кивает мне, — Валя-то наша, Максиму готовит. Вот что с людьми творит любовь!

— Вот и умница, — бабушка подложила отцу салат с опятами, — своего мужчину надо холить и лелеять.

— Ба, ты так говоришь, как будто видела его!

— И даже кормила! Они мне вчера целую корзину фруктов привезли. Манго спелые просто объединение. Хочешь?

— Давай одно напополам, — я отодвинула от себя тарелку с недоеденным шашлыком.

— Все на диетах сидишь? — проворчала бабушка, вынимая из холодильника желтый огромный манго. Помыла и ловко нарезала ежиком. — Бледная, как моль стала.

— Да не сажу я ни на каких диетах, ба. Это я по сравнению с Валею, бледная. Тебе кажется.

— Ага. И заморенная, будто в подвале сидела. Доходяга, ухватиться не за что! Куда только Алексей смотрит! Ешь! — двигает ко мне тарелку. — Как он, кстати?

— Хорошо, — вытираю салфеткой потекший по подбородку сок. — Главным инженером в открывающемся питерском филиале будет.

— А чего невеселая тогда? Радоваться за мужика надо! При сытом муже и жена голодной не останется!

— Да я радуюсь, ба!

— Что-то не видно, — отец смерил меня взглядом, пропустив рюмку беленькой. Они с мамой оставались ночевать, поэтому чуть-чуть взбодрить организм ледяной водочкой под шашлычок, как он говорил — святое дело! До утра все равно выветрится. Да и в конце

концов, директор он или нет? Может и подзадержаться немного.

— Что мне конем что ли скакать?!

— Работника-то мне, когда на твое место искать?

— Не раньше нового года, — буркнула я, вгрызаясь в мякоть.

И только сейчас до меня дошло... Я не хочу переезжать в Питер, только потому что все от меня этого ждут. Не хочу подстраиваться под «оправданные», но выдвинутые Свиридовым условия. Не хочу выпадать из привычного ритма жизни.

У меня тоже есть желания! Я хочу прожить свою неидеальную жизнь! Хочу на кухне желтые стены! Собаку хочу! Да в конце концов, хочу печь свои десерты... И кондитерскую хочу! Да! Я хочу свою кондитерскую!

Впервые абстрактное желание, вертевшееся в голове, сформировалось в отчетливую форму.

А кто мне в принципе мешает, его осуществить? Да никто!

Денег можно занять у отца...взять в аренду помещение... «И прогореть!» — прошептало мне губами Алексея, жалкое малодушие.

Ну не верит в меня Свиридов! От части я его даже понимаю, он сам всегда осторожничал, открещивался от рискованных проектов. Говорил, что дилетантам в бизнесе не место, что конкуренты сожрут с потрохами...

«Надо просто все хорошенько обдумать и оценить», — настойчиво билось внутри.

И тут меня, как волной окатило смутным чувством вины, и ощущением незаслуженного поражения. Что не оправдаю возложенных на меня надежд и ожиданий. Что, получается, столько времени морочила голову хорошему человеку, и в последний момент подвела. Просто слилась. Перестала тихо подносить за спиной патроны...Блин!

Но с другой стороны...задача мужчины не вынуждать свою женщину подавать гребаные патроны отстреливаясь от всего мира, а не подвергать ее лишней раз стрессу. Защищать и оберегать, как зеницу ока.

И что делать с противоположными чувствами я тоже пока не знала...

Уже смеркалось, когда я выгнала Муху за ворота, собираясь отчаливать домой. Отец обнял меня и сказал, помолчав:

— Не слушай никого, кто будет говорить, что ты что-то кому-то должна. Я видел, как сияли твои глаза, когда ты познакомилась с Алексеем. Как готова была вгрызаться в глотку любому, кто криво о нем говорит. Сейчас этого нет. Не слушай меня, если я ошибаюсь, — положив руки мне на плечи заглянул в глаза. — Ты к нему остыла...но боишься себе признаться в том, что любовь ушла. Цепляешься, как за последний шанс в своей жизни. Как отец, я корю себя, что слишком рано, отдал тебя ему...ты не научилась ни царапаться, ни кусаться. Вот он и вьет из тебя веревки. Думаешь я не вижу?

Я на мгновенье прикрыла глаза, не зная, что возразить. Как все объяснить-то?

— Я молчал, потому что раньше тебя это не напрягало, а теперь тяготит. Послушай меня, Вик... причина не в том, что ты стала плохая, или Алексей испортился. Причина в том, что ушла любовь. Может не он твоя судьба, а ты так отчаянно присваиваешь то, что не принадлежит тебе. Я что сказать-то хочу... — он запнулся, — не сошелся на Алексее белый свет... Да, он — неплохой мужик. Своеобразный, конечно, но кто не без изъяна. В каждом из нас — своя червоточинка. Ты делай, Вик, то, что считаешь нужным. Для себя нужным. Стань эгоисткой. Я это к чему все... — успокаивающе погладил меня по голове. — Ты у меня умница и красавица, одна не останешься. Кстати, у меня есть знакомый...

— Пап, ну ты-то не начинай, а? Ну какой еще знакомый? Я вообще-то с мужчиной живу...

— Так и я о том же, Вик. Что не жена до сих пор... — назидательно поднял вверх палец.

— Еще скажи, что это знак? — передразниваю его мимику и жест.

— Все может быть... — треплет меня по щеке, улыбнувшись, — Пути господни нам неведомы!

— Люблю тебя, пап! — целую отца на прощание.

— Ехай осторожно!

— Езжай, пап! Правильно езжай!

— Один хрен! Будь осторожна! Как приедешь — позвони! Мы с матерью волноваться будем!

— Сама-то ты что хочешь? — спросила Валя, в десятый раз перелистывая меню.

Она позвонила и сказала, что внезапно свободна сегодня. И день недели, так невзначай подгадала, пятница. Это означало только одно, что ей не терпелось поделиться новостями под бутылку вина.

Мы пересеклись в «Стекляшке», как между собой называли грузинскую кафешку, расположенную практически на равном удалении от наших домов. Где можно было вкусно поесть, а при неумемном желании продолжить вечер, перекочевать к ней или ко мне.

Свеженькая, загоревшая, с чуть заострившимися скулами. Вся такая плавная и мягкая, с лучезарной улыбкой на лице. Сумкой одного тона с бежевыми сапожками, безупречно сидящей на бедрах черной юбке-карандаш и идеального размера белоснежной офисной блузки, расстегнутой на пару пуговиц. Сразу было видно, что она переключилась из режима «синий чулок» — в режим «сексуальная стервочка».

Клюнув в щеку Валя вручила мне пакет с изображением азиатки, блистающей белозубой улыбкой и роскошными волосами.

— Чтобы подольше оставаться цветущей принцессочкой! — прокомментировала играя бровями. Я сунула нос внутрь — баночки, пузыречки, коробочки с натуральными маслами. Для лица, тела, волос...это я люблю... Ням, ням!

Подарочкам я обрадовалась, и с визгом кинулась обнимать сестру.

— Да ладно, ладно, — Валя потащила меня к столику. — Давай лучше посплетничаем, пока есть возможность.

За пять минут, она хихикая, вывалила рассказ про свой отпуск, я без энтузиазма — про свой. В пикантные подробности мы не скатывались, но, общее понимание сложилось у обеих. От ее буйного восторга, мое настроение из приподнятого, скатилось куда-то в живот.

— Выбери уже что-нибудь, — шелест ламинированных страниц начал раздражать. — И не смотри на меня так. Да, я сама не знаю чего хочу. С тобой что ли такого никогда не было?

Валя тихонько хмыкнула, пропустив мимо ушей мой язвительный тон. Да... пожалуй, секс, влияет на женщину положительно, не только успокаивает и расслабляет, но и активизирует участки мозга отвечающие за пофигизм.

Похоже с радостями жизни, которыми она заново училась наслаждаться у нее явно все было в порядке.

— Может, по бокальчику? За встречу?

— А давай, — чего на сухую сидеть! Настроение, еще пакостное пять минут назад, начало потихоньку подниматься, как ртуть в градуснике. — Ты где машину оставила?

— Меня... привезли, — на Валины щеки набежал легкий румянец.

— Так-так... — я подозвала официанта, заказала бутылку вина, оджахури и рататуй. — Давай рассказывай...про личного водителя...

— Мне, тоже самое, — по два, плюс рулетики из баклажанов, — наконец определилась она с выбором захлопывая меню. — И с собой мцвади, лобиани с ветчиной и надуги с мятой

— Ты же лопнешь деточка! — я не удержалась от шутки.

— Готовить не хочу, — отмахнулась, в ответ на мой пристальный взгляд. — Я к Максиму переехала, он кстати скоро будет.

— Вот с этого момента поподробнее...

— А что поподробнее? — хихикнула она. — Макс сказал, что у него кровать удобнее и больше...и что ему очень нравится видеть меня в домашней одежде у себя дома.

— Ты смотри какой коварный искуситель! И как грамотно предлагает...себя в довесок к квартире и кровати! — хмыкнула я, мысленно похвалив Макса за креативность. — Я очень за тебя рада! Очень! Ты выглядишь потрясающе! Светишься, будто внутри лампочка зажглась.

— Это потому что я счастлива, — Валя нежно погладила ножку бокала. — Мне так хорошо, как, пожалуй, еще никогда в жизни!

Кажется, сестра втюрилась по уши. Главное, чтоб все сложилось удачно...иначе...иначе придется оторвать этому Максусу яйца!

— Ну, а ты? Что все-таки будешь делать?

— Не знаю...посмотрим...Если честно, я не испытываю щенячьей радости, от того, что придется все начинать сначала. Квартира, работа, окружение... Наверное, когда ничего нет, легко сорваться с места... А у меня здесь налаженная жизнь, которая меня в общем-то устраивает...И вообще, я задумываюсь о смене сферы деятельности. Хочу свою кондитерскую... — воинственно посмотрела на сестру предвосхищая реакцию

— Серьезная заявка на победу! — Валя сделала в ответ страшные глаза. — А что по этому поводу думает Алексей?

— Алексей- консерватор. Он против рискованных проектов. А собственный бизнес, это всегда риск.

Валя с пониманием кивнула, молча давая понять, что согласна с моей оценкой.

— Не поддерживает, значит?

— Нет. Смотри, — гордо тычу ей в лицо телефон с тортом-жука, с удовольствием наблюдая восторженную физиономию. — Это я для сына Натальи с работы забаббахала, — а это... — показываю йогуртово-сливочный чизкейк, упавший мне тоже по наводке коллеги, пролистывая простенькие профитроли и мильфей, — вчера вечером колдовала. — А Свиридов по мне катком проехался, сказал, что я нашла себе занятие для бестолковых недоучек, которые не умеют работать головой.

— Вот козел! — цедит сквозь зубы. — Очень круто, Вик! Я всегда говорила, что у тебя талант!

— Да какой талант... просто нравится.

— Ты слишком много себя ему отдала, — Валя прикусила губу подбирая слова. — Он перестал тобой дорожить, видеть в тебе ранимую девчонку, беречь, как хрупкую хрустальную вазу. Сколько себя помню, ты всегда была смелой, можно даже сказать, воинственной, и уверенной в себе. Всегда была для меня примером, — манерно откинув волосы назад, приосанилась. — Плечики развернула, носик задрала, подбородок вздернула — и пошла, пошла, пошла... С грацией королевы...

— Королевы? Ну ты даешь! — я расхохоталась, вспомнив себя такой. — Я же махровый баран, забыла? В моей интерпретации это выглядело по-другому: выпрямила спину, сжала зубы и улыбаешься всем назло. За нас! — чокнулась своим бокалом об ее и сделала большой глоток. С удовлетворением ощущая, как бархатистый вкус вина бежит холодным сгустком вглубь. Кайф!

— Вик, что происходит? — Валя осторожно коснулась моего запястья и заглянула в глаза.

— Ты о чем вообще?

С полминуты мы смотрели друг на друга в упор, как будто играли в гляделки: кто кого.

— Будем бодаться? — она прищурилась. Это дотошное выражение лица я отлично знала. — Хорошо, скажу прямо... Ты очень красивая женщина, и выглядишь, как обычно на все сто — прическа, макияж, одета с иголочки — тут не подкопаешься, но ты не выглядишь счастливой, Вик. Как будто утратила ориентиры и потеряла якорь.

— Ух ты, как высокопарно, — я тихо огрызнулась, уже почти сдаваясь, чтобы поделиться наболевшим, но одернула себя, включив заученную мантру. — Успокойся, все у меня хорошо!

Какой смысл изливать душу, если я сама не могу в себе разобраться. Как объяснить-то, что хочу журавля, но и синицу боюсь отпустить. Осторожничаю?

Чего греха таить, мне страшно разворачивать свою жизнь на сто восемьдесят градусов, ведь ничего драматичного в ней, по сути, не происходит. Мне скоро двадцать семь. У меня нет времени на сказки и фантазии. И с каждым прожитым годом, хочется чувствовать себя увереннее и значимее. А я ощущаю себя незаслуженно задвинутой и недооцененной. Казалось бы, обычная ситуация, когда в семье — один лидер, другой — ведомый, уже привыкнуть должна...но почему-то сейчас очень обидно.

И что впереди?

Роль домохозяйки? Но я не вижу себя в этой роли, и никогда к ней не стремилась.

Или перезагрузка со сменой декораций и непонятными перспективами?

В бытовом плане я полный ноль, меня никогда не касались ни обслуживание Мухи, ни покупка техники или, — не дай Бог! — ремонт, — всем этим всегда занимался Алексей. Мое дело, было сказать или напомнить.

Но ведь жила же как-то Валя?! И не жаловалась никогда. Значит и я смогу. И снова встает вопрос, а надо ли оно мне?!

— Оно и видно! — Валя скорчила печальную рожицу, сдвинув бровки домиком. — Ладно, захочешь выговориться — мои уши в твоём распоряжении. Обещаю не раздавать советы, и быть немой, как могила, — жестом застегнула рот на замок.

— Я подумаю, — официант поставил передо мной оджахури. — Может в чем-то ты и права, я, действительно, разбаловала Свиридова и посадила себе на шею...надо с этим что-то делать. Искать какой-то компромисс. Если честно, — я никак не могла развернуть салфетку, чтобы расстелить на коленки. Накрахмаленная и отутюженная, она слиплась, и меня все-таки прорвало, — мне не хватает решимости вот так обидеть его и сказать, что не хочу переезжать, и становиться зависимой от него. Он всегда старался для нас, я это понимаю. Искал возможности подняться выше. Улучшить качество жизни. Но сейчас его целеустремленность воспринимается почему-то, как принуждение. Как представлю: хмурое небо, пронизывающий ветер почти круглый год и себя в четырех серых стенах, — от тоски не хочется просыпаться.

— Не обольщайся, старался он всегда для себя? — презрительно хмыкнула и успокаивающе выставила перед собой руки раскрытыми ладонями вперед. — Но не будем больше о грустном, — уловив мое захромавшее настроение, Валя подняла бокал, обвела глазами наполнившейся едой стол и остановила на мне взгляд. — Я хочу, чтоб ты была счастлива! Как я, и даже больше. За тебя!

— Нет, давай за Наташку!

Абрамова в понедельник родила мальчика, о чем сообщила всем смс-кой «Обмойте ножки Андрюшке! У нас все хорошо! Всех люблю!» Я позвонила ей вчера — еще раз

поздравить и немножко поболтать после выписки. Несмотря на темные круги под глазами, что были заметны на коротких видюшках, она выглядела красоткой рядом с малюсеньким сынишкой.

— За Андрей Сергееча! — торжественно произнесла Валя.

Осушив бокалы, мы накинулись на еду и переключились на обсуждение подарка для новорожденного. Перебрав варианты, остановились на кресле-качалке. Позвонили самой опытной маме в нашей компании. Маринка одобрила и посоветовала, при выборе ориентироваться на регулируемую спинку и наличие ручки — переноски.

— Думаю, Андрей Сергеечу цвет не очень принципиален, — листаю в телефоне модели детского девайса. — Главное, чтобы удобное было и крепкое. Как считаешь?

— Да фиг знает, — Валя пожала плечами, — надо отзывы почитать. Может еще на что стоит внимание обратить.

Я сосредоточенно изучала характеристики, когда в руках зазвонил телефон.

— Привет, Фике. Мне нужна твоя помощь, — выдохнул, будто собираясь с духом Линц.

— Что случилось?

Всю неделю я избегала с ним встреч. Иногда, действительно, нужно сделать паузу, чтобы прислушаться к себе, а затем сделать осознанный выбор. Мозг, в его присутствии превращался в кисель, переставал адекватно воспринимать происходящее, и генерировал единственный импульс — пометить и присвоить. Короче, просыпался первобытный инстинкт, озабоченной самки.

Проанализировать коктейль эмоций, вызванный его голосом, я не успела. Валя выразительно посмотрела на меня. «Рыжий» — проартикулировала ей.

— Привет передавай! — оживились ее глаза, и она наострила уши.

— Мне нужно уехать на неделю, может дней на десять. Пришло оборудование. Помнишь, я говорил? В понедельник начинается монтаж. Сможешь присмотреть за Жориком? Не хочу его на передержку отдавать.

Как он это представляет? Привезет его мне? К нему же, наверное, в комплекте целый набор какой-нибудь хрени прилагается? Клетка, корм, наполнитель для туалета, или что там еще свинкам надо. Да ну нет...он же знает, что у Свиридова аллергия...да и вообще. Нет, ко мне точно не привезет! По крайней мере вот прям щас...

— Смогу наверное. Если только он не кусается.

Совсем дура, да?

Точно. Совсем.

— Да ты что! Жорик — парень добрейшей души. Брюшко ему почешешь, и он сделает брям-с... а вкусняшку дашь — встанет на задние лапки и будет благодарно тыкаться тепленьким носом в ладошку. Только не перекармливай.

— Хорошо, — ляпнула неожиданно для самой себя.

Валя разлила по бокалам вино, и подхватив свой, с издевательской улыбкой начала кивать головой. Вместо ответа, я подняла вверх указательный палец, типа сейчас-сейчас, нужно договорить. Она ехидно прищурилась и показала мне язык.

— Ты дома?

— Нет. Мы с Валец в грузинском ресторанчике. Пятница. Привет, тебе, кстати от нее.

— Далеко? — в голосе Виктора послышалось сожаление. — Ей от меня тоже, пламенный!

— Помнишь, где ночью вино покупал? В соседнем доме, — прикрывая динамик,

транслирую сестре. — Тебе тоже!

Беззвучно открывая рот, сестра передразнивает меня. Дирижируя одной рукой, другой — тянется к моему бокалу, звонко дзынькается и призывает грозным взглядом наконец-то выпить. Шикнув на нее, отпиваю пару глотков. Довольная, с дурацким выражением лица, она начинает смешно пританцовывать в такт музыки, и осушает свой бокал.

Я просто не узнаю свою Валю... Сто лет ее такой не видела. Жизнь так и плещется в ней, брызгается, проскальзывает во всем: движениях, улыбке, счастливых морщинках в уголках глаз. Веселая, раскованная, дурачится... Тьфу- тьфу! Не сглазить бы...

— Я тогда сейчас заскочу, ключи отдам.

— Какие ключи? — не поняла я.

Продолжая пантомиму Валя вылупила глаза, и начала хлопать ресницами.

— От квартиры в которой живет Жорик. Буду минут через пятнадцать. Не помешаю?

— Да нет.

Мое сердце забилось от радостного предвкушения, но в то же время паники. Как я объясню Вальке, внезапную дружбу с Линцем?

Виктор отзвонился, когда я уже валялась в постеле, благоухая маракуйей и шоколадом, отмокнув после «бабушкиной дачи» в ванной. Жизнерадостно поделился впечатлениями о вчерашнем вечере, — гульнули — слабенько. Он все помнит. Стриптиза, к его огромному сожалению — не было, цыган и медведя — тоже. Усыпляя мою бдительность гипнотическим голосом, Линц брал меня, можно сказать тепленькой... сначала нажаловался, что страшно соскучился, а потом признался, что безумно хочет...увидеться...

Я слушала его голос, очень бархатный и очень сексуальный. Вначале он был тихим, но каждая глубокая, ласкающая нота, как будто вливалась в уши.

— В удобной кровати, ранним утром, когда за окном еще темно. С полуспящей и податливой... как тогда... Помнишь?..

Это запрещенный прием, Карл! Он вероломно прокрался мне в голову, запуская горячие ассоциации, заставляющие биться сердце быстрее.

— Только медленнее и нежнее... Скользить ладонями по бедрам. Сминая, неспешно подниматься вверх. Тереться щекой о шелковую кожу..., а потом заглаживая ее губами, вдыхать дразнящий запах возбуждения...

Закрыв глаза, я прикусила губу и затаила дыхание, чтобы не выдать себя с потрохами.

— Приподнять маечку, коснуться губами живота и морзянкой поцелуев добраться до груди. Втянуть сосок и смаковать его твердость. Оставить влажную дорожку на шее, — продолжал плавить меня совратитель. — Ворваться в сочный рот языком. И в такт ему, дразнить пальцами, едва задевая трусики...

Голос мягко одурманивал, вел за собой — незримо касался шеи, груди, сосков. Петлял, словно исполняя неведомый танец, пробираясь в самый низ теплой волной.

— Вот бы увидеть тебя сейчас... — услышала я, как сквозь пелену. — Дотронуться... Почувствовать твоё тепло...там...

Окружающая реальность растворилась. Я ничего не видела. И как будто не дышала. В голове стоял только его шепот. До стука в висках.

Было ощущение, что его губы и руки ласкают меня. На тело накатила сладостная истома. Между ног стало горячо и влажно.

— Накрыв собой проверить упругость матраса. Захлебываться страстью, от впившихся коготков, и стонов при каждом толчке. Потеряться в лихорадочном огне глаз, чувствуя, как ты кончаешь...

О боже, я же сейчас... сейчас... сейчааас...и правда...Бедра судорожно сжались, и я ощутила внутри мягкую пульсацию.

— А после валяться в кровати, обнимая тебя. Натрававшуюся и обессиленную. Пахнущую мной...

Ммммм, я открыла глаза.

Это вообще что было?! Я хоть не стонала на самом деле?

Он молчит...слушает...неужели все понял? У меня что, был оргазм? Черт! На что только не способна буйная фантазия!

Отмираю и начинаю дышать с той же глубиной и интенсивностью, что и он. У него тоже дыхание рваное. Надеюсь, он не маньячил... как-то прям уж, слишком пикантным и впечатляющим, оказалось наше общение. Хотя... вообще-то я молчала...Или нет? Ну точно!

Вякала что-то в ответ...ерзала...и сопела.

Не удержавшись, я все-таки расхохоталась в трубку. Искренне и заливисто. Вот же дура! Он только что трахнул тебя по телефону и знает об этом, а ты развесила уши и радуешься... Идиотизм просто! Осталось теперь только кончить от того что он засунет в тебя член и поймет. Во сне!

Отсмеявшись, я одернула себя, — не хрена вообще валандаться с женатиком! Сама же решила, пусть сначала разведется! Прояви твердость духа, что ты как в том мультфильме про колобков «... при звуках флейты теряешь волну». Флейты...ну только я могла до такого додуматься. Кувшинчик, блин, с дудочкой!

Линц терпеливо выслушал мою истерику, и незаметно вовлек в безопасную тему о кошках и собаках. С какого-то перепугу, я призналась, что как Малыш, всегда мечтала иметь собаку... не карманного бздеха, а нормальную такую собаку, которую можно тискать с пристрастием. Ох, как бы я тискала!!! По несколько раз в день! А потом еще больше разоткровенничалась, и поделилась идеей про кондитерскую, услышала уйму тонкостей, о которых даже не подозревала. И еще, обещание помочь, если надумаю.

Умом я понимала, что он зарабатывал, в моих глазах, баллы, и аккуратно подводил к нужным реакциям. Но все равно было до ужаса приятно, что не стал стебаться, и отнесся вполне серьезно, даже я бы сказала, с энтузиазмом. Подытожила я наш диалог, решительным заявлением, что любовницей его быть не собираюсь.

— Я тоже! — услышала в ответ.

— Значит, все остается по прежнему... — повторила фразу из «Большой перемены», имея в виду, что при таком раскладе мы тренируем выдержку или ждем пока одному из нас она изменит. И этот, один из нас — сольется.

— Если все остается по прежнему, значит ты меня не любишь... — продолжил он, обиженно шмыгнув носом. А я, как дура, расплылась в улыбке, едва поборов желание закончить, уже ставший крылатым, оборот.

Полтора часа пролетели незаметно. И все труднее становилось придерживаться нейтральных тем, не переходя на личное.

— Вик...давай сделаем вид, что мы познакомились вчера? Отпусти условности, и признайся себе, что рыжий бородатый мужик из поезда тебе понравился, и ты бы хотела продолжить с ним знакомство...У него от тебя крышу снесло капитально. Он жутко испугался, что все испортил своим неадекватом. Видит Бог, готов понести любое наказание, — вздыхает будто бы виновато. — Да, он далеко не подарок и очень боится облажаться, поэтому откровенно рассказал, что из себя представляет. Помнишь? Признался, что женат, и что дочка у него есть...и он ее любит.

— Помню.

— И еще, что будет свободен через две недели, ты же дашь ему шанс?

— Девушка в поезде, тоже говорила бородатому мужику, что не свободна...

— Бородатый мужик все прекрасно слышал, — усмехнулся Виктор. — Ему все равно. Он будет добиваться эту девушку.

— Девушка обещает серьезно отнестись к угрозам мужика, после того как увидит свидетельство о разводе.

— Мужику жутко нравится эта девушка, — я услышала в его голосе довольную улыбку. — Он не собирается отступать. Две недели, и она увидит бумажку.

Что я могла ему сказать? Что ни в чем не уверена, и боюсь сделать неверный шаг? Что

чувство вины за свои желания не дает мне свободно дышать? Для любого нормального человека, наверное, наш разговор прозвучал бы забавно. Но так было проще говорить о личном, и не активировать токсичные эмоции. И ему. И мне.

— Девушка ничего не обещает...

— Привет, красотки! — скинув куртку, рядом с Валею на диванчик плюхнулся высокий парень, довольно крепкого телосложения в джинсах и черной рубашке. Увидь я его в костюме, так и восприняла бы: солидный мужчина. Коротко стриженный, с легкой щетиной и твердыми чертами лица, выразившими решительность. Но сейчас, с мальчишеской улыбкой и задором в глазах, он точно на важного бизнесмена не тянул.

— Максим, — представился он и чмокнул Валею в щеку.

— Вика, — вежливо раскланялась я, изучая его.

Макс, хлопнув, в предвкушении потер ладони.

— Есть хочу, умираю! Это же мне? — пододвинул к себе тарелку с мясом.

— Руки сходи помой!

— Я помыл, мам! — ответил с интонацией оправдывающегося мальчишки

— Еще раз помой! — передразнила его сестра учительским тоном.

— Ну мам, они чистые, — покрутил у нее перед лицом ладонями. — Можно я уже поем.

— Нельзя!

Валя протянула ему влажные салфетки. Макс скорчил недовольную гримасу и показательно вытер руки

— Теперь все? Можно?

— Теперь все можно...

И мне тоже вдруг до дрожи захотелось, чтобы за мной, вот также, с ходу подхватывали начатую фразу. Заботились. Иногда потакали капризам и маленьким слабостям. Захотелось «на ручки». И в прямом смысле, и в переносном. Так чтоб и обогрели, и пожалели, и к сердцу прижали нежно. На меня наконец снизошло озарение, что в своем теперяшнем, замороженном состоянии, я не получаю никакой радости от жизни.

Что я ни плохая и ни хорошая. Где-то упертая, временами малодушная и бесхребетная, а иногда и с ебанцой. Такая, какая есть. И принимать меня нужно со всем моим набором. Беречь, ценить и любить. И еще смотреть также, как Макс на Валею.

Виктор появился как ураган, едва мы успели перекинуться с Максом несколькими фразами, но его ответы сказали мне, что он, — наш человек. Можно не изображать при нем выпускницу пансионата благородных девиц. С юмором у него все в порядке. Поймет, потому что миелафон теперь у него. А уж после того, как признался, что торжественно вручил сестре пипидастры...пипидастры, Карл! — и с довольным видом, перечислил способы использования этих самых пипидастр: радостное выражение эмоций, вытирание пыли сразу двумя руками, ну в крайнем случае, в качестве щекоталок для интимных игр... Ну, ну... вопросительно кивнул мне. И, когда до меня дошло, что это всего-навсего метелки чирлидерш, и нас всех троих пробил дикий ржач, он меня покорила.

— За знакомство! — Макс чокнулся со мной бокалом. Валя, умиленно глядя, поощрительно погладила его по затылку. Но выпить мы не успели.

— Можно к Вам присоединиться? — без зазрения совести Линц, приветственно подмигнув Вале, пожал руку опешившему от неожиданности Максу, и раздевшись приземлился рядом со мной.

— А ты мне ничего не заказала? — уставился на меня, как на восьмое чудо света, как

будто ситуация и без того не подразумевала вопросов.

Если честно, я впала в ступор от заковыристого расклада. И правда, чего это я ничего не заказала? Может потому, что побоялась показаться, Вале с Максом, влюбленной дурочкой в ожидании любовника? Так-то ситуация больше располагала к тому, что он по тихому передаст мне на крылечке ключи, и слиняет.

Наверное, только сам Виктор и не растерялся, и наслаждался эффектом разорвавшейся бомбы. С наглой, такой улыбочкой, отобрал у меня вилку, засунул себе в рот кусочек мяса из моей тарелки, и махнул официанту.

— Мне говядину с овощами. Ассорти из солений, и что —нибудь горячее, чтоб не ждать. Бокал, и бутылку такого же вина.

Макс с любопытством уставился на нас, и как только на столе материализовался четвертый бокал, разлил вино.

— За прекрасных дам! — поднял тост Виктор, и показательно чокнулся сначала с Валей, а потом со мной. — И почему же ты, Валентина, не пришла ко мне на день рождения? А? — прищурившись, притворно оскорбился.

— Не хотела перетягивать внимание на себя, — заметно смутившись сестра отпила глоток. — Все-таки звездой вечера должен был быть ты.

Макс обнял Валу за плечи одной рукой и поцеловал в висок. И столько поддержки и нежности было в этом жесте. Желания защитить и оберегать свою женщину от всех трудностей и опасностей, чтобы никто не причинил ей вреда, что я в очередной раз на мгновение испытала что-то вроде легкого укола белой зависти.

— Как подшофе искрил филологическими познаниями, настоящий полковник, муж моей двоюродной бабушки: должен блеснуть, потому что должен... — Виктор театрально поиграл бровями, широко улыбаясь. — Я был как электросварка! Бурлил и фонтанировал снопами огненных брызг. Невозможно оторваться, такой был красавчик! Девки в ресторане, чуть из-за меня не подрались, между прочим... Честно-честно... Скажи, Макс!

— Пфф... — Макс хрипло хохотнул, — потому что накидались sake и не сразу поняли, что ты над ними просто стебешься.

Во мне забурлила ревность. Какие-то девицы к нему подкатывают, а он и рад радешенек получается. В ответ он виновато пожал плечами и развел руками, при этом его зеленые глаза весело сияли, глядя на меня.

— Давайте, как приеду из Сочи, повторим. Напьемся, как следует, где-нибудь в тихом питейном заведении... Потанцуем! И в школу не пойдем! — предложил Рыжий, подмигнув Вале. — Кстати, для своих девчонок у меня есть обалденная вишневая настойка, а для серьезных пацанов припасена «Хреновуха».

— По второму разу хочешь подарки стясти? — погрозил Витьке пальцем Макс. — Все срослось?

— Сертификат зажал? Да.

— Какой сертификат? — я вопросительно кивнула Линцу, наострив уши, перед которым опустилась тарелка.

— В тайский салон. Массаж, — невозмутимо вгрызся в ароматный шашлык на шпажке.

— Серьезно? — не поверила Валя. — Он тебе такое подарил?

— Клянусь единственными носками Василия Ивановича Чапаева.

— Ну а что такого? — усмехнулся Макс, убирая Вале за ухо прядку волос. — Я же не проститутку заказал. Приятное, хотел человеку сделать.

Сестра легонько пихнула его в бок, и перевела взгляд на Линца.

— Ну и как? Понравилось?

— Не плохо! — Виктор опустил свою ладонь мне на колено, и чуть сжал. Слава Богу никто этого не мог видеть! У меня от неожиданности, как обычно неконтролируемо, начали гореть щеки, а это как раз разглядеть было раз плюнуть. — Но когда любимая девушка касается, приятнее...сладко ноет не только в штанах, но и где-то вот тут, — похлопал себя слева по груди.

— Да, наличие любимой поднимает давление в разных местах...Ты руки-то помыл? — подозрительно прищурилась Валя, протягивая ему салфетки. Вот далось ей это мытье рук!

— Чо их мыть? — отмахнулся он. — В некоторых провинциях Индии перед едой мыть руки не принято исторически.

— У них в Ганге святая вода. У нас Ганга нет, а кишечки полно. И потом они не едят той рукой, которой подтираются.

— Так я тоже, — хохотнул Линц.

— А мне показалось ты амбидекстр, — подколола его сестра. — Нет?

Я не узнавала ее. За какой-то месяц, она не просто осмелела, а я бы сказала, обнаглела. Ушла зажатость и скованность. Распущенность, конечно, никогда не приветствовалась, но излишняя скромность, как будто язык проглотила, обычно была ее визитной карточкой.

— Это я только пью с двух рук...

Вино снова было разлито. Я цедила, отпивая по глоточку, боясь запьянеть и нарушить конспирацию. Рыжий тоже только пригублял. Наевшись до отвала, насмеявшись, вспоминая веселые случаи, мы решили расходиться по домам, когда за окном уже совсем стемнело. Собрав контейнеры с едой Валя с Максом быстро ретировались в свою сторону. А на Линца, была возложена почетная миссия, проводить меня до дома.

И столько хотелось сказать...но я молчала, уцепившись за его руку. Было уютно просто вместе идти и молчать. Приятно и трепетно, до безобразия. Когда Виктор остановился у подъезда, и прижав меня к себе, глубоко втянул воздух около моей макушки, я сдалась. Положила голову ему на грудь, прикрыла глаза. Было уже наплевать, что может увидеть кто-то из соседей. Так было хорошо. Чуть отстранив, он разжал мою ладонь и опустил в нее связку ключей.

— Я не тороплю тебя, ни к чему не подталкиваю, и не обязываю, — собрав мои пальцы в кулачок, поцеловал запястье. — Позаботься о Жорике, а это... — вынул из кармана какую-то бумажку, и переложил в карман моего пальто, — компенсация за доставленные хлопоты. Давай, иди уже, — слегка подтолкнул меня к подъездной двери

Я опешила, что даже не поцелует? И видимо взгляд у меня был слишком призывным. И он поцеловал...Мягко, осторожно, как будто опасаясь, что оттолкну. Потом снова, уже уверенно, настойчиво...

— Ты такая вкусная, теплая и рядом... Не представляешь какие мысли у меня в голове... ни одной приличной.

Я уже хотела сморозить какую-нибудь глупость, наподобие мечтать не вредно, но поймала вдруг его останавливающий взгляд.

— Адрес я скинул тебе в вайбер... Иди! — шепнул на ухо, щекоча бородой шею. — Развод через неделю. Дождись меня, пожалуйста.

Нежно погладив по щеке, Витя обхватил мое лицо руками и накрыл губы своими. С горечью и отчаянным призывом, в которых чувствовалось нетерпеливое ожидание ответных

шагов с моей стороны.

Несколько дней меня разрывало на куски. Я металась из крайности в крайность между мечтой и реальностью, стараясь обрести равновесие. Попытки занять руки новыми десертами, которые таскала на работу на радость отцу и коллегам, особого успеха не приносили. В процессе, в памяти всплывали картинки нашей с Алексеем жизни. Все самое светлое и теплое. Меня словно отбрасывало в счастливое прошлое, резко диссонирующее с настоящим.

Перед глазами проносились сцены, где мы еще студентами жили в однушке, и все казалось таким безоблачным. Когда хотелось, заглядывать в голубые, наполненные любовью глаза, улавливая в них отражение своих эмоций. Когда, чтобы оттянуть Лешин отъезд, я провокационно крутилась перед носом, в его распахнутой рубашке и кружевном белье, мешая собираться в ненавистные командировки. И он в последний момент, бывало и такое, менял билет.

От воспоминаний сжималось сердце. Я ощущала себя растерянной и беспомощной, словно ребенок. Хотелось прибиться к тихой пристани, где жизнь спокойна и безмятежна. А короткие телефонные разговоры с Алексеем лишь добавляли осознания, что беззаботное, счастливое прошлое уже не вернется никогда.

Да, наверное, можно и дальше делать вид, что все хорошо, только вот зачем?!

Внутри назревало желание разорвать замкнутый. Да, я трусиха. Боюсь потерять то что имею. А кто бы не боялся? Но я думаю об этом. Каждый день настраиваю себя на перемены. Мне нужно подготовить пути к отступлению, снять квартиру, родителям все объяснить. Я знаю, что ключи в моей сумочке, это приглашение. Предложение жить вместе. Но никто не поймет, если я перепрыгну из постели одного мужика к другому.

При мысли, что нужно будет глядя во все еще родные глаза Алексея сделать ему больно, по коже бежал мороз. Появилось ощущение, что угодила в яму-ловушку и медленно туда проваливаюсь. Иногда оно разрасталась до таких размеров, что я брала на руки Жорика, которого вместе с клеткой перевезла к себе на следующий же день. Гладила и рассказывала о своих страхах. Это хоть и слабо, но помогало.

Квартира у Виктора оказалась, в новом ЖК. С индивидуальной планировкой. Для съемной — просто роскошная. Просторная и светлая. Владельцы, будто специально сделали мужской интерьер — строго, индустриально и в то же время стильно. Никаких лишних деталей: функциональная кухня, с хорошей техникой, плавно перетекала в гостиничную зону с минималистичной мебелью. Сразу было видно, что Линц готовкой не заморачивался. Слишком уж девственно выглядели столешницы, даже поверхность плиты — сверкающе вылизана, так что буквально сияла. Хотя может я ошибалась, и Виктор просто педант, помешанный на чистоте и порядке. А нет... в небольшой спальне с выходом на балкон, на изножье кровати, темное, покрывало все-таки — небрежно бугрится, а на прикроватной тумбочке что-то беспорядочно навалено.

Жорик со своей квартиркой разместился на стеклянной консоле, рядом с письменным столом. Где присоседились маятниковые шары, фоторамка с портретом Эммы, и горшок с мясистым кактусом. Ну а как же... от излучения, кто о нем не знает. Только самого излучателя не было. На спинке лаконичного, но явно неудобного пластикового кресла, вписывающего в интерьер, висела скомканная, одежда. О, я тоже все время делаю из стульев

вешалки, а Леша на меня за это ворчит. Терпеть не может беспорядок.

В общем-то никаких предпочтений хозяйина, квартира мне не открыла. И ни на шаг, не приблизила к ответу на вопрос: что подарить, на прошедший день рождения. Чтоб и от души, и понравилось, и вроде как нейтрально.

Абонемент в фитнес зал? А вдруг у него уже есть или он вообще спорт не уважает? Дорожную сумку, вроде лишней не будет или может набор для бани? Подумает, что с намеком. Откровенно напрашиваюсь... Короче, ничего путевого в голову так и не пришло... а хотелось быть оригинальной и благодарной. Особенно после того, как он можно сказать, подсунил мне сертификат на мастер-класс по приготовлению и украшению тортов.

Поднимаясь на лифте, я полезла в карман за ключами и наткнулась на яркую глянцевую бумажку. Вытащила, развернула, скользнула рассеянным взглядом: глаз зацепился за знакомое слово, но мозг среагировал не сразу.

Название ресторана, повергло меня в ступор. А имя популярного кондитера привело в трепет и без того взбудораженное сердце. Вернуло в мечту — заниматься любимым делом, замороженную из-за нерешительности.

Как? Как Линц узнал? Я же ничего не говорила?!

Что это — еще одна попытка подкупить красивым жестом или искреннее желание подарить радостные эмоции, не думая о собственной выгоде? Научить принимать его заботу, поддержку, внимание. Немой призыв отвести сомнения и наслаждаться жизнью?

Ох, как заманчиво, но страшно. Без страховки.

Я старалась не думать о нем, но получалось плохо. Он настойчиво стучался в мое уединение, даже на расстоянии, то доставкой кофе и цветов на работу, то прикольными картинками и анекдотами в сообщениях, и конечно вечерними звонками, которых я стала с нетерпением ждать. Жаловался, ныл порой, рассказывал задушевым шепотом, как скучает. Мне хотелось услышать, это его мягкое «Фике», обволакивающим, пробирающим до мурашек, голосом, чтобы нервы зазвенели, как натянутые струны, а моя никому не нужная стойкость — спряталась, уступая место безрассудству.

Может, не все так плохо?.. Вот же — не дает забыть о себе, беспокоится, глупости всякие приятные нашептывает.

— Признавайся давай, что ты в меня уже влюбилась, — шутливо настаивал каждый раз перед тем, как отключиться.

— Скорее, я назвала бы это симпатией, — отчаянно врала я.

— Я просто очень соскучился и хочу знать, что ты меня ждешь. Для меня это важно.

— Тебя ждет Жорик...

— Не знаю, как это будет... Но я приеду и заберу тебя к нам. И плевать, от Леприкона, или еще откуда. Я понял, что не готов великодушно пожелать тебе счастья с другим. Хочу, чтоб ты была со мной, моей, рядом, и я мог к тебе прикасаться, как и когда захочу.

— Вить... не начинай...

— Ну извини... Не обижайся, слышишь? Я прекрасно помню, что девушка воспримет всерьез угрозы рыжего бородатого мужика, только после того, как увидит свидетельство о разводе. Я люблю тебя... Вик... и мне легко это говорить, особенно зная, что сейчас ты смущаешься и твои щеки розовеют.

— Нет. Они обычного цвета, — прикладывая ладонь, я ощущала, как они начинали гореть.

— Не ври. Мне очень... очень нравятся твои реакции. И запах, ты особенно пахнешь. Он

всегда выраженнее в ямочке у ключицы, фантастически приятный и притягивающий. Такой, что хочется укусить. Знаешь, иногда смотришь на человека и возникает непреодолимое желание: укусить, ущипнуть или хотя бы прикоснуться! Я как первый раз тебя увидел, все время борюсь с ним! Честное слово!

— Мне тоже сразу захотелось потрогать твою бороду...

— Вот видишь! Видишь! Ты тоже это чувствуешь! Только боишься признаться, что уже втрескалась в меня по уши. Трусиха, слышишь?

— Да...

— Ты мне нужна! Очень...

И всегда оставляя последнее слово за собой, быстро желал мне спокойной ночи и растворялся в тишине.

Работа отвлекала, правда, ее было не так уж и много. Текучка и помощь в латании дыр, кающимся грешникам. Закоренелым, вернее. А моя зарплата напрямую зависела от количества клиентов фирмы.

Снимать квартиру, содержать себя, если придется съезжать...а съезжать придется! и машину я, смогу, но аппетиты придется заметно поубавить.

Господи, еще два дня! И вернется Свиридов! Верно говорят — ожидание казни страшнее самой казни. Как их прожить-то??? Эти два дня?

Хочу как можно быстрее со всем этим покончить и... не знаю, что «и»...

Не могу, не хочу больше ждать! Устала думать, настраиваться и расстраиваться!

Я перекидывала сотовый из руки в руку, не решаясь начать разговор. Нельзя допустить, чтобы Алексей заподозрил в каком раздразе я нахожусь. Он же снова начнет убеждать, уговаривать, приводить неоспоримые доводы, и, как обычно, я не смогу противостоять его мощному напору. Дрогну. Буду мямлить и соглашаться, что и делаю всю неделю.

Да... я все ему скажу...Завтра вечером. Может после сабантуя он воспримет мои слова с пониманием, без обид...и нападок? По-мужски твердо. Может же такое быть?

На следующий день, сидя на работе я лазила по сайтам и форумам в поисках подарка Виктору. Одежда, парфюм, алкоголь...все настолько банально...

Идея Гектора, она конечно, безумная и очень личная, просто очень-очень, вдруг показалась уж точно не избитой...Только никогда я на такое не решусь. Я перед Лешей-то дурачилась под музыку пару раз...

Промыкавшись час, я махнула рукой на здравый смысл и созвонилась с Гектором, пытаясь себя убедить, что просто решила попробовать стрип-пластику. Просто попробовать. Ради интереса, получится ли...

К назначенному времени приехала в танцевальную студию. Последняя группа уже закончила занятия. Зал был свободен. Мария бросив мне на ходу «Привет! И пока!», проскользнула мимо, торопливо застучав каблучками по лестнице, ведущей к выходу. Я бросила взгляд в сторону тренерской, облокотившись плечом на косяк Гектор встречал меня с распростертыми объятиями и хулиганской улыбкой.

— Рад, что ты решилась! — по приятельски чмокнул меня в щеку. — Не будем терять время! Раздевайся до нижнего белья, — увидев мой ошалевший взгляд, игриво добавил. — Я дам тебе свою рубашку! Будешь входить в образ!

Не верю, что делаю это, но я действительно раздеваюсь. Стягиваю джинсы и водолазку, накидываю свободную футболку, которую приготовила для занятия.

— Чулки взяла? — увидев меня стоящей голыми ногами на лавочке, Гектор хищно

прищурился. Подхватив стул, прошел и поставил его в центре зала. — Так и знал! Держи! — вальяжно уселся, сложив ногу на ногу.

— Может все-таки подашь?

— Нет, ты должна быть дерзкой, подойди красиво и возьми! — щелкнул пультом, зал обволокло приятной томной мелодией.

Я сама на это подписалась, еще и денег заплатила...спрыгиваю с лавочки и одергивая футболку, делаю шаг, второй, виляя бедрами. Не выдерживаю, тушуюсь и смеюсь! Сгибаюсь пополам, закрывая лицо руками.

— Нет! Руки твой инструмент. Твои крылья. Пользуйся ими! — подбадривает, перекрикивая музыку. — Давай, не стесняйся, слушай музыку и иди!

Когда я протягиваю руку, чтобы забрать чулки, мягко перехватывает кисть, заставляет плавно обойти вокруг стула и приземлиться к нему на колени.

— Вот так. Ты ночная бабочка, — распрямляет одну мою ногу и невесомо пробегается ладонью, почти до трусиков, прогибая меня в спине. — Учись парить!

Встает и аккуратно опускает меня по себе на паркет.

— Пальчики на стул, стопу вытянула, как балерина и медленно раскатывай чулок.

С облачением в сценический костюм было покончено. Гектор присвистнул, увидев на мне черный спортивный лифчик с трусами.

А чего он ожидал, кружева? Я вообще-то на тренировку пришла, никого соблазнять не собиралась. Нигде ничего не висит и не прыгает, удобно...что и требовалось.

Придирчиво осматривая, он расстегивает еще одну пуговицу у меня на рубашке.

— Лифчик должен быть немного виден, и резинка чулок тоже. Это сразу поднимает мужику настроение в штанах. Широкую рубашку не надевай, желательно классическую, тебе даже можно зауженную.

Снова садится на стул и хлопает себя по коленям.

— Повернись ко мне спиной и медленно вращая бедрами лениво приподнимай волосы. Так... На носочки встань. Прогнись вперед. Кошечкой...кошечкой...Обернись...Присядь, разведя колени в стороны... Плавнее...плавнее...

Мне кажется у меня ничего не получается, руки — деревянные, ноги — не разгибаются в коленях, мягко опуститься и отпружить не выходит...Гектор встает позади. В такт музыке, диктуя движения, прижимает к себе, продельывает их раз за разом вместе со мной. До тех пор, пока мое тело не отпускает напряжение. Синхронно приседает, прогибается, рисует восьмерки бедрами, перекачивается по полу, разводит в шпегатах ноги. Боже мой, какой же он пластичный...как пантера. А еще, с легкостью шутит, над моей неуклюжестью, вдохновляя и мотивируя.

— Вот так...Молодец...Теперь сама.

Приглушает в студии свет. Садится на стул, переключает музыку.

— Твоя задача увлечь, так чтобы из кармана можно было вытащить бумажник...Импровизируй...И помни, танцуя для него, ты сама должна кайфовать от процесса

Поворачиваюсь, прогибаюсь, приседаю. Восьмерка бедрами. Потом грудью несколько раз подряд, как он учил.

— Теперь, заведи его без прикосновений

Поднимаю вверх ногу, грациозно опускаю. Слегка задираю рубашку. После чего расстегиваю пуговицу сверху, оголяя плечо.

— Держи его глазами, и двигайся. Соблазняя обещанием, чтобы сильнее хотел. Это как

прелюдия, перед сексом, когда точка невозврата уже пройдена.

Выбросив руку вперед, притягивает меня к себе. И мазнув губами по ключице, недвусмысленно скользнул пальцами по ногам вверх. Отскакиваю от него, как ошпаренная.

— Я ничего тебе не сделаю, — выставляет перед собой руки. — Прости. Ты очень красивая. Прости. Не сдержался, — театрально прикладывает ладони к сердцу. — Клянусь, больше никаких вольностей.

Отдышавшись, смотрю на него с недоверием.

Он показательно заводит руки за спинку стула и сцепляет замком...

— Не бойся меня. Танцуй...

— Нам лучше закончить.

— Пожалуйста...не закрывайся...продолжай...

От него не исходит агрессивной опасности. Откинувшись на спинку, демонстрирует всем своим видом, что расслаблен и спокоен.

— Обычно девушки не против, если мы немного выходим за рамки. С моей подачи, но исключительно добровольно. Ты не хочешь. Я понял. Нет, значит нет.

Даже смешно становится, какой самоуверенный засранец! Привык, что все дают с разбега. И ведь не боится, что кто-нибудь пожалуется своему мужчине...Прям Дункан Маклауд!

— Смотри мне! — грожу пальцем, принимая извинения.

— Продолжим? — улыбается своей шикарной улыбкой — хоть фотографируй ее и посылай в журнал. — Плавной походкой самодовольной кошки обойди меня, встань позади и помассируй шею.

— А массаж простаты тебе не сделать? — возмущаюсь, замирая.

— Да ты же не умеешь, — Гектор прыснул от смеха. — Музыка не закончилась, чем ты будешь дальше развлекать мужчину, разговорами по душам? Поверь мне, ему будет не до них.

И ведь, я встаю, и массирую насмешливому танцору затылок и шею. Вожу ногтями в волосах.

— Молодец, приятно...Подуй на ухо, на висок. Слегка прикуси мочку. Мужиков это жутко заводит.

— Не буду я этого делать!

— Мне — не надо, у меня и так стоит...сделаешь своему мужчине.

Перехватывая мою руку, обводит вокруг и ставит перед собой.

— Ну и финальный аккорд. Приседаешь к ногам, показывая покорность, — слегка нажимает мне на плечи. — Ведешь по бедрам пальцами, — скользит моими ладонями по своим ногам. — Прогибаешься кошкой. Вдыхаешь у шеи и глубоко выдыхаешь. Усаживаешься сверху, — выставляет у паха блок ладонью. — Не прижимайся! Расстегиваешь на себе рубашку. Гладишь по волосам. Нежно касаешься скул, шеи. Массируешь плечи. И самое главное плавно двигаешься на нем бедрами. Без остановки.

Гектор облизывает губы, и я ощущаю его ответное дыхание на себе и каменную твердость под собой. Но мое тело не реагирует на его призывы. Теплое. Прерывистое дыхание. И только. Каких-то эмоций я от него не испытываю. Он красивый мужчина, но я его не хочу.

В следующую секунду, он стальной хваткой сжимает мою талию и вдавливают в себя. Толкается бедрами. Я вздрагиваю, ощущая его слишком явственно. Через широкие штаны и

тонкую ткань белья.

— Вот это он делает с тобой!

Пора прекращать это безобразие, пока ситуация не вышло из под контроля. Спрыгиваю с его колен. Отхожу на пару шагов. Запахиваю рубашку поглубже.

— Спасибо за ...

— Обращайся! — сипло откашливается.

Все. Музыка закончилась. И наше занятие, я полагаю, тоже.

Он кивнул и направился к тренерской. Я даже почувствовала какое-то облегчение и уже через минуту совсем успокоилась.

Хотя...ничего такого, ведь и не было...Просто Гектор... окруженный повышенным женским вниманием, берет то, что само плывет в руки. А кто откажется? Если уж быть честной, он меня не лапал...касалась его я...Слово он сдержал, вольностей больше не было. Провокация — да. В конце. Красивый, молодой, необузданный. Темперамент льется через край. И приструнять... он его судя по нахальной физиономии не собирается...Кайфует от жизни во всех ее проявлениях...

— Спасибо, — натягиваю на себя джинсы, не снимая чулок.

— Пожалуйста, — слышу удаляющийся голос. — Приходи на занятия. Танцы веселее и приятнее фитнеса, а нагрузка ничуть не меньше. Осанку поправишь, а то сутулишься...

— Я не сутулюсь...

— Начинаешь. Не спорь!

Вернувшись из студии, я примастилась на кухонном подоконнике рядом с отцветшим Виктором, завистливо наблюдая, как в опустевшем дворе с собакой играет девушка. Небольшой беспородной сосиской с короткой шерстью неопределенного бурого окраса. Явно любимой — вон как хозяйка для нее старается! То дразнит, заставляя гоняться за собой, то затевает шуточную борьбу. Меняя тактику, бросает ей палку, и ласково треплет за ушами. Псинка, судя по радостному тьяканью, прибывает в полном восторге.

Тоже так хочу!

Собравшись с духом, я набрала Алексея. Храбрости, хватило только, чтобы дождаться третьего гудка, и сердце гулко забило где-то в горле. С окончанием длинных отрывистых сигналов, я облегченно выдохнула. Почему же все так сложно? Господи, дай мне сил...

Прижавшись лбом к стеклу, и закрыв глаза, я сделала несколько глубоких вдохов и новую попытку дозвониться. Мне было важно, сказать ему именно сегодня о своем решении. Нам нужно расстаться. Эта мысль отчаянно пульсировала в висках. Независимо от того будем мы с Линцем или нет.

По дороге домой я обдумывала, как донести ее, не обидев. Лучше попробовать аккуратно и деликатно, без ядерного взрыва, и революционных заявлений.

Нет, я не предатель. Я никому ничего не должна. Я хочу, чтобы меня воспринимали всерьез. Любили такой, какая есть, без попыток прогнуть и подогнать под себя. Скажу твердо, что не хочу переезжать. И нет это не случилось вдруг...Я просто устала быть удобной. Пары расстанутся, так случается...Мы несколько раз были на грани...Видимо пришло время...Прости...

Сначала в трубке слышались только длинные гудки, а потом резко сменились на короткие, словно звонок сбросили. Отмахнулся от меня, как от назойливой мухи, а ведь когда-то сам по сто раз на дню названивал.

Спрыгнув с окна, я достала из кухонного шкафа пакеты и прошлась по квартире,

собирая свои вещи. Больше всего оказалось одежды. Никогда не думала, что такая барахольщица...Мамочки мои! Это тебе не с одной сумкой уйти...это же все нужно куда-то деть...А еще же, прибамбасы кондитерские ...Обувь...Косметика...Ноут...Жорик!

Куда ты собралась, Вика?! К Линцу? Надолго ли?...

Так...так...

Перекантаваться пару дней можно у сестры, она все равно теперь живет у Макса. Точно! Она живет у Макса...Я ухватилась за эту соломинку. Значит, квартира ей не нужна, и если она еще не съехала, можно продлить аренду. Валина однушка мне всегда нравилась. Современная, чистенькая, уютная.

Довольная, я вставила в клетку Жорику новую овощную палочку. Он тут же захрустел лакомством, раздувая щеки. Надо позвонить сестре...

Телефон, словно услышав меня, ожил, брякнув сообщением.

Черт! От Леши...

Открываю, ожидая увидеть что-то типа «Перезвоню позднее»

Не угадала, это фото!

Обнаженная парочка в кровати. Лица специально в кадр не взяты, но тело, которое ты знаешь наизусть, с родинкой на ключице, я бы не спутала ни с кем...На его груди — брюнетка...длинные слегка волнистые волосы, убраны за ухо. А в мочке, точно такие же серьги, что подарил мне Алексей месяц назад...только со светлым камнем.

Я отложила телефон...потом снова взяла в руки и увеличила фото, разглядывая его во всех деталях. Что это был Свиридов, сомнений не было. А вот акцент на серьгах, навел меня на мысль, что он с Юлей. Девницей, что вертелось вокруг него на корпоративе. Она, как раз брюнетка с длинными волосами. И он ей, судя по тому, что я видела — не безразличен. Только она могла знать, что я сразу выцеплю взглядом «зачетные» серьги и примерю в нужные ушки. После того вечера я их ни разу не надевала, и больше нигде не красовалась. Никто, кроме нее их даже заметил. Сообщение отправлено с Лешиного номера и явно предназначено мне. Это претензия...желание поставить в известность...заявить о себе в его жизни. Делать такое будет только женщина, которая хочет выйти из тени...и точно не после разовой акции...Значит у их романа есть срок... И начался он, явно не вчера...

— О, Боже.... - закрыв глаза, я запустила руки в волосы, пропуская пряди сквозь пальцы. — До чего мы дошли!

Вот он закон бумеранга! Получай!

Зачем? Зачем мы друг другу врем...

Боже мой...

Это точно конец!

Валя с Максом помогли перевести мои вещи из квартиры Алексея уже спустя два часа. Сестра смотрела на меня настороженно не понимая, как реагировать на мой неожиданный демарш. То ли это действительно точка в наших отношениях со Свиридовым, то ли очередная запятая. Жорик немного сгладил витающую в воздухе нервозность, разрядив своей суетой остроту момента. Новое соседство, рядом с Виктором на консоли под телеком, его заинтересовало. Он, в стойке суриката интенсивно обнюхивал листья стрелеции, вызвав у сестры приступ искреннего умиления и детского восторга.

— Милота какая! — Валя просунула палец в клетку, и погладила за ухом дергающего носом, пухляша. — С хозяйкой я все уладила. Договор будет на пол-года. Я дала ей твой номер, сами договоритесь что и как.

— Спасибо тебе большое, Валь, — я обняла сестру. — Даже не знаю, что бы я без тебя делала.

— Ой, да брось! Лучше скажи, все настолько хреново? Выглядишь не очень...

Валин комментарий прозвучал, как искреннее участие, безо всякой попытки разнюхать обстановку. Не обидно. И я отшутилась, сваливая свой неприглядный вид на отсутствие косметики.

— Хочешь, познакомим тебя с кем-нибудь?

— Иди уже, сводня! — хлопнула ее по заднице, когда в очередной раз в коридоре взорвался мелодией телефон. Макс ждал у машины, благоразумно оставив нас одних, чтобы поделиться секретиками.

— Вик, — открывая дверь, Валя обернулась. — Макс мне предложение сделал...

— Ах ты...тихушница! — останавливая, я схватила ее за рукав. — Когда?

— Сегодня, с утра...

— И ты молчала?! — возмутилась я, снова затаскивая ее в квартиру. — И?

— Согласилась... — хихикнула Валя, пряча счастливые глаза. — Ты первая, кому я сказала...

— Ааа! — завопила, я бросившись ей на шею. — Ты не представляешь, как я за тебя рада! Когда свадьба?

— Ну мы конкретно дату не обсуждали...Но решили не тянуть.

— Так, дорогая моя, у меня есть невыгулянное платье, так что зажать свадьбу — не получится! Будешь у меня самой красивой невестой!

— Я хочу быть просто счастливой невестой! — застенчиво улыбнулась. И у меня мелькнула мысль, что она думает о моей несостоявшейся свадьбе. Хорошо хоть только про одну знает...

— Валька, ты обязательно, слышишь меня, обязательно будешь счастлива! Макс любит тебя! Ты любишь его. Вы молодые, здоровые, влюбленные. Что еще нужно? Живи и радуйся!

— Я тебя очень люблю, Вик. Не грусти, пожалуйста... — сестра прижалась ко мне щекой. — Я побегу, ладно? — виновато подняла глаза. — Мы к его отцу едем...волнуюсь жутко...

— Все будет хорошо! Уверена, что он обрадуется новости!

— Ну не знаю...а вдруг...

— Никаких вдруг! Все! Дуй к жениху!

— Позвоню тогда вечером.

— Да все нормально. Успокойся! Родителям пока ничего не говори, ладно? Я сама.

Закрыв за Валей дверь, я вернулась в комнату, взяла на руки Жорика. Своим теплым носом он тыкался мне в шею. Маленькие лапки пытались откопать ямку у ключицы — щекотно и приятно. Почесывая его за ухом, я прошла на кухню, подключила холодильник. И когда он тихо заурчал, настроилась стонять в магазин. Кроме зеленого чая и соли, из съестного в квартире больше ничего не было.

А потом, на автомате посмотрела в окно. Муха стояла, на валином месте, под деревом, заливаясь морозящим дождем. Кто же сам себе враг, шляться по такой погоде? Передумала и нашла в телефоне номер доставки. Лучше вещи разберу.

Устроившись на подоконнике с чашкой остывшего чая, после того как раскидала все в холодильник и шкафы, я наблюдала как две мелких девчули в резиновых сапогах с удовольствием меряют глубину луж. Ох...сколько же было радости в их визге от фонтана брызг. С разбегу рассекая водную гладь и поднимая никак не меньше, чем настоящее цунами, они едва избегали столкновений друг с другом. Невдалеке под зонтом ежась от промозглой погоды, их мама бесстрастно следила за детской забавой. Нам с Валькой никогда не разрешали носиться по лужам, ведь хорошие девочки не должны так себя вести! А хотелось до ужаса! Узнать, как там внутри: холодно, мокро, глубоко? Почему нельзя? Ну почему?! Почему мальчишкам можно, а нам нельзя?! Было жутко обидно от несправедливости судьбы! А когда появилась возможность, магическая притягательность луж утратила актуальность. На ногах уже были не резиновые сапоги, а туфельки или кроссовки, испытывать которые на прочность было жалко...да и не по возрасту как-то...

Все же закон сохранения энергии работает. Меня будто выпотрошили, а девчонки весело резвятся. Ну хоть у кого-то сегодня хорошее настроение...и есть возможность позволить себе исполнение нехитрых желаний

Где-то совсем глубоко проскользнуло чувство белой зависти. Перед глазами мелькнула картинка, как Валя с Максом игриво улыбались, зажимались по углам, когда помогали мне выносить вещи и тайком целовались. У них даже взгляды были одинаково обещающими и ласкающими. Я усмехнулась, ведь и у нас со Свиридовым когда-то так было... И к чему пришли наши трогательные чувства? Все прошло, как вода сквозь крупные сети. Кончилось, растворилось... даже светлые воспоминания, которые меня так терзали померкли...

Может плюнуть на все и уехать куда-нибудь на пару недель. Одной. В такое место, где никогда еще не была. А потом вернуться и завести наконец собаку. Из приюта взять — небольшую пыхтелку, с висячими ушами и бандитской мордой. Которая будет благодарно лизать руки и радоваться моему приходу. Буду гулять с ней...если, конечно, хозяйка разрешит.

На душе было тоскливо, горло сдавливало что-то непонятное — то ли тревога, то ли голод — после тощего завтрака с утра, я больше ничего не ела...

Вообще, ощущение было странным...Пустота... именно так. Какой-то космический вакуум внутри.

Завтра будет новый день. Надо все уложить в голове, осмыслить и принять. Все проходит, и это пройдет.

Пройдет...только как теперь выпутаться из всего этого не погрязнув в ненужном мусоре скандалов, не отравившись ядом ожесточения и обиды?

В тот момент, когда за окном уже начало смеркаться и я лежа на кровати досматривала

первую часть Бриджит Джонс — очень-таки в настроение... Жизнеутверждающе — позитивно, никогда не унывать и не сдаваться, а если уж совсем хреново просто наклюкаться... — на телефон упало сообщение... С незнакомого номера. Фото. Цифрового теста на беременность с показанием «Беременна 3+»... Блять! Блять, блять, блять...

Холодные мурашки не поддающиеся никакому контролю поползли по спине. Она беременна! Беременна! Эта хлестнуло неожиданной болью в груди, словно кто-то вдул внутрь иголки морозного воздуха. Стало так жалко себя, что губы задрожали, готовые к плачу, а глаза налились горячими, обжигающими слезами. Вот теперь я почувствовала себя обманутой! Будто обокрали, вручили награду за мои достижения другому!! Леша ведь знал, как я хотела ребенка! Знал!!! Бдел каждый раз, осторожничал, перестраховывался... И заделал ребенка ей!

Господи! Значит, она выбросила из рукава козырь, а он все равно уехал?... Следующим шагом, что будет звонок с рыданиями или проклятиями? Это уж слишком, Карл! Исключите меня из дебильного треугольника!

Адски захотелось выпить и забыться.

Одевшись, я сходила в магазин за бутылкой сухого. Ну просто прелесть... буду пить в одно рыло и размазывать соплю... Только вот что я буду оплакивать? Несбывшиеся мечты?

Выпитое на голодный желудок ударило по мозгам. Слишком кислое... но я вливала в себя бокал за бокалом и поняла, что запьянела, только после того как все-таки проревелась и увидела, что бутылка почти опустела.

Алексей позвонил, когда за окном чернела холодная мгла и на ноуте шла третья часть фильма, который я смотрела в пол-глаза, периодически вырубаясь. Первый звонок я сбросила. Второй и третий переждала, в надежде, что ему надоест. На четвертый ответила.

— Вика!!! Твою мать! Ты где?!

Зажмурившись, я мысленно скорчилась от брезгливости.

— Что-то случилось? — откашлявшись, равнодушно поинтересовалась. — Уже поздно. Я сплю.

— Тебя нет дома! Вот что случилось! — выкрикнул он. — Где ты?!

— Леш, я же тебе утром все объяснила. Больше мне добавить нечего.

— Ты у сестры?

— Я с Жориком! — усмехнулась, прикрыв зевок.

— С каким еще Жориком? Послушай меня! — продолжил с нажимом в голосе. — Я сейчас приеду и расхерачу морду твоему кобелю!

Кровь прилила к голове, создавая в ушах гулкой шум. Я молчала, пытаюсь понять зачем вообще весь этот спектакль.

— Ты меня поняла?! Где ты? Давай поговорим. Пожалуйста! — словно прочитав мои мысли, убавил громкость и смягчил тон.

— Мне кажется, Свиридов, ты не в ту сторону мечешь икру... Зачем я тебе?

— Что за вопрос? Я тебя люблю!

— А Юлю? — спросила в лоб.

На вруна он явно не учился. В трубке повисла пауза.

— Лешь, ты ее любишь?

— Ты даже не представляешь, что сейчас творится в моей голове... — тяжело сглотнув, отозвался он. — Все так запуталось... Ты мне нужна, Вик.

Я затрясла головой, чувствуя, как в носу защипало. Свиридов сейчас, действительно не

играл, он ждал от меня...поддержки? Надеялся, что растекусь лужицей, обогрею и приму? Серьезно?

— Леш, ты же нормальный мужик...За тебя красивая женщина бьется. Непусти ее. Локти себе будешь кусать, если вдруг что с ребенком случится...Тебе тридцатник. Тридцатник, Леш! Прятать голову в песок, в попытке уйти от ответственности — это совсем не выход!

— А если это не мой ребенок?

Закрутившиеся в спираль внутренности, сдавили сердце и распирали грудную клетку. Мне захотелось запустить телефон в стену. Чтобы вдребезги.

— Он твой, и ты это прекрасно знаешь.

Молчит, обреченно вздыхая.

— Она, что замужем? — заглушив вспышку раздражения плююсь в потолок.

— В разводе...

— Тогда, я вообще не понимаю! Почему ты ведешь себя, как инфантильная баба?! Зачем пытаешься съехать?! — взрывает меня. — Ты станешь отцом, Леш! Отцом! — и твердо добавляю, чтобы прекратил изводить и себя, и меня. — Я не поеду в Питер! Я звонила вчера, чтобы сказать именно это!

— А как же наши планы...Как же я... как я без тебя буду...

— Отлично ты без меня будешь. У тебя должность новая, женщина любящая под боком ребенка ждет. Не профукай свой шанс.

— Вик...

— Леш, ты же не думаешь всерьез, что я сделаю вид, будто ничего не произошло? У нас было много хорошего. Я любила тебя. И знаю, что ты меня любил...но видимо у судьбы на нас разные планы... — к горлу подступили слезы. — Я искренне, слышишь, искренне желаю тебе счастья...Давай завтра где-нибудь встретимся, я тебе ключи отдам.

Он пытался еще что-то сказать, но я нажала на отбой. Было мерзко, стало еще хуже. Да, я не сказала ему всей правды...она все равно уже ничего не изменит. Незачем еще больше запутывать клубок.

Соскакиваю с кровати, задеваю стоящий на тумбочке бокал. Осколки веером разлетаются по полу. Перешагиваю, и все же какой-то противно впивается в пятку. Блять! Допрыгиваю на одной ноге до ванны, включаю свет и воду, нащупываю и выдавливаю миллипиздрический кусочек стекла. В груди такая тяжесть, что боль не чувствуется. Только тонкая струйка сочится по пятке. Смотрю на нее безразлично. Как будто все происходит не со мной, а с героиней какого-то второсортного сериала.

Жалея себя, я опять разревелась. Да что ж такое? Море из слез во мне скопилось что ли?

Отчаянно захотелось тепла и уюта от другого человека. Поддержки, и хоть какой-нибудь надежды на то, что дальше будет лучше и вообще может быть хорошо.

Новость о беременности Юли меня подкосила. В душе поселилось ощущение пустоты, никчемности, бесполезности.

У нее будет ребенок! Голубоглазый, кучерявый блондинчик. Хотя нет, темненький. Свиридовские гены, перед Юлиными, будут явно бледно-рецессивными.

В голову лезли непрошенные картинки: он прижимается ухом к аккуратному животу, чтобы послушать, как там кто-то возится. Вкладывает палец, в крохотный кулачок. Идет с кенгуряхой на пузе, с сучащим ножками малышом.

Ребенок! У него будет ребенок! У них.

Заметенные веником в угол сомнения, снова вылезли наружу, зарождавая глухую тревогу. А вдруг врачи ошиблись? Что если это я не могу иметь детей?

Навалилась дикая усталость и безразличие ко всему. Организм словно впал в зимнюю спячку: есть не хотелось, разговаривать и двигаться тоже. Все воскресенье я пролежала на диване. Вечером, переломив себя позвонила Свиридову, и договорилась встретиться около «стекляшки». Мне необходимо было проветрить мозги, а просто бродить по улицам — я не умела... нужна была цель. И я ее нашла — захлопнуть дверь в прошлое, из которой еще дуло.

— Может кофе? — Свиридов кивнул на дверь кафешки. Я отрицательно покачала головой.

Вид у Алексея...был бледненький. Потрепанный что ли...Резкие складки у рта не скрывала даже отросшая щетина, волосы беспорядочно спутались, а «мешки» под глазами наглядно свидетельствовали о беспокойной ночи. Мне даже в моменте захотелось покаяться. Сказать, что тоже не «святая», чтобы не смотрел, как прошграфившийся школьник на завуча. Но я быстро себя одернула. Ни к чему бить мух на голове тигра. Свиридов просто все вывернет, и выставит меня виноватой.

— Вот, — буркнула я, вытащив ключи из кармана.

— Ты своим сказала? — он попытался задержать мои пальцы в ладони. Я выдернула кисть, машинально сжав ее в кулак.

— Пока нет. Завтра скажу, что переезжать в Питер не захотела, а у тебя там карьера... перспективы... А ты?

— Тоже пока нет, — он все-таки поймал мою руку. — Может...не стоит торопиться?

— Ты прикалываешься что ли? — обхватив себя за плечи, будто мне холодно, хотя, наверное, так и было — осень уже поздняя, я вздернула подбородок. — Давай еще сделаем вид, что ничего не было. И будем жить дальше, как ни в чем не бывало.

— Вик...

— Лещ, ну зачем все это?! Ты же сам прекрасно понимаешь, что все кончено.

— Потому что я тебя люблю. И ты меня еще любишь, ты сама сказала.

— Нет, Лещ, я сказала, что любила тебя. Где-то в глубине еще осталось послевкусие...

— Скажи, только честно, — он стряхнул с глаз лохматую челку, и прищурился. — У тебя есть кто-то?

Разговор принял опасное направление, которого я все силами старалась избежать. Щеки предательски вспыхнули. Слава Богу, как подтолкнуло что-то, в последний момент, когда выходила из дома, намотала на шею цветастый палантин, в который сейчас зарылась носом. Врать — не хотелось, но говорить правду не хотелось еще больше.

— Разве это теперь важно? — я с трудом проглотила тугой комок. — У тебя есть, Леш, — постаралась вложить в голос, как можно больше мягкости. — Я не обвиняю и не говорю, что это ты во всем виноват, так не бывает. Просто мы свернули не туда, и не смогли сберечь любовь. То ли волна сбилась, то ли плохо старались. Но как бы там ни было, на этом точка, — я отступила назад, твердо глядя ему в лицо. — Вместе мы больше не будем.

— А ты категорична, — он покачнулся с носка на пятку, засунув руки в карманы брюк.

— Надо же когда-то начинать жить для себя.

— Ты так говоришь, будто обвиняешь! Разве я тебе в чем-то ущемлял? Может ограничивал? Запрещал?

Жестокой быть не хотелось. Потому что ни злости, ни антипатии я не чувствовала. И потому что жизнь коротка, а идеальных людей нет. Искать виноватого — бессмысленно. Надо просто как-то пережить этот момент, ну а дальше...дальше будет видно...

— Ну что ты, Леш. Я же влюбилась в тебя без памяти. Во всем хотела соответствовать. Быть для тебя лучшей. Окружить заботой, делить радости и печали. Дурочкой глупой была, не понимала, чего хочу сама. Жила тобой, и твоими желаниями. Но я повзрослела и у меня появились свои. Наверное, поэтому все так и получилось. А ты до сих пор любишь ту наивную двадцатилетнюю девчонку, которая смотрела тебе в рот.

— Вот даже как... — он усмехнулся. — Решила уже все я смотрю?

В воздухе сгустилось напряжение. Как шаровая молния. Одно неверное движение, и взрыв. Нервно прикусив губу, вместо ответа я кивнула.

— Не передумаешь, да?

— Нет, не передумаю. Для нас обоих так лучше.

— Значит не простишь?

— Мне не за что тебя прощать, Леш. Так распорядилась жизнь. Значит, у судьбы на нас разные планы.

— В общем, Вик, валяться в ногах и уговаривать я тебя не стану, — его глаза блеснули синевой. В бегающем взгляде проскользнуло что-то агрессивное, готовое выплеснуться. Показалось, что хочет что-то добавить, но сдерживается. А вот знать, что именно он сдерживает, совершенно не хотелось.

— Ну слава Богу! — я не стала делать вид, что расстроилась.

— Судьба, значит, говоришь... — вынув руку из кармана, Алексей взъерошил волосы. — Раз все так...я продам квартиру.

Похоже, что за ночь он тоже принял какое-то решение.

— Делай, как хочешь, — я пожалала плечами. — Это твоя квартира.

Мы смотрели друг на друга молча не зная, что еще сказать и как вообще вести себя дальше.

— Береги себя, — сделав шаг, Алексей прижал меня к себе и поцеловала в макушку. — Банальность может... — медленно, раздувая потоком теплого воздуха волосы, выдохнул. То ли с сожалением, то ли с облегчением, — ... но все равно скажу. Ты если что, ну мало ли... обращайся...

Захотелось рассмеяться и расплакаться одновременно. Я порывисто обняла его. И вдруг почувствовала себя той, почти забытой девчонкой — влюбленной отчаянно и безрассудно.

— Ты будешь большим дураком, если профукаешь свой шанс, — я уткнулась лбом ему в плечо. — Пусть твои мечты сбудутся. Я от всего сердца желаю тебе счастья, Леш.

— Спасибо. Я тебе тоже.

— Ну все! Целоваться не будем! — отодвинув его от себя, я улыбнулась первый раз за два дня. Несколько предложений расставили все по своим местам. Я почувствовала облегчение, словно внезапно прошла долго мучившая мигрень.

— Ну пока что ли? — протянула неуверенно.

— Ну что ли, пока...

И это прозвучало так трогательно, как будто мы не прощаемся, а договариваемся о свидании. Потому что он виртуозно смешал в голосе вкрадчивость с тоном насмешки над собой, — так, что у меня невольно вырвался смешок. Обстановка мгновенно разрядилась.

Напряжение и угловатость на его лице сгладились. Пару секунд он неотрывно смотрел на меня, словно стараясь запомнить. Махнув на прощанье, я отступила задом. Кивнув, он развернулся и пошел в противоположном направлении.

Впереди был полный туман. Абсолютная неопределенность: как все будет? И будет ли вообще что-нибудь с рыжим бородатым мужиком? Очень бы хотелось, чтобы было. Чтобы то, о чем он говорил по телефону, воплотилось в реальность. А говорил он такие вещи, от которых мое сердце таяло и сладко ныло внизу живота.

Да. Я надеялась, что все это у нас будет.

Пряча в карманы замерзшие руки, я вернулась домой. Тут же проснулся зверский аппетит. Пока жарилась яичница, заглянула в телефон. Миллион пропущенных от Виктора. И одно сообщение. «Выхватишь по жопе за такие финты!». Перезванивать не стала, но режим «не беспокоить» отключила, и отправила смайлик с выпученными глазами.

— За то, что не берешь трубку, и поднимаешь мне давление! — реакция не заставила себя ждать.

— Неужели?

— Фике, ты меня ждешь? — его голос прозвучал озабоченно и даже встревоженно.

Волнительно тебе, да? Я довольно закусил губу. Ох как это грело мне сердце.

— Жду... — откровенно призналась. — Вить...а когда ты приедешь?

— Скорее всего, завтра ночью. Жорик себя хорошо ведет?

— Да. Насплетничал мне про твоих баб. Сказал, что всех даже запомнить не смог.

— У него просто короткая память! Вик, — он сделал глубокий вдох, словно собираясь с силами, перед тем как нырнуть, — ты ушла от Лепрекона?

— Скажем так...последний секс у меня был с тобой, — решила держать интригу.

— Ревнуешь?

— Адски!

— Ну тогда беспокойной тебе ночи!

— Дождешься ты у меня! — в его голосе послышалась улыбка. — Только поркой не отделаешься!

— Ого! Это угроза?

— Это обещание. Дай только до тебя добраться...сожру.

— Уже боюсь!

— Вот ты Долли! — припомнил мне мою кличку. — Целую! До встречи!

Настроение стартануло в космос, и на таком душевном подъеме меня наконец осенило, что подарить Виктору. Так чтоб с душой.

Пол ночи я крутилась на кухне, окрыленная и полная надежд.

Как он сказал?

«Адски»

Вспоминала — и все внутри обмирало, а потом мерцало искрами, как от бенгальского огня.

Я ему нужна... Нужна!

Хотелось визжать и прыгать. Завтра, завтра, завтра...

Дожить бы еще до завтра!

Наполеон с малиновой прослойкой в этот раз дался мне на редкость легко. И визуально, и по текстуре я не могла ни к чему придраться, хотя обычно находила изъяны. Пропитается и к утру будет вообще — бомба! Надеюсь, что ему понравится.

Должно понравиться! Я очень старалась!

Разобрав кухню, быстренько приняла душ. И скинула рыжему бородатому мужику свое фото в неглиже со спины. Все в рамках приличия, но с многообещающим подтекстом.

Чтобы даже мыслей не возникло о ком-то еще. Одной мне что ли мучиться?

Уже легла спать, когда прилетело в Воцап:

«И что мне теперь делать?!»

Как школьники, хихикнула я. И подложив под щеку беленькие варежки для кухни, которыми так ни разу и не воспользовалась, ответила, добавив смайлик-поцелуйчик:

«Спать!»

День проходил в штатном режиме. Зарылась в бумаги по новой фирме. Нанимателю не показалось, что компаньон, в лице лучшего друга, готовил себе золотой парашют. Талантливо создавая видимость бурной деятельности воровал за обе щеки. По идее, должен все довести до победного конца и тихо слиться. Мне предстояло объявить Клиенту, пренеприятнейшее известие, слава Богу к которому он был потенциально готов: друг- ему больше не друг. А возможно, никогда им и не был. Предательство и подлог в моей работе встречались. Только не всегда, к сожалению, торжествовала справедливость.

После обеда, на телефон упало сообщение — фото свеженького свидетельства о разводе, с припиской «Я официально свободен». Рабочее настроение тут же отодвинулись за пределы мелового круга моих мыслей. Сердце отчаянно заколотилось. Он это сделал! Сделал!

И я решила...

Ушла с работы пораньше. Сбегала в салон — почистила перышки: освежила маникюр, педикюр, депиляцию. Заскочила домой, забрала Жорика, торт, и зависла в коридоре перед зеркалом. А может Линц не любит сюрпризы? Тебе бы понравилось, если бы к тебе домой приперся мужик в твое отсутствие?

— Он же сам дал ключи... — возразила моя рациональная часть

— Но ведь не просил хозяйничать, — возразила неразумная.

Я отмахнулась в зеркало от обоих.

Мясо запеченное с грибами и картошкой, оливье с ветчиной, канапе с семгой и сыром. Больше мудрить не стала. Прокладывать путь к сердцу через желудок, дело неблагодарное, все равно что прикармливать кота. Никогда не откажется пожрать. Но и любить сильнее не станет.

Прямых поездов сегодня из Питера не было, я посмотрела в инете расписание. Может и на перекладных добраться. Знать бы во сколько. К полуночи я вся извелась, в красивом кружевном белье, чулках, и белой рубашке. Моему подарке. И если честно, захотелось спать, какой уж тут приват, Карл! — а очень хотелось поразить.

Позвонить — не позвонить, вот в чем вопрос? Позвонить и сбросить? Позвонить!

И только я взяла в руки телефон, послышался писк домофона. Метнувшись к выключателю, я приглушила в комнате свет и застыла за спинкой кресла, чуть живая. Зачастил пульс, горло налилось теплом, которое волной разбежалось по всему телу.

— Черт... — из темноты раздался грохот, сопровождаемый невнятной руганью. Споткнулся о мои ботинки, наверное.

А вдруг он не один? И я тут полуголая... Меня реально паникнуло, аж ладони вспотели.

— Что за хрень? — решительные приближающиеся шаги ухали вместе с моим сердцем. — Ты?...

— Я... — виновато вжала голову в плечи, переминаясь с ноги на ногу. — Я сейчас уеду... Вижу, что сюрприз не удался... Извини.

Виктор оценивающе прищурился, едва заметная улыбка тронула его губы. Да блин, смотри, чего уж теперь... Смешно тебе, что я идиоткой себя выставила? Позорище!

— Пожалуй... я пойду.

— Куда это? — сграбастал меня, когда попыталась прошмыгнуть мимо. И в следующее мгновение, его руки нырнули мне под рубашку, сжимая задницу, а губы впились в мои, вышибая остатки кислорода.

— Никуда ты теперь, Фике, от меня не денешься! Поняла?

— Ты хоть разденься! — пискнула я, выворачиваясь. — Голодный? Я ужин приготовила. Будешь?

— Только в душ схожу, — его ладонь легла мне на шею, большой палец нежно чиркнул по скуле, мягко обвел контур губ. — Ты даже не представляешь какой я голодный.

Мы смотрели друг на друга и улыбались. Жадно втягивая в себя тот пряный запах, которым пропитано нетерпение.

— Да, конечно, — я отвернулась, чтобы он не увидел моего покрасневшего лица.

— Это все мне?

— Ой! — чуть не выронила от неожиданности горящую спичку.

Пока накрывала на стол, пропустила момент, когда он тихо вошел на кухню. Прислонившись плечом к косяку, со скрещенными на груди руками, стоял и улыбался.

— С днем рождения! — я подошла к нему с тортом. — Загадывай желание!

— Давай вместе. На счет три!

Нас разделяли какие-то пара десятков сантиметров. Он смотрел на меня таким взглядом, от которого стало жарко. Восхищенным, жадным, манящим...

— Раз! Два! Три! — не отрывая друг от друга глаз мы задули свечку. И почему — то, я была уверена, что загадали одно и то же.

— Будешь ужинать? — кивнула на стол.

— Потом... Иди сюда, — подтащил к себе за руку. — Фике... — выдохнул мне в шею, и пробежавшись по позвоночнику пальцами вжался в меня. — Еще минута, и я разложу тебя прямо здесь. Так хочу тебя.

— Минуточку терпения, — я выкрутилась из его рук, и повела за собой в комнату. — Садись, — подтолкнула к креслу.

— Вообще-то я хотел на кровати...

— Вообще-то, это не то, о чем ты подумал...

Выключив свет, я включила на мобильном песню, и начала плавно двигаться, глядя ему в глаза. Обхватив себя руками повернулась задом, прогнулась кошкой, оголила плечо. Мах ногой, поворот, наклон и легкий выдох в шею. Покачивая бедрами обошла, массируя плечи

прикусила ухо, в ответ услышала нервный приглушенный смех.

— Не нравится?

— Очень нравится. Иди ко мне, — поймав за руку, он усадил меня на себя верхом. Наклонившись, я провела самым кончиком языка по его губам. И увернулась, когда он попытался поймать его зубами.

— Я тебя съем! — Витя скользнул по моим бедрам ладонями. Стал невесомо кружить пальцами по краю чулок, подбираясь к трусикам. — Ты умопомрачительная, Фике. У меня крышу от тебя рвет. Честно...

Отодвинув одной рукой рубашку с плеча, теплыми губами коснулся ключицы, и выгибая меня перебрался дорожкой поцелуев к груди.

Как там учил Гектор? Двигать бедрами... Да они сами, подстраивались под танец наших тел.

— Пи@дец, хочу тебя! — поднял затуманенный взгляд, опуская мою ладонь себе в пах. — Фике, давай уже перейдем к основному блюду, а то я сейчас кончу! — сжал ей каменный член.

И подхватив на руки, сминая губы поцелуем отнес на кровать. Из рубашки он меня просто вытряхнул, а на кружевное белье, даже внимание не обратил, так торопился раздеть. Но делал это аккуратно, хотя и с дрожью нетерпения.

— Нам это нужно? — достал откуда-то пластиковый квадратик, нависнув надо мной.

— У меня только закончились месячные.

Откинув его в сторону, раздвинул мои ноги своими. Удерживая вес на руках, накрыл горячим телом, прижался лбом — ко лбу.

— Я люблю тебя, Вик, — выдохнул мне в губы. — Слышишь? Люблю.

Пробежавшись поцелуями по скулам вернулся к губам, и прикусив нижнюю, протиснул между нами руку, пробрался между ног. Провел двумя пальцами по складкам, обводя границы, средним задержался там, где они расходятся надвое. Лаская костяшкой большого пальца клитор, юркнул двумя внутрь, растягивая и поглаживая. Запрокинув голову, я подставляла шею под его лихорадочные поцелуи и тихо стонала, так мне было хорошо. Тело приближалось, к разрядке, когда пальцы медленно и плавно сменил член. И, кажется, это была последняя более-менее связная мысль, потому что дальше я провалилась в нереальность, умирая от каждого движения.

Он обездвижил меня, удерживая бедра, пытаясь еще сильнее, еще глубже вдавиться. Ловил сбившееся дыхание, слизывал испарину с ложбинки груди, когда выгибалась навстречу. А я сходила с ума от пряного запаха возбуждения и желания. Вплетала в его хриплые стоны свои.

Когда, в очередной раз он резко вошел, внизу живота взорвалась петарда, по всему телу пробежала крупная дрожь, эхом отзываясь внутри и срывая меня в штопор.

Время и пространство сжались в черную дыру, засасывая в себя, а потом выплюнули обратно, оставив ощущение звенящей блаженной слабости.

— Фике, — сжав меня, шептал Витя зацеловывая лицо. — Я наверно, сейчас сдохну. От счастья.

— Ты точно ненормальный, — рассмеялась я и дернула его за бороду.

— Да, — он укусил меня за палец. — Больной на всю голову, еще и рыжий. Просто триндец. Ну ты и вляпалась.

— Придется терпеть... — обреченно вздохнула, улыбаясь.

— Придется пороть, — перевернул меня на себя и припечатал ладонью по заднице. Не больно. — Испугалась?! — грозно расширил глаза, наслаждаясь моим ошарашенным взглядом. — Жалко такую шикарную попу. Лучше буду гладить.

И поглаживания эти переросли в нежную томную ласку и вторую часть марлезонского балета

— Как думаешь, у нас получится? — закинув ногу ему на бедро, я пропускала между пальцев завитки золотистых волос у него на груди, представляя собой абсолютно счастливую медузу.

— Все получится, даю слово, — подтянув на себя, поддел пальцем подбородок, заставил посмотреть в глаза. — Я все для этого сделаю, — и стиснул едва ли не до хруста.

— Как все будет? — обвив Виктора руками и ногами, уткнувшись носом в его плечо, задала риторический вопрос.

— Все будет хорошо...

Ответил совершенно спокойно, словно речь шла о походе в ближайший магазин, а не о том, что будет дальше между нами.

— Судьба расщедрилась и дала мне шанс. Я ни за что его не просру, Вик. Я хочу быть твоей опорой, и гордостью. Баловать тебя. Защищать. А еще хочу, чтобы ты вправляла мне мозги, подначивала, как только ты умеешь, и ругала за грязные руки перед едой. Это так здорово: жить для кого-то, делить радости, наслаждаться светом любимых глаз. Так что, все будет хорошо, Вик, даже не сомневайся.

Предательские слезы навернулись на глаза, и я шмыгнула носом выдавая себя.

— Ну что ты... - нежно накрыл, затылок своей ладонью и поцеловал в макушку. Бормотал нежности и успокаивал. А я... позволила себе быть слабой в его руках. Иногда, нужно просто довериться мужчине, который говорит тебе о любви...

— Ну хватит вам целоваться, там Макс уже шашлык нанизывать начал, — вмешивается в нашу идиллию Валя, заглянув на кухню.

— Уже? — отлипнув от Линца, перевожу взгляд на таймер духовки, где запекается форель. Обычно я предпочитаю мясо во всех его проявлениях, но сегодня что — то захотелось рыбы. Теплой и сочной, чтоб во рту таяла. С душистыми специями, и пряностями. И лимона побольше!

— Уже! — передразнивает сестра, уперев руки в бока, явно показывая, что не отстанет. — Все хотят есть!

— Уже идем! — Витя мягко подтолкнул меня к выходу.

На самом деле я очень рада, что мы сегодня собрались. Просто после возвращения из Доминиканы, мы фактически не оставались одни, все время кто-нибудь навевывается. Сначала его родители. Потом мои. Не успели распрощаться с Витькиной сестрой, как приехали Валя с Максом.

Аня напоминала мне Наташку. Немного эгоистичная и безалаберная, но добрая и открытая. Мне импонировала ее привязанность к брату. Искренняя радость его успехам, добродушное подтрунивание, готовность поддержать в любую минуту. И хоть внешне между ней и Виктором сходство было едва уловимо, их родство сразу же вычислялось по жестам, мимике, эмоциональному заряду.

— Давайте напьемся, хочу веселья, пойдём в клуб, — свербила каждый вечер зажигательная смесь у нее в заднице. Неунывающая оптимистка в поиске с разводом за плечами и острым языком. Днем она отсыпалась, восстанавливая силы, а ночи напролет где-то пропадала. Мой любимый бородач психовал, потому что мятежный дух нередко, как я поняла, заводил ее в переделки. Но вечера мы проводили все вместе: гуляли, ходили в кафе, резались в карты

— Наконец-то одни! — Витька в шутку стер со лба пот, провожая взглядом уносящееся в аэропорт такси с сестрой.

— Ненадолго.

— А давай всем наврем, что у нас ветрянка?! — притягивая к себе, окружает кольцом рук. — Что мы заразные-заразные...

— Да щас прям! Я подарочков жду! — мягко пытаюсь высвободиться.

— Лучшей твой подарочек это я! — игриво прикусывая мочку уха.

— Ты уверен? — лохмачу его волосы с улыбкой. И, вывернувшись провокационно и дразняще, сбегаяю.

— И все-таки надо пороть... — слышу вслед тихий смешок.

Проснувшись утром, я лежала с закрытыми глазами, не желая выныривать из ароматного послевкусия сна в день, где стала на год старше.

Сегодня не будет ничего торжественного, просто посидим по-семейному, в удобной одежде, с шашлыком и тихой музыкой дома.

— Доброе утро, — потягиваюсь улыбаясь, и разлепив ресницы первое что вижу — протянутый букет белых роз. Букетище. — С днем рождения, старушка!

Громко охнув, прячу лицо в ладонях.

— Я... — от неожиданности слова стрянут где-то в горле. Лишь неверяще мотаю

головой из стороны в сторону — Я...

— Эй, Вик, ты чего? — донесся до меня обеспокоенный голос мужа.

— Спасибо за цветы. Очень красивые.

Ныряю носом в ароматную гущу бутонов, поднимая на Витю ошалевший взгляд. Выглядит он офигенно. Взъерошенный, в одних лишь низко сидящих трико и с лучезарной улыбкой на лице.

— Как же я люблю тебя, — в мгновение оказывается лежащим на мне, забирает из рук букет, откладывает в сторону. — Знаешь чего я хочу? Чтоб ты вот так же мне улыбалась каждое утро много-много лет, — и сгребая, целует в губы.

Прикрыв глаза, отвечаю на поцелуй.

— Люблю тебя, жена! — упирается лбом в мой лоб.

— И я тебя муж! — улыбаюсь до ушей.

Счастье пузырилась внутри, как шампанское в бутылке, которую основательно потрясли. Под стать настроению погода баловала летним теплым и чистым синим небом. Посиделки решено было перенести на улицу, тем более территорию мы уже облагородили: тропинки выложили плиткой, посадили деревья, а остальное засеяли газонной травой, которая всю расстилалась шикарным плотным ковром.

Во внутреннем дворе, в беседке раскинув руки, на лавочке и подставив лицо теплему весеннему солнышку сидела Полина. Чуть поодаль в тенечке выгуливалась коляска с малышками. Вырвались к нам с Игорем на пару часов.

— Это свадебный подарок. — Реплин выложил из заднего кармана на деревянный стол конверт. Наш вклад в ваш банк благополучия. А это тебе, Вик, — вынув из другого, протягивает мне еще один. — Мы с Полиной долго думали, чтобы тебе такого подарить, и решили подарить — память. Это очень крутой фотограф. Снимает для журналов. На природе. В студии. Дома. В костюмах. Совершенно без костюмов, — лукаво подмигивает Виктору. Тот ревностно смыкает ладони на моем животе, прижимая спиной к себе. — Одним словом, любой каприз. Запечатлеет в любом образе. Пока молодая и красивая — дерзай! Ну и подольше тебе оставаться: молодой, красивой, и делать счастливым нашего друга! За тебя! — поднимает разлитое по бокалам шампанское.

— Игорь, я тебя задушу, если детей разбудишь! — шипит на него Полина.

— Не психуй, если что, убаюкаем.

— Я не психую. Просто хочу побыть хотя бы пару часов без ребенка на руках.

— Такие беспокойные? — нервно тербит цепочку на шее сестра, вопросительно кивнув. У Вали тоже будет двойня, и она очень переживает.

— Нет. Набалованные. Игорь их к рукам приучил.

— Просто я не могу слышать, как они плачут. Сердце разрывается.

— А я значит бессердечная? — сощутив глаза, Полина с напускным возмущением наставила на него палец. — Все, никакой пощады тебе сегодня ночью не будет!

— Ой, да у вас я гляжу брачные игры, — со смешком оборвал их словесную дуэль Макс.

— Я посмотрю на тебя через пол-годика, и на ваши брачные игры, — не остался в долгу Игорь, беззлобно ухмыльнувшись.

— Все будет гуд. — Макс успокаивающе поцеловал, растерянную Валу в висок. — Мы справимся.

— Да куда ж вы денетесь, — потянулась Полина, словно разминаясь. — Дети — это счастье. Прости Вик, что-то мы не туда свернули. За тебя! Сбытие твоих желаний и мечт! За

ваше счастье! — отпивает глоток шампанского и кривится. — А что так горько-то?

Мы с Витькой переглядываемся. Я тихо смеюсь, а он манит меня пальцем с хитрой улыбочкой: гости просят!

Пригубляю бокал, отставляю. И решительно повернувшись, обхватив его лицо ладонями, целую аж до десяти под дружный счет.

— Каблук! — ржут над ним парни. А он просто светится от счастья.

— Спасибо большое, ребят, — обнимаю по очереди друзей. — И спасибо за подарки. Мне очень приятно.

— Вы вообще кормить нас собираетесь? — Макс встает сзади Вали, накрывая ладонями округлившийся животик сестры. — Мы уже аппетит нагуляли. Да? — нежно целует ее в шею.

— Надо заглянуть в коробку, что ты подарил моей жене, а потом мы решим, стоит ли тебя кормить, — подмигивает ему Витька. — Кстати, что там?

— Яйцо.

— А в нем желток?

— Угадал.

— То есть ты решил сэкономить? И подарить мой жене на день рождения яйцо?

— Ей понравилось, — улыбаясь, кивает Макс.

В коробке действительно, потрясающая декоративная лампа в форме яйца со световыми кристаллами, которая идеально впишется в нашу спальню.

— Напоминаю, что ты мне на свадьбу подарил бар-хоппинг. Кто из нас сэкономил?

— Я подарил неизгладимые впечатления! — Витя покачал с шуточным упреком головой, улыбаясь. — И ни где-нибудь, а в Питере и с хорошей гостиницей впридачу!

— Я чуть жены не лишился после такого подарка! — Макс сделал виноватый вид под дружный хохот.

— Если б не я, у тебя бы и жены не было!

— Если б не я, у тебя- тоже! — не удержавшись, прыснул от смеха Игорь.

— Ну хватит вам, — одергиваю их строго. — Давайте уже садиться. Форель готова. Валь, поможешь?

С лица сестры мгновенно исчезла радостная улыбка. Она сморщила нос и покачала головой.

— Нас от рыбы подташнивает, — вступился за нее Макс

— Ну извините, — развожу руками. — Предупреждать надо. На улице пахнуть не будет. Сядете от нее подальше.

— Я помогу, — с готовностью подсказывает Полина. — Игорь, следи за детьми!

— Слежу!

— Макс, а ты учись! — Валя садится за стол, обмахивая себя ладошками. — Жарко тут у вас.

Денек и правда выдался погожий. Апрель. А мы уже раздетые. Без курток. Непривычно. Вечером, конечно, прохладно, но не настолько, чтобы кутаться в теплые вещи с головой.

— Чему учиться-то, смотреть?

— Да. Учись смотреть за детьми.

— Ну давай, отец, учи меня смотреть, — Макс по-дружески похлопал Игоря по плечу и плюхнулся рядом, — а то я так-то не умею.

— Значит так... в этом деле главное не пропустить момент, — подмигнув Вале

подхватывает эстафету Реплин с самым серьезным видом, — если один ребенок проснулся и заплакал, его нужно сразу изолировать, иначе тут же проснется второй, и случится армагеддонч. — Беликов сначала дурачась кивает, а на последних словах с опаской косится на Игоря с немым вопросом. Тот в ответ, снисходительно возвращает ему похлопывания: привыкай отец! А я прикрыв ладошкой рот, чуть не расхохоталась, от этой сцены.

— И если такое случилось во время твоего дежурства, посыпай голову пеплом, потому что виноват все равно будешь ты!

— Ой, да ну вас, — слышу сзади голос сестры. — Иди ко мне Джессенька, пока большие дядьки тебя не затоптали.

Джесси появилась у нас, сразу после переезда. Буквально следующим вечером со словами «Познакомьтесь девочки...» Витя присев на корточки, расстегнул куртку и выпустил передо мной крохотного щенка джек рассел терьера.

Визжа от радости и прыгая, я бросилась целовать Линца.

Невозможный у меня мужчина! Просто невозможный! Мой! Мой-мой-мой...

Собака! У нас теперь собака! А я ведь даже не заикалась. Куда нам сейчас, когда в доме кавардак? Да и Жорик есть.

«Чтобы не скучала», — сказал Витя, наблюдая, как щенок обнюхивает мои ноги, тихонько фыркая.

Я даже не ожидала, что маленький комочек, который по началу был размером с рукавицу, умеет так бедокурить. Джесси грызла все: обувь, пеленки, провода, свою лежанку, Витькино кресло. А еще она хотела играть и бегать. Слава Богу у нас был двор, и загонять ее мячиком, который она с визгом победительницы таскала в зубах, не составляло труда. Что мы и делали каждый вечер. Набегавшись, Джесси вырубалась до утра.

Шампанское на моей днюхе, так и осталось недопитым, а доминиканский ром даже не открыли, потому что во время веселого, но при этом не шумного застолья наши гости предпочитали лимонно-мятный лимонад, который научила меня делать Полина. Мы познакомились с ней, когда приехали в Сочи присмотреться к недвижимости, потому что стало понятно, что жить на два города, не вариант.

— Тебе нужно открыть кондитерскую, — жадно проглотив сладкую зеленовато-желтую жидкость, жена Игоря, присела напротив меня, когда я пекла у нее на кухне французские вафли. — Уверена у тебя пойдет. Когда хобби приносит деньги...

— Оно становится работой! — со смешком закончила за нее. Хотя если работа любимая, она приносит удовольствие.

Первое время, когда мы только переехали скучать было некогда. Купленный дом требовал обустройства. Не хоромы конечно, но зато с участком десять соток и в двадцати минутах от моря. Если на машине. И без пробок.

Из нескольких вариантов, мы выбрали его. Потому что по сравнению с космическими ценами при отсутствии отделки, этот был пригоден для жилья, но в то же время, в нем все можно было обустроить под себя. Вот где Линц и дал разыграться моей фантазии... дизайн-проект нам сделала Маринка, опираясь на пожелания, а бригада отделочников быстро воплотила их в реальность. Только деньги успевай отстегивать!

Которых от продажи загородного Витькиного дома, на новый все равно не хватило. Пришлось идти с протянутой рукой в банк. Но наличие кредита сильно не пугало, они с Игорем подписали договор на монтаж солнечных установок еще в двух поселках. Параллельно купили оборудование и открыли линию по производству строительных смесей.

— Вик, давай договоримся. Деньги в дом буду приносить я, это моя обязанность. У нас обоих за спиной отношения, которые распались из-за несбывшихся «ожиданий». Ни к чему повторять ошибок. Мне нравится, когда ты встречаешь меня дома и провожаешь на работу. Я не хочу, отвоевывать для себя место в твоём плотном графике. Ты нужна мне счастливая, со всеми потрохами, а не затраханым очередным клиентом мозгом. Трахать тебя буду я. С удовольствием, желанием, и со всей моей любовью...

Вот что меня бесило, так это то, что Витька иногда начинал пошлить. Нет, непристойностей он не говорил, но ходил по лезвию наблюдая за моей реакцией, которая всегда была одинаковой. Я, как, гимназистка, краснела, а он, довольно улыбаясь, приставал с нежностями, прижимаясь и поглаживая. Все обычно заканчивалось сексом.

Он был категорически против, чтобы я вышла на пятидневку. Да и вообще не хотел, чтобы работала. Но просто сидеть в четырех стенах, было выше моих сил. Тем более, что ремонт почти закончился, и я начинала маяться от однообразия.

— В идеале мне бы хотелось, чтобы ты занималась домом, — и добавил, пресекая готовые сорваться с губ возражения, — но понимаю, что такого не будет. Ты у меня натура деятельная, поэтому давай искать компромисс.

— И что ты предлагаешь?

— Давай откроем маленькую кондитерскую. Попробуем...

Поселок, где мы обживались, быстро разрастался. Сфера услуг была востребована. Молодые семьи с детьми, отдыхающие, и любители однодневных экскурсий. Контингент, на который можно было рассчитывать. Помещение под кондитерскую нашлось недалеко, но цена кусалась. И пока что моя мечта, оставалось мечтой.

Реплины уехали, когда уже стемнело. Дружно проводив их за ворота, мы вернулись с Валец в беседку. Макс с Витей размахивая руками и что-то обсуждая, мерили ногами землю. Я накрыла сестру пледом, она почесывала за ухом прикорнувшую у нее на коленях нашу пятнистую тьявалку.

— Все-таки прикольная у вас собака, только маленькая, не зажать особо. Ощущение, что можно сломать, — улыбалась, Валя, тискающая Джесси

— Она еще растет. Не бойся, не сломаешь.

— Вик? — Валя кивает, переводя взгляд с Витьки и Макса, болтающих у мангала, на меня. — Неужели тебе не хотелось надеть белое свадебное платье? Почему просто роспись? Без гостей, без платья, как так?

— А смысл? Ну кто бы к нам приехал? Ты с Максом, да родители.

— Я понимаю, но... платье. Совсем не хотелось? Ну скажи честно, между нами...

— Было у меня платье. И церемония тоже была. Витя все устроил в Доминикане. Я не жалею, что мы были одни, — улыбнувшись, легонько подтолкнула сестру в бок. — Зато без нервотрепки и кутерьмы. Помнишь, как ты устала к концу своей свадьбы?

— Еще бы, — хмыкнула она, — мечтала поскорее смыться. Раздеться и упасть на кровать. Какая там брачная ночь...

— Вот... А мы в свою отжигали в баре. Знаешь, как весело было. Хочешь фотки покажу.

— Конечно, — воодушевленно подхватывает Валя, отпуская собаку. — Оно такое простое, — ошарашенно хлопает глазами, увеличивая фото.

— А ты думала, оно будет с золотой каймой? — огрызнулась я. — Все гениальное, между прочим, просто.

Да просто... Ни фиги не просто, если ты узнаешь о церемонии накануне вечером, потому

что конспиратор муж, не захотел понимаешь ли, подвергать молодую жену волнениям.

Зачем суетиться и тратить нервы понапрасну?

Действительно! Зачем? Ты же уже...замужем!

Платье пришлось выбирать из привезенного с собой гардероба. Хорошо хоть, перед поездкой купила белый хлопковый сарафан с кружевными вставками, пофоткаться на память, который вполне сошел за свадебное платье.

— Очень красивое, Вик, — Валя обняла меня за плечи прижавшись. — Макияж и прическа просто потрясающие. Тебе очень идет. И свадебная арка красивая. И вид обалденный.

— Смеешься что ли? Какая прическа? Влажность, и ветер. Там чтоб прическа держалась волосы нужно бетонировать лаком.

— Да... — она сразу не нашлось, что ответить. — А я думала, так задумано...Ну типа в тему съемки: природа, естественность, непосредственность...

— Отлично вышло, да? — не буду же я ей рассказывать, что подол моего платья раздуваясь парусом, делал меня крылатой нимфой, а прилипшие к Витькиным ногам мокрые брюки, принимали неряшливый вид и портили всю малину. Вот фотограф и предложил, закатать их до колена.

— Блин, я тоже так хочу, — тихо восхищается Валя, листая фото. — Красиво...

— А мы так вообще красавчики!

— От скромности ты не умрешь!

— Я вообще собираюсь жить долго и счастливо.

— Нет. Ну надо же... — Валя философски покачала головой. — Кто бы мог подумать, что ты бросишь Свиридова, и выскочишь замуж за Рыжего. А он окажется другом Макса.

— Ну спасибо. Я не выскочила, а вышла. По любви.

— Извини...все думали, что вы... что ты...

— Что я, что? Приспособленка, которая зубами держится за мужика из-за комфорта? — перебила, не давая закончить мысль, переводя взгляд на Виктора. Если бы мне еще год назад сказали, что моя жизнь повернется вот так, я бы рассмеялась собственному отражению в зеркале. А учитывая то, при каких обстоятельствах состоялось наше знакомство, и шансов его продолжить было ноль, перст судьбы в этом все же просматривался.

— Вик, я не могу себе позволить все бросить и сидеть здесь с тобой. Надеюсь, ты это понимаешь, — сидя за завтраком на моей кухне через неделю начала нашего бурного романа, Витя поймал, мою кисть и слегка сжал в своей. Мне и самой чесалось прояснить статус наших отношений, куда плыть дальше. Ну хотя бы в каком направлении. То что мы проводили вместе ночи, и по десять раз на дню созванивались, нисколько не делало нас парой. Любовниками — да. Сумасшедшими, я бы даже сказала. Мы засыпали слипившись, а с утра я просыпалась, от нежных, медленных поцелуев, которые неизменно переходили в жадные, впрыскивающие в кровь желание, и заканчивались глубокими толчками между сжатых на его спине ног.

— А сейчас тем более жопа в мыле. Надо себя хорошо зарекомендовать, чтобы при прочих и равных выбирали нас. Брак выходного дня, однозначно не мой формат. Я хочу, чтоб ты была рядом. Понимаю, что прошу много...Поехали со мной? Что тебя здесь держит: съемная квартира, работа, принципы? Сделаешь...небольшой перерыв, отдохнешь, осмотришься. Если не понравится, тогда уже будем думать по обстоятельствам.

В его изложении все выглядело предельно просто. Мне предлагалось изменить курс, без

четких перспектив. Поступаться интересами всегда должен более слабый, это я усвоила еще со Свиридовым. Или ты принимаешь правила такой игры, или гребешь сам по себе. На что тут обижаться?

— Фике, пожалуйста, давай рискнем, — поднес мою ладонь к губам и обогрел дыханием поцеловал. — Нам там будет хорошо. Я чувствую...

И то каким тоном он это сказал, рассеяло мои сомнения. С Виктором почему-то не пугал чужой город. Отсутствие работы и друзей, тоже почему-то в уныние не вгоняли. То чему так отчаянно противилось мое сознанием с Алексеем, спокойно улеглось с Линцем.

Сказать, что у нас все шло идеально гладко, было бы преувеличением. Не раз и не два мы сталкивались лбами, шипели, говорили друг другу резкости на грани фола.

Но в целом наши мелкие размолвки надолго не затягивались. Виктор умел перевести все в шутку.

А еще у него имелось одно сверхценное качество: способность к диалогу. Оказалось, что через рот можно решить любую проблему, если ее озвучить. И это не так уж и сложно, если знаешь, что собеседник охотно пойдет навстречу. Надо только сказать, и сразу станет легче.

— Ты познакомилась с его дочерью? — Валя протянула Джеське вертящейся в ее ногах, маленький кусочек мяса.

— Да, в скайпе. Она толком не понимает, что происходит. Витя сказал ей, что теперь мы живем с ним, как раньше он с ее мамой.

— И?

— Для нее ничего собственно не изменилось. Мама — рядом, отец- приезжает и балует.

— И как ты его отпускаешь? Не ревнуешь совсем? — кидает на меня любопытный взгляд

— К Эмме? Нет. Я знала, что у Вити есть дочь. И что он ее любит. Просто приняла, что частичка его сердца навсегда отдана ей.

— К Лене... — скармливает Джессе еще кусочек, она у нас еще та попрошайка.

— Нет. Не ревную. Они периодически созваниваются. Он никогда не ныкает. Я слышу, что все их разговоры крутятся вокруг ребенка. В них нет ни претензий, ни сожалений. Все по делу и по-дружески. Ты лучше ей мяч покидай, — киваю на корзину с мячиками. — Пусть набегается перед сном.

— И что совсем-совсем?

— Я, конечно, совру, если скажу, будто мне абсолютно все равно. Не совсем так. Но... он со мной. И этим все сказано. Я ему доверяю. Да и у Лена вывела из тени своего мужчину.

— Даже так?! — Валя принесла мяч и стала кидать его подальше. Джесси со счастливым визгом срывалась и неслась с ним обратно.

— Сколько ж в ней энергии! А как Витька отреагировал? — отбирает у преданно смотрящего ей в глаза щенка изо рта мяч, чтобы снова его подальше зашвырнуть.

— Спокойно. Лена рассудительная женщина, она никогда не сделает выбор в пользу мужика, если это хоть как-то навредит дочери.

— Короче будете дружить семьями, — усмехнулась Валя по-доброму.

— Постарайся. Если Лена отпустит, летом заберем на месяц Эмму к нам, как раз бассейн должны будем поставить.

— И ты не против?

— Я сама предложила, вижу же, что он по ней скучает. Фу! — я турнула Джесси ногой,

когда она стала от переизбытка чувств тащить Валю за штанину.

— Ты стала какая-то другая...

— Просто счастливая.

— Вик, ты не обидишься, если я прилягу? — прикрыв зевком ладошкой, Валя встала, когда я начала собирать тарелки. — Давай помогу.

— Иди. Что тут помогать? Посуду пластиковую я и сама в мусорный мешок выкину.

— Ну давай хоть в холодильник торт захвачу. Никто тебя даже не попробовал, — с улыбкой, и радостью в голосе, накрывает куполом наполеон. — Нам же больше достанется.

Разобрав стол, я помылась и надев свою любимую пижаму начала искать место для подарка Беликовых. Все-таки роскошная лампа. Теплые бежевые стены, освещенные ее мягким светом, создавали ощущение, как будто находишься внутри соляной пещеры, где очень спокойно и уютно.

— Обалдеть, — выдыхает Витя, и закрывает за собой дверь. Провожает взглядом прокатившиеся по потолку капельки света, которые растекаются бледно-желтым свечением по комнате.

— Нравится?

— Нравится. Давай ее в ванной поселим? И будет плескаться как в подземном озере.

— Обалдел? Она стоит, как чугунный мост!

— Это страусиное яйцо?! — поднимает лампу и внимательно рассматривает, мелкие прорези и кристаллы разной формы, которые играют светом и тенью на его лице.

— Итальянское, между прочим, — забираю из его рук и ставлю на место.

— Ну итальянская, так итальянская, — резко переводит тему, обнимая меня. — Потанцуем? — начинает покачиваться со мной под музыку из телека.

— Ты такая красивая... — теплое дыхание согревает мой висок, а исходящий от тела жар плавит кожу. — И так вкусно пахнешь...м-м-м

— А вот ты так себе, — морщит нос. Горьковатый запах табака, чуть разбавленный ароматом кофе, вьется в его бороду. — Ты курил?

— Да. Выкурили с Максом одну сигару.

— Смой с себя запах, пожалуйста. Мне не нравится.

— Все для тебя, родная, — тихо шепчет в ухо. — Я быстро, не засыпай. У меня для тебя подарок!

— Какой? — останавливаю, преграждая путь.

— Как ты там говорила: минуточку терпения?

— Ну Вить...

— Минуточку терпения, Вик...всего минуточку терпения, — подхватывая меня, укладывает на кровать. — Я быстро.

Быстро вылилось в три минуты. Я пялилась в потолок, на стекающие как по кроне баньяна световые блики.

— Ты меня ждешь? — падает рядом на живот в одном полотенце.

— Я жду обещанный подарок.

— Я не могу тебе его отдать!

— Ну Вить! — капризно канючу. — Зачем тогда сказал?!

— Я не могу тебе его отдать, но ты будешь его полноправной хозяйкой. С днем рождения! — протягивает мне конверт.

— Что это? — достаю какой-то договор.

— Твоя кондитерскую.

— Ты с ума сошел?! — закрываю ладонями рот. Невозможный! Он не перестает меня поражать. Хотя о чем это я? Пора бы уже привыкнуть, что я почти все время смотрю на него с открытым от восхищения ртом. Как дура.

— Где?

— Там где мы и присмотрели.

— Откуда деньги? — ахаю, вспоминая сумму.

— Вот давай, ты не будешь, забивать свою прекрасную голову ненужной информацией.

Просто знай, что ты для меня — все...

— Я тебя люблю! — забираюсь на него верхом. — Ты самый лучший!

— Целуй!

Наклоняюсь к его уху и тихо-тихо шепчу

— Только долго я не смогу ей заниматься.

— Осенью, да? — чуть отодвигая меня, заглядывая в глаза. У меня в горле перехватывает.

— Как ты узнал? — замираю от волнения.

Перекачивается вместе со мной, нависая.

— Ну, я ж не совсем идиот, Фике, — хмыкнув, ласково проводит пальцем по щеке. — Умею считать и замечать. У тебя месячных после Доминиканы не было, — склонившись, нежно поцеловал мой живот. — Да и грудь стала больше, — коснулся губами сосков через ткань маечки.

— А еще ты пахнешь чуть иначе, ярче и теплее что ли... — втягивает воздух у моей ключицы. — Горячая, и более скользкая там, и чуть иная на ощупь. Очень чувственная... и отзывчивая... Я с ума по тебе схожу.

— Ну... — выгибаюсь в спине, подставляя под поцелуи грудь и шею, — я хотела убедиться, что это не задержка из-за акклиматизации.

— Убедилась?

— Я беременна, Вить, — зарываюсь в его волосы пальцами. — Пять недель. Сама не понимаю, как так получилось, я же таблетки пила. Скажи, ты рад?

— Очень, — смотрит глаза в глаза и его лицо расплывается в улыбке. — Ты теперь совсем моя.

— Я очень его хочу. А ты? — замираю в ожидании ответа. Переворачивается на спину увлекая за собой.

— Помнишь, я говорил, то хочу, чтоб любимая женщина родила мне ребенка? Ты моя любимая женщина, как я могу его не хотеть? Иди сюда, — притягивает к себе одной рукой обнимает плечи, другой поглаживает попу. — Хочешь, рассмешу? — шепчет на ухо, прихватывая губами мочку. — Ты невероятно сексуальная последнее время. У меня постоянный стояк ...как только тебя вижу

— Вить! — стыдливо утыкаюсь лицом в грудь

— Что поделать? — невозмутимо пожимает плечами. — Если у меня такая сексуальная жена.

— Ты купил помещение, а я нас так подвела...мы же не планировали так сразу.

— Ты дурочка что ли? Занимайся по мере сил... потом придумаем что-нибудь...

— А ты бы кого хотел?

— Главное, чтобы был здоров, — гладит по спине ладонями.

— Значит мальчика? Ну скажи честно! — дергаюсь, пытаюсь подняться, но он удерживает.

— Какой мужчина не рад сыну?!

— А если будет девочка? Расстроишься?

— Шутишь? Кто не хочет еще одну принцессу?

— У тебя же уже есть дочка...

— Вик, прекрати, — ныряет ладонями мне под шорты. — Я буду одинаково рад и дочери и сыну. И даже двум дочерям и двум сыновьям.

— У нас точно один!

— Ну значит повторим ... усмехается, потянувшись к моим губам. — Будем догонять Беликовых и Реплиных.

Больше книг на сайте - Knigoed.net